МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 15 № 1 2019

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 15 № 1 2019

Редакционный совет

Д. Андерсон, PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Т.Ю. Номоконова, PhD, лектор Университета Британской Колумбии – Оканаган (Канада)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнээбаатор, PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Вебер, PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
А.А. Иванов, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Сирина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Х. Като, PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, тел. 8 (3952) 40-51-86, e-mail: ildt@yandex.ru
© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 1 2019

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2019

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 1 2019

Editorial council

D. Anderson, PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, PhD, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
R. Losey, PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
T.Yu. Nomokonova, PhD, University of British Columbia – Okanagan (Canada)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.W. Weber, PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
A.V. Ganin, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.A. Ivanov, Doctor of History, Associate Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Sirina, Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
H. Kato, PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the "Catalog of the Russian Press" – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, tel. 8 (3952) 40-51-86, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2019

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 15 № 1 2019

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ташак В.И. Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия) 9

Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены 20

Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М. Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал) 46

Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье 64

ЭТНОЛОГИЯ

Овчинникова Ю.С. Традиционные и современные формы визуальной репрезентации этнической идентичности в музыкальных инструментах саха 79

Глебова Е.В. Изделия из рыбьей кожи как визуальный маркер этнической культуры коренных народов Нижнего Амура 94

ИСТОРИЯ

Борисов И.А, Козьмин Ф.Е. Изобретение гражданского общества в реформах Солона: полидисциплинарный анализ 113

Плотникова Е.В. Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в. 123

Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 1. Бой у деревни Владыки 133

Палин А.В. Томский чиновник Михаил Николаевич Еремеев: от коллежского секретаря до действительного статского советника 148

Шободоева А.В. Историко-правовой подход к периодизации российского терроризма 157

Сальникова Е.С. По страницам одной книги (Л.Д.Троцкий «Европа в войне 1914–1918 гг.») 167

Ануфриев А.В. 1917 год и Русская императорская армия (на примере Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка) 179

Шпикельман Р.Ю. К истории первого гуманитарного факультета Иркутского государственного университета 190

Иванов В.В. Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы 200

Шекшеев А.П. Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.) 211

Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. «Моя вредительская работа…» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.) 233

Мильбах В.С., Чернухин В.А. Тенденции развития артиллерии Красной армии и способов ее применения накануне и в годы Великой Отечественной войны 246

Чжан Цзя Цзюнь. Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики (к историографии вопроса) 256

Третьяков И.Д., Шафоростов А.И. Исторические перспективы идеи коммунизма 267

РЕЦЕНЗИЯ

Го Сяоли. Сибирские историки-правдоискатели: рецензия на книгу В.Г. Дацышена и В.В. Овчарова «Сережское восстание 1920 года. История в документах» 278

Васильева Н.Ф., Иванов А.А. Золотой запас адмирала: рецензия на книгу «Из истории золотого запаса адмирала Колчака» 283

ПЕРСОНАЛИЯ

Литвинцев А.Ю. Забайкальский медиевист: 70 лет Евгению Викторовичу Ковычеву 286

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 1 2019

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tashak V.I. New research on chronology of Barun-Alan-1 site (the Republic of Buryatia) 9

Inyoshin A.V., Zadonin O.V., Inyoshina T.M., Perzhakov C.N., Tetenkin A.V. Paleolithic component of the geoarcheological site Chaika II in the north of the Upper Lena 20

Tetenkin A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M. New Stone Age site Baltakhanova V (Northern Baikal) 46

Mandryka P.V., Biryuleva K.V., Senotrusova P.O. Comparative characteristics of ceramic vessels with thin-cordons ornament from the of Itomiura site in the Lower Angara region 64

ETHNOLOGY

Ovchinnikova Yu.S. Traditional and modern forms of visual representation of ethnic identity in Sakha musical instruments 79

Glebova E.V. The products of fish skin as visual marker of ethnic culture of the people of the Lower Amur 94

HISTORY

Borisov I.A., Kozmin F.Y. The invention of civil society in Solon's reforms: a multidisciplinary analysis 113

Plotnikova E.V. The bank at the orphan's house of E. Medvednikova: legal aspect and the process of the struggle for indipendence from the Irkutsk city Duma in the first half of XIX – early XX century 123

Karkotko A.Yu. Episodes of the Polish Revolt 1863–1864 on the Vilenschina. Part 1. Fight at the village Vladyki 133

Palin A.V. Mikhail Nikolaevich Eremeev – Tomsk official: from collegiate secretary to the actual state councilor 148

Shobodoeva A.V. Historical and legal approach to the periodization of Russian terrorism 157

Salnikova E.S. Through the pages of one book (L.D. Trotsky "Europe in the War of 1914–1918") 167

Anufriyev A.V. 1917 and the Russian Imperial Army (on the example of the Irkutsk Hussars and 47th Siberian Rifle Regiments) 179

Shpikelman R.Yu. On the history of the first Faculty of Humanities of Irkutsk State University 190

Ivanov V.V. The political mood of the peasants of Angara region in the 1920s 200

Sheksheev A.P. Socio-political mood of the peasantry of the Yenisei (1920-1929) 211

Lisitsina Ya.Y., Lisitsin V.G. "My sabotaging work…" (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s) 233

Milbach V.S., Chernukhin V.A. Tendency of development of artillery of the Red Army and methods of its applications on the eve and in the years of the Great Patriotic War 246

Zhang Jia Jun. Russian-Chinese energy cooperation (on the historiography of the issue) 256

Tretyakov I.D., Shaforostov A.I. Historical perspective of the ideas of Communism 267

REVIEW

Goh Xiaoli. Siberian historians-truth-seekers: book review by V.G. Datsyshen and V.V. Ovcharov "Serezhskoe Uprising of 1920. History in documents" 278

Vasilyeva N.F., Ivanov A.A. Gold reserves of the Admiral: review on the book "From the history of the gold reserves of Admiral Kolchak" 283

PERSONALIA

Litvintsev A.Yu. Transbaikal medievist: 70 years to Evgeny Viktorovich Kovychev 286

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 15 № 1 2019

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 15 no. 1 2019

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Journal of Ancient Technology Laboratory».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal "Journal of Ancient Technology Laboratory" reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 902.652+902.62
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-9-19

Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия)

© В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены результаты датирования литологических слоев многослойного археологического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье, полученные в ходе их исследования. Раскопки этого местонахождения начались в 2004 г. и продолжались до 2015 г., а хронологические исследования начаты в 2005 г. За это время получены серии радиоуглеродных и термолюминесцентных дат, в ряде случаев отражающих определенную последовательность формирования стратиграфических подразделений археологического памятника, а в ряде случаев дающих противоречивые результаты, что особенно актуально для слоя 7. Термолюминесцентное датирование показало значительное расхождение с данными радиоуглеродного датирования для всех стратиграфических подразделений и в данной работе не рассматривается. Радиоуглеродным датированием подтвержден позднеголоценовый возраст верхних литологических слоев (1–5 и поверхность слоя 6), предварительно определяемый на основе анализа археологических материалов. Радиоуглеродные даты, полученные для слоя 7, оставляют ряд вопросов при определении возраста уровней 7а и 7б. Нижний уровень слоя 7 (уровень 7в) датирован в пределах от 24000 до 27000 л. н. Литологические слои 7г и 8 радиоуглеродным методом не датировались.

Ключевые слова: археология, хронология, радиоуглеродное датирование, палеолит, бронзовый век, железный век, археологические культуры, Западное Забайкалье, стратиграфия

Благодарности: Работа выполнена в рамках программы Фундаментальных научных исследований Российской Академии наук «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», грант № 0338-2016-0003.

Информация о статье: Дата поступления 18 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Ташак В.И. Новые исследования по хронологии Барун-Алана-1 (Республика Бурятия). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 9–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-9-19.

New research on chronology of Barun-Alan-1 site (the Republic of Buryatia)

© Vasily I. Tashak

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract: The article considers the results of dating lithological layers of multilayered archaeological site Barun-Alan-1 in Western-Transbaikalia. Excavations of this site started in 2004 and had been conducted until 2015, and chronological research began in 2005. During this time, we have obtained series of radiocarbon and thermoluminescent dates reflecting in some cases clearly stated sequence of forming stratigraphic subdivisions at the archeological site, and in other cases – giving contradicting results, especially for dates from the layer 7. Thermoluminescent dating has showed significant divergence with the data of radiocarbon dating for all stratigraphic layers and its results are not considered at this work. Radiocarbon dates confirm the late Holocene age of upper lithological layers (1-5 and upper part of the 6th layer), which initially has been proposed on the base of archaeological material analysis. Radiocarbon dates for the seventh layer leave a set of questions while defining the age

for 7a and 7b layers. The bottom level of seventh layer (7c) is dated within the range of 24000 – 27000 years ago. Lithological layers 7g and 8 have no radiocarbon dates.

Keywords: archeology, chronology, radiocarbon dating, Palaeolithic, Bronze Age, Iron Age, archeological culture, Western Transbaikal, stratigraphy

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of Program of the Basic Science Research of the Russian Academy of Sciences "Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia", grant No. 0338-2016-0003.

Article info: Received December 18, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Tashak V.I. New research on chronology of Barun-Alan-1 site (the Republic of Buryatia). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 9–19. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-9-19.

Введение

Барун-Алан-1, открытый в 2000 г., расположен в 6 км на северо-запад от села Алан, на выположенной площадке западного склона горы Хэнгэрэктэ, у южного подножия утёса, образованного в скалистой гряде, спускающейся по склону горы. В настоящее время стационарные работы на местонахождении приостановлены. Барун-Алан-1 входит в число крупнейших изучавшихся многослойных местонахождений Забайкалья. Раскопочные работы здесь проводились с 2004 по 2015 гг. Утёс возвышается над площадкой на 12,5 м. Основная часть местонахождения, расположенного под утёсом, возвышается над дном долины речки Алан от 80 до 90 м.

Хронологические исследования на Барун-Алане-1, проводимые с началом раскопочных работ, осуществлялись в двух основных направлениях – радиоуглеродное датирование органических остатков из культурных горизонтов и термолюминесцентное (ТЛ) – датирование грунта. Согласно первой серии датировок, возраст литологического слоя 7, содержащего палеолитические артефакты, определялся в пределах 40000 лет (Ташак, 2009а; 2009б; 2013). Результаты продолжающихся исследований в этом направлении показали ошибочность таких выводов применительно к Барун-Алану-1. В дальнейшем были получены новые даты и естественнонаучные данные, позволившие уточнить хронологические позиции отдельных литостратиграфических уровней многослойного местонахождения. Вместе с тем, ряд вопросов хронологии остается нерешенным, в результате чего сохраняется актуальность исследований в этом направлении.

Цель данной статьи – представить обобщенные данные по датированию литологических слоев, которые должны снять некоторые из вопросов, возникших на начальном этапе хронологических исследований местонахождения Барун-Алан-1.

Стратиграфия и хронология

В ходе раскопочных работ у подножия скалы выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 1):

1. Супесь пылеватая, рыхлая по структуре, серо-золистого цвета с каштановым оттенком. Мощность слоя от 5 до 12 см.

2. Алевриты серовато-белого цвета. Мощность слоя 2 в северной части раскопа, ближе к скале, 20–40 см. В южной части раскопа, ниже по склону, слой 2 постепенно исчезает.

3. Супесь темно-коричневого цвета. В северной части раскопа с линзовидными прослоями алевритов и алевропесков. Мощность слоя до 10 см.

4. Супесь серовато-каштанового цвета, пылеватая, слежавшаяся, плотная, но при физическом воздействии слой легко разрушается. Слой фиксируется в северной части раскопа. Мощность слоя варьирует от 5 до 10 см.

5. Алевриты серовато-белого цвета, структура рыхлая, пылеватая, при физическом воздействии слой легко распадается в пыль. По мере удаления на юг слой 5 становится прерывистым, но фиксиру-

ется на всей раскопанной площади. Мощность до 15 см.

6. Супесь серовато-черного и серовато-каштанового цвета. Супесь слоя 6 является межкаменным заполнением мощного каменного завала в северной части раскопа, состоящего из скальных обломков различного размера – от небольших 5 х 5 см до огромных глыб, вес которых превышает несколько тонн. Супесь слоя 6 по структуре неоднородная: местами очень рыхлая, сыпучая, а местами плотная слежавшаяся. На значительных участках как в горизонтальном, так и в вертикальном простирании слой 6 повреждён норными ходами грызунов. Нижняя граница слоя неровная с западинами, образованными, в первую очередь, ходами нор грызунов. В северной части раскопа мощность слоя 6 достигает 100–120 см, в южной части, где каменный завал исчезает, мощность слоя сокращается до 60–40 см.

На некоторых участках, в кровле слоя 6 (южная часть раскопа) было выделено несколько крупных линз супеси светло-каштанового и коричневатого цвета, по составу пылеватой с небольшим содержанием дресвы. Эти линзы не везде прослеживаются визуально, но, судя по данным распределения археологических материалов, именно здесь формировались культурные горизонты развитого бронзового и раннего железного веков.

7. Суглинки палево-желтого цвета, пылеватые, с различным содержанием по слою разнозернистого песка и дресвы. Мощность слоя 7, включающего в себя уровни 7а, б, в, составляет от 60 до 110 см.

7г – слой 7г – представляет собой самостоятельное литологическое подразделение, отличное по структуре от слоя 7. Суглинки с большим содержанием крупнозернистого песка и дресвы. Содержание щебня умеренное. Слой очень плотный. Цвет слоя красновато-желтый из-за большого содержания продуктов разрушения сиенитовой скалы. При высыхании приобретает желтовато-белёсый цвет. В слое большое количество крупных обломков скал, многие из которых отличаются от обломков верхних слоев тем, что у них затерты грани и ребра. В слое наблюдается невыраженная

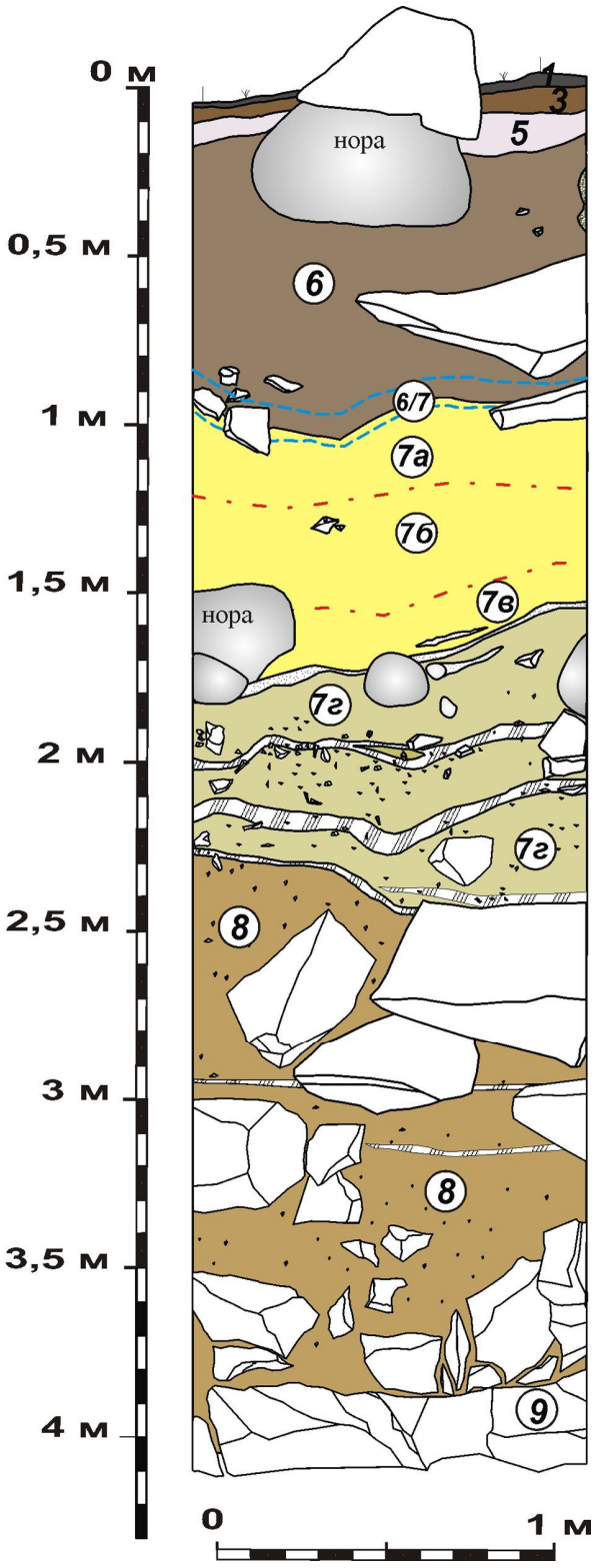

Рис. 1. Барун-Алан-1. Стратиграфическая колонка из южной части раскопа. В южной части раскопа слои 2 и 4 не фиксируются. Описание слоев дано в тексте
Fig. 1. Barun-Alan-1. Stratigraphical column from south part of excavation. Layers 2 and 4 are not represented in the south part of excavation. Description of the layers is given in the text

слоистость, проявляющаяся в горизонтальной линейной отсортированности дресвы и мелкого щебня. Общая мощность слоя 7г – 50–80 см.

8. Литологический слой 8 представляет собой толщу суглинков красновато-серого цвета с большим количеством щебня и скальных обломков, в том числе очень крупных, вес которых составляет несколько тонн. Подошва слоя покоится на дезинтегрированном скальном основании с отдельными скальными «останцами» и глубокими западинами между ними. Мощность слоя 8 130–180 см.

9. Слой представлен зоной дезинтеграции скального основания.

Основную часть археологических находок местонахождения Барун-Алан-1 составили палеолитические артефакты, залегающие в литологических слоях 7, 7г и 8, а также в средней и нижней части слоя 6. В результате деятельности людей в бронзовом и железном веках, а также при рытье нор землеройными животными, палеолитические артефакты попали в верхние слои и на современную поверхность. Визуально в разрезе местонахождения выделяется четыре группы литологических слоев: верхняя пачка – слои от первого до пятого; вторая сверху – толща слоя 6; третья – толща слоя 7; четвертая – слои 7г и 8. Такая группировка четко прослеживается в северной части раскопа. Далее на юг мощность слоев 2–6 сильно сокращается, слои 4 и 2 постепенно исчезают. Археологические материалы также распределяются по различным стратиграфическим уровням. Основной уровень залегания артефактов железного и бронзового веков представлен от слоя 2 до верхней части слоя 6. В средней части слоя 6 преобладают артефакты каменного века, но они немногочисленны относительно количества находок в нижнем уровне этого слоя. В нижнем уровне слоя 6 количество каменных артефактов увеличивается. Максимального числа каменные артефакты слоя 6 достигают в его подошве и в контактной зоне слоев 6 и 7. Учитывая, что большинство артефактов из подошвы слоя 6 залегает компактно по всей площади раскопа, было предположено, что здесь имел место уровень обитания. Такое мнение подтверждается анализом пространственного и высотного распределения некоторых типов артефактов, рассматриваемых как ведущие, например, бифасов (Ташак, 2010). Почти все бифасы-орудия обнаружены в подошве слоя 6 и в контактной зоне слоев 6 и 7, в слое 7 (уровень 7а), подобные предметы фиксируются только в норах. В толще слоя 7 (уровни 7а и 7б) анализ пространственного распределения артефактов не выявляет четко выраженных уровней залегания на всей площади раскопа. Значительно возрастает количество артефактов в подошве литологического слоя 7 (уровень 7в), но значительно сокращается количество остеологического материала.

Максимально большое количество каменных артефактов зафиксировано в слое 7г. В этом слое норы землеройных животных единичны и, как правило, норы достигают только кровли слоя. Находки костей животных в этом слое единичны. Они представлены мелкими обломками с затертыми краями. Несколько больше остеологических остатков встречается в контактной зоне слоев 7 и 7г, по всей вероятности, этот остеологический материал связан с подошвой слоя 7 (уровень 7в). Таким образом, в слое 7г остеологический материал, необходимый для радиоуглеродного датирования, представлен единичными обломками, небольшими по весу и размерам. В слое 8 количество археологических материалов сокращается относительно слоя 7г, остеологический материал, в виде единичных обломков, фиксируется только в его верхней части.

Анализ распределения находок и структурных элементов на поверхности 6-го слоя показал, что именно здесь располагался горизонт обитания, который можно датировать поздним бронзовым и ранним железным веками. Об этом свидетельствует погребённая каменная кладка в виде небольшого курганчика, подошва которого связана с поверхностью 6-го слоя, фрагменты керамических сосудов, а также нижняя часть плоскодонного сосуда, вероятно, баночного типа, размещённого между двух небольших плоских скальных обломков. Кроме этого здесь выявлено кострище.

Наиболее близко время функционирования поверхности обитания в конце бронзового века

маркирует дата (табл. 1), полученная по пяточной кости человека из разрушенного погребения – 2650±120 л. н. (ЛУ-8539). Остатки сопровождающего материала – каменные наконечники стрел, фрагменты костяной обкладки лука, а также разрозненные и единичные фрагменты человеческого скелета, сосредоточенные в средней части слоя у подножия скалы, позволяют считать, что погребение осуществлялось с верхнего уровня слоя 6. Возраст разрушенного погребения совпадает с традиционной датировкой наскальных рисунков селенгинского типа, нарисованных красной охрой на скалах утеса, в рамках бронзового века или раннего железного века (Окладников, Запорожская, 1970. С. 64–89). Дата по кости из кровли 6-го слоя 1920±60 л. н. (ТКа-14887) указывает на наиболее позднее время обитания на поверхности слоя, после чего поверхность слоя переходит в погребенное состояние. Согласно дате, полученной по образцу почвы из контактной зоны слоев 6 и 5 1210±39 л. н. (Poz-32229) (Andreeva et al…, 2011), на участке под скалой слой 6 окончательно переходит в погребенное состояние.

Дата 680±40 (ЛУ-8541) получена по образцу древесины из основания деревянного столба, вкопанного в поверхность слоя 6, после того как этот слой перешел в погребенное состояние. Столб был установлен в узкую ямку, выкопанную в слое 6, а заполнение ямки по периметру столба представляет собой смесь грунта из верхних слоев. Впоследствии верхняя часть столба была сломана, сохранилось только его основание, внедренное в слой 6.

Приведенная в таблице дата для литологического слоя 5: 17430±440 л. н. (ЛУ-8542), показывает возраст кости, послужившей материалом для датирования, но не возраст слоя. Кость оказалась перемещенной в подошву слоя 5 по норе из слоя 7, при этом визуально анализируемый образец не отличался от немногочисленного костного материала верхних слоев.

В средней части слоя 6 содержится различный археологический материал: преобладают каменные артефакты, среди которых большинство отходов первичного расщепления, а также сколов-заготовок морфологически и по сырьевому составу сходных с материалами из нижнего уровня слоя 6 и слоя 7. Кроме этого, здесь встречаются единичные фрагменты керамических сосудов разного времени (железный и бронзовый века). В этом уровне сосредоточено большинство костей человека (всего их единицы) и артефактов из разрушенного погребения, датированного бронзовым веком (следует помнить, что погребение заложено с верхнего уровня слоя 6). В целом, разнородный состав археологических материалов не позволяет дать археологическую оценку возраста средней части слоя 6. Радиоуглеродная дата из этого уровня 4300±35 л. н. (Poz-32174), полученная по почве (Andreeva et al…, 2011), весьма приблизительно оценивает его возраст. Результаты спорово-пыльцевых анализов показывают, что именно с этого уровня начинается устойчивый рост количественных показателей пыльцы сосны (Ташак, Решетова, Антонова, 2017). Согласно новейшим исследованиям, резкий рост количества пыльцы сосны обыкновенной приходится на начало голоцена и голоценового оптимума, что зафиксировано на ряде разрезов Забайкалья (Tarasov et al…, 2007; Bezrukova E. et al…, 2010; Решетова, Безрукова, 2016).

На вероятное время формирования современной дневной поверхности может указывать дата 310±30 л. н. (ТКа-14811), полученная по кусочку древесного угля из литологического слоя 3. В калиброванных значениях дата указывает на конец XVII в. При этом следует обратить внимание на то, что при отборе всех образцов древесного угля на датирование (серия ТКа) из Барун-Алана-1 выбирались случайные кусочки углей в зоне норных ходов. Таким образом, даты по древесному углю, в этом случае не имеют четкой привязки к слоям, кроме случайной высотной позиции. Тем не менее указанные в таблице даты, отражают определенную последовательность формирования верхней части рыхлых отложений Барун-Алана-1 и соответствуют основным этапам развития человеческой культуры, отраженным в археологических материалах, начиная с финала бронзового века.

Нижний уровень слоя 6 и зона контакта слоёв 6 и 7, содержат большое количество каменных артефактов, среди которых значительно содержание

Таблица

Радиоуглеродное датирование местонахождения Барун-Алан-1

Table

Radiocarbon data of the site Barun-Alan-1

Подразделения	Датировка радиоуглеродная (л.н.)	Номера лабораторий	Календарный возраст*	Анализируемый образец
Литологический слой 5	17430±440	ЛУ-8542	22235 – 20057 л.н. (95,4%)	кость
Контакт слоев 5 и 6	1210 ± 39 л.н.	Poz-32229*	687 – 940 гг. н.э. (95,4%)	почва
Литологический слой 6, кровля	680±40	ЛУ-8541	1263 – 1394 гг. н.э. (95,4%)	древесина (основание столба)
Литологический слой 6, поверхность	1920±60	ТКа-14887	1993 – 1717 л.н. (95,4%)	кость
Литологический слой 6, разрушенное погребение	2650±120	ЛУ-8539	3030 – 2363 л.н. (95,4%)	пяточная кость (человек)
Литологический слой 6, средняя часть	4300±35	Poz-32174*	4961 – 4829 л.н. (95,4%)	почва
Контакт слоев 6 и 7	13710±50	ТКа-17118	16805 – 16315 л.н. (95.4%)	зуб
Контакт слоев 6 и 7	15100±60	ТКа-17119	18546 – 18138 л.н. (95.4%)	кость
Контакт слоев 6 и 7	18334±721	NSKA-(s402)	24005 – 20505 л.н. (95.4%)	кость
Литологический слой 7, уровень 7а	≥14200	ЛУ-7846	–	уголь
Литологический слой 7, уровень 7а, в норе	15540±60	ТКа-17115	18925 – 18655 л.н. (95.4%)	обломок рога дзерена
Литологический слой 7, уровень 7а	>39800	(СОАН-6429)	–	кость
Литологический слой 7, уровень 7а	> 41000	(СОАН – 6604)	–	кость
Литологический слой 7, уровень 7б, в норе	18680±90	ТКа-17116	22798 – 22361 л.н. (95.4%)	обломок рога дзерена
Литологический слой 7, уровень 7б, контакт с уровнем 7в	18580±340	ЛУ-8540	23331 – 21691 л.н. (95.4%)	кость
Литологический слой 7, уровень 7б	21350±120	ТКа-17117	25924 – 25407 л.н. (95.4%)	кость
Литологический слой 7, уровень 7б	22920±140	ТКа-17114	27554 – 26951 л.н. (95.4%)	кость
Литологический слой 7, уровень 7в	≥18360	ЛУ-8547	–	кость
Литологический слой 7, уровень 7б, контакт с уровнем 7в	26340±1250	ЛУ-7836	33580 – 28210 л.н. (95.4%)	позвонок носорога
Литологический слой 7, уровень 7в	26911±975	NSKA-(s571)	33478 – 29184 л.н. (95.4%)	кость
Литологический слой 7, уровень 7в	24096±889	NSKA-(s572)	30500 – 26755 л.н. (95.4%)	кость

*Калибровка осуществлена с использованием программы OxCal 4.3 (Bronk Ramsey, 2009)

**(Andreeva et al…, 2011)

отходов первичного расщепления и производства орудий. Среди технологически значимых сколов преобладают крупные удлиненные отщепы, а также массивные короткие отщепы. В орудийном наборе выражено присутствие скребел различных типов на отщепах, массивных концевых скребков на отщепах и бифасах, что дало основание выделять здесь самостоятельную археологическую культуру (Ташак, 2010). На сегодняшний день датирование этого уровня сосредоточения каменных артефактов Барун-Алана-1 наиболее проблематично. В некалиброванных данных возраст подошвы слоя 6 и контактной зоны слоев 6 и 7 датируется от 13000 до 18000 л. н. При этом, для уровня 7а получены даты от > 41000 до >14200 л. н. Согласно этим данным подтверждается мнение о том, что весь слой 7 формировался в условиях периодического разрушения в эпоху сартанского похолодания отложений, относящихся к финалу каргинского интерстадиала.

Хронологические рамки уровня 7б слоя 7, исходя из всего комплекса данных, полученных различными методами радиоуглеродного датирования, определяются в пределах от 18000 до 26000 некалиброванных л. н. – эти показатели устойчивые. Вместе с тем даты из серии NSKA, полученные в рамках экспериментального датирования уровня 7в (см. табл.), сформированного как культурный горизонт на поверхности слоя 7г, после перехода слоя 7г в погребенное состояние совпадает или немногим отличается от датирования нижней хронологической позиции, определяемой для уровня 7б. Следует заметить, что уровень 7в характеризуется значительным содержанием остатков гумуса, маркирующих уровень погребенной плейстоценовой почвы, которые внешне мало отличаются или не отличаются в ряде мест от заполнения погребенных норных ходов. Этот факт указывает на возможность проникновения обломков костей из верхних уровней слоя 7 в его нижний уровень – 7в, происхождение некоторых из них установить сложно.

Калиброванные даты для уровня 7в, выделяемая мощность которого на большей части раскопа достигает 20 см, создают компактную группу и по крайним значениям варьируют в пределах 27000–33000 л. н. (рис. 2). Для уровня 7б, мощность которого от 20 до 40 см, калиброванные даты не создают четко выделяющейся группы (рис. 3). Здесь можно выделить одну группу из двух дат, сосредоточенных в районе 23000 л. н. Ещё две даты указывают возраст около 25000 и 27000 лет, причем последняя дата ближе к группе датировок, характерной для нижней части слоя 7. Доверительный интервал еще одной даты, размещающийся между 18000 и 19000 л. н., отстоит особняком и более близок датировкам верхней части слоя 7. Исходя из этого, можно предполагать, что накопление рыхлых отложений уровня 7б происходило во временном интервале 24–20 тыс. кал. л. н. или 22–18 тыс. л. н. радиоуглеродных. Разброс дат в слое 7 объясняется не только повреждениями слоя обвалами скал и норами землеройных животных, но и периодичностью обитания здесь людей.

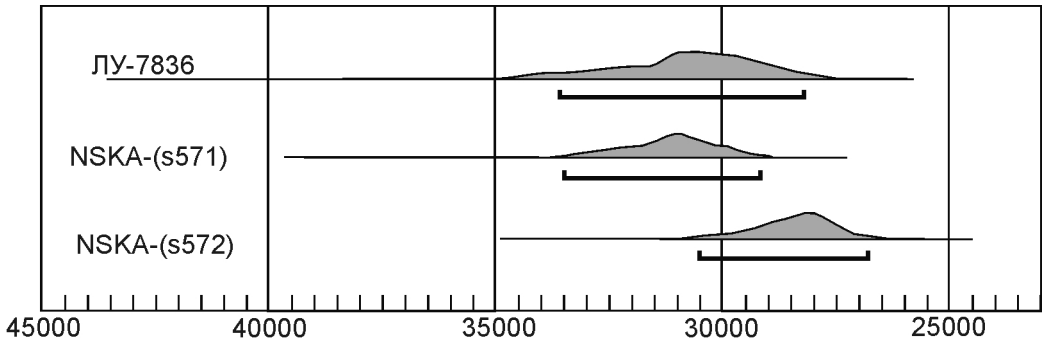

Рис. 2. Барун-Алан-1. Датирование нижнего уровня (7в) слоя 7 (календарный возраст). Калибровка осуществлена с использованием программы OxCal 4.3

Fig. 2. Barun-Alan-1. Dating of the bottom part of layer 7 (level 7c) (calendar age). Calibration was made with using the program OxCal 4.3

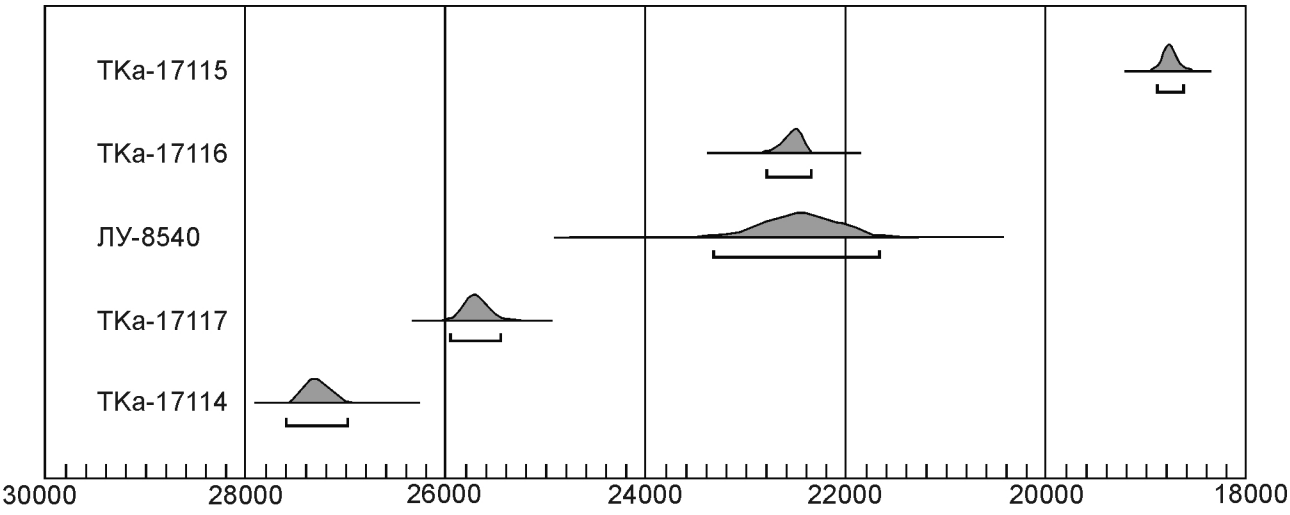

Рис. 3. Барун-Алан-1. Датирование уровня 7б слоя 7 (календарный возраст). Калибровка осуществлена с использованием программы OxCal 4.3

Fig. 3. Barun-Alan-1. Dating of the level 7b of layer 7 (calendar age). Calibration was made with using the program OxCal 4.3

Уровни обитания в виде тонких линз визуально выделяются в толще слоя благодаря содержанию в них остатков углей и гумуса. При этом уровни обитания слоя 7 сохранились фрагментарно и фиксируются небольшими пятнами, включенными в условно выделенные стратиграфические уровни. Наиболее четко выделяется уровень обитания в подошве слоя 7, обозначенный как стратиграфический уровень 7в.

Радиоуглеродный возраст нижней части слоя 7 совпадает с поздними датировками, полученными для Толбаги – крупного местонахождение раннего верхнего палеолита на западе Забайкальского края (Buvit et al…, 2016). Исходя из этого, археологические материалы в нижней части слоя 7 Барун-Алана-1 следует рассматривать как синхронные завершающему этапу развития раннего верхнего палеолита, представленного на Толбаге – синхронные, но имеющие ряд отличий в плане развития каменной индустрии.

Слой 7г содержит небольшое количество костей животных, представленных в виде мелких обломков. Несколько больше остатков костей встречается в кровле слоя, что может быть обусловлено их «проникновением» сюда из подошвы слоя 7 (уровень 7в), в то время когда этот уровень был обитаемым по разным причинам: небольшие промоины на поверхности слоя 7г, человеческая деятельность и пр. Исходя из данных литостратиграфии и спорово-пыльцевого анализа, слой 7г имеет значительные отличия от вышележащего слоя 7 по структуре и формировался в иной климатической обстановке (Ташак, Решетова, Антонова, 2017). С учетом имеющихся дат для уровней 7б и 7в слоя 7, возраст которых не менее 26000 лет (некалиброванный), следует считать, что слой 7г сформировался на позднем этапе каргинского интерстадиала, но не позднее 30 тыс. л. н.

На основе морфологического и технико-типологического анализов каменной индустрии слоя 7г установлено значительное присутствие леваллуазской техники в первичном расщеплении. Яркие аналогии леваллуазской составляющей каменной индустрии слоя 7г прослеживаются в таких палеолитических местонахождениях Монголии как палеолитический слой в пещере Чихэн, датируемый переходом от среднего палеолита к верхнему (Деревянко и др., 2001. С. 33); Орхон-1 (Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010); Орок-Нор-1, Орок-Нор-2 (Деревянко и др., 2000). Завершающая стадия леваллуазской традиции для местонахождений Орок-Нор-1, Орок-Нор-2, Орхон-1, датируется в интервале 62,5 до 43,2 тыс. л. н. (Деревянко и др., 2000. С. 220). Учитывая выраженные аналогии археологических материалов этих местонахождений с материалами слоя 7г Барун-Алана-1, можно предпо-

лагать, что данный литологический слой формировался именно в это время.

На сегодняшний день ведется работа по датированию слоев 7г и 8 радиоуглеродным методом.

Заключение

Дополнительные данные по хронологии Барун-Алана-1, накопленные в течение последних 10 лет, внесли существенные изменения в представления о возрасте некоторых литостратиграфических подразделений данного местонахождения. В первую очередь, эти изменения коснулись возраста слоя 7 и зоны контакта слоев 6 и 7. Возраст поверхности слоя 6, определяемого ранее на основании археологических материалов как уровень позднего бронзового века – начала железного века, был подтвержден радиоуглеродным датированием. Датирование среднего уровня литологического слоя 6 остается проблематичным, поскольку преобладающая часть археологических материалов из него представлена каменными артефактами, характерными для верхнего палеолита, датирование почвы этого уровня указывает на возраст около 4500 л. н., а результаты спорово-пыльцевого анализа позволяют реконструировать природную обстановку, характерную для голоценового оптимума на данной территории. Ранее средний уровень слоя 6 датировался термолюминесцентным методом в пределах 22500±3000 л. н. (Ташак, 2013), что значительно отличается от датирования почвы из этого уровня. Работа по выявлению уровня стабильных изотопов из почв слоя 6 привела исследователей к выводу о том, что даты, полученные по образцам почв, могут быть омоложены (Andreeva et al…, 2013), но результаты датирований нижнего уровня слоя 6 и уровня 7а слоя 7 не позволяют рассматривать термолюминесцентную дату как достоверную. Впрочем, термолюминесцентные даты, полученные для слоя 7 Барун-Алана-1, также значительно отличаются от радиоуглеродного датирования (Ташак, 2013), в связи с чем, на современном этапе изучения хронологии этого местонахождения их следует рассматривать как недостоверные. Таким же проблематичным остается определение возраста для подошвы слоя 6 и уровня контакта слоев 6 и 7, датировки этой зоны укладываются в рамки от 13000 до 18000 некалиброванных лет назад. Учитывая, что даты около 18000 л. н. более характерны для средней части слоя 7, следует считать, что аналитические образцы с таким возрастом происходят отсюда.

Датирование нижней части слоя 7, от подошвы уровня 7б до подошвы уровня 7в, предстает наиболее обоснованным, поскольку некалиброванные датировки этого уровня укладываются в рамки от 24000 до 27000 л. н.

Новые результаты датирования, в целом, позволили уточнить датирование верхних литологических слоев и обозначили нижнюю границу формирования литологического слоя 7. Литологический слой 7г, расположенный ниже слоя 7, хронологически отнесен ко второй половине каргинского интерстадиала. Если верхняя хронологическая граница для этого литологического слоя может быть определена как не моложе 27000 радиоуглеродных л. н., то вопрос о нижней хронологической границе остается открытым. Таким же открытым остается вопрос и о возрасте слоя 8.

Библиографический список

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 263 с.

Деревянко А.П. Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 440 с.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной инду-

References

Okladnikov, A.P., Zaporozhskaya V.D. *Petroglify Zabaykal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka Publ., 1970, vol. 2. 263 p.

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Tsevendorzh D., Devyatkin E.V., Larichev V.E., Vasil'evskii R.S., Zenin A.N., Gladyshev S.A. *Kamennyi vek Mongolii: paleolit i neolit severnogo poberezh'ya Doliny Ozer* [Paleolithic and Neolithic of Northern Coast of Lake Valleys]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 2000, 440 p.

Derevyanko A.P., Gladyshev S.A., Olsen D., Petrin V.T., Tserendagva Ya. Characteristics of stone industry from

стрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 25–39.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 384 с.

Решетова С.А., Безрукова Е.В. Динамика растительности и климата Забайкалья в позднеледниковье и голоцене: региональные корреляции // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 70–76.

Ташак В.И. Барун-Алан 1: хронология и особенности формирования верхнего палеолита // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск : Амтера 2009. С. 316–321.

Ташак В.И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3: Археология и этнография. С. 53–62.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. Вып. 8. Востоковедение. С. 234–241.

Ташак В.И. К вопросу о хронологии палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. Вып. 2. С. 193–200.

Ташак В.И., Решетова С. А., Антонова Ю. Е. Реконструкция среды обитания человека в бассейне р. Уды в позднем плейстоцене – голоцене по материалам археологического местонахождения Барун-Алан-1 (Западное Забайкалье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 3–25.

Andreeva D.B., Leiber K., Glaser B., Hambach U., Erbajeva M., Chimitdorgieva G.D., Tashak V., Zech W. Genesis and properties of black soils in Buryatia, southeastern Siberia, Russia // Quaternary International. – 2011. – Vol. 243, Issue 2. pp. 313–326.

Andreeva D.B., Zech M., Glaser B., Hambach U., Erbajeva M., Chimitdorgieva G.D., Ermakova O.D., Zech W. Stable isotope (δ13C, δ15N, δ18O) record of soils in Buryatia, southern Siberia: Implications for biogeochemical and paleoclimatic interhretations // Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291 pp. 82–94.

Chikhen Cave (Gobi Altai). *Arkheologiya, ethnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2001, no. 1 (5), pp. 25–39. (In Russ.).

Derevianko A., Kandyba A., Petrin V. *Paleolit Orkhona* [Palaeolithic of the Orkhon River Basin]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ., 2010. 384 p.

Reshetova S.A., Bezrukova E.V. Dynamics of the vegetation and climate of Transbaikalia in the Late Glacial period and Holocene: regional correlations. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]. Irkutsk, 2016, iss. 5, pp. 70–76. (In Russ.).

Tashak V.I. Barun-Alan-1: chronology and peculiarities of Upper Paleolithic formation. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.* [Institu-tional science archeology and ethnology of Northern Asia. Irkutsk school 1918–1937]. Irkutsk: Amtera Publ., 2009, pp. 316–321. (In Russ.).

Tashak V.I. Stratigraphy and chronology of Khengerekte Mountain's Paleolithic sites (Western Transbaikalia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya* [The Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History and Philology], 2009, vol. 8, iss. 3. Series Archaeology and Ethnography, pp. 53–62. (In Russ.).

Tashak V.I. To the grounds of new archeological culture in Upper Paleolithic of Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Buryat State University], 2010, iss. 8. Oriental studies, pp. 234–241. (In Russ.).

Tashak V.I. Chronology of Paleolithic site Barun-Alan-1 in Western Transbaikalia. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury* [Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture], 2013, iss. 2, pp. 193–200. (In Russ.).

Tashak V.I., Reshetova S.A., Antonova Yu.E. Reconstruction of the Human Environment in the Basin of the River Udy in the Late Pleistocene – Holocene on the Materials of the Archaeological Site of Barun-Alan-1 (Western Transbaikalia). Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser. Geoarheologiya. Ethnologiya. Antropologiya [Proceedings of the Irkutsk State University. Ser. Geoarheology. Ethnology. Anthropology], 2017, vol. 20, pp. 3–25. (In Russ.).

Andreeva D.B., Leiber K., Glaser B., Hambach U., Erbajeva M., Chimitdorgieva G.D., Tashak V., Zech W. Genesis and properties of black soils in Buryatia, southeastern Siberia, Russia // Quaternary International. – 2011. – Vol. 243, Issue 2. pp. 313–326.

Andreeva D.B., Zech M., Glaser B., Hambach U., Erbajeva M., Chimitdorgieva G.D., Ermakova O.D., Zech W. Stable isotope (δ13C, δ15N, δ18O) record of soils in Buryatia, southern Siberia: Implications for biogeochemical and paleoclimatic interhretations // Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291 pp. 82–94.

Bezrukova E., Tarasov P., Solovieva N., Krivonogov S., Riedel F. Last glacial-interglacial vegetation and environmental dynamics in Southern Siberia: Chronology, forcing and feedbacks // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2010. – Vol. 296 (1–2). pp. 185–198.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 2009, 51(1), pp. 337–360.

Buvit I., Izuho Masami, Karisa T., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula. Quaternary International. 2016, Vol. 425, pp. 100–119. doi:10.1016/j.quaint. 2016.02.050

Tarasov P., Bezrukova E., Karabanov E., Nakagawa T., Wagner M., Kulagina N., Letunova P., Abzaeva A., Granoszewski W., Riedel F. Vegetation and climate dynamics during the Holocene and Eemian interglacials derived from Lake Baikal pollen records // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 252. pp. 440–457.

Сведения об авторе

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация,
e-mail: tvi1960@mail.ru

Критерии авторства

Ташак В.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Bezrukova E., Tarasov P., Solovieva N., Krivonogov S., Riedel F. Last glacial-interglacial vegetation and environmental dynamics in Southern Siberia: Chronology, forcing and feedbacks // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2010. – Vol. 296 (1–2). pp. 185–198.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 2009, 51(1), pp. 337–360.

Buvit I., Izuho Masami, Karisa T., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V. Radiocarbon dates, microblades and Late Pleistocene human migrations in the Transbaikal, Russia and the Paleo-Sakhalin-Hokkaido-Kuril Peninsula. Quaternary International. 2016, Vol. 425, pp. 100–119. doi:10.1016/j.quaint.2016.02.050

Tarasov P., Bezrukova E., Karabanov E., Nakagawa T., Wagner M., Kulagina N., Letunova P., Abzaeva A., Granoszewski W., Riedel F. Vegetation and climate dynamics during the Holocene and Eemian interglacials derived from Lake Baikal pollen records // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2007. – Vol. 252. pp. 440–457.

Information about the authors

Vasily I. Tashak,
Cand. Sci. (History), Docent, Leading Researcher, Department of history and culture of Central Asia,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russian Federation,
e-mail: tvi1960@mail.ru

Attribution criteria

Tashak V.I. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.01(571.53)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-20-45

Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены

© А.В. Инёшин[a], О.В. Задонин[b], Т.М. Инёшина[a], С.Н. Пержаков[c], А.В. Тетенькин[d]

[a] Средняя общеобразовательная школа № 8, г. Усть-Кут, Российская Федерация
[b] Центр по сохранению историко-культурного наследия, г. Иркутск, Российская Федерация
[c] ООО «Раритет», г. Иркутск, Российская Федерация
[d] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В 1990 г. А.В. Инёшиным и школьниками г. Усть-Кута было открыто местонахождение Чайка II, расположенное в Усть-Кутском районе Иркутской области, в долине р. Лены, на террасовидном уступе высотой 12–14 м. После первых лет археологических раскопок последовал продолжительный период сборов подъемного материала, мониторинга и камеральных исследований. Позднепалеолитическому комплексу нижнего культурного горизонта Чайки II и посвящена данная статья. В научный оборот вводится обширный объем аппликационных сборок, позволяющих реконструировать техники расщепления камня. С опорой на данные ремонтажа, описаны приемы инициации продольного и поперечного расщепления гальки, конического призматического расщепления, подготовки клиновидного-терминального нуклеуса и ряд других приемов. На основе полученных материалов предлагается эскизный вариант места комплекса в схеме развития палеолита севера Верхней Лены. Новацией по отношению к опорным памятникам позднего палеолита севера Верхней Лены (Алексеевску I и Балышово III) являются терминально-клиновидные и призматические микропластичнатые нуклеусы нижнего комплекса Чайки II. Среди орудий описаны концевой скребок и долотовидные изделия. Материал приурочен к плитке-наковальне. Комплекс интерпретирован как рабочая площадка типа мастерской, на которой производилось расщепление галек и нуклеусов. Радиоуглеродный возраст – около 14,7 тыс. л. н.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, север Верхней Лены, плейстоцен, поздний палеолит, геоархеологическое местонахождение, аппликативный метод, Чайка II, техника расщепления камня, реконструкция

Благодарности: Авторы выражают благодарность М.Л. Бородиной (Центр развития дополнительного образования детей Иркутской области) и А.М. Клементьеву (Институт земной коры СО РАН), оказавшим содействие при подготовке материалов о стоянке Чайка II к публикации. Работа выполнена при частичной поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-59-22003\18).

Информация о статье: Дата поступления 5 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 1 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 20–45. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-20-45.

Paleolithic component of the geoarcheological site Chaika II in the north of the Upper Lena

© Aleksandr V. Inyoshin[a], Oleg V. Zadonin[b], Tatiana M. Inyoshina[a], Sergey N. Perzhakov[c], Aleksey V. Tetenkin[d]

[a] School No. 8 in Ust-Kut, Ust-Kut, Russian Federation
[b] Center for the Preservation of the Cultural Heritage, Irkutsk, Russian Federation

[c] ООО "Raritet", Irkutsk, Russian Federation
[d] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In 1990, A.V. Inyoshin and schoolchildren of the city Ust-Kut discovered the geoarchaeological site Chaika II, located in the Ust-Kutsky district of the Irkutsk region, in the valley of the River Lena, on a 12–14 m terrace-like ledge. After the first years of archaeological excavations, a long period of gathering of open-air lithic artifacts, monitoring, and cameral research followed. Late Paleolithic complex of the lower cultural horizon of Chaika II is devoted to this article. A vast volume of refitted blocks of artifacts is being put into scientific circulation, which allows reconstructing the techniques of stone splitting. Based on these refitting data, techniques for initiating longitudinal and lateral splitting of pebbles, conical-prismatic core splitting, preparation of a wedge-shaped cores, and a number of other methods are described. Based on the obtained data, a sketch version of the position of the lower component of Chaika II in the scheme of the development of the Paleolithic of the north of Upper Lena is proposed. Novelty to the main Upper Paleolithic sites of the North of the Upper Lena Alekseevsk I and Balyshovo III are terminal-wedge-shaped and prismatic microblade cores of the lower complex of the Chaika II. Among the tools, an end scraper and chisel-shaped implements are described. The material is confined to the tile slab-anvil. The complex is interpreted as a working area, on which the splitting of the pebbles and a cores was made. It's radiocarbon age is 14,7 Kyr BP.

Keywords: Baikal Siberia, the north of Upper Lena, Pleistocene, Late Paleolithic, geoarcheological site, refitting method, Chaika II, method of stone production, reconstruction

Acknowledgements: The authors are grateful to M.L. Borodina (Center for the Development of Additional Education of Children of the Irkutsk Region) and A.M. Klementyev (Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), who assisted in the preparation of materials about the Chaika II site for publication. This work was carried out with the partial support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-59-22003\18).

Article info: Received September 5, 2018; accepted for publication October 1, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Inyoshin A.V., Zadonin O.V., Inyoshina T.M., Perzhakov C.N., Tetenkin A.V. Paleolithic component of the geoarcheological site Chaika II in the north of the Upper Lena. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 20–45. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-20-45.

История изучения местонахождения Чайка II

Местонахождение Чайка II было открыто в 1990 г. А.В. Инёшиным, руководителем Археологического клуба Усть-Кутского дома пионеров. Первый подъемный материал был найден в береговом обнажении по правому берегу реки Лены, в 3-х км ниже впадения р. Куты, возле пионерского лагеря «Чайка». С западной стороны лагеря, в край террасы была заложена врезка площадью 8 м^2 (рис. 1, 2). На глубине 2,70 м зафиксированы культурные остатки палеолитического периода (Инёшин, Тирских, Карнаухова, 1991). Данный памятник примыкает к обрыву, который постоянно осыпается, поэтому к моменту открытия он уже был частично разрушен: часть археологического материала ушла в обрыв и была утеряна.

В 1992 г. сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) г. Иркутска О.В. Задонин, М.П. Аксенов, С.Н. Пержаков, М.Ю. Семин, В.В. Краснощеков проводили дополнительные исследования по установлению границ памятника Чайка II. Было вскрыто еще 16 м^2, общая площадь раскопа составила 24 м^2. Кроме этого, были заложены 4 шурфа (2 × 1 м) на расстоянии 50–200 м вглубь от берегового обнажения на прилегающей придолинной поверхности. Тогда было выявлено залегание культурных остатков в эрозионной части берегового обнажения и отсутствие их в шурфах на площади, расположенной выше и вглубь от берегового обнажения (рис. 2). Определена перспективная площадь раскопок, произведены фото и топосъемка. На основе раскопочных и шурфовочных работ уточнена привязка к конкретным геологическим отложениям. Произведен сбор подъемного материала в осыпях берегового обнажения.

В течение последующего периода времени 1992–2013 гг. местонахождение Чайка II периодически осматривалось А.В. Инёшиным и руководимыми им школьниками Усть-Кута, а также специа-

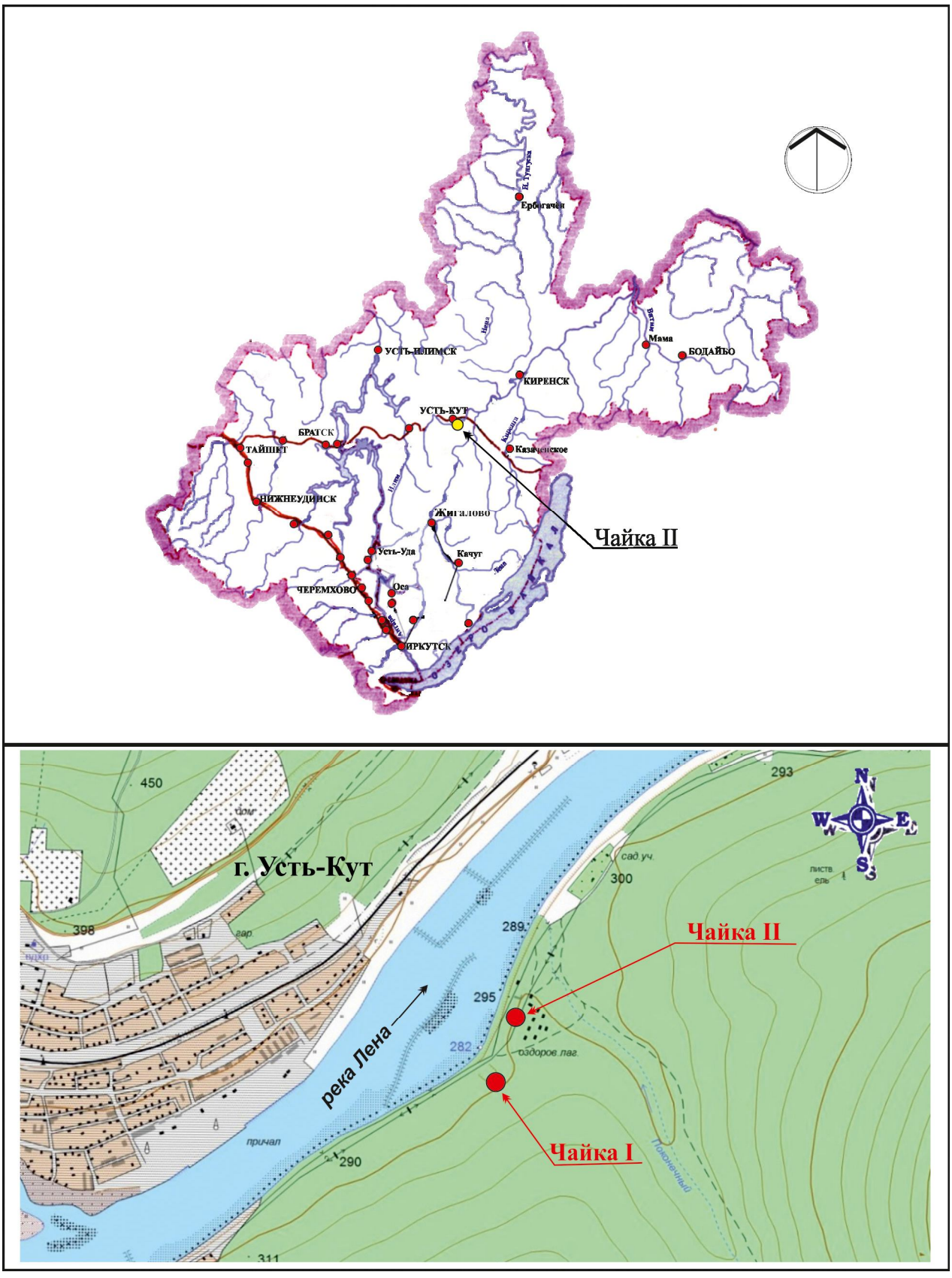

Рис. 1. Карты с указанием местонахождения стоянки Чайка II. Иркутская область, Усть-Кутский район, г. Усть-Кут

Fig. 1. Maps showing the location of the site Chaika II. Irkutsk Region, Ust-Kut District, Ust-Kut city

Рис. 2. Вид с запада на геоархеологические местонахождения Чайка I и Чайка II
Fig. 2. View from west on the sites Chaika I and Chaika II

листами ЦСН С.Н. Пержаковым, С.А. Дзюбасом, А.В. Луньковым, А.В. Краснощековым и др. (в рамках программы мониторинга). Первая публикация о памятнике появилась в материалах Красноярской Региональной археологической студенческой конференции в 1991 г. (Инёшин, Тирских, Карнаухова, 1991). Тезисы содержали общие сведения об объекте: история открытия, геоморфология, стратиграфия, частично – планиграфия, морфология каменного инвентаря и первые «аппликативные» результаты. Научным руководителем тематического направления «Палеолитические памятники севера Верхней Лены» О.В. Задониным, курировавшим эти работы, был сделан ряд иллюстраций, вошедших в эту статью. К сожалению, после трагического ухода из жизни О.В. Задонина в 1996 г., а затем и А.В. Инёшина в 2015 г., результаты исследований Чайки II не были полноценно введены в научный оборот. Особенно ценны результаты изучения ее палеолитического комплекса. В 2011 и 2012 гг. аппликационные сборки представлены Е. Наумовым, учеником А.В. Инёшина и Т.М. Инёшиной, на межрегиональных краеведческих конференциях школьников в Иркутске в 2010 и 2012 гг., на российской конференции школьников «Открытие» (Наумов, Инёшина, Инёшин, 2010; Наумов, Инёшина, Инёшин, 2012; Наумов, Инёшина, 2012).

Наиболее важным результатом последнего этапа истории исследований Чайки II стало применение метода аппликации каменных артефактов. Апплицировались материалы, происходящие не только из культуросодержащих отложений, но и из подъемных сборов разных лет. За все годы исследования собрана коллекция из 324 экз. Из них около 50 предметов – это сборы подъёмного материала из берегового обнажения.

Данная статья посвящена публикации имеющихся сведений о нижнем культурном горизонте стоянки Чайка II.

Геолого-геоморфологическая, геостратигафическая характеристика Усть-Кутского участка долины р. Лены

Месторасположение стоянки Чайка II, приурочено к горно-таежным массивам с наличием крупных водотоков и хорошо разработанных речных долин р. Куты, р. Якурим и более мелких притоков. В древности они могли быть удобными транзитными путями миграции животных, на которых древний человек вел охоту. Это определило значительную концентрацию разновременных археоло-

гических памятников на данном участке р. Лены, основной гидросети обширного Ленского бассейна.

На схеме структурно-геоморфологического районирования Восточно-Сибирской возвышенной платформенной равнины исследуемый участок долины р. Лены расположен в северо-восточной части Верхоленского сводообразного поднятия (плато) (Атлас Иркутской области, 2004. С. 18). Плато имеет форму уплощенного купола длиной до 500 км и шириной до 250 км и относительной высотой 500–900 м. Абсолютные высоты плато постепенно возрастают с юго-запада на северо-восток, достигая максимальных отметок в бассейне р. Орлинги (до 1 464 м).

Верхоленское сводообразное поднятие (плато) – положительно унаследованная морфоструктура, со сложной геологической историей. В кристаллическом цоколе платформы ей соответствует древний жесткий архейский массив, ограниченный со всех сторон зонами дробления и разломов. Разнонаправленный характер движения этого массива предопределен сложной историей становления морфоструктуры плато, значительной расчлененностью рельефа, спецификой формирования современных речных долин, особенностью их геоморфологических характеристик.

Плато отчетливо распадается на два самостоятельных валообразных поднятия северо-восточной ориентации, разделенных линейным прогибом. Северный (Усть-Кутский) блок имеет более высокие абсолютные отметки, активнее расчленен, характеризуется относительно меньшим развитием чехла рыхлых отложений на бортах речных долин. Глубина вреза достигает в бассейнах Орлинги и Лены 600–1000 м (Воскресенский, 1962). Рекам данного региона свойственны каньонообразные долины. Они обычно хорошо разработаны, имеют довольно пологий продольный профиль, большей частью ассиметричны, почти лишены террасирования, за исключением узких серповидных участков, сохранившихся в устьевых участках боковых притоков на обрамлении крупных излучин.

Большая часть территории Усть-Кутского района занята реками Ленского бассейна и дренируется системой рек 3–4 порядка. Для этого района характерна высокая расчлененность рельефа. Здесь развиты горные породы и отложения архея и протерозоя (кристаллический фундамент, вендский комплекс), палеозоя (кембрийская и ордовикская системы) и кайнозоя (аллювиальные и делювиальные образования четвертичного возраста) (Оценка воздействия на окружающую среду, 2001. С. 73).

Отложения четвертичной системы (Q) представлены средне-верхнечетвертичными и современными отложениями. По генезису выделены аллювиальные, элювиальные и делювиальные образования. Среднечетвертичные отложения (Q_2) представлены композитными, сложно организованными разрезами, аллювиально-делювиальными отложениями придолинных поверхностей высотой 25–35 м, сложенных мелко- и среднезернистыми глинистыми песками красновато- и желтовато-коричневых цветов, с тонкими прослоями серых и коричневых опесчаненных глин. Пески иногда сменяются супесью и мелкими полимиктовыми (смешанными) галечниками (Щукин, 1980. С. 457). Верхнечетвертичные отложения (Q_3) слагают аккумулятивную 8–9-метровую террасу и образуют аллювиальный плащ цокольных терасовиднных поверхностей 14–18 и 20–22 м. Аллювий сложен гравийно-галечным материалом, мелкими валунами, бурым грубозернистым песком, суглинком и супесью буровато-серого цвета. Современные отложения (Q_4) представлены аллювием пойм и придолинных надпойменных возвышенностей. Эти уровни сложены галечниками, песками, суглинками.

Элювиально-делювиальные образования приурочены к плоским водоразделам. Они представлены тяжелыми суглинками, глинами разных расцветок, близких к материнским породам, с обломками щебнистых песчаников и алевролитов на породах верхней подсвиты усть-кутской свиты. Мощность элювия 0,5–1,5 м, достигает иногда 3,5–4 м, в зависимости от рельефа.

Делювиальные отложения развиты на склонах. Они состоят из супесей, суглинков и глин с большим количеством обломочного материала. Мощность делювия 1,0–2,0 м, местами достигая

3,5–4 м (Оценка воздействия на окружающую среду, 2001. С. 77).

Склоны долины преимущественно прямые, редко выпуклые, умеренно крутые, а в местах излучин – очень крутые. Преобладающая высота склонов 250–350 м. Склоны рассечены долинами притоков, падями и короткими распадками.

В районе проведения работ выражен рельеф эрозионно-денудационный (склоновый), эррозионно-аккумулятивный (нижних частей пологих склонов и подгорных шлейфов) и флювиальный (речных долин).

Согласно мерзлотному районированию территории Приангарья и Прибайкалья (Лещиков, 1978. С. 113), рассматриваемый участок относится к области островного распространения многолетнемерзлых пород на стыке районов распространения многолетнемерзлых пород на всех элементах рельефа и района, где многолетнемерзлые породы встречаются на заболоченных участках. Мерзлыми являются рыхлые породы в долинах рек, на заболоченных участках. Верхние участки склонов и водоразделы имеют положительные температуры горных пород. Мощность мерзлых пород колеблется в пределах первых 10 м, достигая иногда в долинах рек 30–40 м; температура их от –0,2 до –0,5 °С (Лещиков, 1978. С. 116).

Все многообразие форм рельефа обязано своим происхождением трем главным рельефообразующим факторам: колебательным движениям земной коры, структурно-литологическим особенностям субстрата и эрозионно-денудационным процессам (Лещиков, 1978. С. 80).

Все перечисленные особенности геоморфологического строения долины р. Лены достаточно ярко представлены на участке проведения археологических исследований на местонахождении Чайка II.

Ширина долины р. Лены на рассматриваемом участке редко превышает 1–1,5 км, при этом верхняя часть крутых склонов зачастую увенчана скалистыми вертикальными обрывами. Сложены они плотными песчаниками или доломитами усть-кутского яруса ордовика. Большинство террасовидных поверхностей – цокольные, и несут маломощный рыхлый покров. В устьевых участках боковых притоков р. Лены наиболее четко выражены террасовидные придолинные уровни нижнего яруса: 1-й надпойменный уровень (6–8 м), 2-й надпойменный (10–14 м) и террасовидный уровень (20–25 м) (Уфимцев, 2009). Яркой особенностью для рассматриваемого участка долины р. Лены является чередование суженных каньонообразных отрезков с обширными расширениями (Усть-Кутское, Турукское, Марковское и др.), образующее разновидность речных долин. К подобным участкам расширения долины приурочены комплексы разновозрастных археологических объектов (стоянки, могильники).

Геоморфологический профиль места расположения объекта характеризует данный участок ленской долины, как симметричный. По высотным показателям правый и левый борта имеют одинаковое гипсометрическое строение подтрапециевидной формы, но левый борт все же более протяженный с несколькими террасовидными площадками. Первоначальный рельеф левого борта долины р. Лены на гипсометрических уровнях, в диапазоне 10–60 м от уреза р. Лены, сильно изменен в результате антропогенной деятельности (современная территория г. Усть-Кута).

Наиболее насыщенными археологическими остатками стоянки Чайка II являются отложения нижнего уровня, именно с ними связаны находки, выявленные в предшествующие годы полевых работ.

Местонахождение Чайка II дислоцируется на правом берегу р. Лены в 3 км от впадения р. Куты (левый приток р. Лены) и в 1,5 км ниже по течению от окраины п. Зыряновка (рис. 1) (район бывшего пионерского лагеря «Чайка») (рис. 1, 2). Площадь стоянки Чайка II расположена на террасовидном уступе 12–14 м от уровня реки. С севера террасовидный уступ ограничен ручьем Поконечным, а с юга небольшим логом. Общий стратиграфический разрез приводится по восточной стенке раскопа. При вскрытии отложений выявлена следующая стратиграфическая ситуация (сверху вниз, мощность в м) (рис. 3):

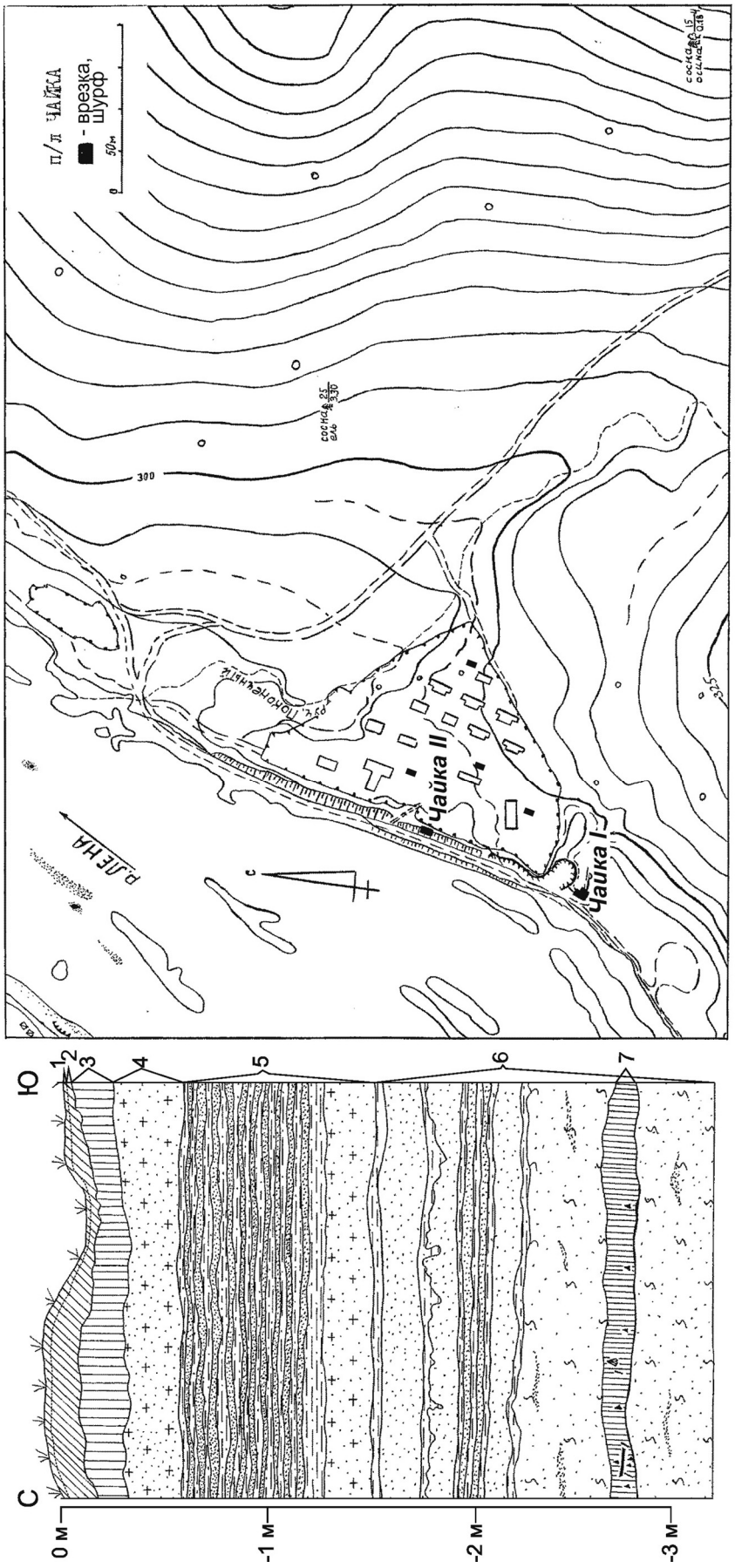

Рис. 3. Стратиграфия и план геоархеологического местонахождения Чайка II
Fig. 3. Stratigraphy and map of the site Chaika II

1. Маломощный современный дерново-почвенный гумусовый горизонт ($A_{дер.}$), по литологическим свойствам ближе к супесям, нарушен антропогеном (пешеходной тропой) (0,02–0,03 м).

2. Почвенный горизонт, (A_1, A_2), супесь светло-серого цвета, кровля подвержена антропогенному изменению (0,10–0,15 м).

3. Горизонт (*B*) ярко-бурой средней супеси, в верхней части фиксировались антропогенные остатки (1 к. г.) (0,25–0,30 м).

4. Горизонт высококарбонатных песков светло-серого цвета (0,25–0,30 м).

5. Пачка полихромных песчаных прослоек (0,2–0,03 м), в низах пачку подстилает горизонт карбонатизированного песка, серого цвета (0,90–1,00 м).

6. Мощная пачка переслаивающихся песков и лессовидных супесей, в средней части с прослойками параллельных песков сероватого цвета и горизонтом погребенной почвы (слой 7) (1,70–1,75 м).

7. Ярко выраженный горизонт погребенной почвы светло-коричневого цвета, в горизонте зафиксированы антропогенные остатки (2 к. г.), ниже горизонт светло-серых лессовидных супесей (0,30–0,40 м).

Находки зафиксированы в двух уровнях: 1-й на глубине 0,25–0,40 м и 2-й – 2,70 м от дневной поверхности в горизонте погребенной палеопочвы.

Предварительная датировка верхнего комплекса культурных остатков, 1 к. г., осторожно дана в пределах неолита – раннего железного века, т. е. 7–2 тыс. л. н.

Первое возрастное определение 2 культурного горизонта было сделано О.В. Задониным. Стратиграфическое положение залегания артефактов и их морфология позволили отнести этот памятник к эпохе палеолита и датировать его примерно 14–12 тыс. л. н. В 2018 г. по образцу из челюсти северного оленя (*rangifer tarandus*), найденной в составе скопления культурных остатков, получена дата 14660±80 л. н. (Poz-106024). Она, фактически, подтвердила датировку О.В. Задонина. Календарный возраст составил 18122 – 17681 л. н.

Палеолитический комплекс
2 культурного горизонта

Планиграфически 2-й к. г. представляет собой скопление дебитажа у плитки песчаника размерами 30 × 15 см и на некотором удалении более 10 нуклеусов и нуклевидно оббитых галек (рис. 4).

Каменные артефакты лежали компактно, причем около 60 % из них имеют галечную корку. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что вскрытый участок обитаемой поверхности был рабочей площадкой по первичной обработке камня. Материалом для изготовления предметов являлась речная галька. По петрографическому составу в основном это тонкослоистая кремнистая туфогенная порода. Цветом, от сероватого до серо-зеленого, и структурой большинство нуклеусов отличалось друг от друга, что позволило систематизировать артефакты по группам и провести аппликацию (ремонтаж). Для реконструкции преформ использовался материал, не только лежащий в слое, но и собранный в разные годы с поверхности разрушающегося памятника.

В слое также была найдена ветвь нижней челюсти северного оленя (rangifer tarandus) (определение дано А.М. Клементьевым, Институт земной коры СО РАН).

Блок № 1. Заготовка бифронтального нуклеуса кремнистой породы желтого цвета (рис. 5). Размеры 7,5 × 5,5 см. Состоит из 10 аппликирующихся частей. Блок демонстрирует две стадии расщепления. Стадия I – нуклеус параллельного принципа расщепления, галечный. Снятия произведены по продольной оси гальки. Пластины длиной до 8,5 см. Две краевые пластины (*a, b*) аппликированы. Стадия II – перенос расщепления на контрфронт. Шесть аппликированных первичных сколов, снятых по периметру по часовой стрелке сверху вниз (*d-h*), являют собой декортикацию (снятие галечной корки) этого второго фаса, по-видимому, обращение контрфронта во второй фронт. Ударная площадка первого фронта была сбита двумя сколами, один из которых аппликирован (*d*), и в конечном виде скошена от фронта-1 к фронту-2, по отношению к которому она является дистальной частью. Первый и единственный вторичный пластинчатый от-

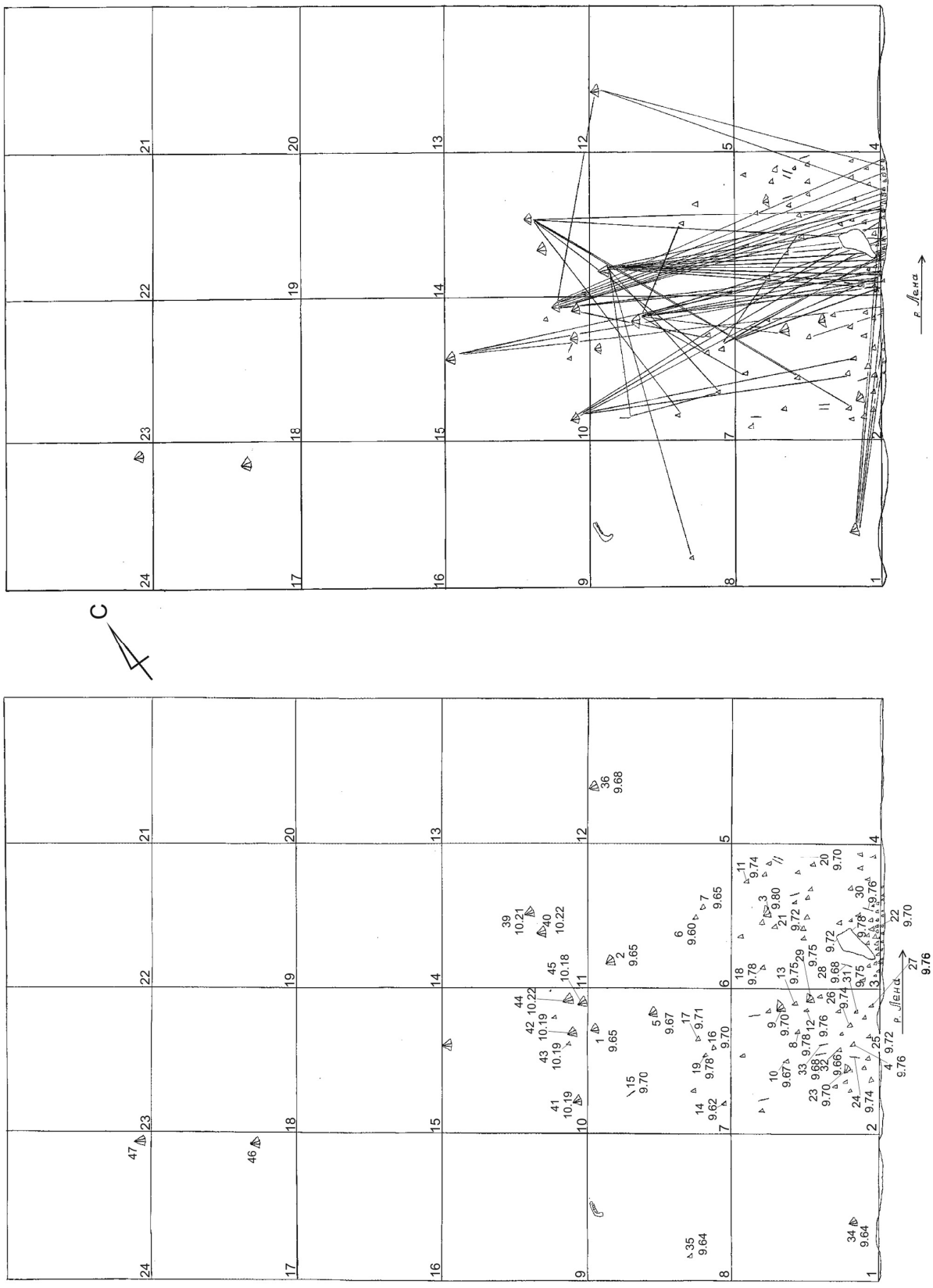

Рис. 4. План находок (слева) и план аппликационных связей 2 культурного горизонта геоархеологического местонахождения Чайка II
Fig. 4. Plan of the findings (left) and schema of the refitted artifacts (right) of the component 2 of the site Chaika II

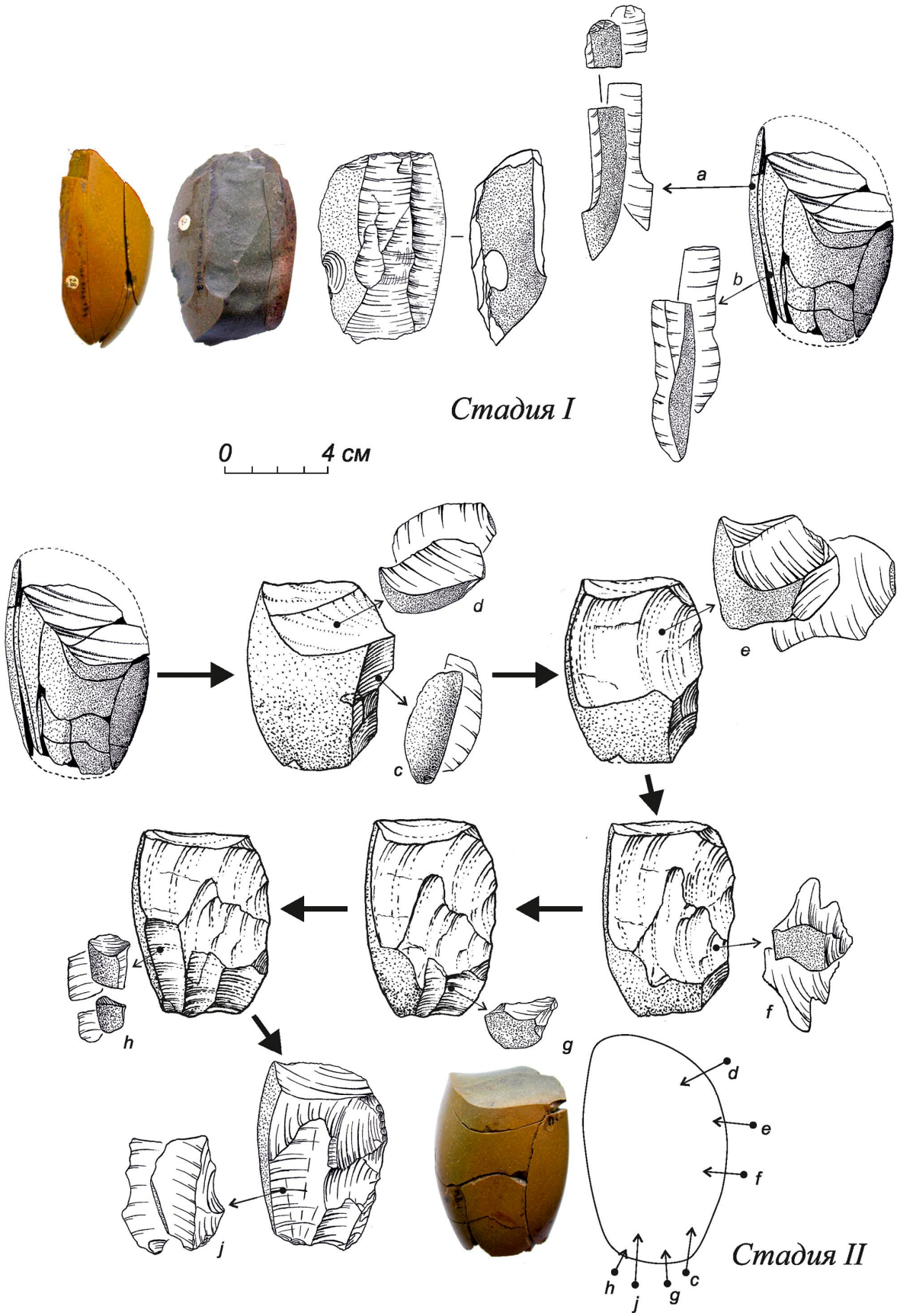

Рис. 5. Аппликациолнный блок № 1
Fig. 5. Refitting block no. 1

щеп (*h*) был снят с фронта-2 с конца, противоположного проксимальному концу фронта-1. Угол скалывания острый. По-видимому, неудачный исход первого после декортикации снятия, не достигшего дистального конца нуклеуса, остановил расщепление.

Блок № 2. Нуклеус из черной кремнистой породы (рис. 6). Размеры 7,5 × 5,5 см. Состоит из 8 аппликирующихся частей. Аппликация представляет расщепление гальки по длинной стороне поперечно ее продольной оси. Снятия имеют пропорции коротких и широких отщепов. Ремонтажем восстановлено снятие трех сколов с одного фаса (стадия I, *a, b, c*), и затем с другого (стадия II, *d, e, f*). Угол сопряжения обоих фасов острый.

Блок № 3. Является пирамидальным нуклеусом (6 × 5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 7). Состоит из 10 аппликирующихся частей. Под площадку был выбран плоский фас плоско-выпуклой гальки. Широким первичным галечным снятием была в первый раз оформлена ударная площадка (стадия I). С нее по выпуклому коническому фасу на неширокой полосе фронта было произведено 3–4 пластинчатых снятия (стадия II). После чего с площадки был снят еще один первичный отщеп (стадия III). С этого нового участка пло-

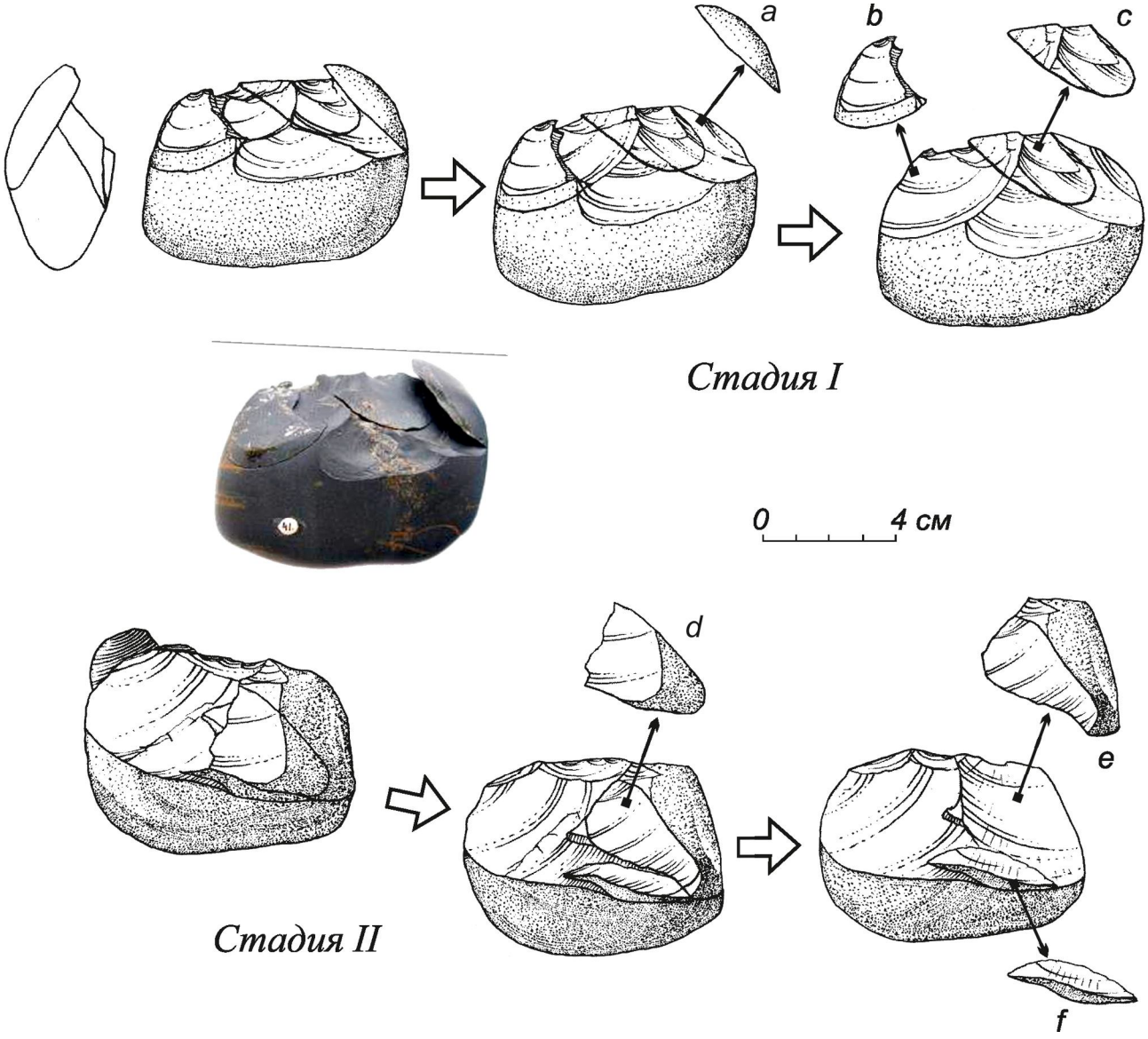

Рис. 6. Аппликационный блок № 2
Fig. 6. Refitting block no. 2

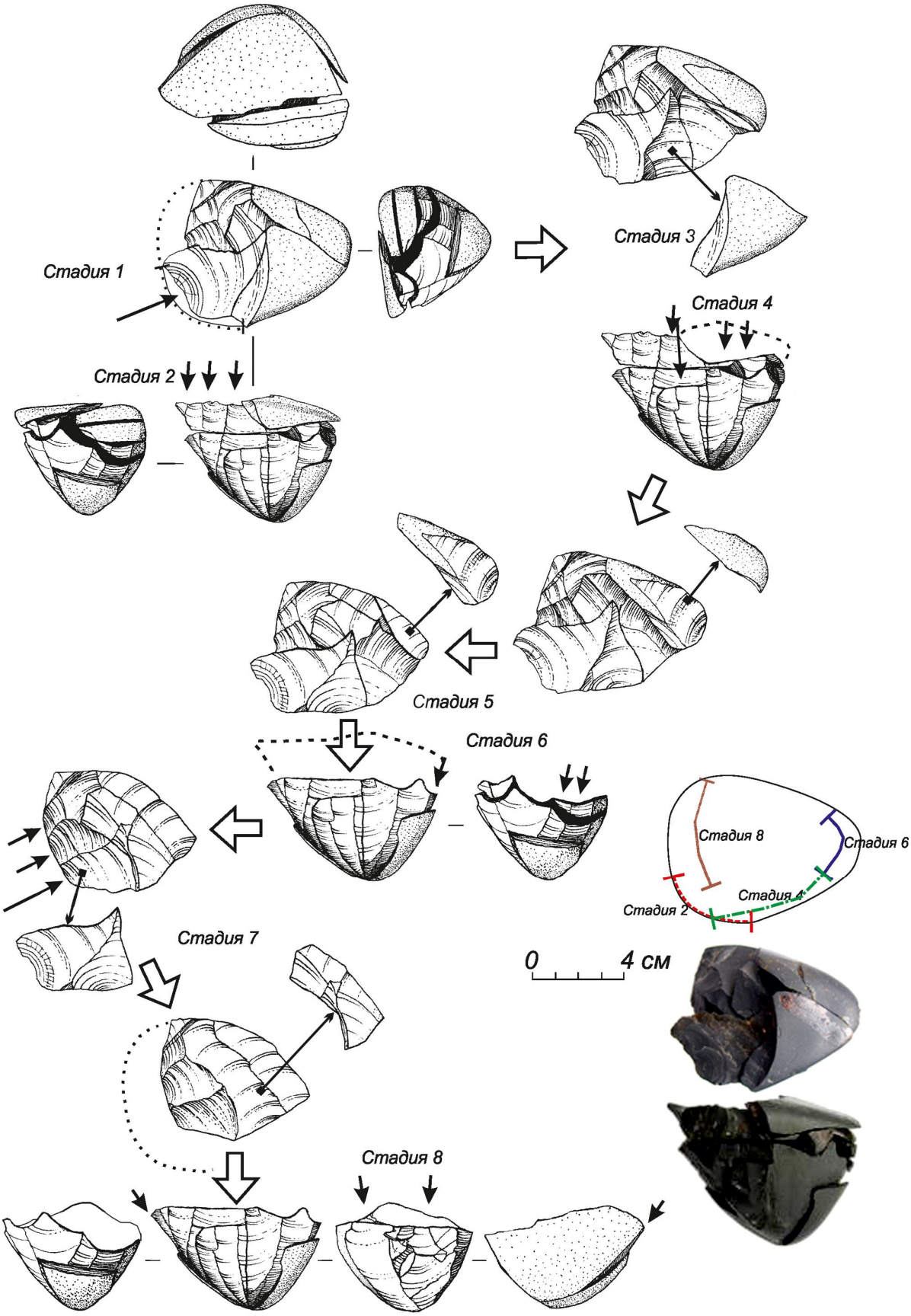

Рис. 7. Аппликационный блок № 3
Fig. 7. Refitting block no. 3

щадки сбито еще 4–5 снятий по фронту (стадия IV). Новый цикл снятий по фронту нуклеуса примыкает к предыдущим снятиям слева. Далее ударная площадка двумя вложенными один в другой сколами была подживлена – удалены остатки галечной корки (стадия V). После этого был проведен новый, третий цикл 3–4 снятий по фронту, удлиняя его периметр влево (стадия VI). Далее последовала подготовка нового участка ударной площадки (стадия VII) и затем четвертый и последний цикл снятий по фронту справа от предыдущих снятий (стадия VIII). В результате фронт занимает 2/3 периметра пирамидального нуклеуса. Оставшийся участок конуса сохранил галечную корку. Снятия с этого нуклеуса в силу особенностей геометрии невысокого конического в начале – пирамидального в исходе нуклеуса имеют подтреугольные контуры коротких пластинчатых снятий искривленного в дистальной трети профиля. Восстановлено четыре цикла подготовки ударной площадки → снятий по фронту: цикл 1 – стадии I и II, цикл 2 – стадии III и IV, цикл 3 – стадии V и VI, цикл 4 – стадии VII и VIII. Каждая серия снятий с фронта нуклеуса предварялась подготовкой площадки у соответствующего участка фронта.

Блок № 4. Торцовый нуклеус кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 8). В качестве преформы была выбрана галька с одной отслоенной – ровной поверхностью. На этой поверхности поперечными короткими сколами была подготовлена ударная площадка, с которой произведены удлиненные снятия, частично удалившие галечную корку на втором фасе и подготовившие ребро дистального конца будущего торцового нуклеуса. Двумя короткими сколами с торца подготовлена ударная площадка. К фронту аппликирована одна двухгранная пластина длиной 5,1 см и шириной 1,7 см.

Блок № 5. Заготовки нуклеусов (6 × 5 см и 5 × 4 см) кремнистой породы темно-серого цвета

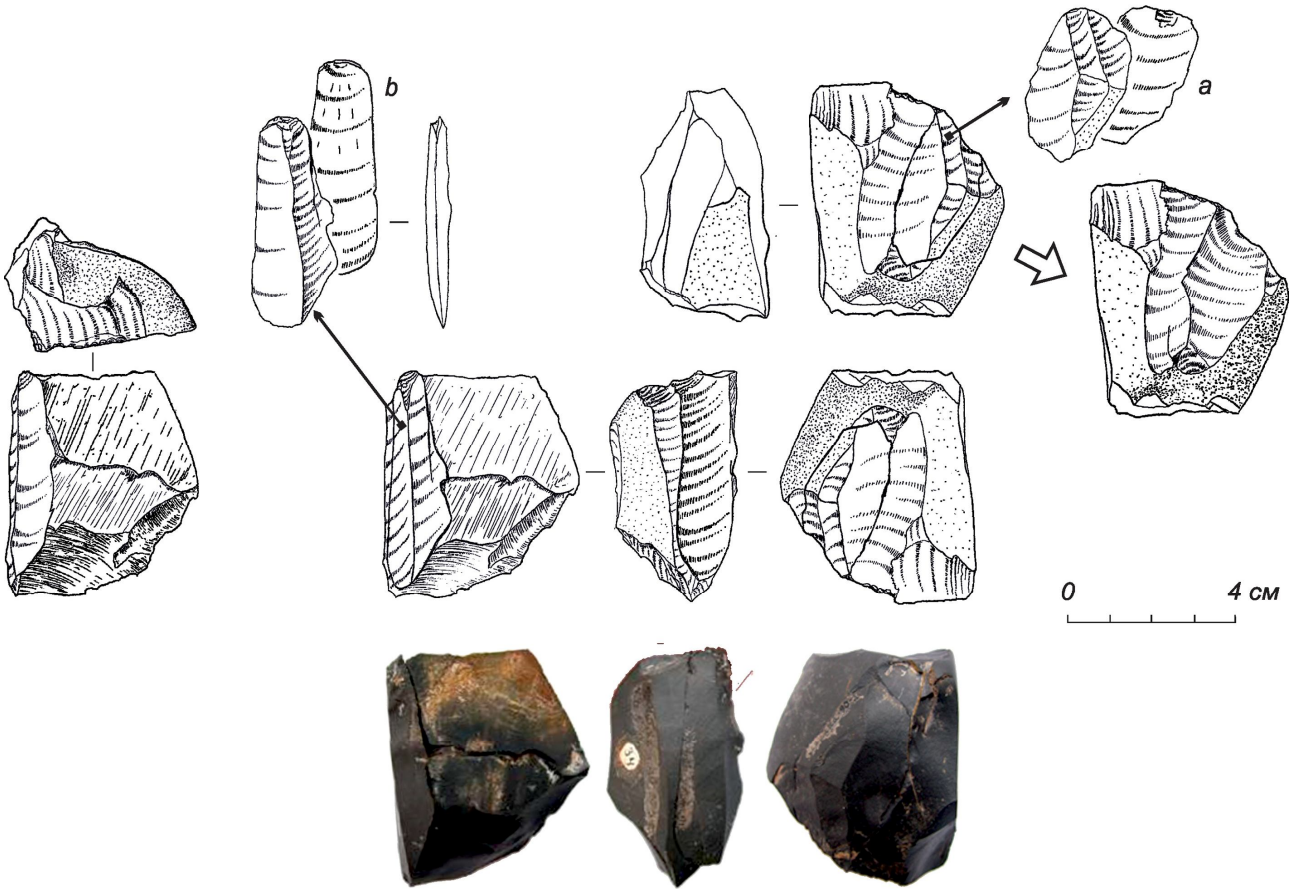

Рис. 8. Аппликационный блок № 4
Fig. 8. Refitting block no. 4

(рис. 9). Состоит из 7 частей. Расщеплению подверглась продолговатая галька. Изначально поперечным ударом был сбит узкий конец гальки. Затем образованная плоскость была подработана тремя параллельными сколами. Оформленная таким образом ударная площадка скошена к контрфронту. Произведено 3–4 первичных снятия. Одно из них, собранное из трех частей, имеет параметры пластины длиной 6,5 см. Затем нуклеус был вновь разбит поперек, практически, пополам. Верхняя часть (*a*) вновь подвергнута нуклеарному расщеплению с противоположного конца. Сбито 3–4 отщепа. Со второй половины (дистальная часть исходного нуклеуса) (*b*) также был сбит короткий отщеп, и дальнейшие попытки оставлены.

Блок № 6. Реконструирует процесс изготовления клиновидного нуклеуса (6,5 × 4,5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 10). Состоит из 6 аппликирующихся частей. Исходной формой была продолговатая галька. Один узкий край ее был оформлен в дистальное ребро нуклеуса. Для этого короткими сколами оформлена ударная площадка на одном фасе гальки, затем с нее были произведены два пластинчатых по пропорциям снятия (*a, b*), удалившие галечную корку с преформы на 2/3 длины. Затем получившееся комлеобразное окончание (*c*) было сбито ударом с торца – предстоящего фронта. Кромка ударной площадки подправлена мелкими краевыми сколами. Цикл снятия пластин не был продолжительным. В центре фронта даже сохранился рудимент галечной корки.

Блок № 7. Представляет расщепление поперечное продольной оси гальки (7,5 × 6 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 11). Состоит из 6 аппликирующихся частей. Ударная площадка образована двумя крупными сколами. Она скошена к контрфронту. Расщепление производилось по широкому фасу. Реконструируемые четыре снятия имеют контуры пропорционально коротким аморфным отщепам. До 50 % поверхности нуклеуса сохранило галечную корку.

Блок № 8. Заготовка нуклеуса (6,8 × 4,5 см) кремнистой породы темно-серого цвета (рис. 12. 1). Состоит из двух аппликирующихся частей. Галечная корка на обоих фрагментах. С первой площадки по узкой торцовой стороне гальки произведено одно пластинчатое первичное снятие, после чего нуклеус расколот поперек по диагонали, и была попытка эксплуатировать как нуклеус нижнюю, дистальную часть. Нуклеус является техническим аналогом блока № 5.

Блок № 9. Является сборкой двухплощадочного полюсного нуклеуса (5 × 6 см) кремнистой породы серо-желтого цвета (рис. 12. 3). Скалывания пластинчатых отщепов производились по торцовому краю. Обе площадки скошены к контрфронту так, что почти смыкаются в этой части друг с другом. К одной из ударных площадок аппликированы три скола, снятые со стороны фронта.

Нуклеус радиального принципа расщепления в начальной стадии, захвативший одну боковую длинную и одну узкую сторону гальки, который можно представить как веерный нуклеус (рис. 12. 4).

Еще один нуклеус (рис. 13. 8) представляет собой гальку, расколотую по диагонали поперек, с которой с одного фаса сколото три длинных пластинчатых снятия, достигающих дистальной трети или конца нуклеуса и три коротких. После этого была попытка перевести расщепление на торец, закончившаяся тремя короткими негативами с заломами.

Один клиновидный нуклеус найден в самом начале расщепления (рис. 13. 6). Оба фаса (латерали) обработаны полностью. Одна латераль более плоская. Она несет негативы встречных полюсных снятий с проксимального и дистального конца. Вторая латераль более выпуклая. Именно на нее наложены негативы коротких краевых снятий оформления дистального конца и гребня контрфронта. Фронт, по сути, только начат одним скошенным к левой латерали пластинчатым снятием. Ударная площадка образована поперечными сколами с латерали и короткими снятиями с торца.

Другой клиновидный нуклеус представлен сбитым фронтом с регулярными микропластинчатыми снятиями (рис. 13. 7).

Два нуклеуса являются микропластинчатыми призматическими полюсными двухплощадочными (рис. 13. 4, 5). К одному из них аппликирована

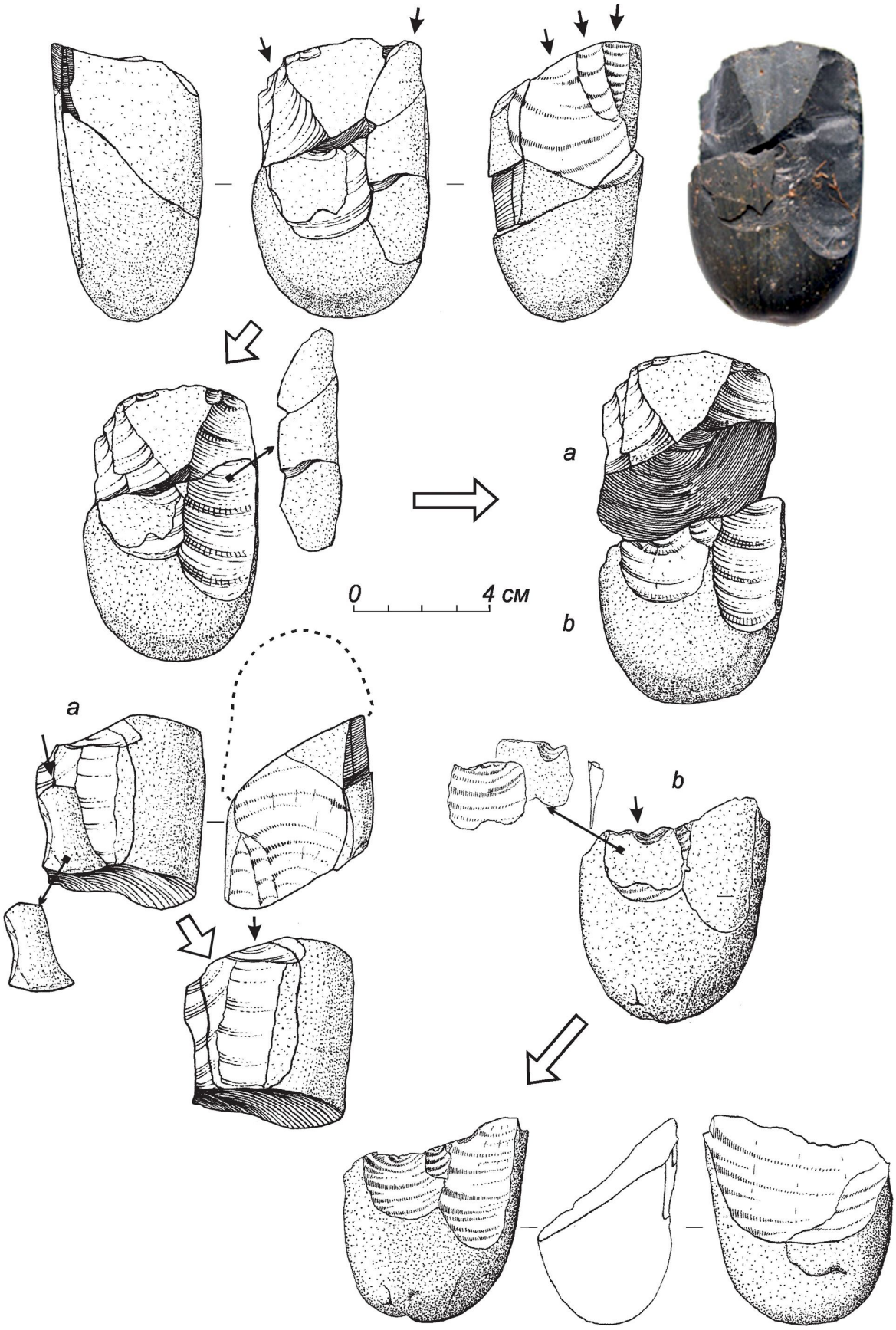

Рис. 9. Аппликационный блок № 5
Fig. 9. Refitting block no. 5

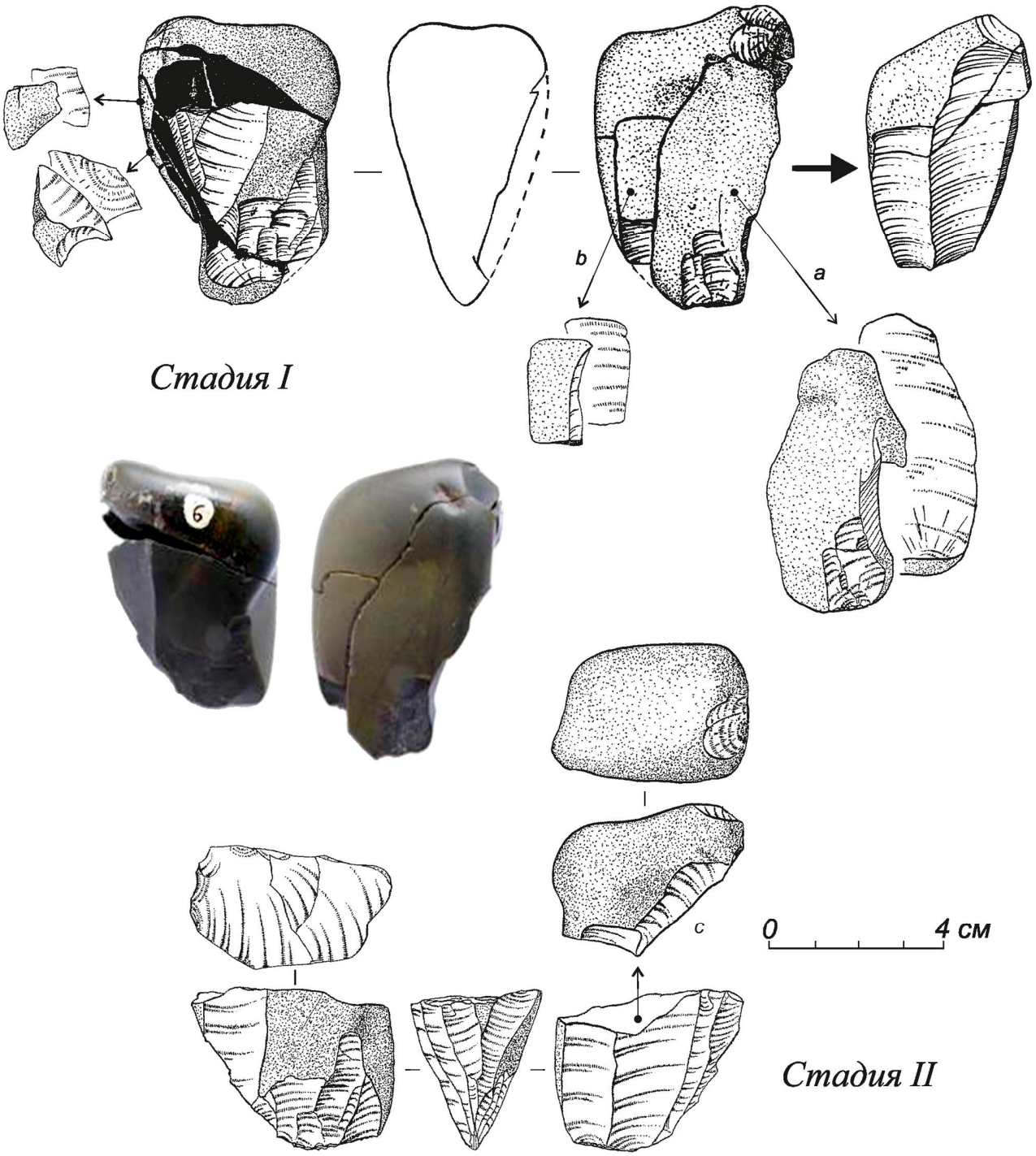

Рис. 10. Аппликационный блок № 6
Fig. 10. Refitting block no. 6

микропластина (длина 2,9 см), сбитая со второй полюсной (нижней на рисунке) площадки (рис. 13. 5 *а*). В обоих нуклеусах расщепление велось с одного или двух торцов, в меньшей степени захватывая латеральные части.

В категории орудий следуют два долотовидных типа piece esquillee (рис. 13. 1, 2), концевой скребок (рис. 13. 3). Последний изготовлен из первичного пластинчатого скола. Отретуширована была его проксимальная часть. Отщеп аппликирован к широкой короткой пластине.

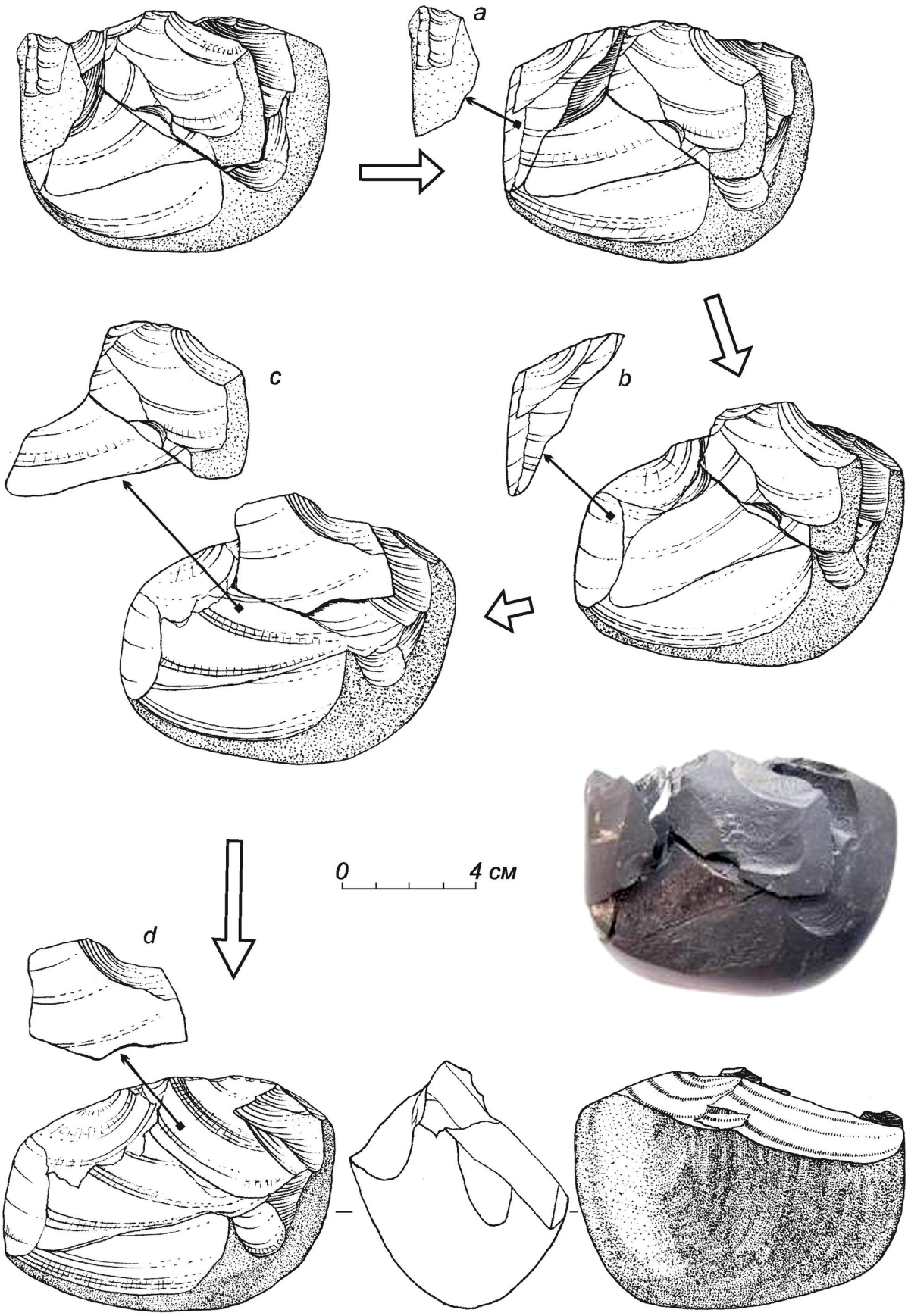

Рис. 11. Аппликационный блок № 7
Fig. 11. Refitting block no. 7

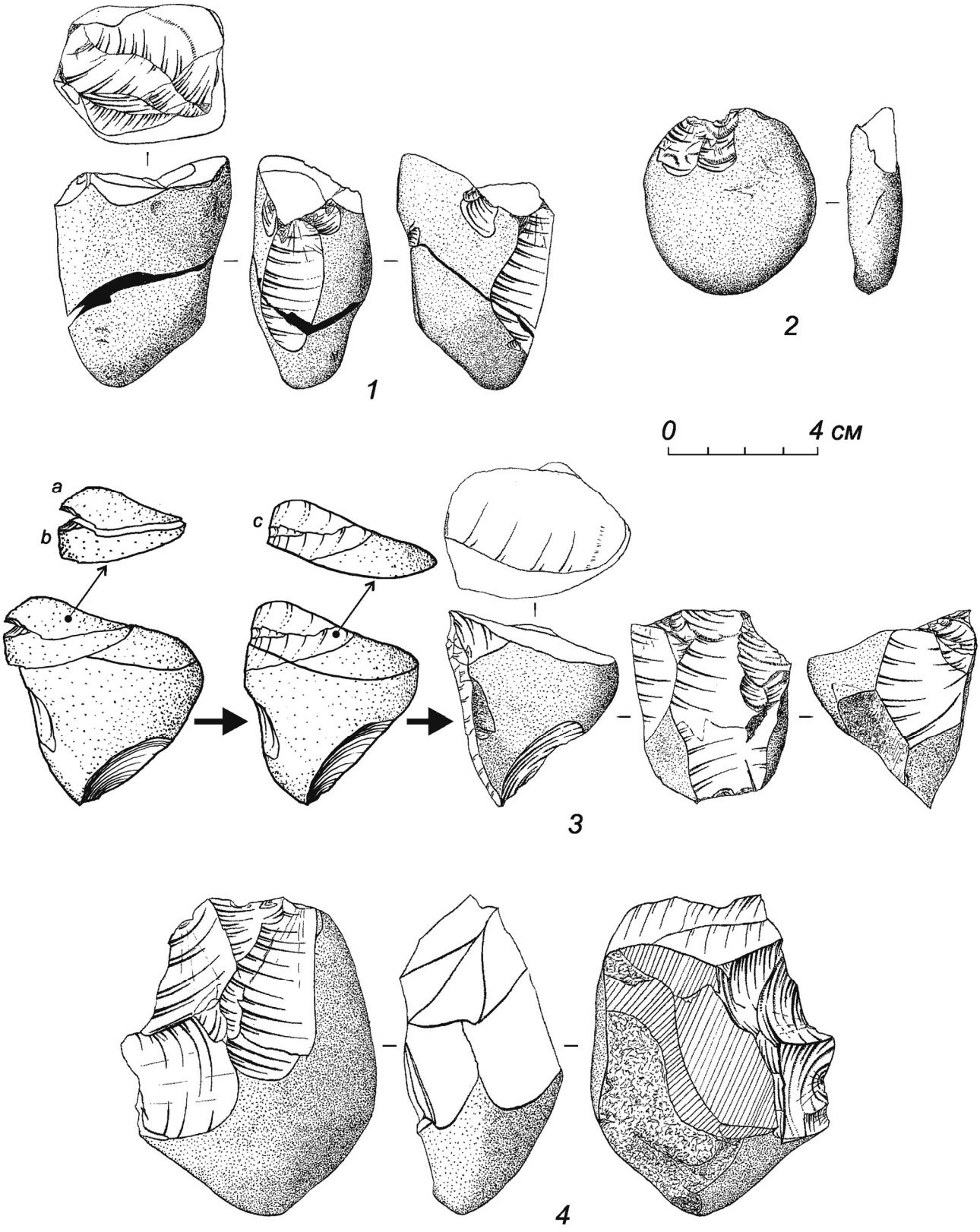

Рис. 12. Аппликационные блоки № 7 и 8
Fig. 12. Refitting blocks no. 7–8

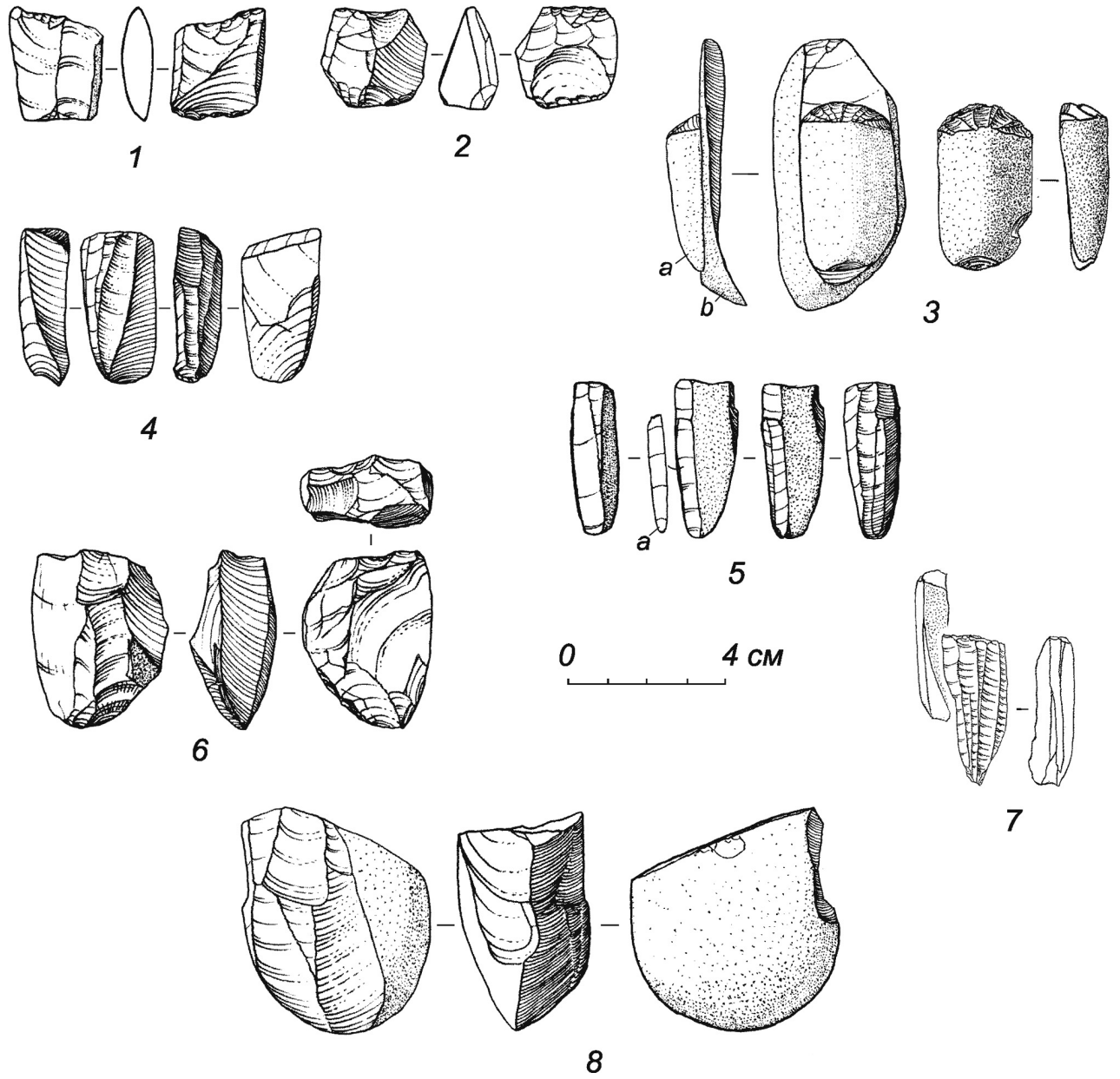

Рис. 13. Артефакты 2 культурного горизонта: *1, 2 – долотовидные орудия; 3 – аппликационная сборка скребка (a) и пластинчатого отщепа (b); 4–6, 8 – нуклеусы; 7 – фронтальный скол с клиновидного нуклеуса*
Fig. 13. Artifacts from component 2: *1, 2 – chisel-shaped tools; 3 – refitting block of the end-scraper (a) and spall (b); 4–6, 8 – cores; 7 – frontal spall from the wedge-shaped core*

Реконструкция приемов каменного производства палеолитического комплекса стоянки Чайка II

Материалы палеолитического слоя Чайки II представили разнообразные приемы расщепления камня, разные стадии и виды каменного производства. Наличие плиты-наковальни в центре скопления дебитажа, преобладание в изделиях нуклеусов, немногочисленные орудия, значительная доля первичных отщепов и сколов с галечной коркой относят этот комплекс к типу стоянок-мастерских. Ударное скалывание твердым отбойником было ведущим методом расщепления. Разнообразны принципы раскалывания гальки.

В случае расщепления повдоль гальки (с узкого конца по вертикально ориентированной преформе) поперечным ударом сбивался узкий конец. Как правило, скол имел ныряющий характер, и ударная площадка оказывалась скошенной к фасу

будущего контрфронта (рис. 5, 9, 10, 12. 1, 3; 13. *8*). Затем с острого ребра повдоль гальки начиналось расщепление. В случае 1–2 негативов оно, очевидно, имело пробный и неудачный характер. В обратном удачном случае активно развивалось, приводя нуклеус к истощенной, выработанной форме (рис. 5).

В двух случаях мы встретили повторную попытку эксплуатации, выразившуюся в поперечном раскалывании нуклеуса и начале скалывания с редуцированного остатка (рис. 9, 12. 1). В роли ударной площадки – поверхность раскалывания.

Дальнейшее развитие продольного расщепления нуклеуса в одном случае привело к остаточной форме двухплощадочного полюсного монофронта (рис. 12. 3).

В качестве пролонгации нуклеуса была попытка перенести скалывание на торец (рис. 13. 8).

Еще в одном случае реконструировано переоформление контрфронта во фронт-2 (рис. 5). Двумя ударами был скошен дистальный конец готовящегося фронта-2 (рис. 5. *d*), а затем ударами по периметру произведена декортикация – снятие галечной корки (рис. 5. *e*–*h*). Следует обратить внимание на прием скашивание фронтального фаса нуклеуса в дистальной части, целью которого должно быть обеспечение такой оптимальной геометрии, что пластинчатый скол должен заканчиваться не ныряющим комлеобразным окончанием и не заломом затухшего импульса, а перообразным тонким дистальным концом.

Поперечное расщепление продольно ориентированной гальки вело к получению коротких и широких, аморфных сколов (рис. 6, 11). Угол скалывания всегда острый. Ударная площадка в одном случае образована короткими широкими сколами (рис. 11). В другом случае нуклеарное расщепление было перенесено на второй фас галечного нуклеуса – ударную площадку и контрфронт.

Сложный процесс расщепления имел место в случае с пирамидальным нуклеусом (рис. 7). Исходная галька изначально была выбрана так, что под ударную площадку использовался плоский фас, а нуклеарному объемному расщеплению подвергся выпуклый конический фас, предопределивший пирамидальный характер нуклеуса. Высота галечной преформы 4,5 см предопределила кривизну полученных пластинчатых снятий. Реконструируемый аппликацией блок демонстрирует четыре цикла подготовки ударной площадки – производства снятий с фронта. В каждом случае снятия велись с ограниченного участка периметра ударной площадки и количество их было 3–5. Участки фронта первых трех циклов (рис. 7, стадии II, IV, VI) смежные в ротации справа налево (ударная площадка – вверх). Последний цикл расщепления (рис. 7, стадии VII, VIII) перенесен с левого края ударной площадки на правый.

Важным технико-типологическим признаком палеолитического комплекса Чайки II являются терминальные нуклеусы в вариации клиновидного и призматического ядрища. Два аппликационных блока (рис. 8, 10) представляют, в общем, один способ подготовки преформы. Исходным материалом была целая или расслоенная галька. В первую очередь готовилось дистальное ребро (киль). Эта подготовка имела «нуклевидный» характер: с ребра по одному фасу наносились короткие снятия, оформлявшие ударную площадку для переноса расщепления на второй фас. Снятия с него имели уже удлиненный, пластинчатый характер (рис. 8. *a*; 10. *a, b*). Это расщепление, по виду и методу нуклеарное, имело характер декортикации фаса преформы и оформления дистального ребра (киля). Затем готовилась ударная площадка: короткими сколами с фронтального торца, в одном случае. В другом случае – для этого ударом с торца было сбито комлеобразное окончание преформы (рис. 10. *c*).

Третий торцово-клиновидный нуклеус (рис. 13. 6) также имеет нуклевидный облик подготовки преформы: одна латераль оформлена встречными продольными снятиями. Короткие сколы оформления дистального конца нанесены с этой латерали на другую. Ударная площадка обработана с латерали и торца.

Призматические нуклеусы (рис. 13. 4, 5) изначально имели узкую брусковидную преформу, предопределившую в значительной степени ровную огранку пластин. В одном случае расщепление

с торца было заведено на латераль (рис. 13. 4). В другом случае пластины отжимались с обоих торцов (рис. 13. 5). Кроме того, на обоих нуклеусах есть негативы пластинчатых снятий с полюсно-противоположного конца (рис. 13. 5 *a*).

Обсуждение

Палеолитический комплекс 2 культурного горизонта стоянки Чайка II входит в один ряд с геоархеологическими местонахождениями севера Верхней Лены – Алексеевск I, Балышово III – памятниками с детально представленной индустрией каменного производства эпохи позднего палеолита (Задонин, 1996, С. 229–248; Задонин, Хомик, Аксенов, Пержаков, Тетенькин, 2014). Обращает на себя внимание сходство методов инициации продольного и поперечного расщепления гальки, объемного подпризматического расщепления. Ряд галечных нуклеусов находит аналоги и в более ранних комплексах Балышово I (Задонин, 1992. С. 126–127). Объемное расщепление субпризматических, субконических нуклеусов имеет место в Алексеевске I и Балышово I (Задонин, 1992. С. 129; Задонин, 1996), однако приемы эксплуатации такого нуклеуса, выявленные на Чайке II, получены впервые для археологии этого района.

Новацией по отношению к Балышово III и Алексеевску I являются терминально-клиновидные нуклеусы. Здесь важная роль Чайки II состоит именно в демонстрации преформ и метода изготовления таких нуклеусов. Ближайший по хронологии объект Балышово III не содержит торцово-клиновидных нуклеусов (Задонин, Хомик, Инёшин, 1990; Задонин, Хомик, Аксенов, Пержаков, Тетенькин, 2014).

Самый ранний на севере Верхней Лены датированный клиновидный нуклеус был найден В.В. Краснощековым на стоянке Бамовская на р. Улькан, притоке р. Киренги, с радиоуглеродной датировкой около 18 тыс. л. н. (Краснощеков, 2009). Единичные клиновидные нуклеусы происходят из открытых в бассейне р. Киренги местонахождений Усть-Берея, Марьина Тропа и Брикачан, стоянки Вешний Ручей на р. Лене (Краснощеков, 2001; Краснощеков, 2002; Задонин, Дзюбас, Луньков, 2000; Задонин, Дзюбас, 2003). Эти археологические комплексы по стратиграфическим показателям оценены как палеолитические, радиоуглеродных определений не имеют. Клиновидные нуклеусы стоянки Вешний Ручей (Задонин, Дзюбас, Луньков, 2000. С. 101–105; Задонин, Дзюбас, 2003) представляют собой морфологически выработанные остаточные формы, их комплекс по морфотипологическим и геостратиграфическим характеристикам представляется более поздним (12–10 тыс. л. н.). В морфокомплексе нижнего слоя Чайки II мы имеем дело с терминальными нуклеусами как в самой начальной стадии подготовки и производства (рис. 8, 10, 13. 6), так и в конечной стадии в виде фронтального скола клиновидного нуклеуса (рис. 13. 7). Еще более интересно то, что есть два торцово-призматических микропластинчатых нуклеуса (рис. 13. 4, 5). Важное значение имеет радиоуглеродное определение палеолитического комплекса Чайки II около 14,7 тыс. л. н., закрепившее прежнее определение ее позднесартанского возраста. На стоянке Любавская (радиоуглеродный возраст около 9,8 тыс. л. н.) мы видим уже выраженный микропластинчатый комплекс мезолитического облика, основанный на технике расщепления призматического нуклеуса (Задонин и др., 2014).

Два аппликационных блока клиновидных нуклеусов на Чайке II наглядно позволяют представить способ подготовки преформы (рис. 8, 10). Используя галечный материал, древний мастер начинал с оформления дистального ребра – киля будущего нуклеуса. Его обработка имела вид или характер плоскостного расщепления: на одном фасе оформлялась короткими, широкими сколами площадка и с ее ребра уже по другому фасу производились удлиненные снятия (рис. 8. *a*, 10. *a, b*). Формально, это напоминает плоскофронтальный нуклеус, но, на самом деле, речь идет о декортикации в таком виде. Затем мастер поперечным ударом сносил комлеобразный дистальный конец, формируя ударную площадку будущего клиновидного нуклеуса (рис. 10. *c*).

Этот прием описан Г.Д. Павленок, изучавшей клиновидные нуклеусы селенгинской культуры

юго-западного Забайкалья, Усть-Кяхты 3, 17 в частности (Павленок, 2015. Рис. 3; Ташак, 2005). С ее точки зрения переоформлялись именно плоскофронтальные нуклеусы. Судя по материалам Чайки II, повторимся еще раз, таким способом производилось оформление дистального ребра и латералей (декортикация). По сути тот же прием – сначала оформление киля, а затем площадки – мы встретили во 2Б к. г. стоянки Ковригжка IV на нижнем Витиме, радиоуглеродным возрастом около 15,3 тыс. л. н. (Тетенькин, 2017. Рис. 6.1,2,3; Рис. 10). Тщательная отделка дистального ребра придавала преформе тесловидный облик. Эти местонахождения – Чайка II, Ковригжка IV и Усть-Кяхта 3, 17 с датами в диапазоне 15,3–11,5 тыс. л. н. показывают широкое распространение в позднем сартане в Байкальской Сибири данного приема подготовки нуклеуса.

Заключение. Культурно-типологическая оценка палеолитического комплекса 2 культурного горизонта стоянки Чайка II

Как и в случае с Балышово III, на 2 к. г. Чайки II нет очевидных корреляций с геоархеологическими объектами самого верхнего участка Лены, так называемой «Качугско-Верхоленской» группой памятников (Аксенов, 2009). Не прослеживаются аналогии также и с «дюктайской» культурой Якутии, «студеновской» культурой Забайкалья, палеолитическими памятниками этого круга на Нижнем Витиме (Ковригжка IV, Авдеиха, Большой Якорь I, Ковригжка II, III) – районе, смежном по речной сети Лена – Витим (Задонин, Хомик, Аксенов, Пержаков, Тетенькин, 2014; Мочанов, 1977; Константинов, 1994; Инешин, Тетенькин, 2010; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Тетенькин, 2011; Тетенькин, 2016). Отдельная аналогия отмечена только в вышеназванных клиновидных нуклеусах. Каменный инвентарь 2 к. г. Чайки II сочетает в себе технические традиции, восходящие к раннему – среднему палеолиту (Балышово I), среднему этапу верхнего палеолита (Алексеевск I), позднему этапу верхнего палеолита (Балышово III). Местные древние корреляты как будто указывают на исходно автохтонный характер культуры каменного производства, стадиально наращиваемый с появлением технологий мелкопластинчатого субпризматического, торцово-клиновидного и микропризматического расщепления. 2 к. г. Чайки II наряду с Балышово III укладывается в этом ряду между Алексеевском I и палеолитическим слоем стоянки Вешний Ручей в рамки сартанского криохрона. Главная научная ценность 2 к. г. Чайки II и состоит как раз в том, что она весьма разнообразно и представительно репрезентирует культуру каменного производства в условиях, когда о ней на севере Верхней Лены известно крайне мало, и сведения собираются по крупицам (Задонин, Дзюбас, 2002). Огромная научная заслуга в этом вкладе Чайки II принадлежит А.В. Инёшину и О.В. Задонину.

Библиографический список

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. 370 с.

Атлас «Иркутская область: экологические условия развития». М.: Роскартография; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 90 с.

Воскресенский С.С. Рельеф // Атлас Иркутской области. Москва – Иркутск: Главное управление геодезии и картографии, 1962. С. 37–52.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Балышово I на Лене // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 124–133.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. Археологический памят-

References

Aksenov M.P. *Paleolit i mezolit Verkhnei Leny* [Paleolithic and Mesolithic of Upper Lena] Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2009, 370 p.

Atlas “Irkutsk region: ecological conditions of development”. Moscow: Roskartografiya Publ.; Irkutsk: Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 90 p. (In Russ.).

Voskresenskii S.S. Relief. Atlas of the Irkutsk Region. Moscow – Irkutsk: Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii Publ., 1962, pp. 37–52. (In Russ.).

Zadonin O.V. *Paleoliticheskoe mestonakhozhdenie Balyshovo I na Lene* [The Palaeolithic location of Balyshovo I on the Lena River]. *Rannepaleoliticheskie kompleksy Evrazii* [Early Paleolithic sites of Eurasia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, pp. 124–133. (In Russ.).

Zadonin O.V., Dzyubas S.A. *Materialy regional'noi*

ник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: материалы регион. науч.-практич. конф. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 74–77.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. К истории изучения археологических объектов палеолитического возраста на севере Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. науч. тр. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 43–45.

Задонин О.В., Дзюбас., Луньков А.В. Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены [каменный век] // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1991–1996 гг. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 101–105.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Аксенов М.П., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения палеолита и мезолита севера верхней Лены Балышово III и Любавская I // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 1 (10). С. 9–38.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Инёшин А.В. Палеолитическое местонахождение Балышово III на севере Верхней Лены // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археол. студ. конф. (29-31 марта 1990 г.). Иркутск, 1990. С. 115–117.

Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М. Палеолитическое местонахождение Чайка-2 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Красноярск, 1991. Т. I. С. 99–100.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ: Ион; Чита: Изд-во Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского, 1994. 264 с.

Краснощеков В.В. Археологический объект Усть-Берея (Среднее течение р. Киренги) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: сб. науч. тр. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 46–48.

nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee" [Sociogenesis of Northern Asia: past, present, future: proceedings of the Regional Scientific-Practical Conference]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2003, pp. 74–77. (In Russ.).

Zadonin O.V., Dzyubas S.A. To the history of the study of archaeological cites of the Paleolithic age in the north of the Upper Lena. *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, okhrana i ispol'zovanie* [Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use]. Irkutsk, 2002, iss. 2, pp. 43–45. (In Russ.).

Zadonin O.V., Dzyubas., Lun'kov A.V. Archaeological cite Veshniy Ruchey in the north of Upper Lena [stone age]. *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1991–1996 gg.* [Survey of the results of field and laboratory studies of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1991–1996]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS Publ., 2000, pp. 101–105. (In Russ.).

Zadonin O.V., Khomik S.N., Aksenov M.P., Perzhakov S.N., Teten'kin A.V. Geoarcheological sites of the Paleolithic and Mesolithic of the north of the upper Lena Balyshovo III and Lubavskaya I. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2014, no. 1 (10), pp. 9–38. (In Russ.).

Zadonin O.V., Khomik S.N., Ineshin A.V. *Paleoliticheskoe mestonakhozhdenie Balyshovo III na severe Verkhnei Leny* [Paleolithic site Balyshovo III in the north of Upper Lena]. *Tezisy dokladov k XXX regional'noi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii "Paleoetnologiya Sibiri"* [Paleoetnology of Siberia: proceedings of the XXX Regional Archaeological Student Conference (March, 29–31, 1990)]. Irkutsk, 1990, pp. 115–117. (In Russ.).

Ineshin A.V., Tirskikh E.Yu., Karnaukhova O.M. Paleolithic cite Chaika-2. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology and ethnography of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, 1991, vol. I, pp. 99–100. (In Russ.).

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikal'skoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Yakor' I* [Man and the natural environment of the north of the Baikal Siberia in the Late Pleistocene. Site Bolshoi Yakor I]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, 270 p.

Konstantinov M.V. *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii. K Vsemirnomu arkheologicheskomu interkongressu (Zabaikal'e, 1996)* [Stone Age of the eastern region of Baikal Asia. To the World Archaeological Inter-Congress (Transbaikalia, 1996)]. Ulan-Ude: Ion Publ.; Chita: Chita State Pedagogical Institute named after N.G. Chernyshevsky Publ., 1994, 264 p.

Krasnoshchekov V.V. The archaeological site Ust-Bereya (Middle part of the River Kirenga). *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: izuchenie, ok-*

пользование: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 2. С. 62–73.

Краснощеков В.В. Место стоянки Бамовская в кругу верхнеплейстоценовых объектов севера Верхнеленского региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск: Амтера, 2009. С. 243–248.

Краснощеков В.В. Объекты палеолита в бассейне р. Киренга // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: материалы докл. Междунар. симпоз., посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (Иркутск, 1–9 августа 2001 г.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 181–186.

Лещиков Ф.Н. Мерзлотные породы Приангарья и Прибайкалья // Материалы VIII Всесоюзного междуведомственного совещания по геокриологии (мерзлотоведению). Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. Вып. 3. С. 43–45.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В.. Аппликация камня – результат мониторинга археологического памятника Чайка II (Усть-Кутский район, Верхняя Лена) // Байкальское кольцо: материалы обл. краеведч. конф. учащихся. Иркутск, 2010. С. 4–11.

Наумов Е., Инёшина Т.М., Инёшин А.В. Реконструкция первичной обработки камня на палеолитическом памятнике Чайка 2 // Историко-культурное и природное наследие Сибири: материалы V межрегион. краеведч. конф. школьников. Иркутск, 2012. С. 153–161.

Наумов Е., Инёшина Т.М. Реконструкция первичной обработки камня на палеолитическом памятнике Чайка II // Материалы XV Российской научной конференции школьников «Открытие»: сб. тез. (Ярославль, 20–22 апреля 2012 г.). Ярославль, 2012. С. 94–95.

hrana i ispol'zovanie [Archaeological heritage of Baikal Siberia: study, protection and use]. Irkutsk: Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, iss. 2, pp. 62–73. (In Russ.).

Krasnoshchekov V.V. *Mesto stoyanki Bamovskaya v krugu verkhnepleistotsenovykh ob"ektov severa Verkhnelenskogo reiona* [The site Bamovskaya in the circle of the Upper Pleistocene site in the north of the Verkhnelensky Reion]. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918-1937 gg.* [University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school of 1918–1937]. Irkutsk: Amtera Publ., 2009, pp. 243–248.

Krasnoshchekov V.V. Paleolithic sites in the basin of the River Kirenga. *Materialy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 130-letiyu otkrytiya paleolita v Rossii "Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya"* [Modern problems of Eurasian paleolithology: proceedings of the International Conference dedicated to the 130th anniversary of the discovery of the Paleolithic in Russia (Irkutsk, August 1–9, 2001)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 181–186. (In Russ.).

Leshchikov F.N. Permafrost rocks of the Angara and the Baikal region. *Materialy VIII Vsesoyuznogo mezhduvedomstvennogo soveshchaniya po geokriologii (merzlotovedeniyu)* [Materials of the VIII All-Union Interdepartmental Meeting on Geocryology (Permafrost)]. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ., 1966, Iss. 3. pp. 43–45. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. *Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [The earliest stages of the settlement of man by Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, 264 p.

Naumov E., Ineshina T.M., Ineshin A.V. The refitting of the stone artifacts is the result of monitoring the archaeological site of Chaika II (Ust-Kutsky district, Upper Lena). *Materialy oblastnoi kraevedcheskoi konferentsii uchashchikhsya "Baikal'skoe kol'tso"* [Baikal Ring: proceedings of the Regional Local History Pupils Conference], Irkutsk, 2010, pp. 4–11. (In Russ.).

Naumov E., Ineshina T.M., Ineshin A.V. Reconstruction of the primary stone processing on the Paleolithic site Chaika 2. *Materialy V mezhregional'noi kraevedcheskoi konferentsii shkol'nikov "Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie Sibiri"* [Historical, cultural and natural heritage of Siberia: Proceedings of the V Interregional Local History Schoolchildren Conference]. Irkutsk, 2012, pp. 153–161. (In Russ.).

Naumov E., Ineshina T.M. Reconstruction of primary stone processing on the Paleolithic cite Chaika II. *Materialy XV Rossiiskoi nauchnoi konferentsii shkol'nikov "Otkrytie"* [Proceedings of the XV Russian Scientific Conference of Schoolchildren "Discovery" (Yaroslavl, April 20–22, 2012)]. Yaroslavl', 2012, pp. 94–95. (In Russ.).

Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) при строительстве параметрической скважины № 177 Усть-Орлингской (Южно-Усть-Кутский лицензионный участок). Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. 177 с.

Павленок Г.Д. Технологии изготовления клиновидных нуклеусов в селенгинской культуре каменного века западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта 3) // Известия АГУ. 2015. № 3–2 (87). С. 178–184.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. С. 94–95.

Тетенькин А.В. Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме // Stratum plus. 2016. № 1. С. 265–315.

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести. 2017. Вып. 23. С. 33–55.

Уфимцев Г.Ф. Байкальская тетрадь. Очерки теоретической и региональной геоморфологии. М.: Научный мир, 2009. 240 с.

Щукин И.С. Четырёхъязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. М.: Советская энциклопедия, 1979. 703 с.

[Environmental impact assessment (EIA) in the construction of a parametric well No. 177 of the Ust-Orlinga (South Ust-Kut license area)]. Irkutsk: Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, 177 p. (In Russ.)

Pavlenok G.D. Technologies for making wedge-shaped cores in the Selenga culture of the Stone Age of Western Transbaikalia (based on the Ust-Kyakhta 3 site). *Izvestiya AGU* [Reports of Altai State University], 2015, no. 3–2 (87). Pp. 178–184. (In Russ.).

Tashak V.I. *Paleoliticheskie i mezoliticheskie pamyatniki Ust'-Kyakhty* [Paleolithic and Mesolithic sites of Ust-Kyakhta]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2005, 130 p.

Teten'kin A.V. The problem of determining the archaeological specifics of the Baikal-Patom Upland at the end of the Pleistocene – the first half of the Holocene. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraya Russa* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. Veliky Novgorod – Staraya Russa]. Saint Petersburg – Moscow – Veliky Novgorod, 2011, pp. 94–95. (In Russ.).

Teten'kin A.V. A multi-layered site Kovrizhka III on the Lower Vitim. Stratum plus, 2016, no. 1, pp. 265–315. (In Russ.).

Teten'kin A.V., Anri A., Klement'ev A.M. Kovrizhka IV: Late Paleolithic complex of the cultural horizon 6. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2017, iss. 23, pp. 33–55. (In Russ.).

Ufimtsev G.F. *Baikal'skaya tetrad'. Ocherki teoreticheskoi i regional'noi geomorfologii* [The Baikal notebook. Essays on theoretical and regional geomorphology]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2009, 240 p.

Shchukin I.S. *Chetyrekh"yazychnyi entsiklopedicheskii slovar' terminov po fizicheskoi geografii* [Four-language encyclopedic dictionary of terms for physical geography]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979, 703 p. (In Russ).

Сведения об авторах

Инёшин Александр Валерьевич (1963–2015),
учитель истории Средней общеобразовательной школы № 8 г. Усть-Кута,
г. Усть-Кут, Российская Федерация.

Задонин Олег Владимирович (1962–1996),
специалист-археолог,
Центр по сохранению историко-культурного наследия,
г. Иркутск, Российская Федерация.

Инёшина Татьяна Михайловна,
учитель истории МОУ СОШ № 8 г. Усть-Кута,
руководитель Научного общества учащихся «Спектр»,
руководитель Археологического клуба «Отщепенец»,
руководитель школьного Музея археологии и этнографии,
г. Усть-Кут, Российская Федерация,
e-mail: t.m.inyoshina@mail.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Inyoshin (1963–2015),
teacher of history of the School No. 8 in Ust-Kut,
Ust-Kut, Russian Federation.

Oleg V. Zadonin (1962–1996),
expert-archaeologist,
Center for the Preservation of the Cultural Heritage,
Irkutsk, Russian Federation.

Tatiana M. Inyoshina,
history teacher in the School No. 8, Ust-Kut city,
leader of the Scientific Pupil Society “Spektr”,
leader of the Archaeological Club “Otschepenets”,
director of the School Museum of Archaeology and Ethnography,
Ust-Kut, Russian Federation,
e-mail: t.m.inyoshina@mail.ru

Пержаков Сергей Николаевич,
специалист-археолог,
ООО «Раритет»,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: perzhakov@rambler.ru
Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: altet@list.ru

Sergei N. Perzhakov,
expert-arcchaeologist,
OOO “Raritet”,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: perzhakov@rambler.ru
Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: altet@list.ru

Критерии авторства

Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. выполнили исследовательскую работу, Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Ineshin A.V., Zadonin O.V., Ineshina T.M., Perzhakov S.N., Tetenkin A.V. carried out a research work, Ineshina T.M., Perzhakov S.N., Tetenkin A.V. carried out a generalization on the basis of the obtained results, prepared the manuscript for publication, have copyrights for the article, and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.01(571.53)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-46-63

Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал)

© А.В. Тетенькин, Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В 2016 г. Северобайкальская археологическая экспедиция ИРНИТУ обнаружила новое археологическое местонахождение Балтаханова V на северо-западном побережье озера Байкал. Коллекция первых находок не содержит керамики. По ряду типологических признаков комплекс артефактов охарактеризован как мезолитический. Наряду с отсутствием керамики основными типологическими аргументами этой оценки являются: срединный резец, скребок из реберчатого скола с бифаса, изделия из микропластин, трансверсальный резцовый скол, галечные орудия. Принимая во внимание мезолитические по облику находки на ряде других местонахождений в районе губы Балтаханова, сделан вывод об обитании в этом районе древнего населения в период рубежа – начала голоцена, в эпоху мезолита. Ввод нового археологического материала сделан на фоне панорамы истории изучения докерамических комплексов на Северном Байкале 1960-х – 2010-х гг. Первый этап начат В.В. Свининым и Л.П. Хлобыстиным в 1960-е гг. Наивысший расцвет приходится на конец 1970-х – начало 1980-х гг., когда П.Е. Шмыгуном, Т.А. Абдуловым и другими была открыта и исследовалась Курлинская группа стоянок. В последующий период археологи В.В. Свинин, А.В. Харинский и другие занимались в основном тематикой археологии от неолита до средневековья. Но периодически в поле зрения попадали и материалы мезолитического облика. В последнем случае – это находки с местонахождения Балтаханова V.

Ключевые слова: Северный Байкал, мезолит, Балтаханова V, бескерамические комплексы культурных остатков, история изучения донеолитических комплексов на Северном Байкале, ранний голоцен, типологические признаки, артефакты мезолитического облика, Северобайкальская археологическая экспедиция ИРНИТУ

Информация о статье: Дата поступления 27 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 28 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М. Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 46–63. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-46-63**.**

New Stone Age site Baltakhanova V (Northern Baikal)

© Aleksey V. Tetenkin, Dmitriy E. Kichigin, Aleksey M. Korostelev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In 2016, the North Baikal Archeological Expedition of INRTU discovered a new archaeological site Baltakhanova V on the north-west coast of Lake Baikal. The collection of the first finds does not contain ceramics. For a number of typological signs, the complex of artifacts is characterized as Mesolithic. Along with the lack of ceramics, the main typological arguments of this assessment are the middle-angle burin, the end-scraper on the crest spall from the biface, microblade products, the transversal burin spall, and pebble tools. Taking into account the Mesolithic-like findings at a number of other locations in the Baltakhanov Bay area, it was concluded that the ancient population inhabited this area at the Early Holocene period, in the Mesolithic era. The introduction of a new archaeological material is made on the given background of a panorama of the history of the study of pre-ceramic complexes on Northern Baikal in 1960s – 2010s. The first stage started by V.V. Svinin and L.P. Khlobystin in the 1960s. The highest flourishing came at the end of the 1970s and the beginning of the 1980s, when P.E. Shmygun, T.A. Abdulov and others discovered and investigated the group Kurla sites. In the subsequent period, archaeologists V.V. Svinin,

A.V. Kharinsky and others were engaged mainly in archeological subjects from the Neolithic to the Middle Ages. But periodically the materials of the Mesolithic oblique came into view. In the latter case, these are finds from the Baltakhanova V site.

Keywords: North Baikal, Mesolithic, Baltakhanova V, ceramics-free complexes of cultural remains, history of the study of Pre-Neolithic assemblages on the North Baikal, Early Holocene, typological characteristics, Mesolithic artifacts, Severobaikalsk archeological expedition of the INRTU

Article info: Received December 27, 2018; accepted for publication January 28, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Tetenkin A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M. New Stone Age site Baltakhanova V (Northern Baikal). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 46–63. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-46-63.

Введение

Летом 2016 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ) под руководством А.В. Харинского проводились раскопочные и разведочные работы на северо-западном побережье озера Байкал. Во время проведения мониторинга известных археологических местонахождений на берегу губы Богучанская и губы Балтаханова участниками экспедиции Д.Е. Кичигиным, А.М. Коростелевым и С.В. Снопковым в срединной части губы Балтаханова был обнаружен новый археологический объект эпохи каменного века, обозначенный как местонахождение Балтаханова V (рис. 1).

Сама территория срединной части губы Балтаханова с момента появления первых археологов на северо-западном побережье Байкала никогда не вызывала особый интерес у исследователей: местность, где в Байкал впадают два небольших ручья, характеризуется низкими гипсометрическими отметками береговой террасы и, как следствие, высокой подтопляемостью, кочкообразным рельефом и редколесьем, т. е. заболоченностью. Этот участок побережья по уже «натоптанному» маршруту, соединяющему лагерь археологов в окрестностях с. Байкальского и известные стоянки Балтаханова II и III, расположенные в северной части губы, обычно всегда выпадал из внимания ученых. Скорее всего, так же могло произойти и на этот раз.

Одной из причин остановки отряда в этом месте на заключительном и уже малоинтересном отрезке пути по маршруту мониторинга явилась оценка последствий крупных лесных пожаров лета 2015 г., когда огнем полностью были уничтожены лиственничные леса южной половины губы Балтаханова, включая территории, расположенные к югу от мыса Красный Яр (территория стоянки Красный Яр II полностью выгорела). В месте прокладки бульдозером заградительной траншеи, остановившей распространение пожара в северном направлении, в грунте, выброшенном на галечный пляж, была найдена первая находка – медиальный сегмент призматической пластины. В результате дальнейшего осмотра поверхности береговой террасы к югу от траншеи, на пепелище, было собрано более 50 предметов из камня (рис. 2).

Целью настоящей статьи является ввод в научный оборот археологических материалов нового местонахождения Балтаханова V. Типологическая оценка комплекса находок имеет предварительный характер.

История изучения донеолитических комплексов на Северном Байкале

Археологическое освоение Северного Байкала было начато позднее других его частей, в 1960-е гг. Честь организации первых работ принадлежит В.В. Свинину, который в 1963–1965 гг. выступил руководителем экспедиций Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского государственного университета, Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Им было открыто 23 археологических местонахождения (Свинин, 1966).

Вторым исследователем Северного Байкала стал Л.П. Хлобыстин, работавший здесь также с

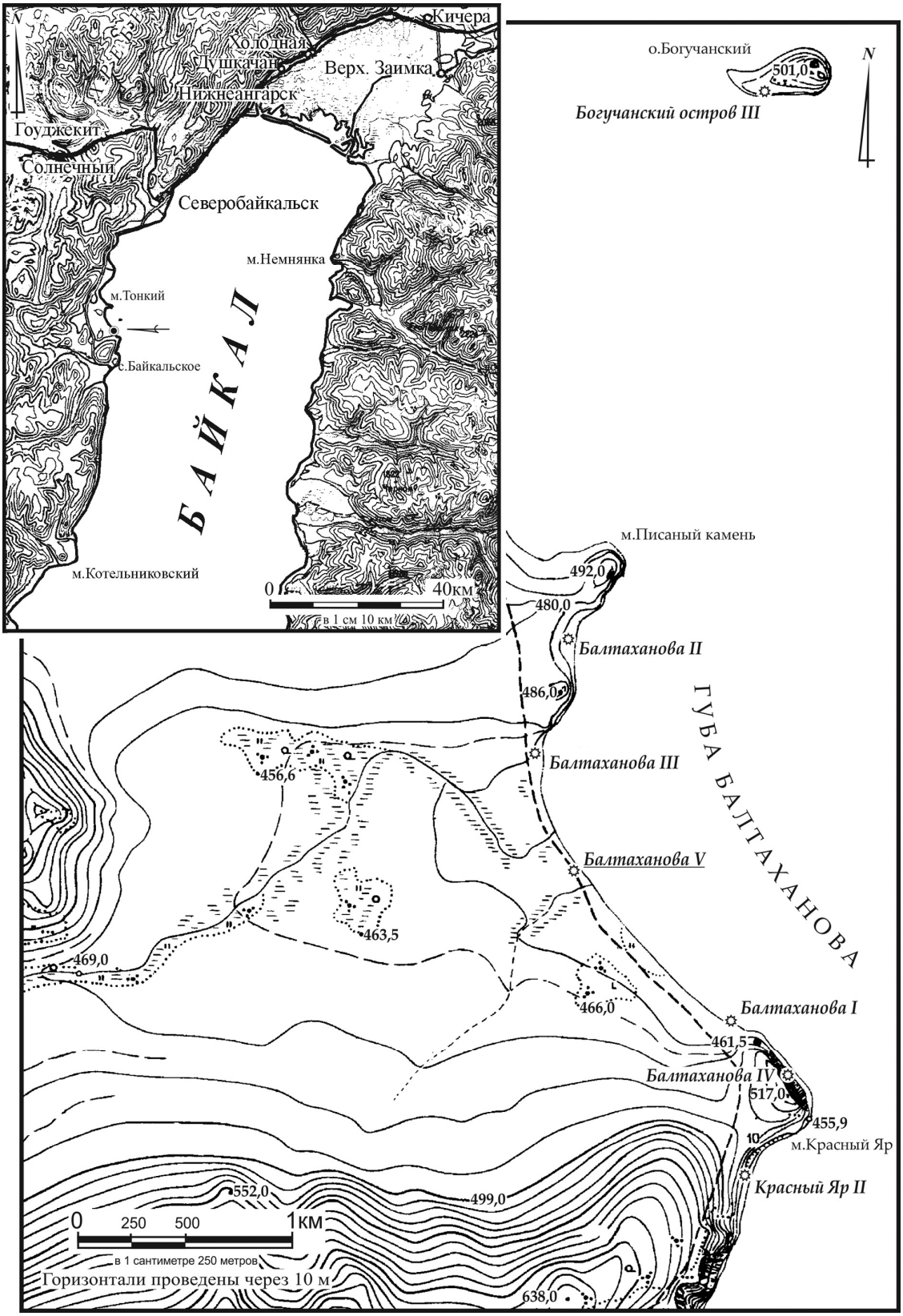

Рис. 1. Карта-схема месторасположения археологических объектов Балтаханова I–V, Красный Яр II и Богучанский остров III (Северобайкальский район Республики Бурятия)

Fig. 1. Map of the location of the archaeological sites of Baltakhanova I–V, Krasny Yar II and Boguchansky Ostrov III (Severobaikalsky District of the Republic of Buryatia)

Рис. 2. Вид на местонахождение Балтаханова V с севера
Fig. 2. View of the location of Baltakhanov V from the north

1963 г. Два памятника Лударская I и Лударская III были определены как донеолитические (Хлобыстин, 1965а). На Лударской III собранный подъемный материал обнаружил черты подобия с материалами финально-палеолитических комплексов Верхоленской Горы и Черемушника. На этом основании для Лударской III был предложен возраст XII–XI тыс. до н. э. и дано стадиальное определение «эпипалеолит» (Хлобыстин, 1965а. С. 253–255). На второй стоянке Лударская I нижний культурный горизонт содержал археологический материал, сопоставленный с XI слоем Улан-Хады (Хлобыстин, 1965а. С. 271–272).

Обсуждая основания для выделения Л.П. Хлобыстиным эпипалеолита, В.В. Свинин отмечал главную тафономическую специфику Лударской I и III, а по нашему мнению, и большинства археологических местонахождений Северного Байкала – компрессионный характер, наличие в одном слое находок «эпипалеолитического» облика и керамики (Свинин, 1966. С. 56). В этих условиях единственным путем научного изучения остается типологический подход – выделение по морфологическим признакам донеолитических артефактов и корреляция их с артефактами из известных, стратифицированных и датированных комплексов. Эту же роль для неолита играет керамика (Свинин, 1966. С. 56).

В 1975 г. в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали на побережье Байкала от пос. Нижнеангарск до устья р. Тыя начала работы Комплексная археологическая экспедиция ИГУ совместно со специалистами ИЗК СО АН СССР. Главным результатом стало открытие шести пунктов Курла VI (Шмыгун, Сизиков, 1977; Шмыгун, 1978а). Работами руководил П.Е. Шмыгун. В 1976–1977 гг. им проводились спасательные работы на Курле I–III, VI. По всем признакам стратиграфии и морфотипологии они представляли собою пункты единого обширного стояночного комплекса. Всего в итоге выделено 8 пунктов. Основные материалы дали пункты Курла I–III. Культурные горизонты были синхронизированы и составлена единая стратиграфическая схема. Это открытие Курлы стало главным событием в истории изучения донеолитических комплексов Северного Байкала. Во-первых, впервые для этого района были открыты чистые, т. е. несмешанные, стратифицированные, морфотипологически, статистически, планиграфически выразительные комплексы. Во-вторых, нижний, 3-й культурный горизонт представил совершенно оригинальный комплекс микролитической индустрии поразительно древнего возраста – свыше 20 тысяч лет (радиоуглеродная дата – 24060±5700 л. н. (СОАН-1397)). Его яркий облик притянул на себя основное исследовательское внимание (Шмыгун, 1978а, 1978b, 1981; Шмыгун, Сизиков, 1977; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Шмыгун, Филиппов, 1980, 1982). Возраст и микролитический характер прибайкальских стояночных комплексов каменной индустрии Красного Яра I, Курлы I–III и других стали на рубеже 70–80-х гг. едва ли не главными аргументами в развитии иркутскими археологами концепции мезолита (Лынша, 1978; Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1978; Медведев, 1980).

В тени оказался 2-й докерамический культурный горизонт (д. к. г.) Курлы I–III, VI. По трем радиоуглеродным датам он имеет возраст около 15–13 тыс. л. н. (по углю из Курлы III – 15200±1250 (СОАН-1396); по кости – 13160±960 (СОАН-1396-К); по углю из Курлы VI – 14150±960 (СОАН-1398) (Шмыгун, 1981). Однако материалы по комплексу остаются, практически, не опубликованными.

В 1979 г. поздний 1-й д. к. г. был раскопан Т.А. Абдуловым на Курле IV. Эти материалы опубликованы (Абдулов, 1991). Фактически, открытие Курлы форсировало тематику палеолита – мезолита на Северном Байкале, получены три эталонных комплекса для хронологического интервала 24–20 – 7 тыс. л. н.

Основные публикации нижнего, 3-го докерамического горизонта Курлы прошли в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (Шмыгун, 1978а, 1978b, 1981; Шмыгун, Сизиков, 1977; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Шмыгун, Филиппов, 1980, 1982). В силу публикационных возможностей того времени материалы Курлы по нынешним меркам освещены довольно скромно. Кроме этого, к сожалению, строительство БАМа и естественная экзарация береговой линии оз. Байкал, практически, полностью

уничтожили оставшуюся перспективную площадь Курлы I–VIII. Лишь в 2000-е гг. произошел новый всплеск работ с материалами Курлы I–III. Под руководством П.Е. Шмыгуна были защищены дипломные работы Г.Н. Молчанова, П.В. Топчий, по каменной и костяной индустрии 3 и 2 к. г. Курлы I–III (Молчанов, 2007; Топчий, 2007), давшие подробное описание выбранных аспектов и подтвердившие все основные выводы о возрасте и культурно-хронологической принадлежности названных комплексов.

Обозначим теперь основные сюжетные линии и проблемные ситуации, вызванные к жизни открытием Курлинской группы стоянок. Прежде всего, весьма нетипична каменная индустрия 3 донеолитического культурного горизонта (д. к. г.). Она имеет ярко выраженный микролитический облик. Это, во-первых, большая серия клиновидных микронуклеусов весьма миниатюрных не только в остаточных формах, но и в начальных (Шмыгун, 1978b). Обычно высота фронта не превышает 2 см. Исходными преформами были овальные бифасики мелких размеров. Ориентация микропластинчатых снятий поперечная относительно длинной оси бифаса. Ударные площадки готовились одним ударом с фронта – снятием продольного реберчатого или лыжевидного скола. В этом пункте техника их изготовления напоминает юбецу, но прямых технических аналогов все же нет. Во-вторых, весьма необычна серия миниатюрных орудий – отщепов случайных форм с мелкой краевой ретушью, интерпретированных как резцы, резчики и скобели (Шмыгун, Филиппов, 1982). Вместе с изделиями из кости они представлены как остатки сферы обработки кости и костяного производства. Прямых аналогов этой группе орудий в памятниках позднего палеолита – мезолита Байкальской Сибири нет.

Еще один сюжет представлен серией изделий из кости. По-видимому, костяное производство было одной из основных сфер деятельности на стоянке. С изготовлением костяных орудий, в том числе вкладышевых, связано, вероятно, и производство микропластин. Уникальными являются обнаруженные линейный и перовидный орнаменты гравировки на кости (Шмыгун, 1981. Рис. 2–5; Шмыгун, Филиппов, 1982. Рис. 1–1, 2, 3, 4; Medvedev, 1998. Fig. 129–1).

Наконец, весьма древним, как уже отмечалось, является радиоуглеродный возраст около 24 тыс. л. н. Проблема здесь состоит в том, что он задан всего одной радиоуглеродной датой с экстремально большим допуском (±5700 лет), что по сегодняшним меркам делает дату недостаточно валидной. Понимая это, П.Е. Шмыгун с соавторами в поддержку такого возраста выдвигал аргумент о датировке подобным возрастом расположенных недалеко приледниковых отложений, в частности, конечно-моренного пояса в долине реки Рель (Шмыгун, Ендрихинский, 1978). К сказанному следует добавить, что даты по вышележащему 2 докерамическому культурному горизонту гарантируют, что возраст 3 д. к. г. древнее 15–13 тыс. л. н.

Автором исследований П.Е. Шмыгуном, Г.И. Медведевым, В.А. Лыншей и другими ранние датировки 3 и 2 докерамических культурных горизонтов были приняты и использованы как аргумент древнего возраста появления мезолита в Прибайкалье (Медведев, 1980; Лынша, 1980[1]; Савельев, Свинин, 1990). Предлагалось даже выделить на основе 3 д. к. г. курлинскую археологическую культуру (Шмыгун, Филиппов, 1982. С. 22). Таким образом, материал Курлы I–III послужил источниковой базой для развития концепции мезолита в Прибайкалье и постановки проблемы его возникновения.

Второй докерамический культурный горизонт лучше обеспечен радиоуглеродными определениями и имеет три даты в интервале 15–13 тыс. л. н. Однако, он не получил такого освещения как нижний, 3 д. к. г. Материалы 2 д. к. г. приведены лишь в полевых отчетах и позднее в дипломных работах. В них отмечалось в целом принципиальное отличие облика индустрий 2 и 3 д. к. г. и, следовательно, иная культурная принадлежность. Было заявлено о близости в этом отношении комплекса 2 д. к. г. к 1 докерамическому культурному горизонту.

[1] Лынша В.А. Мезолит юга Средней Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 16 с. / Lynsha V.A. Mesolithic of the south of Central Siberia: Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). L., 1980. 16 p.

Первый докерамический культурный горизонт Курлы I–III в раскопках П.Е. Шмыгуна был представлен такими «руководящими» формами как клиновидные нуклеусы, трансверсальные резцы. На этих морфотипологических основаниях и данных стратиграфии он отнесен к мезолиту и раннему голоцену, а в терминах археологической культурной принадлежности определен к верхоленской культуре. Материалы коллекции 1 д. к. г., также как и 2 д. к. г., не были опубликованы.

Нижний, бескерамический культурный горизонт Курлы IV (раскопки Т.А. Абдулова) также определен как раннеголоценовый и мезолитический, входящий в круг памятников верхоленской культуры. Эти материалы отражены в отдельной публикации (Абдулов, 1991). Нижний комплекс Курлы IV определен как синхронный и соотнесён с 1 д. к. г. Курлы I–III. Верхний бескерамический горизонт Курлы IV Т.А. Абдулов отнес к финальному мезолиту. Одним из оснований для этого определения была находка тесла «с перехватом», типичного для финального мезолита Прибайкалья.

На наш взгляд, представления о 2 и 1 д. к. г. страдают общим для Курлы недостатком – недоизученностью: нет радиоуглеродных определений возраста 1 д. к. г., нет развернутой аргументации выявленного сходства 1 и 2 д. к. г. друг с другом, отсутствует морфотипологическая корреляция с памятниками р. Витим и Южного Забайкалья. Тем не менее сохраняется потенциал изучения Курлы в означенных направлениях.

В 1998 г. в США вышла книга «Палеолит Сибири: новые открытия и интерпретации», в которой Г.И. Медведевым была написана глава «Позднепалеолитические памятники на юге Центральной Сибири» (Medvedev, 1998). Как наиболее репрезентативные в нее вошли стоянки Военный Госпиталь, Игетейский Лог I, Мальта, Буреть, Красный Яр и Курла I–VIII. По мнению Г.И. Медведева, возраст нижнего, 3 докерамического горизонта Курлы, скорее всего, моложе имеющейся радиоуглеродной даты 24060±5700 л. н. (СОАН-1396) на 1900 лет (Medvedev 1998. С. 132). Тем не менее в возрастном определении около 20 тыс. л. н. Курла, наряду с Мальтой, Буретью и нижними горизонтами Красного Яра, отнесена к «классическому» этапу позднего палеолита, для которого ведущими признаками являются: 1) расщепление призматических нуклеусов; 2) остатки жилищ; 3) предметы искусства (Medvedev, 1998. С. 123, 132).

Далее Г.И. Медведев отнес нижний комплекс Курлы I–III к кругу южносибирских позднепалеолитических памятников Восточной Сибири, противопоставив дюктайской культуре. Как наиболее культурно-типологически близкие были названы нижние комплексы Красного Яра в Прибайкалье и Икарал в Забайкалье. Таким образом, определение нижнего комплекса Курлы как мезолитического было снято с повестки, и он вписан в картину верхнего палеолита Восточной Сибири.

С 1986 г. работы на Северном Байкале велись под руководством А.В. Харинского (Абдулов и др., 1988), а в последствие и его учеников И.С. Карнышева, Ю.А. Емельяновой, А.М. Коростелева и Д.Е. Кичигина. В основном, исследования были нацелены на поздние отделы археологии – бронзовый и железный века. Однако в силу довлеющей тафономической специфики осадконакопления на побережье Северного Байкала большинство памятников имеет компрессионный, смешанный культурный слой, вмещающий культурные остатки и более древних эпох. По типологическим признакам в них выделяются артефакты мезолитического и палеолитического облика.

В 2004 г. материалы местонахождения Балтаханова III на Северном Байкале изучал Е.М. Инешин. Он описал чистое, несмешанное пятно концентрации культурных остатков, по облику определенных как палеолит-мезолитические (Инешин, Карнышев, 2005). Культурные остатки залегали в маломощной пачке слабодиагностичных вследствие этого отложений. Основанием для донеолитического возрастного определения послужили артефакты микролитического технокомплекса расщепления: микронуклеусы, микропластинки.

Помимо Балтаханова III на Северном Байкале изделия палеолит-мезолитического облика (тесла с перехватом, асимметричный бифас, трансверсальный резец) в разное время были найдены на местонахождениях Балтаханова II, Богучанская IV, о-в

Богучанский, Красный Яр II–1 к.г. (Тетенькин, Кичигин, 2018).

Подводя итоги полувековой истории изучения донеолитических комплексов Северного Байкала, следует выделить три этапа исследований.

1 этап (1964–1974) – начальный, «лударский» этап. Его инициаторами стали В.В. Свинин и Л.П. Хлобыстин. Основным итогом стало открытие археологических комплексов донеолитического облика Лударская I, III. В этот период археологи встретились с основной компрессионной тафономической спецификой культуровмещающих отложений Северного Байкала.

2 этап (1975 – начало 1980-х гг.) – «курлинский» этап, принесший наибольшие научные плоды. Основными исследователями были П.Е. Шмыгун, Т.А. Абдулов. Была открыта и раскопана группа стоянок Курла I–VIII. Выявлены стратиграфически несмешанные донеолитические культурные комплексы возрастом около 24–21 тыс. л. н. (3 д. к. г.), 15–13 тыс. л. н. (2 д. к. г.), 10–8 тыс. л. н. (1 д. к. г.– нижний), 7 тыс. л. н. (1 д. к. г. – верхний). Верхние – 2 и 1 нижний докерамические культурные горизонты оценены как культурно единые, соотнесены с верхоленской мезолитической культурой. Нижний комплекс 3 д. к. г. оценен как уникальный в технико-типологическом и хронологическом аспектах. В этом качестве он послужил в разные годы П.Е. Шмыгуну и Г.И. Медведеву материалом для развития региональной концепции мезолита и для организации региональной палеолитической схемы.

3 этап (середина 1980-х – 2017 гг.) – «посткурлинский» этап изучения палеолита и мезолита Северобайкальского побережья. В орбиту внимания археологов эпизодически попадали культурные остатки донеолитического облика. Основными исследователями этого периода стали А.В. Харинский, Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, Е.М. Инешин.

История исследования побережья губы Балтаханова

Открытие первых стоянок на берегах губы Балтаханова происходит в рамках сплошного обследования северной части побережья озера Байкал в 1963–1965 гг. усилиями совместных экспедиций Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского госуниверситета и Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Руководителями и активными участниками этих полевых сезонов были Л.П. Хлобыстин, П.П. Хороших и В.В. Свинин (Свинин, 1966).

Так, в 1963 г. Л.П. Хлобыстиным в южной части губы Балтаханова у мыса Красный Яр найдены призматические пластинки, отщепы и фрагменты тонкостенной керамики. Новое местонахождение (Красный Яр: по Свинину, 1966) впоследствии получило название Балтаханова I. На следующий год в северной части губы им отмечено еще два пункта – стоянки бронзового и раннего железного веков Балтаханова II (Писанный камень: по Свинину, 1966) и Балтаханова III (Хлобыстин, 1964, 1965b; Свинин, 1966).

Новый этап исследования северо-западного побережья Байкала и долины р. Верхняя Ангара приходится на 70–80 гг. и связан со строительством Байкало-Амурской магистрали. В 1977 г. Северобайкальским отрядом КАЭ ИГУ (начальник П.Е. Шмыгун) после завершения раскопочных работ на стоянке Курла I предпринята небольшая разведка на береговом участке от мыса Тыя до с. Байкальское. Осмотрено несколько археологических местонахождений, среди которых стоянка Балтаханова II. Археологический материал зафиксирован в кровле второго геологического слоя и представлен гладкостенной и шнуровой керамикой.

В 1978 г. работы на Северном Байкале проводил отряд археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР под руководством А.Д. Цыбиктарова и Л.В. Тиваненко. На стоянке Балтаханова II (Писаный Камень II по Цыбиктарову, 1979) ими найдено несколько фрагментов керамики, наконечники стрел и отщепы (Цыбиктаров, 1979).

В 1983 г. Северобайкальским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ) (начальник Ю.П. Лыхин) проводилось археологическое обследование трассы строящейся автодороги «Тыя – Байкальское». На стоянке Балтаханова II отрядом

собрано несколько фрагментов гладкостенной керамики, орнаментированных ямочками, налепными валиками, рассеченным гребенчатым штампом, призматические пластины (Лыхин, 1984).

Следующий этап археологических исследований на северо-западном побережье Байкала связан уже с систематическими исследованиями на открытых ранее памятниках и изучением целого спектра археологических объектов, среди которых основное внимание будет уделено городищам и погребально-поминальным комплексам.

С 1986 по 1995 гг. основные работы на ряде местонахождений северного побережья Байкала проводил отряд КАЭ ИГУ под руководством А.В. Харинского (1988–1990, 1992, 1993, 1995) (Харинский, 1987, 1988; 1991; 1993; 1996). В 1986 и 1987 гг. в работах в северобайкальском районе принимал участие В.В. Свинин. Подъемные сборы археологического материала в северной части губы Балтаханова (стоянки Балтаханова II и III) проводились в 1987, 1990, 1992, и 1995 гг. Среди находок: гладкостенная керамика, керамика с оттисками шнура, «вафли» и сетки-плетенки.

В 1989 г. А.В. Харинским, М.А. Зайцевым и Г.К. Рыковым на стоянке Балтаханова III произведены шурфовочные работы: вдоль линии берега в два параллельных ряда заложено 11 шурфов. По результатам шурфовки выявлено 3 культурных слоя. Первый к. с. (I тыс. н. э.) привязан к слою дерна, включает фрагменты керамики от гладкостенных толстостенных сосудов, битую кость. Второй к. с. (V–I тыс. до н. э.) привязан к слою бурой супеси. Среди находок фрагменты гладкостенной, шнуровой, вафельной, рубчатой и сетчатой керамики, скребки, наконечники стрел, призматические пластинки, сколы и отщепы из кремнистых пород. Третий к. с. (поздний плейстоцен – ранний голоцен) привязан к подошве слоя желтой супеси. В слое обнаружены кварцитовые микропластины, краевые сколы, короткий лыжевидный скол, микронуклеус, отщепы и чешуйки (Инешин, Карнышев, 2005).

В связи с переходом А.В. Харинским в 1997 г. на работу в Иркутский государственный технический университет (ИрГТУ) (ныне ИРНИТУ), археологические исследования на Северном Байкале стал проводить археологический отряд этого учебного заведения. В 1999 г. житель села Байкальское А. Кетров указал участникам отряда два археологических местонахождения, расположенных на мысу Красный Яр. Одно из них – могильник бронзового века Красный Яр I, второе местонахождение – стоянка Красный Яр II. В обнажениях берега собраны керамика бронзового века, кости животных и кремневые отщепы. С северной стороны мыса осмотрены петроглифы, выполненные охрой на скальной поверхности. С северо-запада к скалам с петроглифами примыкал террасовидный склон, в обнажениях которого собраны кремневые отщепы и керамика, украшенная «жемчужинами». Памятнику присвоено название Балтаханова IV.

В 2004–2005 гг. ограниченные по площади раскопочные работы на стоянке Балтаханова III осуществлялись Северобайкальским отрядом Лаборатории древних технологий ИрГТУ под руководством И.С. Карнышева.

По итогам раскопок 1989, 2004 и 2005 гг. на стоянке Балтаханова III общая вскрытая 13 шурфами и двумя раскопами площадь составила 44,5 кв. м. Выяснилось, что археологический материал в количестве 906 находок разбивается стратиграфически на три культурных слоя, датируемые средневековьем (1 к. с.), неолитом – железным веком (2 к. с.), поздним плейстоценом – ранним голоценом (3 к. с. – шурф № 8, 1989 г.) (Харинский, Карнышев, 2003; Карнышев, 2004).

В 2006 г. И.С. Карнышевым совместно с кадетами Томского кадетского корпуса (руководитель Н.А. Егорова) произведены первые раскопочные работы на стоянке Красный Яр II. Выше места концентрации археологического материала в береговых обнажениях заложен раскоп № 1, общей площадью 20 кв. м и глубиной 0,32–0,52 м. В результате раскопочных работ выяснилось, что археологический материал в количестве 2124 находок залегает в первых трех геологических слоях – почвенно-растительный горизонт, слой темно-серой супеси и слой светло-бурой супеси – и практически не разделен, включает материалы эпохи неолита – железного века.

В 2008 г. в целях определения перспектив дальнейшего исследования известных археологических объектов Д.Е. Кичигин (Северобайкальский отряд Лаборатории древних технологий ИрГТУ) с группой школьников Иркутского Центра детско-юношеского туризма и краеведения г. Иркутска (руководитель М.Л. Сидорчук (Бородина) провел мониторинг ряда местонахождений: Балтаханова II и III, Красный Яр II и Богучанский остров III. На этих объектах был произведен сбор подъемного материала, сделаны зачистки береговых обнажений. Большинство изделий донеолитического облика с берегов губы Балтаханова и прилегающих к ней территорий происходят из коллекций именно этого года. После проведения мониторинга дальнейшие археологические исследования было решено продолжить на стоянке Красный Яр II.

В 2008–2009 гг. Д.Е. Кичигиным на стоянке Красный Яр II проводились раскопочные работы. Общая вскрытая площадь на стоянке к концу сезона 2009 г. составила 49 кв. м. Археологический материал в количестве 4450 находок (керамика – 1889 фр., камень – 794 экз., кость – 1763 фр., металл – 1 экз. и шлак – 3 экз.) раскладывался стратиграфически на два культурных слоя, привязанных к первым трем геологическим стратам – дерн, слой темно-серой супеси (I к. с. – ранний железный век – средневековье) и слой светло-бурой супеси (II к. с. – неолит – бронзовый век) (Кичигин, 2010; 2012[2]).

В итоге, с момента открытия первых местонахождений на побережье губы Балтаханова в 1963 г. и по 2016 г. через центральную часть бухты прошло 7 археологических отрядов разных научных организаций, некоторые из них несколько раз за сезон проходили здесь через болотистую в наши дни местность низкой береговой террасы. Обнаружение местонахождения Балтаханова V могло быть, и в конечном итоге стало, делом случая.

[2] Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья озера Байкал (по материалам стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 18 с. / Kichigin D.E. Late Bronze – Early Iron Age of the north-western coast of Lake Baikal (based on data of site): Thesis of the dis. ... Cand. of Sciences (History). Vladivostok, 2012. 18 p.

Археологические материалы местонахождения Балтаханова V

Археологический материал с местонахождения Балтаханова V в количестве 54 каменных предметов из кремнистых пород был собран на выгоревшей площадке (на пепелище) низкой береговой террасы высотой 1,5–2,0 м от уреза воды в озере в 2016 г.[3]. Площадь сбора составила около 200 кв. м. При этом наибольшая концентрация предметов отмечена на меньшей площади в 2–3 м от галечной косы (рис. 2).

Среди находок выделяются несколько диагностичных изделий. Наиболее интересен срединный резец–скребок (рис. 3. 9). Он изготовлен из массивного пластинчатого скола, имеет длину 7 см. Резцовая грань образована микропластинчатыми резцовыми снятиями в обоих направлениях, влево и вправо. Тело резца отретушировано крутой маргинальной ретушью в пяточной части настолько тщательно, что последняя имеет форму концевого скребка и, вероятно, таковым и являлась. Находки срединных резцов, однако более миниатюрных, на севере Байкальской Сибири известны на стоянках Купреев ручей 3, на Средней Ангаре и Мамакан VI на Нижнем Витиме (Волокитин, Инешин, 1991; Тетенькин, 2014), они отнесены к позднему палеолиту. С другой стороны, похожий срединный многофасеточный резец из массивного пластинчатого скола, отретушированный вдоль тела крутой ретушью, известен в 1 мезолитическом горизонте Усть-Белой (Мезолит Верхнего Приангарья, 1971. Табл. 38–1).

Среди изделий 4 скребка. Два из них – из отщепов (рис. 3. 7, 8). Краевая ретушь нанесена на дистальный край. Пятки скребков представлены поперечным обломом. Еще один скребок изготовлен из крупного пластинчатого скола длиной 7,5 см (рис. 3. 11). Его лезвие находится на проксимальном конце. Сам предмет окатан. Как скребок использовался краевой реберчатый скол с бифаса. Скребковое лезвие находится на одном из узких его концов (рис. 3. 6).

[3] Следует учесть повсеместное падение воды в Байкале в 2016 г. примерно на полметра.

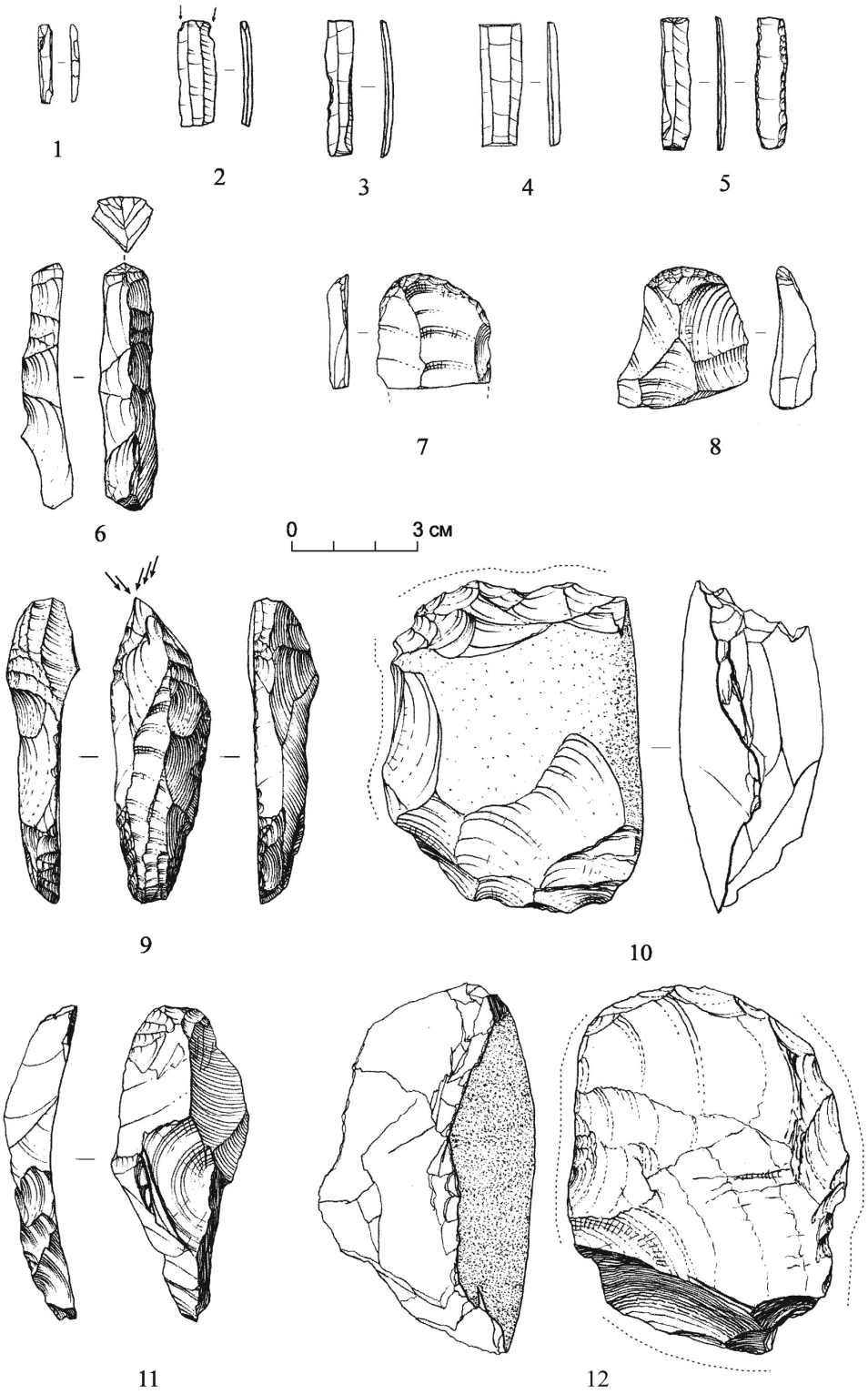

Рис. 3. Артефакты с местонахождения Балтаханова V: *1 – резцовый скол; 2 – двойной угловой резец; 3 – медиальный сегмент пластины с рабочей ретушью; 4 – медиальный сегмент пластины; 5 – вкладыш из микропластины; 6 – концевой скребок из реберчатого скола с бифаса; 7, 8, 11 – скребки; 9 – срединный резец-скребок; 10, 12 – чопперы-струги*

Fig. 3. Artifacts from the site Baltakhanova V: *1 – burin spall; 2 – double angular burin; 3 – medial segment of the microblade with working retouch; 4 – medial segment of the microblade; 5 – insert from microblade; 6 – end scraper from the crest spall from biface; 7, 8, 11 – end-scrapers; 9 – burin-and-end-scraper; 10, 12 – adze-like choppers*

Призматические пластины, 27 ед., составляют 50 % от всей коллекции. Среди микропластин определены 1 вкладыш, 2 резца, 3 пластины с рабочей ретушью (рис. 3.1–5). Резцы все угловые с резцовыми сколами по продольному краю пластинок. Один из резцов имеет два резцовых скола на двух углах проксимального конца пластины (рис. 3. 2).

Вкладыш имеет регулярную краевую ретушь на обоих маргиналах по вентральному фасу. Кроме того, ретушно по дорсальному фасу обработан один поперечный край (рис. 3. 5).

Один предмет, формально микропластина, был определен как трансверсальный резцовый скол (рис. 3. 1).

Разнообразное модифицирование пластин с помощью краевой ретуши, использование их в роли резцов и резчиков является характерным признаком раннеголоценовых ансамблей мезолитического круга (Горюнова, 1991; Горюнова, Новиков, 2000; Стратиграфия, палеогеография …, 1990[4]). Этот признак является ведущим и для сумнагинской культуры Якутии (Мочанов, 1977). Во всяком случае, массовым явлением ретуширование микропластин становится только с началом голоцена.

Ширина призматических пластин от 4 до 11 мм свидетельствует о том, что, как минимум, самые широкие из них, скорее всего, были сняты не с торцово-клиновидных, а с призматических нуклеусов. В выборе между финально-плейстоценовым и голоценовым возрастом это аргумент в пользу раннеголоценового варианта.

Еще одна группа орудий состоит из 3 изделий из расколотых и оббитых галек, размерами около 6 см в поперечнике (рис. 3. 10, 12). Общей их чертой является забитость тупого высокого рабочего края, несущего широкие и короткие негативы и имеющего мелкую краевую выкрошенность. Очевидно, эти следы образованы в результате ударной кинематики по твердым материалам – дереву, или кости. Эти артефакты мы определяем как тесловидные – чопперы-струги. Первое изделие имеет один поперечный рабочий край. Второе изделие имеет два сопряженных рабочих края (рис. 3. 10). Третье изделие имеет два рабочих края на противолежащих продольных краях расколотой гальки и один забитый рабочий край на узком конце (рис. 3. 12). Аналогичное изделие найдено на местонахождении Красный Яр II, находящемся в 1,5 км к ЮВ от Балтаханова V (Тетенькин, Кичигин, 2018. Рис. 2–5).

Обсуждение

Вся коллекция Балтаханова V является бескерамической. Приступая к оценке возраста этого материала, следует принять во внимание уже имеющиеся бескерамические культурные остатки в бухте Балтаханова. В 2004 г. в северной части губы шурфами на глубине 30 см в подошве подпочвенной супеси, перекрывающей валунно-галечные отложения, было выявлено пятно бескерамических культурных остатков (Инешин, Карнышев, 2005). Высота этого участка губы, получившего обозначение Балтаханова III, над Байкалом составляет 4 м. Е.М. Инешин, рассуждая о возрасте этих артефактов, связал их археологизацию со склоновыми процессами переработки конечной морены позднекаргинского – раннесартанского возраста (Инешин, Карнышев, 2005. С. 93).

Мы же, в свою очередь, обращаем внимание на артефакты типологически финально–палеолитического-мезолитического облика в коллекциях смешанных памятников этого района: тесло с перехватом с Балтаханова II, галечное орудие Красного Яра II, бифас с Богучанского острова III (Тетенькин, Кичигин, 2018).

Чистыми докерамическими комплексами на Северном Байкале являются Курла II–IV, Лударская (Шмыгун, 1978а; 1981; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Шмыгун, Филиппов, 1981; Абдулов, 1991; Хлобыстин, 1965а). Вместе взятые – эти комплексы являются аргументом перспективности разработки тематики позднего верхнего палеолита – мезолита в бухте Балтаханова и на Северном Байкале в целом.

Отсутствие керамики и типичные для мезолита предметы являются аргументами в пользу оцен-

[4] Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск, 1990. 165 с. / Stratigraphy, paleogeography and archeology of the south of Central Siberia. Irkutsk, 1990. 165 p.

ки возраста комплекса находок на Балтаханова V как мезолитического. Обнаружение локального пятна из нескольких орудий, предметов дебитажа в нашем случае позволяет рассматривать ситуацию как остатки специализированной хозяйственной площадки.

Нахождение артефактов мезолитического облика у самого уреза воды Байкала совпадает с существующими представлениями о повышении уровня озера до соответствующего нынешнему, с сартанского периода до, примерно, рубежа плейстоцена-голоцена (Воробьева, Горюнова, 2013; Arzhannikov et al., 2018). Важным выводом для будущих археологических поисков на байкальском побережье является сам результат открытия материала на низком уровне: вероятно, комплексы позднего палеолита и мезолита могут находиться сегодня и ниже современного зеркала воды в озере Байкал.

Заключение

Открытый в 2016 г. новый пункт Балтаханова V вслед за находками на Балтаханова III, по нашему мнению, свидетельствует о пребывании, вероятно, в раннем голоцене на побережье бухты древнего населения, чья археологическая культура имеет мезолитический, бескерамический облик. Наряду с отсутствием керамики основными типологическими аргументами этой оценки являются срединный резец, скребок из реберчатого скола с бифаса, изделия из микропластин, галечные орудия. Новое местонахождение Балтаханова V находится всего в 0,57 км к ЮЮВ от стоянки Балтаханова III и в 1,07 км к югу от Балтаханова II, где было найдено тесло с перехватом. По-видимому, пятна культурных остатков мезолитического (докерамического) возраста занимали значительную часть одноименной губы. Находки мезолитического облика на соседних местонахождениях Богучанский остров III и Красный Яр II со смешанными комплексами культурных остатков, скорее всего, также свидетельствуют о присутствии человека в эпоху мезолита в районе губы Балтаханова.

Библиографический список

Абдулов Т.А. Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла IV // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1991. С. 55–62.

Абдулов Т.А., Базалийский В.И., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Горюнова О.И., Дзюбас С.А., Задонин О.В., Инешин Е.М., Титов А.В., Федоренко А.Б., Харинский А.В. Исследования Иркутского университета // Археолог. Открытия 1986. М.: Наука, 1988. С. 207–212.

Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новый докерамический комплекс Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1991. С. 51–55.

Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Палеоуровни Байкала во второй половине позднего неоплейстоцена и голоцене (по геоархеологическим данным) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 3–29.

References

Abdulov T.A. Mesolithic horizons of the multi-layered Kurla IV site. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri* [Paleo-ethnological studies in the south of Central Siberia]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1991, pp. 55–62. (In Russ.).

Abdulov T.A., Bazaliiskii V.I., Berdnikova N.E., Vetrov V.M., Goryunova O.I., Dzyubas S.A., Zadonin O.V., Ineshin E.M., Titov A.V., Fedorenko A.B., Kharinskii A.V. Research of Irkutsk University. *Arkheolog. Otkrytiya 1986* [Archaeological Discoveries in 1986]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 207–212. (In Russ.).

Volokitin A.V., Ineshin E.M. New pre-ceramic complex of the Middle Angara region. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri* [Paleo-ethnological studies in the south of Central Siberia]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1991, pp. 51–55. (In Russ.).

Vorob'eva G.A., Goryunova O.I. Baikal paleo-levels in the second half of the Late Pleistocene and Holocene (according to geo-archaeological data). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [News of the Irkutsk State University. Ser.: Geoarheology. Ethnology. Anthropology], 2013, no. 1, pp. 3–29. (In Russ.).

Инешин Е.М., Карнышев И.С. Новые данные по каменному веку Северного Байкала (Балтаханова III – новый памятник позднего плейстоцена) // Социогенез в Северной Азии: сборник научных трудов / под ред. А.В. Харинского. Иркутск: ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 91–96.

Карнышев И.С. Керамика стоянки Балтаханова III (северо-западное побережье озера Байкал) // Традиционные культуры и общества Северной Азии. Кемерово: Изд-во Кемеровский государственный университет, 2004. С.172–174.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий: сб. науч. трудов / Иркутский государственный технический университет. Иркутск, 2010. Вып. 8. С. 154–192.

Лынша В.А. Мезолит – понятие технологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири : тез. докл. науч.-теор. конф. Иркутск, 1978. С. 93–96.

Лыхин Ю.П. Отчет о проведении археологического обследования трассы автодороги Тыя – Байкальское летом 1983 года // Архив КАЭ ИГУ. АЛ-4053. Иркутск, 1984.

Медведев Г.И. Предисловие // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1980. Ч. 2: Памятники Иркутского района. С. 3–7.

Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Шмыгун П.Е. Мезолит Юга Восточной Сибири // Древняя история народов Юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 3. С. 74–80.

Мезолит Верхнего Приангарья Ч.1.: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск, 1971. 242 с.

Молчанов Г.Н. Каменные изделия верхних горизонтов местонахождений Курла I–III: дипломная работа. Иркутск: Библиотека Лаборатории археологии и палеоэкологии ИГУ, 2007. 46 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Савельев Н.А., Свинин В.В. К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИКВА. Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. С. 113–120.

Ineshin E.M., Karnyshev I.S. New data on the Stone Age of Northern Baikal (Baltakhanova III – a new site of the Late Pleistocene). *Sotsiogenez v Severnoi Azii. Sbornik nauchnykh trudov* [Sociogenesis in North Asia: a collection of scientific papers]. Irkutsk: IrGTU Publ., 2005, pt. 1, pp. 91–96. (In Russ.).

Karnyshev I.S. Ceramics of the site of Baltakhanova III (north-western coast of Lake Baikal). *Traditsionnye kul'tury i obshchestva Severnoi Azii* [Traditional cultures and societies of North Asia]. Kemerovo: Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2004, pp.172–174. (In Russ.).

Kichigin D.E. Site Krasny Yar II of the northwestern coast of Lake Baikal: results and prospects. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk, 2010, iss. 8, pp. 154–192. (In Russ.).

Lynsha V.A. Mesolithic – the concept of technological periodization. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoi Sibiri. Tez. dokl. nauch.-teor. konf.* [Archeology and Ethnography of Eastern Siberia: proceedings of the Intern. scientific theory conf.]. Irkutsk, 1978, pp. 93–96. (In Russ.).

Lykhin Yu.P. *Otchet o provedenii arkheologicheskogo obsledovaniya trassy avtodorogi Tyya – Baikal'skoe letom 1983 goda* [Report on the archaeological survey of the highway Tyya – Baikal in the summer of 1983]. *Arkhiv KAE IGU. AL-4053* [Archive of the CAE ISU]. Irkutsk, 1984. (In Russ.).

Medvedev G.I. *Predislovie. Mezolit Verkhnego Priangar'ya. Pt. 2. Pamyatniki Irkutskogo raiona* [Foreword. Mesolithic of Upper Angara region. Pt. 2: Sites of the Irkutsk district]. Irkutsk, 1980, pp. 3–7. (In Russ.).

Medvedev G.I., Mikhnyuk G.N., Shmygun P.E. Mesolithic of the South of Eastern Siberia. *Drevnyaya istoriya narodov Yuga Vostochnoi Sibiri* [Ancient history of the peoples of the South of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1978, iss. 3, pp. 74–80. (In Russ.).

Medvedev G.I. *Mezolit Verkhnego Priangar'ya. Pt. 1. Pamyatniki Angaro-Bel'skogo i Angaro-Idinskogo raionov* [Mesolithic of Upper Angara region Part 1.: Sites of the Angara-Belsky and Angaro-Ida districts]. Irkutsk, 1971, 242 p.

Molchanov G.N. *Kamennye izdeliya verkhnikh gorizontov mestonakhozhdenii Kurla I–III* [Stone products of the upper horizons of Kurla I – III sites]. Irkutsk: Biblioteka Laboratorii arkheologii i paleoekologii IGU Publ., 2007, 46 p.

Mochanov Yu.A. *Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [The oldest stages of human settlement in Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, 264 p.

Saveliev N.A., Svinin V.V. To the history of the study of the Stone Age of the coast of Baikal. *Stratigrafiya, paleogeografiya i arkheologiya yuga Srednei Sibiri: K XIII Kongressu IKVA* [Stratigraphy, paleogeography and archeology of the south of Central Siberia: Towards the XIII Congress of

Свинин В.В. Археологические исследования на Северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 годах // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы: (материалы и доклады на науч. сессии Института археологии АН СССР). Иркутск: Иркутский областной краеведческий музей 1966. С. 50–69.

Тетенькин А.В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2014. № 4(12). С. 9–26.

Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е. Донеолитические археологические компоненты в памятниках с компрессионным слоем северо-западного побережья Байкала // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX Международной научной конференции. В 2-х томах. Ответственные редакторы Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. 2018. С. 58–62.

Топчий П.В. Микроиндустрия нижних горизонтов Курлинского докерамического комплекса: дипломная работа. Иркутск: Библиотека Лаборатории археологии и палеоэкологии ИГУ, 2007. 34 с.

Харинский А.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал и в долине реки Куды в 1995 г. (Северобайкальский район Бурятии, Эхирит-Булагатский район Иркутской области) // Архив ИА РАН. Р.1. № 1 151 л. Иркутск, 1996.

Харинский А.В. Отчет о полевых исследованиях на северном побережье озера Байкал летом 1990 г. (Северобайкальский район Бурятии) // Архив ИА РАН. Р. 1. 60 л. Иркутск, 1991.

Харинский А.В. Отчет о проведении полевых археологических исследований на западном побережье озера Байкал летом 1992 г. (Ольхонский район Иркутской области и Северобайкальский район Бурятии) // Архив ИА РАН. Р.1. 187 л. Иркутск, 1993.

the INQUA]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1990, pp. 113–120. (In Russ.).

Svinin V.V. *Arkheologicheskie issledovaniya na Severnom poberezh'e ozera Baikal v 1963 i 1965 godakh* [Archaeological research on the northern coast of Lake Baikal in 1963 and 1965]. *Otchety arkheologicheskikh ekspeditsii za 1963–1965 gody. Materialy i doklady na nauch. sessii Instituta arkheologii AN SSSR* [Reports of archaeological expeditions for 1963-1965: (materials and reports at the scientific session of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences)]. Irkutsk: Irkutskii oblastnoi kraevedcheskii muzei Publ., 1966, pp. 50–69. (In Russ.).

Teten'kin A.V. Late Paleolithic geoarchaeological site Mamakan VI on the Vitim River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologi* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2014, no. 4(12), pp. 9–26. (In Russ.).

Teten'kin A.V., Kichigin D.E. Pre-Neolithic archaeological components in sites with a compression layer of the northwestern coast of Lake Baikal. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh tomakh* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: peoceedings of the IX International Scientific Conference. In 2 vol.], 2018, pp. 58–62. (In Russ.).

Topchii P.V. *Mikroindustriya nizhnikh gorizontov Kurlinskogo dokera-micheskogo kompleksa* [Micro-industry of the lower horizons of the Kurla pre-ceramic complex]. Irkutsk: Biblioteka Laboratorii arkheologii i paleoekologii IGU Publ., 2007, 34 p. (In Russ.).

Kharinskii A.V. *Arkheologicheskie issledovaniya na severnom poberezh'e ozera Baikal i v doline reki Kudy v 1995 g. (Severobaikal'skii raion Buryatii, Ekhirit-Bulagatskii raion Irkutskoi oblasti)* [Archaeological research on the northern coast of Lake Baikal and in the valley of the river Kuda in 1995 (Severobaykalsky District of Buryatia, Ekhirit-Bulagatsky District of the Irkutsk Region)]. *Arkhiv IA RAN. R.1. no. 1. 151 l*. [Archive of the IA RAS]. Irkutsk, 1996. (In Russ.).

Kharinskii A.V. *Otchet o polevykh issledovaniyakh na severnom poberezh'e ozera Baikal letom 1990 g. (Severobaikal'skii raion Buryatii)* [Field research report on the northern shore of Lake Baikal in the summer of 1990 (Severobaikalsky District of Buryatia)]. *Arkhiv IA RAN. R. 1. 60 l.* [Archive of the IA RAS]. Irkutsk, 1991. (In Russ.).

Kharinskii A.V. *Otchet o provedenii polevykh arkheologicheskikh issledo-vanii na zapadnom poberezh'e ozera Baikal letom 1992 g. (Ol'khonskii raion Irkutskoi oblasti i Severobaikal'skii raion Buryatii)* [Report on the conduct of field archaeological research on the western coast of Lake Baikal in the summer of 1992 (Olkhon district of the Irkutsk region and Severobaikalsky district of Buryatia)]. *Arkhiv IA RAN. R.1. 187 l.* [Archive of the IA RAS]. Irkutsk, 1993. (In Russ.).

Харинский А.В. Полевые исследования на Северном Байкале летом 1986 года // Архив ИА РАН. Р.1. № 11697. 49 л. Иркутск, 1987.

Харинский А.В. Полевые исследования на Северном Байкале летом 1987 г. (Северобайкальский район Бурятской АССР) // Архив ИА РАН. Р.1, № 12768. 125 л. Иркутск, 1988.

Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н. э. (по материалам стоянки Балтаханова III // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: Материалы региональной научно-практической конференции. 12–15 ноября 2003 г. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2003. С. 137–141.

Хлобыстин Л.П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. М., Л.: Наука, 1965a. Т. 5. С. 252–279.

Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1963 году // Архив ИА РАН. Р.1. № 2748. Ленинград, 1964.

Хлобыстин Л.П. Отчет об археологических разведках, проведенных на побережье озера Байкал в 1964 году // Архив ИА РАН. Р.1. № 3142. Ленинград, 1965b.

Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале // Архив ИА РАН. Р.1. Улан-Удэ, 1979.

Шмыгун П.Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. М.: Наука, 1981. С. 120–128.

Шмыгун П.Е. Микронуклеусы нижних горизонтов стоянок Курла II–III // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978b. С. 14–16.

Шмыгун П.Е. Работы на Северном Байкале // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978a. 285 с.

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале: (предва-

Kharinskii A.V. *Polevye issledovaniya na Severnom Baikale letom 1986 goda* [Field studies in Northern Baikal in the summer of 1986]. *Arkhiv IA RAN. R.1. no. 11697. 49 l.* [Archive of the IA RAS]. Irkutsk, 1987. (In Russ.).

Kharinskii A.V. *Polevye issledovaniya na Severnom Baikale letom 1987 g. (Severobaikal'skii raion Buryatskoi ASSR)* [Field studies in Northern Baikal in the summer of 1987 (Severobaikalsky District of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic)]. *Arkhiv IA RAN. R. 1. № 12768. 125 l.* [Archive of the IA RAS]. Irkutsk, 1988. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Karnyshev I.S. Ceramic traditions of the northwestern coast of Lake Baikal in the I millennium BC. (based on the site of Baltakhanov III. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (12–15 noyabrya 2003 g.)* [Sociogenesis of North Asia: Past, Present, Future: proceedings of a regional scientific-practical conference, 12–15 November 2003]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2003, pp. 137–141. (In Russ.).

Khlobystin L.P. *Drevneishie pamyatniki Baikala* [The oldest sites of Lake Baikal]. *Paleolit i neolit SSSR* [Paleolithic and Neolithic of USSR]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1965a, vol. 5, pp. 252–279. (In Russ.).

Khlobystin L.P. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh na poberezh'e ozera Baikal v 1963 godu* [Report on archaeological surveys conducted on the shores of Lake Baikal in 1963]. *Arkhiv IA RAN. R.1. № 2748* [Archive of the IA RAS]. Leningrad, 1964. (In Russ.).

Khlobystin L.P. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh na poberezh'e ozera Baikal v 1964 godu* [Report on archaeological surveys conducted on the shores of Lake Baikal in 1964]. *Arkhiv IA RAN. R.1. № 3142* [Archive of the IA RAS]. Leningrad, 1965b. (In Russ.).

Tsybiktarov A.D. *Otchet o polevykh issledovaniyakh letom 1978 g. na Sever-nom Baikale* [Field Survey Report in the summer of 1978 in Northern Baikal]. *Arkhiv IA RAN. R.1* [Archive of the IA RAS]. Ulan-Ude, 1979. (In Russ.).

Shmygun P.E. Pre-ceramic complexes from the Quaternary deposits of Northern Baikal. *Rel'ef i chetvertichnye otlozheniya Stanovogo nagor'ya* [Relief and Quaternary deposits of the Stanovy Highland]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 120–128. (In Russ.).

Shmygun P.E. Microcores of the lower horizons of the Kurla II–III sites. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoi Sibiri: tez. dokl. k region. konf*. [Archeology and Ethnography of Eastern Siberia: proceedings of the region. conf.]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1978b, pp. 14–16. (In Russ.).

Shmygun P.E. *Raboty na Severnom Baikale* [Works on Northern Baikal]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow: Nauka Publ., 1978a, 285 p. (In Russ.).

Shmygun P.E., Endrikhinskii A.S. Kurla ceramic-free complex on Northern Baikal. *Drevnyaya istoriya narodov*

рит. сообщение) // Древняя история народов Юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 56–69.

Шмыгун П.Е., Сизиков А.М. Работы на Северном Байкале // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 254–255.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1982. С. 15–24.

Шмыгун П.Е., Филиппов А.К. Нижний комплекс стоянок Курла на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1980. С. 113–114.

Arzhannikov S.G., Ivanov A.V., Arzhannikova A.V., Demonterova E.I., Jansen J.D., Preusser F., Kamenetsky V.S., Kamenetsky M.B. Catastrophic events in the Quaternary outflow history of Lake Baikal // Earth-Science Reviews. 2018. No. 177. P. 76–113.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevyanko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Yuga Vostochnoi Sibiri [The ancient history of the peoples of the South of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1978, iss. 4, pp. 56–69. (In Russ.).

Shmygun P.E., *Sizikov A.M.* Works on Northern Baikal. *Arkheologi-cheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 254–255. (In Russ.).

Shmygun P.E., Filippov A.K. Lower complex of Kurla sites. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri* [The material culture of the ancient population of Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1982, pp. 15–24. (In Russ.).

Shmygun P.E., Filippov A.K. Lower complex of the Kurla sites on Northern Baikal. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Tsentral'noi Azii: tez. dokl. k region. konf.* [Problems of archeology and ethnography of Siberia and Central Asia: proceedings of the region. conf.]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1980, pp. 113–114. (In Russ.).

Arzhannikov S.G., Ivanov A.V., Arzhannikova A.V., Demonterova E.I., Jansen J.D., Preusser F., Kamenetsky V.S., Kamenetsky M.B. Catastrophic events in the Quaternary outflow history of Lake Baikal // Earth-Science Reviews. 2018. No. 177. P. 76–113.

Medvedev G. Upper Paleolithic sites in South-Central Siberia // Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevyanko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. P. 122–132.

Сведения об авторах

Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: altet@list.ru

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Коростелев Алексей Михайлович,
научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,

Information about the authors

Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: altet@list.ru

Dmitriy E. Kichigin,
Cand. Sci. (History), associate professor of the Department of History and Philosophy, staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: kichkok@rambler.ru

Aleksey M. Korostelev,
staff of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Researching Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru

Критерии авторства

Тетенькин А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Tetenkin A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.2(571.51)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-64-78

Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье

© П.В. Мандрыка, К.В. Бирюлева, П.О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация: На стоянке Итомиура в Нижнем Приангарье было найдено два развала сосудов с тонковаликовой орнаментацией. Один из них с эллипсоидной формой тулова и профилированной шейкой. Конструирование емкости велось лоскутным налепом с помощью нескольких форм емкостей. В декоре использовались тонкие волнистые валики, покрывающие верхнюю треть сосуда. Второй сосуд с шаровидной формой тулова и выраженными плечиками. Формовка емкости происходила на форме-основе неорганизованным налепом. Украшен сосуд от венчика до дна обмазочными валиками. Они расположены плотными рядами арок. Радиоуглеродное датирование показало, что первый сосуд относится к раннему железному веку, а второй – к последней трети I тыс. н. э. Сравнение керамических емкостей позволило выявить ряд важных различий. К ним относятся состав формовочной массы, формовка емкостей, форма сосудов, оформление венчика, способ нанесения валиков, приемы орнаментации. Сходство установлено по компонентному составу формовочной массы, формовке лоскутным налепом, круглодонной форме и орнаментации из тонких налепных валиков. Украшение керамических сосудов налепными валиками сохранялось в Нижнем Приангарье более полутора тысяч лет, за это время изменялись технология древнего гончарного производства, а также формы и орнаментация посуды.

Ключевые слова: Сибирь, Нижнее Приангарье, южная тайга, ранний железный век, Средневековье, поселение, тонковаликовая керамика, технология гончарного производства, орнамент

Информация о статье: Дата поступления 20 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 24 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Сравнительная характеристика керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией со стоянки Итомиура в Нижнем Приангарье. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 64–78. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-64-78.

Comparative characteristics of ceramic vessels with thin-cordons ornament from the of Itomiura site in the Lower Angara region

© Pavel V. Mandryka, Kseniya V. Biryuleva, Polina O. Senotrusova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract: In the Itomiura site in the Lower Angara region two broken vessels with thin-cordons ornamentation were found. The first of them has an ellipsoidal body and a profiled neck. The framing of the container was carried out by patchwork modeling with the help of several shape of the containers. The decoration used thin wavy cordons disposed on the upper third of the vessel. The second vessel has a spherical shape of the body and expressive shoulders. Forming capacity was carried out on the basis-form by the unorganized patchwork modeling. The vessel decorated by the smearing cordons from the stopper ring to the bottom. They are located in dense rows of arches. Radiocarbon dating showed that the first vessel existed in the Early Iron Age, and the second dating addressed to the last third of the 1st mil. AD. Comparison of ceramic containers revealed a few important differences. These include the structure of the molding compound, the molding of containers, the shape of the vessels, the design of the rim, the method of application the cordons, and the methods of ornamenting. The similarity is estab-

lished in the component composition of the molding material, in the form of a patchwork molding, a round-bottomed shape and ornamentation from thin cordons. The decoration of ceramic vessels with raised borders has been existed in the Lower Angara Region for more than one and a half thousand years, during this time the technology of the ancient pottery production as well as forms and ornamentation motifs were developed.

Keywords: Siberia, Lower Angara region, south taiga, Early Iron Age, Middle Ages, sites, thin-cordons pottery, technology of pottery production, ornament

Article info: Received November 20, 2018; accepted for publication December 24, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Mandryka P.V., Biryuleva K.V., Senotrusova P.O. Comparative characteristics of ceramic vessels with thin-cordons ornament from the of Itomiura site in the Lower Angara region. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 67–78. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-64-78.

Введение

Стоянка Итомиура находится на правом берегу р. Муры в 1,5 км выше устья р. Итомпуры, в 0,5 км северо-западнее устья руч. Итомиура, в 8,8 км северо-восточнее с. Ирба Кежемского района. Она занимает участки поверхности грив и ложбин первой, второй и третьей надпойменных террас правого берега р. Муры. В ходе широкомасштабных охранно-спасательных раскопок на стоянке в 2012 г. Археологической экспедицией Сибирского федерального университета были зафиксированы два развала керамических сосудов с тонковаликовой орнаментацией. Планиграфический анализ позволил соотнести их с разными культурно-хронологическими комплексами, выделенными в культурном слое стоянки (Мандрыка, Сенотрусова, 2014. С. 65. Рис. 2).

Прием украшения керамики налепными валиками широко использовался разными народами Евразии и Сибири. В Нижнем Приангарье такая посуда начинает использоваться с раннего железного века. В литературе для ее обозначения используются разнообразные термины: «валиковая керамика», «с тонким налепным валиком», «с мелким налепным валиком», «с узким валиком», «с тонким треугольным волнистым валиком», «с тонкими, узкими параллельными друг другу налепными валиками», «с валиками, которым придана фигурная форма пальцевыми защипами», «с тонкими волнистыми налепными валиками» и т. д. (А.П. Окладников, Р.С. Васильевский, Л.А. Чиндина, В.В. Бурилов, Н.И. Дроздов, В.И. Привалихин, В.П. Леонтьев и др.). В 1995 г. одним из авторов статьи (Мандрыка, 1995) было предложено в основу разделения морфологически похожих налепных валиков, которыми украшалась керамика, положить технологический признак, как более точно отражающий специфику их нанесения и, следовательно, культурно-хронологической изменчивости. Были предложены термины «жгутиковый» и «обмазочный» налепной валик, указывающие на разные способы нанесения на керамический сосуд. Жгутиковые валики строятся прикреплением специально раскатанной «колбаски» или жгутика из такой же формовочной массы, как и сосуд. «Обмазочные» же валики строились не прилепом жгутика, а нанесением тонкого дополнительного слоя глинистой массы на поверхность – примазкой, обмазкой. На стенку сосуда наносился тонкий слой (или комочек) инородной, тщательно подготовленной глинистой массы, и валики создавались из массы, которая оставалась между пальцами (если размазывалась рукой) или по краям прочерченных бороздок (если размазывалась щепкой или каким-то гладким орнаментиром с треугольным вырезом). В таком способе нанесения их особенность. Поэтому они тонкие (невысокие и неширокие), треугольные в сечении, имеют размазанные края, если их несколько, то они всегда параллельны и часто находятся на одном расстоянии друг от друга. Это специальный прием нанесения, подтвержденный нами экспериментально. Предлагая такой термин, мы исходили из понятия «обмазка», объясненного Э.В. Сайко: «Обмазка – это нанесение дополнительного слоя по поверхности сосуда... Как правило, этот слой покрытия четко выражен... Поверхность обмазывалась тончайшим слоем инородной, тщательно обработанной глиняной массы,

часто отличающейся по цвету, структуре, составу от основной массы черепка» (Сайко, 1982. С. 117–118).

Приводя сведения о керамике, украшенной тонкими налепными валиками, со стоянок долины р. Ангары, многие исследователи отмечали, что она залегает в одном компрессионном слое железного века с другими материалами, что затрудняет ее культурно-хронологическую атрибуцию. В связи с этим время ее бытования определено максимально широко – от раннего железного века до развитого Средневековья включительно. Расширение источниковой базы по археологии Нижнего Приангарья позволяет пересмотреть эту концепцию и еще раз обратиться к вопросам выделения нескольких типов тонковаликовой керамики и уточнения их хронологии, предложенной в ряде работ (Фокин, 2008; Бирюлева, 2015).

В настоящей статье представлены результаты сравнительного анализа двух сосудов с тонковаликовой орнаментацией методами бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования, с учетом методик, разрабатываемых в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012) и привлечением данных радиоуглеродного датирования. Это необходимо для выявления маркеров культурно-хронологических изменений тонковаликовой керамики.

Материалы

Развал первого сосуда с орнаментацией из тонких налепных волнистых жгутиковых валиков отмечен на площадке культурно-хронологического комплекса раннего железного века, устроенной на склоне между первой и второй надпойменными террасами р. Муры (Мандрыка, Сенотрусова, 2014. С. 68). В раскопе фрагменты раздавленного сосуда залегали одним скоплением размерами 30 × 40 см, где в нижней части лежали раздавленные блоки стенок и дна внутренней поверхностью вверх, а сверху фрагменты других частей емкости внешней поверхностью вверх (рис. 1). Небольшая часть фрагментов находилась рядом, вне развала. Между черепками в развале собран древесный уголь, по которому была получена радиоуглеродная дата 2495±70 (СОАН – 8948).

Сосуд восстановлен практически полностью, отсутствуют лишь несколько небольших фрагментов венчика, плечиков и тулова. Горшок с профилированной шейкой, туловом эллипсоидного профиля и округлым дном (рис. 2. 1*a*). Высота емкости – 44,5 см, диаметр по венчику – 28 см, диаметр по тулову – 34 см, высота шейки – 3 см, плечика – 14 см. Толщина венчика 0,9–1,1 см, стенок в основании шейки – 0,5 см, тулова – 0,2–0,5 см, дна 0,5–0,6 см.

В качестве исходного сырья для лепки сосуда использовалась ожелезненная глина, в которую добавлялась дресва в соотношении около 1:2 и органический раствор без твердой составляющей (рис. 2. 1*b*). Дресва преимущественно кремнистых пород с размерами частиц от 1 до 3 мм.

Судя по слоистости черепков в изломе и характеру «угловатости» формы сосуд конструировался лоскутным налепом с использованием двух форм-емкостей (Васильева, Салугина, 2010; 2015), проложенных эластичным материалом (кожей?). В них отдельно создавались нижняя половина сосуда – часть тулова вместе со дном, и средняя часть формы – зона плечиков, затем они соединялись и к ним прилепливалась шейка с венчиком. Фиксируется общая асимметричность формы, «угловатость» стыка, с внутренней стороны прослеживаются отпечатки от соединения частей. Горловина емкости надстраивалась путем прикрепления прямоугольных лоскутов (рис. 2. 1*c*). Во время этой операции сосуд устанавливался на кольцевую подставку, от нее в придонной части сохранилась примятость, дно при этом получалось (или делалось специально) ассиметрично полусферической формы, а на тулове появились уплощенные участки размерами до 12 × 12 см.

Горшок украшался, будучи установленным на подставку. В орнаментации использовались тонкие налепные валики, сформированные наложением тонкого жгута из чистой глинистой массы (рис. 2. 1*e*), прикрепленного к стенке серией защипов большим и указательным пальцами (рис. 2. 1*d*). Валик получался треугольным в сечении, волни-

Рис. 1. Развал сосуда раннего железного века в раскопе стоянки Итомиура
Fig. 1. The broken vessel of the Early Iron Age excavation site Itomiura

стым, неравномерным по толщине и высоте – от 0,3 × 0,1 до 0,6 × 0,3 см. В литературе принято называть такие валики по-разному – тонкими налепными волнистыми (Мандрыка, 2011. С. 118), волнообразными (Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н., 2009. С. 54. Рис. 48, 1), древовидными (Леонтьев, 2005. С. 89), налепными с пальцевыми защипами (Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов, 2013. С. 10).

Орнамент наносился сверху вниз, начиная с шейки (верхней границы плечика) и заканчивая нижним краем плечиков. На плечиках в направлении по часовой стрелке (при виде сверху) накладывалась спираль из валика, опоясывавшего сосуд одиннадцать раз. Каждый виток проходит на расстоянии 1,3–2,0 см друг от друга. На одной стороне емкости, где нижний и верхний витки сближались, отмечено ступенчатое преломление. Создавшийся сектор из «зигзага» спускается по плечикам, и на самом нижнем прямом витке исчезает. По основанию шейки сосуда, на образовавшемся свободном поле нанесен дополнительный отрезок (длиной около 20 см) такого же валика (рис. 2. 1*а*).

Шейка орнаментирована вертикальными, прямоугольными по форме оттисками штампа длиной 1,0–1,5 см, углубляющимися в верхней части – это оттиски шириной 0,6 см с мелкими бороздками на поверхности. Наколами этого же орнаментира украшен венчик. Можно предположить, что орнамент имитирует швы скрепления краев ленты из органического материала (кожи?), которой надшивался мешок.

Пятнистая цветовая окраска горшка говорит об его костровом обжиге. Верхняя часть сосуда в изломе имеет однородный бурый окрас, что свидетельствует о прокаленности этой части емкости. Стенки в основании тулова в изломе черные, с четко выраженной бежевой кромкой с наружной стороны. Внешний вид непрокаленных черепков

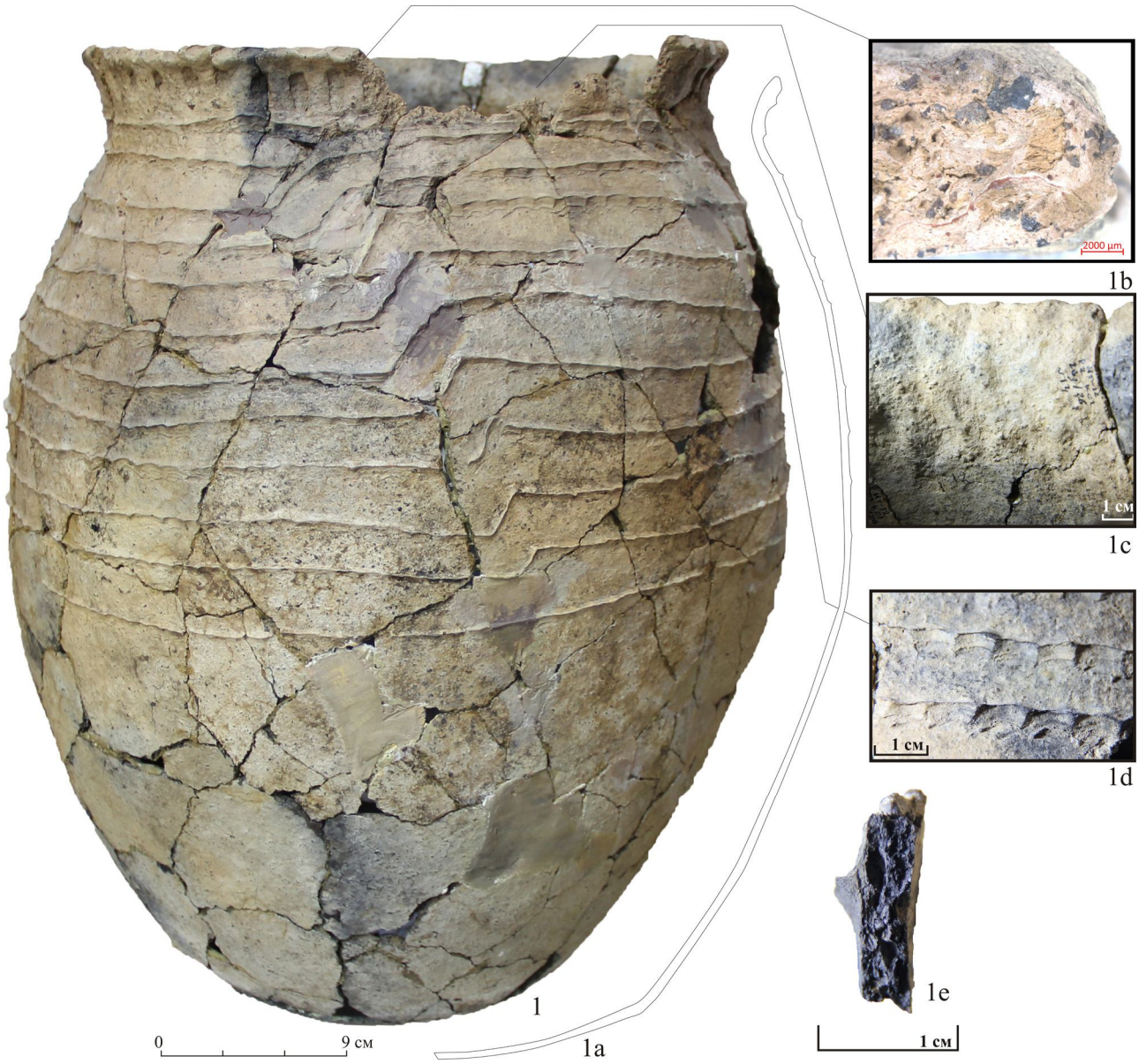

Рис. 2. Сосуд раннего железного века: *1 – восстановленная форма; 1a – профиль; 1b – формовочная масса в изломе; 1c – внутренняя поверхность в зоне шейки; 1d – тонкие налепные валики; 1e – разный состав формовочной массы стенок сосуда и налепного валика*

Fig. 2. Vessel of the Early Iron Age: *1 – restored form; 1a – profile; 1b – molding compound in a break; 1c – the inner surface in the neck area; 1d – thin cordons; 1e – different composition of the molding compound of the vessel and the thin cordon*

характерен для неполного обжига при температуре каления глины, при котором сосуд, помещенный в уже горящее пламя, быстро нагревается до температуры каления (до 650–700 °С), выдерживается в этой температуре довольно непродолжительное время (до 5 минут) и быстро остывает, будучи извлеченным из огня (Цетлин, 2017. С. 141).

Сосуд скорее всего использовался для приготовления пищи на огне, при этом он устанавливался наклонно, до 15°. Об этом свидетельствуют: буро-коричневый цвет наружной поверхности с нагаром и темными закопчёнными пятнами в нижней части сосуда; присутствие нагара на внутренних стенках емкости, при этом верхний край корки на-

гара с одной стороны расположен на расстоянии 8 см от венчика, с другой – на 15 см.

Второй рассматриваемый сосуд украшен обмазочными валиками. Он зафиксирован на площадке культурно-хронологического комплекса средних веков, устроенной на пологом склоне второй надпойменной террасы стоянки Итомиура (Мандрыка, Сенотрусова, 2014. С. 66). На раскопе фрагменты от него найдены плотным скоплением размерами 30 × 30 см, где черепки залегали тремя слоями: нижний и верхний – внутренней поверхностью вверх, а средний – внешней поверхностью вверх (рис. 3). Черепки в скоплении располагались компактно, возможно, часть из них была специально подложена к развалу (убрана с дороги). Из почвы между фрагментами отобран древесный уголь, по которому была получена радиоуглеродная дата 1310±55 (СОАН – 8951).

Восстановлены 4/5 части емкости, отсутствующий сегмент боковой стенки не мешает представить форму целиком. Сосуд закрытой формы с почти шаровидным туловом и наклонными плечиками (рис. 4. 1*a,* 1*b*). Высота емкости 34,5 см, максимальный диаметр по тулову – 31,0 см, диаметр по венчику – 22,0 см. Толщина венчика 0,7–0,9 см, стенок – 0,3–0,7 см, дна 0,9–1,1 см.

Лепился сосуд из слабоожелезненной глины с незначительным включением обломочного материала. В качестве искусственно вводимых компонентов зафиксированы дресва и органический раствор (рис. 4. 1*d*). Дресва гранитно-гнейсовой породы, с размерами частиц от 1 до 5 мм, в формовочной массе с концентрацией около 1:6. Органический раствор с твердой составляющей, от которого после обжига изделия сохранились характерная слоистость, пористость, коричневый налет по спаям, остатки невыгоревшей до конца органики в виде серых и коричневых нитей, скоплений ма-

Рис. 3. Развал сосуда раннего Средневековья в раскопе стоянки Итомиура
Fig. 3. The broken vessel of the early Middle Ages in the excavation of the site Itomiura

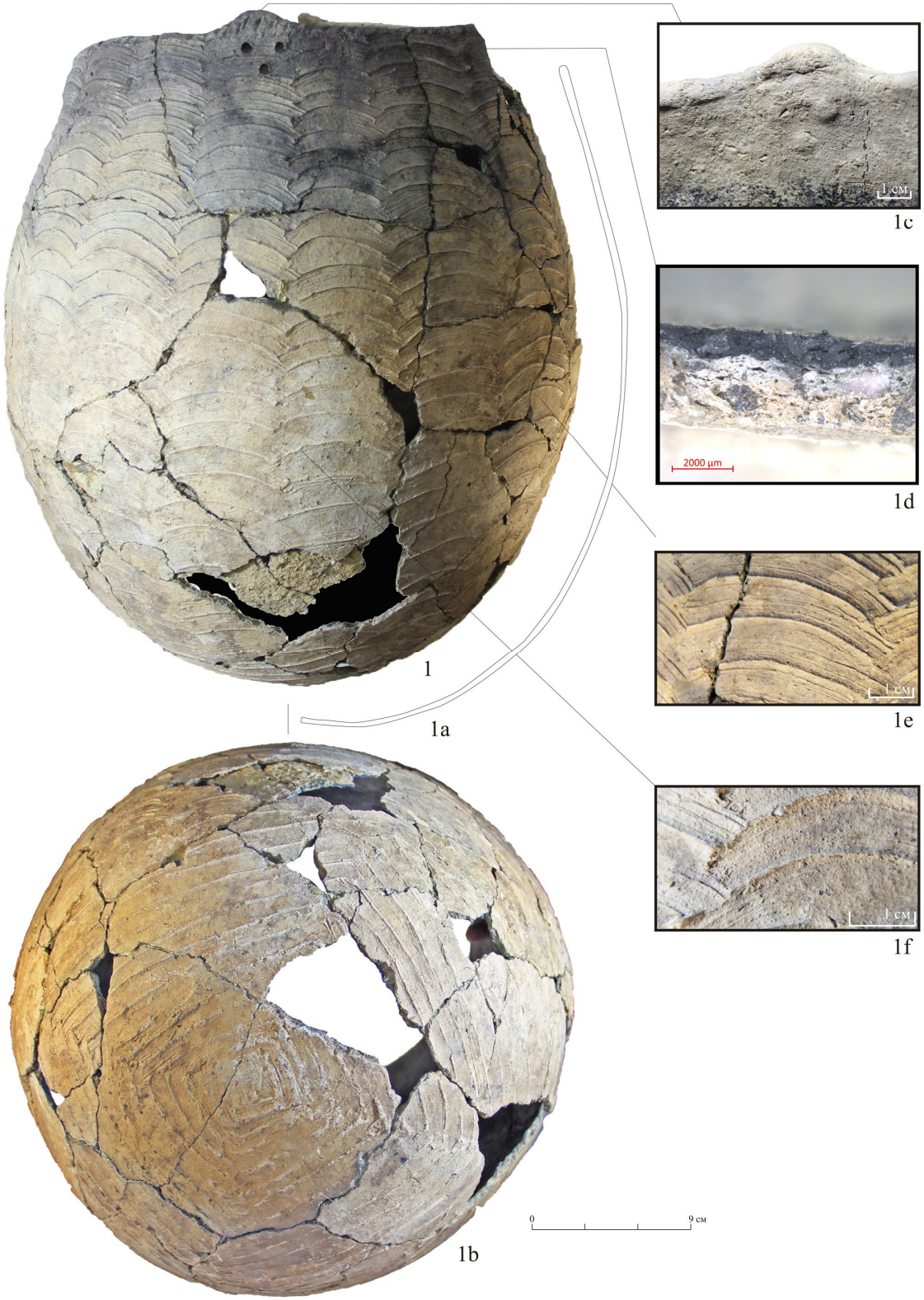

Рис. 4. Сосуд раннего Средневековья: *1 – восстановленная форма; 1a – профиль; 1b – вид дна; 1c – внутренняя поверхность в зоне венчика; 1d – формовочная масса в изломе; 1e – обмазочные валики; 1f – однородный состав формовочной массы стенок сосуда и обмазочного валика*

Fig. 4. Vessel of the early Middle Ages: *1 – restored form; 1a – profile; 1b – bottom view; 1c – the inner surface in the rim area; 1d – the molding compound in a break; 1e – smearing cordons; 1f – homogeneous composition of the molding compound of the vessel and the smearing cordon*

леньких серых и коричневых «икринок», рыхлых порошкообразных включений.

Сосуд изготавливался из разноразмерных лоскутов комковатым, неорганизованным налепом. Шарообразная часть тулова, включая дно, формовалась, предположительно, с использованием эластичной формы-основы. Об этом свидетельствуют гладкая внутренняя поверхность, единичные отпечатки волосинок на ней, отсутствие следов заглаживания, асимметричность формы и плавное изменение толщины стенок – от 3 до 7 мм. Верхняя часть емкости надстраивалась после изъятия формы-основы из сосуда. На это указывает стык на плечиках, шероховатость внутренней поверхности верхней части сосуда, а также неровный, извилистый верхний край сосуда, который проходит не по плоскости (рис. 4. 1*c*). Конструирование формы сосуда проходило от дна к венчику.

Орнамент покрывает сосуд целиком. Он состоит из тонких обмазочных валиков, насечек и ямок. Валики наносились на гладкую поверхность сосуда путем размазывания прилепленного комочка из той же формовочной массы, из которой лепился сосуд. Оформлялись валики твердым орнаментиром, имеющим М-образное окончание рабочей кромки шириной 8 мм. Валики наносились параллельно друг другу короткими одиночными дугами по кругу в направлении против часовой стрелки (при виде со дна) на перевернутой форме от венчика ко дну. До придонной части валики строятся 27–28 рядами из 17-ти смыкающихся друг с другом параллельных «арок», заполняющих всю внешнюю поверхность сосуда. Плотность между рядами уменьшается от горла к придонной части. Там на крайний ряд арок местами накладывается квадратная прерывистая спираль, сужающаяся к центру дна, выполненная из таких же обмазочных валиков, размазанных тем же стеком (рис. 4. 1*b,* 1*e,* 1*f*). Четкость валиков размывается от венчика ко дну, где они теряют свою симметрию.

Завершалась лепка сосуда подрезкой его края, т. е. оформлением венчика с четырьмя полукруглыми взаимосимметричными выступами, заглаживанием и нанесением на него орнамента (рис. 4. 1*c*). Венчик и поверхность выступов покрывались гладкими насечками. Под каждым выступом накалывалось по три ямки, расположенные в виде треугольника (личины?). В трех случаях из четырех фигуры смещены в правую часть поля выступов. Во время оформления венчика еще сырой сосуд стоял на дне, отчего оно немного приплюснулось. Возможно, орнамент сосуда имитирует вид плетеной корзины.

Обжиг изделия проводился на открытом огне, близком к температуре каления (до 1000 °С). Использовался сосуд для варки на горящих углях, при этом он устанавливался вертикально. Об этом свидетельствуют: изменение окраса наружной поверхности – буро-коричневого с темными пятнами под горловиной и светло-коричневого и бежевого в придонной части и на дне; присутствие нагара на внутренних стенках емкости, при этом горизонтальная полоса шириной около 4 см до края оставалась незакопчённой; изменение цвета в изломе черепков – прокаленный до бежевого цвета наружный слой и черный внутренний. Огнестойкость изделия обеспечивала введенная в состав формовочной массы дресва, а органические добавки в тесте уменьшали «вредное» влияние усадки во время сушки, обжига и эксплуатации сосуда.

Обсуждение

Сравнение двух сосудов, украшенных разными орнаментальными композициями из тонких налепных валиков, показывает их сходства и различия.

1. Компонентный состав формовочной массы одинаков для обоих сосудов. Он включает дресву и органический раствор. Различие отмечается по концентрации и породе дресвы, составу и характеру органической добавки.

2. Конструирование емкостей проводилось близким способом – лоскутным налепом с использованием форм-моделей. Однако сосуды различаются не только по геометрическим параметрам, но и по приемам формообразования, оформлению горловины и венчика.

3. Общим в украшении сосудов является орнамент – тонкие налепные валики. Но валики различны не только по внешнему виду, но и по спосо-

бу формовки, составу глинистого сырья, последовательности (программе) их нанесения при создании орнамента.

4. Применение кострового обжига сближает сосуды, однако температурный его режим для разных емкостей, судя по всему, различен.

5. Сосуды использовались, предположительно, с одинаковой целью – для варки жидкой пищи.

Приведенное сравнение указывает на то, что, несмотря на кажущуюся внешнюю схожесть сосудов с тонковаликовой орнаментацией, между ними фиксируются значительные различия, которые обусловлены их разновременностью. Калибровка полученных радиоуглеродных дат по второй сигме показала, что развал сосуда с волнистыми валиками был оставлен в пределах VII–V вв. до н. э., а сосуда с обмазочными валиками – в интервале VII – конца IX вв. н. э. Эти абсолютные даты не противоречат имеющимся на сегодняшний день археологическим материалам из южнотаежной подзоны Средней Сибири.

Аналогии сосуду раннего железного века с тонкими волнистыми валиками часто встречаются на археологических памятниках Нижнего Приангарья и Среднего Енисея (рис. 5). В частности, есть они на стоянках Усть-Кова I (пункт 2), Проспихинская Шивера-IV, Отико II, Сергушкин-1 и Взвоз, пункт 2 (Итоги изучения…, 2014. С. 129. Рис. 1.10; Абдулов Т.А, Абдулов А.Т., Алтухов, 2013. Рис. 3.1; Герман, Леонтьев, 2013. Рис. 5.9; Леонтьев, Герман, 2015. С. 87). На поселениях из долины р. Ангары представленная керамика с тонкими волнистыми валиками часто залегает вместе с посудой других керамических типов раннего железного века.

В таежной зоне Среднего Енисея, керамика с тонкими волнистыми налепными валиками, аналогичная сосуду из Итомиуры, отмечена в третьем культурном слое поселения Язаевка, на стоянках Костылевка, Лесосибирская III, Стрелковский порог (Мандрыка, 2011. С. 121), Костыльниковский Мыс (Максимович, Бирюлева, 2018). Аналогичный сосуд присутствует среди материалов ансамбля археологических объектов Чермянка, расположенного на левом берегу Енисея севернее устья Ангары (Фокин, 2008. Рис. 1.3). По условиям залегания культурных слоев на стратифицированных поселениях и серии радиоуглеродных дат этот тип тонковаликовой керамики из памятников датируется серединой I тыс. до н. э. (Мандрыка, 2011. С. 123).

Известна схожая керамика и за пределами Среднего Енисея – в горно-таежном Кизир-Казырском районе Южной Сибири (Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н., 2009. С. 54–55. Рис. 48.1).

Аналогии раннесредневековому сосуду очерчивают ареал по подзоне южной тайги Сибири (рис. 6). В Приангарье сосуды с обмазочными валиками, образующими ряды «арок», зафиксированы в двух средневековых погребениях по обряду трупосожжения на стороне выявленных на стоянке Усть-Ката-2 (Амзараков, 2013. С. 203). Практически идентичный горшок найден на стоянке Сергушкин-3 и отнесен авторами раскопок к эпохе Средневековья (Герман, Леонтьев, 2013. С. 66). Известна такая керамика во втором культурном слое комплекса Проспихинская Шивера-IV, датированном в интервале раннего железного века – Средневековья, на раннесредневековом поселении Проспихинская Шивера-I (работы П.В. Мандрыки), памятниках Усть-Карабула, Усть-Кода, Большая Пеленда, Ручей Поварный, Взвоз, пункт 2 (Макаров, 2013. С. 144; Труды Богучанской…, 2015. С. 82–83, 167, 286; Леонтьев, Герман, 2015. Рис. 1.4). На памятниках Нижнего Приангарья валиковые сосуды с «арками» часто залегают вместе с керамикой усть-ковинского типа, в том числе на поселениях Усть-Илим (Васильевский, Бурилов, 1971), Проспихинская Шивера-I, на стоянке Итомиура (Мандрыка, Сенотрусова, 2014). Датировка и той и другой посуды не выходит за рамки второй половины I тыс. н. э.

Аналогичные сосуды известны не только в Нижнем Приангарье, но и на сопредельных территориях. В Томском Приобье такая посуда зафиксирована на поселении VIII–IX вв. Малгет 8 (Чиндина, 1991. С. 75. Рис. 18.14) и в насыпи кургана 16 Тимирязевского курганного могильника (датировка кургана VI–VIII вв.) (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 27.2).

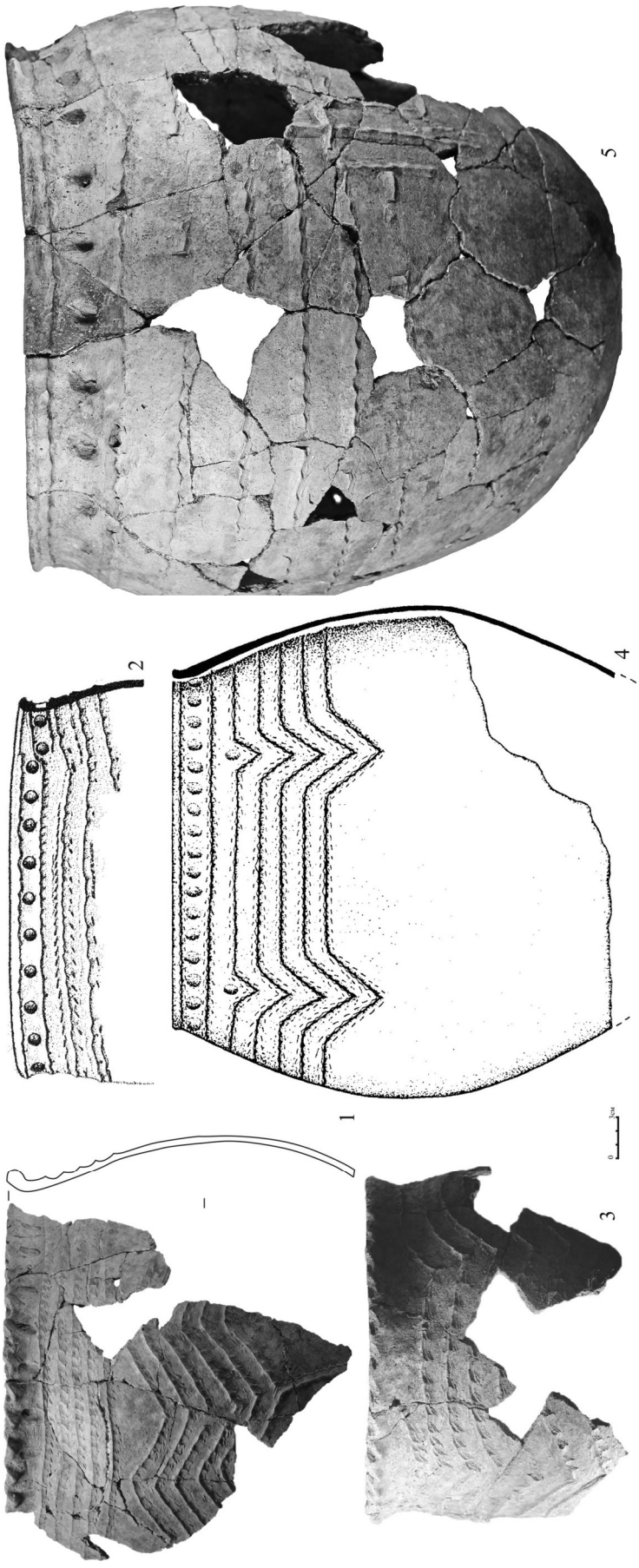

Рис. 5. Тонковаликовая керамика раннего железного века Сибири: *1 –Проспихинская Шивера-IV (раскопки П. В. Мандрыки); 2 – Чермянка [по: Фокин, 2008. Рис. 1.3]; 3 – Отико II [по Абдулов, Абдулов, Алтухов, 2013. Рис. 3.1]; 4 – Язаевка [по: Мандрыка, 2011. С. 121]; 5 – Костыльниковский Мыс [по: Максимович, Бирюлева, 2018. С. 88. Рис. 1]*

Fig. 5. Thin-cordons ceramics of the early Iron Age of Siberia: *1 –Prospihinskaya Shivera-IV (excavations by P.V. Mandryka); 2 – Chermyanka [by: Fokin, 2008. Fig. 1.3]; 3 – Otico II [by Abdulov, Abdulov, Altukhov, 2013. Fig. 3.1]; 4 – Yazayevka [by: Mandryka, 2011. P. 121]; 5 – Kostylnikovsky Mys [by: Maksimovich, Biryuleva, 2018. p. 88, fig. one]*

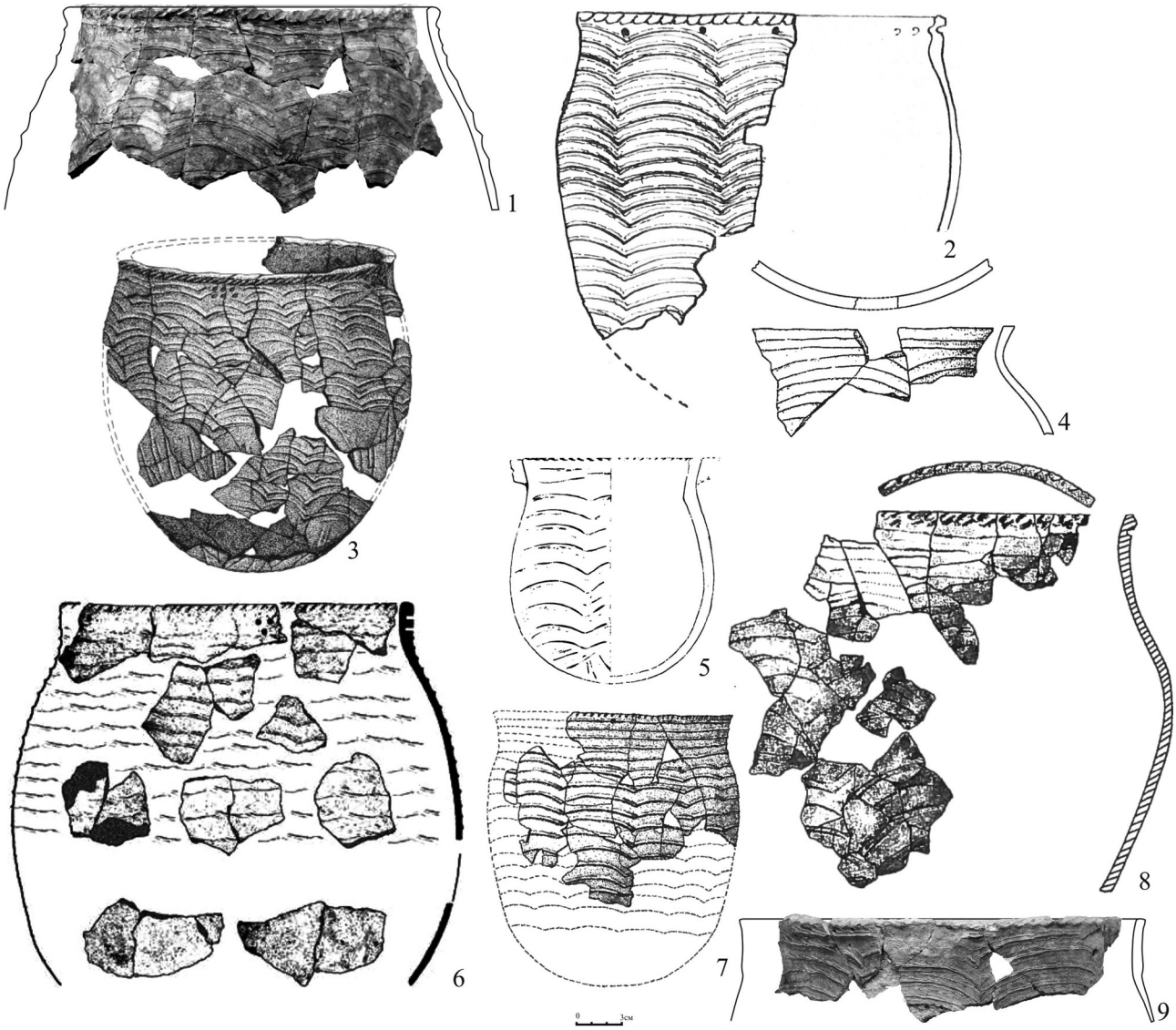

Рис. 6. Тонковаликовая керамика раннего Средневековья Сибири: *1 –Итомиура (раскопки П.О. Сенотрусовой); 2 – Малгет [по: Чиндина, 1991. С. 75]; 3 – Усть-Ката-2 [по: Амзараков, 2013. С. 203]; 4 – Большая Пеленда [по: Труды Богучанской…, 2015. С. 167]; 5 – Тимирязевский могильник [по: Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 27–2]; 6 – стоянка Сергушкин-3 [по: Герман, Леонтьев, 2013. С. 66]; 7 – Усть-Кода [по: Труды Богучанской…, 2015. С. 82]; 8 – Ручей Поваренный [по: Труды Богучанской…, 2015. С. 286], 9 – Проспихинская Шивера I (раскопки П.В. Мандрыки)*

Fig. 6. Thin-cordons ceramics of the early Middle Ages of Siberia: *1 – Itomiura (excavations of P.O. Senotrusova), 2 – Malget [by: Chindina, 1991, p. 75]; 3 – Ust-Kata-2 [by: Amzarakov, 2013. P. 203]; 4 – Bolshaya Pelenda [by: Works of Boguchanskaya ..., 2015. P. 167]; 5 – Timiryazevsky burial ground [by: Belikova, Pletneva, 1983. Fig. 27–2]; 6 – Sergushkin-3 [by: German, Leontiev, 2013. p. 66]; 7 – Ust-Koda [by: Proceedings of Boguchanskaya ..., 2015. P. 82]; 8 – Ruchey Povarennyy [by: Proceedings of Boguchanskaya ..., 2015. P. 286], 9 – Prospikhinskaya Shivera I (excavations by P.V. Mandryka)*

Заключение

Сравнение двух тонковаликовых сосудов со стоянки Итомиура с учетом данных радиоуглеродного датирования и аналогий позволило выявить ряд важных различий. К ним относятся: составы формовочных масс, конструирование емкостей, формы сосудов, оформления их венчиков, способы налепа валиков, приемы орнаментации и композиции орнамента. Сходство же находится не только во внешнем виде орнаментации из тонких налепных валиков, но и в компонентном составе формо-

вочной массы, формовке лоскутным налепом и круглодонности емкостей.

Керамика с тонкими налепными валиками появилась на территории Нижнего Приангарья в раннем железном веке и использовалась здесь более полутора тысяч лет, окончательно исчезнув к развитому Средневековью. За это время в ее облике происходят существенные изменения, что нашло отражение в появлении различных типов и переходных форм посуды. Сравнительный анализ разнотипных сосудов с тонкими налепными валиками позволяет выявить маркеры хронологической и/или культурной принадлежности керамических емкостей, что необходимо для разработки периодизации древней и средневековой истории региона.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет поставить ряд вопросов для дальнейшего изучения комплексов с тонковаликовой керамикой в сибирском регионе:

1) о культурно-хронологическом соотношении различных вариантов тонковаликовой керамики с учетом технологических характеристик сосудов;

2) при доказанной протяженности использования сосудов с тонковаликовой орнаментацией в южнотаежной зоне Средней Сибири следует расширить поиск истоков этого феномена и изменения его составляющих на сопредельных и отдаленных территориях;

3) при отсутствии генетического родства разных вариантов тонковаликовой керамики с местными керамическими традициями требует изучения ее взаимодействие с другими синхронными керамическими традициям, существовавшими в регионе.

Библиографический список

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Отико II // Евразия в Кайнозое. Иркутск : Изд-во Иркутского госуниверситета, 2013. С. 7–18.

Амзараков П.Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно – Алтая. Серия: Археология. 2013. № 1. С. 200–205.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск : Изд-во Томского госуниверситета, 1983. 244 с.

Бирюлева К.В. Тонковаликовая керамика Нижнего Приангарья: проблемы и перспективы изучения // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. Казань, Болгар: КФУ, 2015. С. 58–64.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

References

Abdulov T.A., Abdulov A.T., Altukhov V.V. Results of archaeological survival excavation of geoarchaeological multilayered site Otiko II. *Yevraziya v Kaynozoe* [Eurasia in the Cenozoic]. Irkutsk: Irkutskogo gosuniversiteta Publ., 2013, pp. 7–18. (In Russ.).

Amzarakov P.B. Preliminary results of archaeological excavations of Ust-Kata-1 and Ust-Kata-2 sites in flowage area of the Boguchany dam reservoir. *Nauchnoe obozrenie Sayano – Altaya. Ser. Arkheologiya* [Scientific review of Sayano – Altai. Ser. Archeology], 2013, no. 1, pp. 200–205. (In Russ.).

Belikova O.B., Pletneva L.M. *Pamyatniki Tomskogo Priobya v V–VIII vv. n. e.* [Sites of Tomsk Priobye in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk: Tomskogo gosuniversiteta Publ., 1983, 244 p.

Biryuleva K.V. Ceramics with thin cordons of the Lower Angara region: problems and prospects of research. *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare: sbornik materialov itogovoy konferentsii* [International Field School in Bolgar: a collection of materials of the final conference]. Kazan, Bolgar, 2015, pp. 58–64. (In Russ.).

Bobrinskiy A.A. *Goncharnaya tekhnologiya kak obekt istoriko-kulturnogo izucheniya* [Pottery technology as an object of historical and cultural research]. *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya)* [Actual problems of research of ancient pottery (collective monograph)]. Samara: SamGPU Publ., 1999, pp. 5–109. (In Russ.).

Bobrinskiy A.A. Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of research. Moscow: Nauka Publ., 1978, 272 p.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко //Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 72–87.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Опыт применения зонального лоскутного налепа в реконструкции способов изготовления крупных сосудов эпохи неолита // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 28–37.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск : Наука, 1971. С. 202–284.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых исследований 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск : КККМ, 2013. С. 57–72.

Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье / В.М. Харевич, И.В. Стасюк, Е.В. Акимова, Е.Н. Кукса, Ю.М. Махлаева, О.А. Горельченкова, Е.А. Томилова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 9. С. 126–140.

Леонтьев Н.В. Хуннские истоки обмазочно-валиковой керамической традиции «лесных» народов Среднего Енисея // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск : РИО КГПУ, 2005. С. 89–91.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2009. 178 с.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 2015. Вып. VIII. С. 87–106.

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskiy V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev Ye.V., Prisekaylo A.A., Markovskiy G.I., Dudko A.A. *Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody)* [Boguchany Archeological Expedition: Essay of field research (2007–2012)]. Novosibirsk, 2015, 564 p. (In Russ.).

Vasileva I.N., Salugina N.P. The patchwork. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and prospects of research]. Moscow, 2010, pp. 72–87. (In Russ.).

Vasileva I.N., Salugina N.P. The experience in the application of zonal patchwork modeling in the reconstruction of the methods of manufacturing the Neolithic period's large vessels. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Herald], 2015, no. 3 (12), pp. 28–37. (In Russ.).

Vasilevskiy R.S., Burilov V.V. Archaeological research in 1968 in the flood zone of the Ust-Ilim hydropower station. *Materialy polevykh issledovaniy Dalnevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Field research materials of the Far-Eastern archaeological expedition]. Novosibirsk, Nauka publ., 1971, vol. 2, pp. 202–284. (In Russ.).

German P.V., Leontev S.N. *Mnogosloynye stoyanki ostrova Sergushkin (kratkie rezultaty polevykh issledovaniy 2009–2011 gg.)* [Multi-layered sites of Sergushkin Island (brief results of field studies 2009–2011)]. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredelnykh territoriy* [Archaeological research of the antiquities of the Lower Angara region and adjacent territories]. Krasnoyarsk, 2013, pp. 57–72. (In Russ.).

Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Akimova Ye.V., Kuksa Ye.N., Makhlaeva Yu.M., Gorelchenkova O.A., Tomilova Ye.A. Results of the research of the Ust-Kova I site (point 2) in the Northern Angara region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 9, pp. 126–140. (In Russ.).

Leontev N.V. *Khunnskie istoki obmazochno-valikovoy keramicheskoy traditsii "lesnykh" narodov Srednego Yeniseya* [The Xiongnu origins of the smearing-cordon's ceramic tradition of the "forest" peoples of the Middle Yenisei]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya* [Archeology of Southern Siberia: ideas, methods, discoveries]. Krasnoyarsk, 2005, pp. 89–91. (In Russ.).

Leontev N.V., Leontev S.N. *Pamyatniki arkheologii Kizir-Kazyrskogo rayona* [Sites of archeology of Kizir-Kazyr district]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2009, 178 p. (In Russ.).

Leontev S.N., German P.V. Ceramic complex of the first cultural horizon of the Vzvoz site, point 2 (Northern Angara region). *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Ansient of Enisey Siberia]. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet Publ., 2015, vol. VIII, pp. 87–106. (In Russ.).

Максимович Л.А., Бирюлева К.В. Тонковаликовый сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Костыльниковский Мыс // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. С. 86–94.

Мандрыка П.В. Приемы описания керамики валикового типа // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского госуниверситета, 1995. С. 114–116.

Мандрыка П.В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. 2011. С. 118 –126.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и Средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 63–81.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 214 с.

Фокин С.М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск : Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 210–214.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 1991. 184 с.

Maksimovich L.A., Biryuleva K.V. Thin-cordon's vessel with anthropomorphic images from the site Kostylnikovskiy Mys. *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Ansient of Enisey Siberia]. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet Publ., 2018, pp. 86–94. (In Russ.).

Mandryka P.V. *Priemy opisaniya keramiki valikovogo tipa* [Techniques for describing cordon-type ceramics]. *Metodika kompleksnykh issledovaniy kultur i narodov Zapadnoy Sibiri* [Methods of complex research of cultures and peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomskogo gosuniversiteta Publ., 1995, pp. 114–116. (In Russ.).

Mandryka P.V. Early Iron Age thin-cordon's pottery from the south-taiga zone of the Middle Yenisei. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, Philology]. *Arkheologiya i etnografiya* [Archeology and Ethnography], 2011, vol. 10, iss. 3, pp. 118–126. (In Russ.).

Mandryka P.V., Senotrusova P.O. Cultural and Chronological Complexes of the Site Itomiura of the Paleometal and the Middle Ages in the Nothern Angara Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 2014, vol. 8, pp. 63–81. (In Russ.).

Saiko E.V. *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Srednei Azii v istoricheskom razvitii* [Technique and technology of ceramic production in Central Asia in historical development]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 214 p.

Fokin S. M. To the question of the spread of Medieval cordons ceramics in the Yenisey Siberia. *Vremya i kultura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in the archaeological and ethnographic researches of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction]. Tomsk, Agraf-Press Publ., 2008. Pp. 210–214. (In Rus.)

Tsetlin Yu.B. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podkhoda* [The ancient pottery. The theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAN Publ., 2012, 430 p.

Tsetlin Yu.B. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ceramics. Concepts and terms of historical and cultural approach]. Moscow, 2017, 346 p.

Chindina L.A. *Istoriya Srednego Priobya v epokhu rannego srednevekovya (relkinskaya kultura)* [The history of Middle Ob in the Early Middle Ages (Relkinskaya Culture)]. Tomsk, 1991, 184 p.

Сведения об авторах

Мандрыка Павел Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий сек-

Information about the authors

Pavel V. Mandryka,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of Laboratory

тором археологии,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: pmandryka@yandex.ru
Бирюлева Ксения Викторовна,
старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: ksy36ss@yandex.ru
Сенотрусова Полина Олеговна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: polllina1987@rambler.ru

Критерии авторства

Все авторы (П.В. Мандрыка, К.В. Бирюлева, П.О. Сенотрусова) совместно проводили полевые работы, обрабатывали полученные материалы, подготавливали и оформляли рукопись, иллюстрации. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Archaeology, Ethnography and History of Siberia,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: pmandryka@yandex.ru
Kseniya V. Biryuleva,
Senior Researcher of Laboratory Archaeology, Ethnography and History of Siberia,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: ksy36ss@yandex.ru
Polina O. Senotrusova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of Laboratory Archaeology, Ethnography and History of Siberia,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: Polllina1987@rambler.ru

Attribution criteria

All authors (P.V. Mandryka, K.V. Biryuleva, P.O. Senotrusova) jointly carried out field work, processed the received materials, prepared the publication and illustrations. They have copyright to the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 781.91+008
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-79-93

Традиционные и современные формы визуальной репрезентации этнической идентичности в музыкальных инструментах саха

© Ю.С. Овчинникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена осмыслению специфики визуальной репрезентации этнической идентичности в якутских музыкальных инструментах. В качестве материала исследования выступают музыкальные инструменты саха, зафиксированные автором во время полевых исследований в Якутии в июле 2018 г. В результате анализа собранного материала автор приходит к выводу о том, что музыкальные инструменты сочетают в себе как традиционные, так и современные символы этнической идентичности. К первой группе относятся символы локального природного космоса (растительного и животного) и традиционных типов хозяйствования саха, отраженные в материалах, из которых изготовлены инструменты; визуальный облик инструментов, связанный с «неписаными» гендерными и возрастными идентификационными характеристиками якутов. В качестве новых форм визуальной репрезентации этничности выявляются следующие аспекты: музыкальный инструмент как средство актуализации значимых фактов этноистории; визуальная репрезентация символов этнической неомифологии; музыкальный инструмент как средство актуализации мифологического сознания саха в контексте возрождения автохтонной религии Аар Айыы; визуальная репрезентация национальных символов; музыкальные инструменты как средство порождения новой обрядности; творческое переосмысление архаичных инструментов и продуцирование новых на основе материалов локального природного космоса.

Ключевые слова: якутские музыкальные инструменты, хомус, кырыымпа, кюпсюр, дюнгюр, якутское возрождение, формы визуальной репрезентации этнической идентичности, музыкальная культура саха, этническая идентификация, этнокультурные символы

Информация о статье: Дата поступления 22 октября 2018 г.; дата принятия к печати 28 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. Традиционные и современные формы визуальной репрезентации этнической идентичности в музыкальных инструментах саха. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 79–93. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-79-93.

Traditional and modern forms of visual representation of ethnic identity in Sakha musical instruments

© Julia S. Ovchinnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract: The article focuses on the specificity of visual representation of ethnic identity in Yakut musical instruments. The data for study was collected by the author during field work in Yakutia in July 2018. The analysis of collected material allows to conclude that Sakha musical instruments combine both traditional and modern symbols of visual representation of ethnic identity. The first group combines symbols of local nature (of plants and animals) and of traditional economy that are reflected in materials from which musical instruments are made, as well as their visual representation connected with “unwritten” gender and age identity characteristics of Sakha. The new forms of ethnic representation are discovered in the following aspects: musical instrument as means of actualization of ethnic history, visual representation of ethnic neo-mythology symbols, musical instrument as means of actualization of mythological consciousness of Sakha in the context of renaissance of autochthonous religion,

visual representation of national symbols, musical instruments as means of producing of new types of modern rituality, creative reinterpretation of archaic instruments and making of new ones on the base of materials of local nature..

Keywords: Yakut musical instruments, khomus, kyrympa, kyupsyur, dyungyur, Yakut revival, forms of visual representation of ethnic identity, music culture of Sakha, ethnic identification, symbols of ethnic identity

Article info: Received October 22, 2018; accepted for publication November 28, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Ovchinnikova Yu.S. Traditional and modern forms of visual representation of ethnic identity in Sakha musical instruments. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 79–93. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-79-93.

Якутское возрождение (термин – Ю.О.) – одно из звеньев общемировых процессов, обозначивших тенденцию возвращения традиционной этнокультурной художественности в конце XX в. (Ващенко, 2013). В научной литературе по данному региону разные грани проявления этой тенденции описываются как «ренессанс традиционного эпического наследия саха» (Попова, 2015. С. 82), «возрождение традиционной культуры якутов» (Яковлева, 2014), «подъем этнического самосознания в Якутии» (Григорьев, 2011. С. 16), «реставрация традиционных верований» (Яковлев, Яковлева, 2017. С. 43) и др. Среди особенностей этнокультурного возрождения в Якутии, которое наиболее ярко стало проявляться, начиная с 1990-х годов, следует отметить: актуализацию собственной этноистории, обращение к автохтонной мифологии в контексте ее интенсивного переосмысления в свете собственного идентичностного выживания, особую роль культурных символов в процессе этнической идентификации саха в современном мире. В качестве таких символов стали выступать объекты как духовной культуры (обряды летнего праздника солнцестояния Ысыах, якутский эпос олонхо, круговые танцы осуохай и др.), так и материальной – традиционная одежда, украшения, постройки для проведения Ысыаха и др. Полевые исследования автора, проведенные в Якутске и в сёлах Октёмцы, Ой, Техтюр Хангаласского улуса (в рамках работы проекта «Музыкальная культурология» на Международной исследовательской школе в Якутии, 4–15 июля 2018 г.), послужили основой для осмысления еще одной категории этнокультурных символов саха – музыкальных инструментов.

В современном культурном пространстве Якутии этнические инструменты используются в самых разных контекстах: будучи объектами материальной культуры, они выступают ценными музейными экспонатами, служат средствами якутской этнопедагогики, сопровождают важные этнические обряды и праздники, образы *хомуса* находят отражение в женских украшениях, в сувенирной продукции, в средствах массовой информации. Почему в своем современном бытовании этнические инструменты выходят далеко за рамки узко музыкальной сферы? Каковы особенности их функционирования в контексте актуальных тенденций развития общества? Анализ собранного материала позволил увидеть, что музыкальные инструменты саха сочетают в себе целый комплекс как традиционных, так и современных форм визуальной репрезентации этнической идентичности.

К первой группе, которую составляют **традиционные символы визуальной репрезентации идентичности саха,** можно отнести следующие аспекты:

1. *Репрезентация традиционных типов хозяйствования находит отражение в структуре инструментов и в материалах, из которых они изготовлены*. Так *муос тонсуур* (ударяемые друг о друга рога оленя или быка) (рис. 1), *туйах тонсуурдар* (копыта животных) (рис. 2)*, сахсыыры* (погремушки из рогов и копыт оленя; погремушки из рогов коровы, внутрь которых положены косточки от вишни) (рис. 3); *кырыымпа* (традиционная якутская скрипка, созданная на основе охотничьего лука, с мембраной из кожи налима) (рис. 4, 5, 6); *айаан* (сигнальный аэрофон, использовавшийся во время охоты на изюбра) (рис. 7) представляют со-

Рис. 1. Муос тонсуур из рогов оленя. Из коллекции Клавдии Филипповны и Германа Васильевича Хатылаевых, г. Якутск
Fig. 1. Muos tonsur from the horns of a deer. From the collection of Klavdiya Filippovna and German Vasilyevich Khatylaev, Yakutsk

Рис. 2. Туйах Тонсуурдар (копыта коровы)
Fig. 2. Tuyah Tonsurdar (cow's hooves)

Рис. 3.Сахсыыры из рогов и копыт оленя. Из коллекции Клавдии Филипповны и Германа Васильевича Хатылаевых, г. Якутск
Fig. 3. Sakhsyryr from horns and deer's hoofs. From the collection of Klavdiya Filippovna and German Vasilyevich Khatylaev, Yakutsk

Рис. 4. Джяха. Из коллекции Клавдии Филипповны и Германа Васильевича Хатылаевых. Слева направо: Г.В. Хатылаев, Ю.С. Овчинникова, К.Ф. Хатылаева
Fig. 4. Jahah. From the collection of Claudia Filippovna and German Vasilyevich Khatylaev. From left to right: G.V. Khatylaev, Yu.S. Ovchinnikov, K.F. Khatylaeva

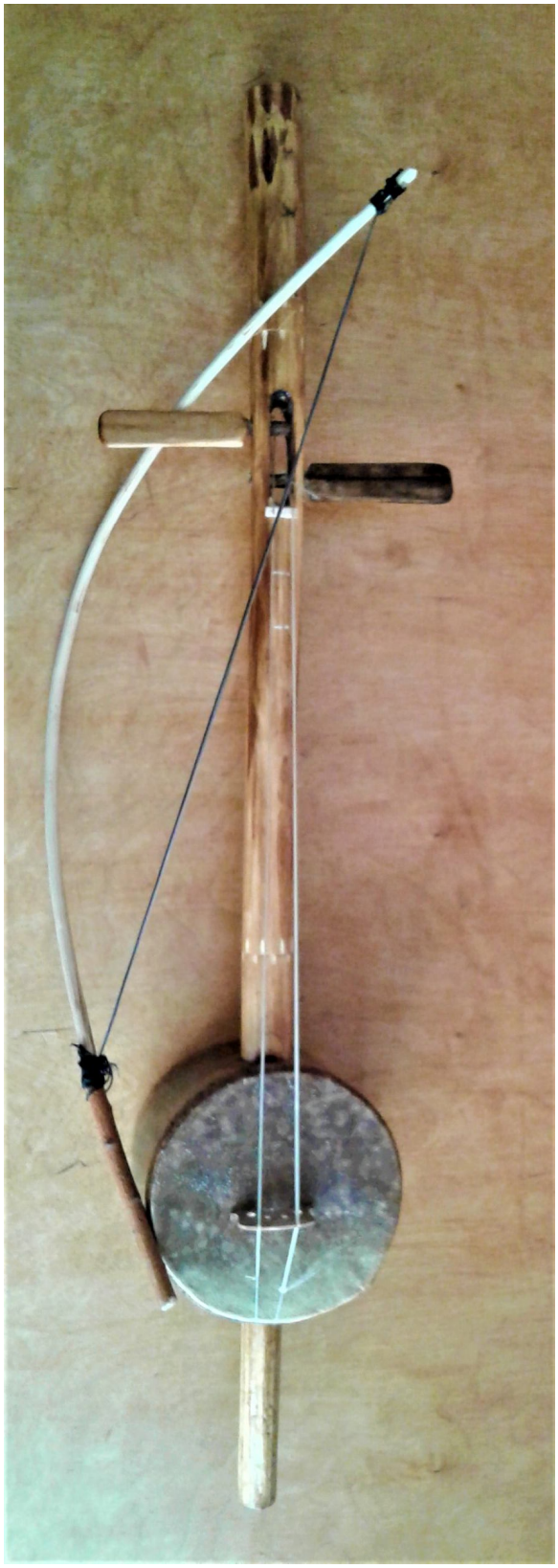

Рис. 5. Кырыымпа с мембраной из кожи налима, с. Ой Хангаласского улуса
Fig. 5. Kyrympa with burbot leather membrane, village Oh Khangalassky ulus

Рис. 6. Кырыымпа с мембраной из кожи налима Дека с изображением «лапки гагары», с. Ой Хангаласского улуса
Fig. 6. Kyrympa with burbot skin membrane Sounding-board with the image of "legs loon", village Oh Khangalassky ulus

бой продукты скотоводства, охоты, рыболовства, оленеводства и земледелия.

2. *Музыкальные инструменты выступают «носителями» неписаных гендерных и возрастных идентификационных характеристик саха*. Центральная роль в музыкальном инструментарии якутов принадлежит *хомусу* – древнему щипковому язычковому идиофону, возраст которого насчитывает более 5 тысяч лет. Границы современного использования разных типов хомуса (по количеству язычков – одноязычковый, двух-язычковый (рис. 8, 9); по размеру и высотному принципу – настроенные на разные ноты) сильно варьируются от села к селу и от исполнителя к исполнителю. Например, после того, как участники исследовательского проекта «Музыкальная культурология» купили у мастера И.И. Христофорова (1955 г. р., с. Ой Хангаласского улуса) целый ряд хомусов, ориентируясь на собственные запросы и советы мастера, группа

Рис. 7. Рамный барабан дюнгюр. Из магазина сувениров «Кудай бахсы», г. Якутск
Fig. 7. Frame drum dyungyur. From the souvenir shop "Kudai Bahsy", Yakutsk

Рис. 8. Хомус с изображением герба Хангаласского улуса. Мастер Иван Ильич Христофоров, с. Октемцы Хангаласского улуса
Fig. 8. Khomus depicting the coat of arms of the Khangalassky ulus. Master Ivan Ilyich Khristoforov, village Octemtsy of Khangalassky Ulus

Рис. 9. Двухязычковый хомус. Мастер Иван Ильич Христофоров, с. Октемцы Хангаласского улуса
Fig. 9. The bi- tongue khomus. Master Ivan Ilyich Khristoforov, village Octemtsy of Khangalassky Ulus

встретилась с хомусистами села Немюгюнцы. В процессе беседы выяснилось, что мастер продал «не те хомусы»: условно маленькие экземпляры оказались для детей до 7 лет, условно большие, украшенные конским волосом, – мужские. На вопрос, каковы критерии женского хомуса, носители традиции ответили: «Надо на звук пробовать и по собственным ощущениям смотреть» (Перловская Анастасия Дмитриевна, 1969 г. р., с. Техтюр Хангаласского улуса).

3. *Визуальная репрезентация локального природного космоса (растительного и животного), отраженная в материалах, из которого изготовлены музыкальные инструменты,* является одной из специфических универсалий народного инструментария. В якутских идиофонах это проявляется следующим образом: погремушка *бадьяах* изготавливается из березовой древесины в виде полого, узкого, удлиненного короба с ручками, внутрь которого помещаются металлические пластинки, нанизанные на проволоку; *джяха* (рис. 4) представляет собой полый цилиндр из местных пород дерева, обвешанный в 4–5 местах по кругу небольшими деревянными шишками. Хордофон

кырыымпа (якутская скрипка) (рис. 5, 6) делается из местной лиственницы, ели, сосны или осины. Для изготовления мембранофонов используется кожа местных животных: для древнего обрядового инструмента *табык* применялись куски бычьей кожи, которые после специальной обработки натягивались между двумя коновязями; односторонний рамный барабан *дюнгюр* (рис. 7) производился из кожи оленя; барабан *кюпсюр* (рис. 10) делали из полой лиственницы. Аэрофон *айан* (прямой конусообразный амбушурный инструмент) – из сухой лиственничной древесины, которую в конце оборачивали берестой для защиты от сырости.

Помимо материалов, которые служат основой для изготовления музыкального инструментария, визуальная репрезентация локального природного космоса находит отражение и в конкретных образах-символах, встречающихся в оформлении корпуса инструментов. Особый интерес в этом отношении представляет якутский *хомус*, в дизайне которого встречаются самые разные природные мотивы: на подковообразном основании инструмента нами были зафиксированы украшения в виде образа мамонта (на территории Якутии обнаружена значительная часть (около 80 %) всех находок останков мамонтов в мире), оленя, журавля, ворона, орла, различных растительных орнаментов.

Рис. 10. Кюпсюр. Из мастерской Театра Олонхо, г. Якутск
Fig. 10. Cupsure. From the workshop of the Olonkho Theater, Yakutsk

В *хомусе* нашел отражение еще один важный образ природного космоса саха – образ коня. Он используется в украшении корпуса инструмента (конь, всадник на коне), в формах футляра, в дополнительных деталях, привязанных к корпусу инструмента, который предназначен для проведения обряда благословения *алгыс* (три подвески из конского волоса с нанизанными на него бусинами) (рис. 11). В якутской мифологии конь выступает символом Верхнего мира. Небесный конь Дьёсёгёй Тойон – бог-айыы, младший брат творца вселенной Юрюнг Айыы Тойона – живет на четвертом небе и оказывает влияние на плодородие земли, размножение скота и на благополучие людей. Богиня плодородия Айыхыыт, покровительница рожениц и семьи, спускается на землю в виде кобылицы «с тридцатисаженной лодкой-хвостом, с семисаженной нежной серебряной гривой, с трехсаженной торчащей холкой, стоячими ушами, с ноздрями, как труба, с серебряной трех-складной шерстью, с копытами, подобно гребню, с рябыми глазами, с летней, нежной думой-мыслью, окрылившись своими священными гривой и хвостом» (Васильева, 2013. С. 142).

В инструменте отражается и мифология родства саха и небесного коня: от Дьёсёгёя произошел полуконь-получеловек, от него родился человек (зап. в 1886 г. в Баякантайском улусе В.Л. Серошевским); коня сотворил Белый Бог Создатель Айыы Тангара наравне с человеком (зап. в Колымском улусе в 1883 г.). Конь в этнокультурном самосознании якутов выступает как лучший друг, помощник в опасных ситуациях. Об этом можно встретить множество сюжетов олонхо:

…Преданный друг его – вороной скакун,
Шумно фыркнув парой гремучих ноздрей,
Горячо протяжно заржав,
Человеческим голосом заговорил,
Уранхайской речью сказал…

(Васильева, 2013. С. 143).

Образ коня сыграл структурообразующую роль и в якутской скрипке *кырыымпа*, гриф кото-

Рис. 11. Хомус для обряда благословения алгыс
Fig. 11. Khomus for the rite of blessing algys

рой нередко изготавливается в виде лошадиной головы, а струны и смычок – из конского волоса.

Сегодня, в условиях глобализации автохтонные музыкальные инструменты саха становятся «носителями» не только традиционных, но и новых, **современных форм визуальной репрезентации этнической идентичности**. Рассмотрим наиболее значимые из них.

1. *Якутские музыкальные инструменты сегодня становятся источником для продуцирования и актуализации значимых фактов этноистории*. Хомус, играющий роль своеобразного маркера этнической идентичности саха, вошел в якутскую этноисторию следующими событиями рубежа XIX–XX веков: создание в Якутске Музея хомуса (30 ноября 1990 г.) – единственного специализированного музея с крупным собранием хомусов и варганов со всего мира; указ № 769 Президента Республики Саха об объявлении 30 ноября национальным праздником – Днем Хомуса (27 июня 2011 г.); выделение якутами таких значимых фактов современной этноистории, как установление в Якутии рекорда Гиннесса по одновременной игре 1344 хомусистов со всего мира (24 июня 2011 г.), путешествие якутского хомуса на орбиту и его пребывание в течение 192 дней на борту международной космической станции (по инициативе Мемориального музея космонавтики и командира 31-й основной экспедиции на МКС Олега Кононенко, 2011–2012 гг.). Продуцирование и трансляция этих фактов этноистории, значимых для носителей культуры саха, происходит сегодня по различным каналам: средствами администрации Республики Якутия, через СМИ, международное сотрудничество, музейно-выставочную деятельность, Интернет, посредством передачи «из уст в уста».

2. *В современных музыкальных инструментах саха наблюдается тенденция визуальной репрезентация символов этнической неомифологии*. Так, одним из распространенных символов якутского возрождения стала «лапка гагары». Ее изображение в качестве мотива декора нами было

зафиксировано на задней деке ряда образцов якутской скрипки *кырыымпа* в с. Ой Хангаласского улуса (рис. 5, 6), на хомусе «Алгыс» мастера Николая Ильича Потапова (из коллекции Музея хомуса) (рис. 12). Истоки этого символа восходят к космогоническим мифам тунгусов, долган и северных якутов, содержащим мотив о «ныряющей птице»: гагара считается священной птицей, так как участвовала в сотворении мира. В мифологии эвенков гагара приносит маленький кусочек глины, от которой образуется земля. Кроме того, гагара тесно связана с шаманскими обрядами, ее изображения встречаются в шаманских одеяниях. По представлениям эвенков-орочонов, гагара переносит душу шамана в водной стихии (Дьяконова, 2017). Особый интерес представляют мифы о гагаре как предвестнице возникновения шаманизма у разных народов: «…Творец Амаки делает всех птиц, его же антипод Харги делает гагару. Творец дает человеку двузубое копье и тот, сев в берестянку, начинает гоняться за гагарой, втыкает копье в хвост так, что та не может нырнуть под воду. Оказавшись побежденной, гагара кричит: “Эвенк будет шаманом. Остяк будет шаманом. Якут будет шаманом. С той поры люди стали делаться шаманами» (Варламова, 2002. С. 30).

Рис. 12. Хомус «Алгыс» (дамасская сталь, серебро, золото, 16 бриллиантов по 0,95 карата, медвежий волос). Мастер Николай Ильич Потапов Из коллекции Музея хомуса, г. Якутск
Fig. 12. Khomus “Algys” (Damascus steel, silver, gold, 16 diamonds of 0.95 carats, bear hair). Master Nikolai Ilyich Potapov. From the collection of the Museum of Khomus, Yakutsk

В современной культуре саха символ «лапка гагары», помимо музыкальных инструментов, встречается на вершине Мирового Древа Аал Луук Мас (центральной обрядовой конструкции во время праздника летнего солнцестояния Ыссыах), на коновязях (сэргэ), на обложках изданий массовой литературы по религии Айыы, что свидетельствует о продуцировании якутами новых смыслов в контексте современной неомифологии. Так, например, в сети Интернет этот символ интерпретируется как ветвистая руна «альгис», происхождение которой у германцев и скандинавов возводится к якутской культуре на основе того, что в языке саха «алгыс» означает «благословение», «молитва», «обращение к духам»: «Есть еще один мощный знак, редко применяемый белыми шаманами в таком виде. Это руна “иччи” (в виде трезубца) – Дух. В перевернутом виде пишут эту руну только в проклятиях (даже скандинавы и германцы, перенявшие эту руну у Саха, называют её «альгиз» – алгыс-молитва духам, и в перевернутом виде применяют при обозначении даты смерти человека)…» (Федоров, 2017). На историческом форуме встречаем и другие смыслы: «Руна трезубец это… человек который воспевает Айыы. Называется это руна не иччи, а Алгыс**…»; «**Руна алгыз повторяет черты человека с поднятыми руками к небу», «название «алгыс» доказывает, что руны «футарк» герцога Ульфилы имели в своей основе более древние руны Саха. Алгыс – это обращение к Духам Среднего Мира – Иччи» (Исторический форум, 2014). Приведенные

умозаключения представляются яркими примерами данного символа как продукта трансформации традиционной культуры в условиях культурной глобализации.

3. *Музыкальные инструменты сегодня служат средством актуализации мифологического сознания саха и автохтонной религии Аар Айыы*. В условиях современных тенденций этнокультурного возрождения особым символизмом наделяется односторонний рамный барабан *дюнгюр* (рис. 7): сегодня мы наблюдаем отсутствие жесткого табу на использование инструмента только шаманами; бубен выступает в качестве формы визуальной репрезентации автохтонной религии Аар Айыы, является популярным среди туристов якутским сувениром (можно встретить разных размеров, от самых маленьких до крупных форм), активно используется якутами во время сценических практик (пение, танцы, ансамблевое музицирование) и практик неоязычества. Другим инструментом, актуализирующим мифологическое сознание якутов, является *джалбыр* (рис. 13) – обрядовый кнут, который используется для проведения обряда благословения (*алгыс*), очищения ауры человека и защиты его от нечистых сил. Изготавливается из ивовой ветки, которая обвязывается в нескольких местах белым конским волосом и украшается колокольчиками, веткой березы, пучками зеленой травы (Хатылаев, Хатылаева, 2015. С. 45). Когда автор статьи по незнанию взяла данный инструмент, чтобы задать вопросы хозяйке дома, то невольно нарушила неписаный запрет: *джалбыр*, по словам Прасковьи Дмитриевны Кириллиной (1939 г.р., с. Ой Хангаласского улуса), являясь «магическим инструментом», принадлежит только хозяину и никто, кроме хозяина, не может его касать-

Рис. 13. Обрядовый кнут джалбыр во время обряда благословения (алгыс), с. Ой Хангаласского улуса
Fig. 13. The ritual whip of jalbyr during the rite of blessing (algys), village Oh Khangalassky ulus

ся. В ответ на действия автора хозяйкой были предприняты обрядовые «взмахи» *джалбыра* в направлении того, кто нарушил запрет, чтобы очистить инструмент от «чужой энергии».

4. *Якутские музыкальные инструменты зачастую содержат в себе ряд локальных символов*. Так, например, среди инструментов мастера И.И. Христофорова нами были зафиксированы *хомусы* с изображением герба Якутии и герба Хангаласского улуса. Дизайн корпуса якутской *кырыымпы* сильно варьируется от мастера к мастеру и может быть представлен в форме таких идентификационных символов саха, как хомус, хоппо (короба), чороон (традиционный кубок для кумыса), сэргэ (коновязь). Сэргэ у саха традиционно использовались для привязывания лошади и символизировали пространственную организацию Вселенной во главе с главным божеством айыы Юрунг Ааро Тойон: «Коновязь сэргэ считалась посохом высшего божества, имела своего духа-покровителя Тойон Тюһмэл. Древние якуты считали, что дух-иччи коновязи не допускал злого духа внутрь жилища и мог наслать болезни на непочтительных хозяев» (Данилова, 2012. С. 83–84). Часто коновязи имели три характерные развилки, обозначающие трехмерную структуру Вселенной, а также три кут-души человека, которые были связаны с небесными божествами айыы. В целом такая коновязь воспринималась как священное дерево Ытык мас, в котором обитала дух-хозяйка Земли (Данилова, 2012. С. 83–84). *Кырыымпа* в виде чороона – кумысной посуды, сопровождающей якута всю жизнь с рождения до смерти, символа изобилия, счастья богатства (Николаева, 2015. С. 1539) – актуализирует целое поле смыслов и ассоциаций: сакрализация коня/лошади, праздник Ысыах (не обходится без чороона с кумысом), родовая память, единство якутского народа перед божествами Айыы. Мотив изобилия и плодородия наблюдается и в украшении *кырыымпы*: якутские лировидные орнаменты – символ плодородия, семейного счастья, благополучия, богатства.

Рис. 14. Большой хомус из коллекции Музея хомуса (длина корпуса – 98 см, длина язычка – 106 см), сделанный мастером А. Даниловым по заказу Министерства культуры Якутии, г. Якутск
Fig. 14. Large khomus from the collection of the Museum of khomus (body length – 98 cm, tongue length – 106 cm), made by master A. Danilov by order of the Ministry of Culture of Yakutia, Yakutsk

5. Особый интерес представляет феномен *порождения новых типов современной обрядности вокруг якутских музыкальных инструментов*. Так, в главном зале Музея хомуса установлен «самый большой хомус в мире» (длина корпуса – 98 см, длина язычка – 106 см) (рис. 14), сделанный мастером А. Даниловым по заказу Министерства культуры Якутии. Согласно рассказу экскурсовода, над хомусом был проведен шаманский обряд, направленный на наделение данного инструмента свойством исполнять желания посетителей. Рядом находится еще один экземпляр – «космический» хомус в виде летающей тарелки, идея изготовления которого была «подсказана» мастеру «сверху». В композицию входят два небольших шарика, сделанные из «небесного» камня и пирамида с изображением инопланетянина. Этот инструмент также наделяется магическими свойствами, о чем свидетельствуют слова директора Музея хомуса Н. Шишигина: «Я уже дважды проверял эту способность, и оба раза мои желания сбывались. Для того чтобы загадать желание, необходимо зажать в руках два шарика, которые находятся на площадке

хомуса, соединить руки на уровне груди и произнести желание про себя» (Шестопалова, 2013).

6. *Современные ударные мембранофоны зачастую предстают как результат реконструкции и творческого переосмысления древних обрядовых инструментов*. Так, например, барабан *кюпсюр*, бытовавший у саха в старину в качестве идиофона и не дошедший до нашего времени в виде фольклорных образцов, во второй половине XX века был реконструирован в мембранофон с одноименным названием. Изначально архаичный идиофон *джёлёккёй кюпсюр* изготавливался из полой лиственницы, очищенной от коры и установленной широкой стороной вверх, а звукоизвлечение достигалось за счет ударов палкой по корпусу инструмента. *Джёлёккёй кюпсюр* сопровождал обрядовые танцы во время праздников, выполнял сигнальные функции на свадьбе при встрече невесты, сопровождал своими звуками душу человека после смерти в иной мир во время похоронного обряда. Воссозданные мастерами образцы современных *кюпсюров* представляют собой односторонний и двусторонний цилиндрические барабаны разных размеров, которые по названию сходны с архаичным музыкальным бревном, а по конструкции совершенно отличаются: архаичный *джёлёккёй кюпсюр* – идиофон, а современные *кюпсюры* – мембранофоны (Дьяконова, 2015). На современном одностороннем открытом барабане, опирающимся на три ножки, звук извлекается деревянной колотушкой, обитой шкурой животного; закрытый цилиндрический *кюпсюр* (с кожаными мембранами с обеих сторон корпуса) сегодня делают с заплечным ремешком или без него. По мембране инструмента ударяют одной или двумя колотушками, инструмент могут держать как вертикально, так и горизонтально. Изменился и контекст применения инструмента – сегодня он широко используется в концертной практике, во время Ысыах и других национальных праздников саха. На международных мероприятиях (например, на церемониях открытия и закрытия Международных интеллектуальных игр в Якутии в июле 2018 г.) эти барабаны, звучащие «в живую» на фоне современной электронной музыки, которая воспроизводилась через мощную звукоусиливающую аппаратуру, были практически не слышны, но использовались в качестве визуальной репрезентации якутской культуры и средства этнокультурной идентификации саха. Интересным аспектом возрождения традиции игры на *кюпсюрах* выступает то, что музыканты под руководством К.Ф. и Г.В. Хатылаевых ездят учиться данному мастерству в Японию (на примере барабанной традиции кото).

7. *Реконструкция древних инструментов на основе актуализации мифологического сознания позволяет якутам продуцировать и новые «древние» инструменты на основе материалов локального природного космоса*. Так, природный парк «Ленские столбы», вошедший в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и ставший национальным символом республики, служит источником вдохновения для местных музыкантов. Ярким примером здесь могут служить «звучащие камни» *таас хобо* (рис. 15) – инструмент, созданный Германом Васильевичем Хатылаевым (1961 г. р., с. Баяга Алексеевского района): «Когда были на Ленских столбах, стали с детьми собирать плоские камни с ярким звуком. Сделали инструмент – наверное, когда-то наши предки на таких играли». В результате *таас хобо* вошли в энциклопедию якутских народных инструментов, изданную Хатылаевыми в 2015 г. (Хатылаев, Хатылаева, 2015).

Проведенный анализ позволяет заключить, что якутские музыкальные инструменты в культурном контексте современности представляют собой как традиционные, так и современные формы визуальной репрезентации этнической идентичности саха. К первой группе нами были отнесены символы локального природного космоса (растительного и животного) и традиционных типов хозяйствования саха, отраженные в материалах, из которых изготовлены инструменты; визуальный облик инструментов, связанный с «неписаными» гендерными и возрастными идентификационными характеристиками якутов.

В качестве новых форм визуальной репрезентации этничности выявляются следующие аспекты: музыкальный инструмент как средство актуализации значимых фактов этноистории; визуальная

Рис. 15. Таас хобо (звучащие камни). Мастер Герман Васильевич Хатылаев, г. Якутск
Fig. 15. Taas hobo (sounding stones). Master German V. Khatylaev, Yakutsk

репрезентация символов этнической неомифологии; музыкальный инструмент как средство актуализации мифологического сознания саха в контексте возрождения автохтонной религии Аар Айыы; визуальная репрезентация национальных символов; музыкальные инструменты как средство порождения новой обрядности; творческое переосмысление архаичных инструментов и продуцирование новых на основе материалов локального природного космоса. В современной культуре Якутии все обозначенные функции реализуются на неразрывном единстве друг с другом. Визуальный облик музыкальных инструментов актуализирует многомерное и многослойное сочетание разных этнических символов – перекликающихся между собой и тесно взаимодействующих в едином смысловом пространстве, что в своей совокупности способствует решению актуальных задач, связанных с процессами этнической идентификации саха в современном мире в свете осмысления собственного пути из прошлого в будущее.

Библиографический список

Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск : Наука, 2002. 376 с.

Васильева А.П. Репрезентация образа коня/лошади в традиционной культуре якутов // Вестник

References

Varlamova G.I. *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkiiskogo fol'klora* [Epic and ritual genres of Evenk folklore]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2002, 376 p. (In Russ.).

Vasil'eva A.P. *Reprezentatsiya obraza konya/loshadi v traditsionnoi kul'ture yakutov* [Representation of the horse

Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 141–146.

Ващенко А.В. Возвращение на Итаку: Этнокультурный фактор в художественном пространстве второй половины XX века. М.: ФИЯР МГУ, 2013. 150 с.

Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии: автореф. дисс. … канд. истор. наук. Якутск, 2011. 23 с.

Данилова Н.К. Сакральная архитектура народа саха: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 80–87.

Дьяконова М.П. Образы помощников демиургов в мифологическом цикле творения мира эвенков и эвенов // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. Вып. № 5(8). С. 1–4. URL: http://meridian-journal.ru/articles/obrazyi-pomoshhnikov-demiurgov-v-mifologicheskom-tsikle-tvoreniya-mira-evenkov-i-evenov/?output=pdf (дата обращения: 09.10.2018).

Дьяконова В.Е. Проблемы изучения современных (инновационных) музыкальных инструментов саха (на примере мембранофона кюпсюр) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 66– 69.

Исторический Форум на Ykt.Ru. URL: http://forum.ykt.ru/viewmsg.jsp?id=28755585 (дата обращения: 09.10.2018).

Николаева А.М. Об этнографической реалии якутского народа «чорон» // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113 (09). С. 1532–1542.

Попова Г.С. Ренессанс традиционного эпического наследия саха // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 82–89.

Фёдоров К. Тайна древних рун саха (Центр руническая письменности «Силис» (Якутск)) // Якутия – образ будущего. URL: http://yakutiafuture.ru/2017/01/11/tajna-drevnix-run-saxa/ (дата доступа: 09.10.2018).

/ horse in the traditional culture of the Yakuts]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova* [Bulletin of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University], 2013, vol. 10, no. 5, pp. 141–146. (In Russ.).

Vashchenko A.V. *Vozvrashchenie na Itaku: Etnokul'turnyi faktor v khudozhestvennom prostranstve vtoroi poloviny XX veka* [Return to Ithaca: Ethnocultural factor in the artistic space of the second half of the twentieth century]. Moscow: FIYaR MGU Publ., 2013, 150 p. (In Russ.).

Grigor'ev, S.A. *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie korennykh narodov Yakutii* [Socio-political movement of the indigenous peoples of Yakutia. Thesis of the of the Candidate of Science (History) dissertation]. Yakutsk, 2011, 23 p. (In Russ.).

Danilova N.K. Sacred architecture of the Sakha people: traditions and modernity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2012, no. 2, pp. 80–87. (In Russ.).

D'yakonova M.P. Images of demiurge assistants in the mythological cycle of the creation of the world of the Evenks and Evens. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian], 2017, no. 5(8), pp. 1–4. Available at: http://meridian-journal.ru/articles/obrazyi-pomoshhnikov-demiurgov-v-mifologicheskom-tsikle-tvoreniya-mira-evenkov-i-evenov/?output=pdf (accessed: 09.10.2018). (In Russ.).

D'yakonova V.E. *Problemy izucheniya sovremennykh (innovatsionnykh) muzykal'nykh instrumentov sakha (na primere membranofona kyupsyur)* [Problems of studying modern (innovative) Sakha musical instruments (by the example of a kyupsyur membrane system)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik*i [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice], 2015, no. 12 (62): in 4 vol. Vol. III, pp. 66–69. (In Russ.).

Istoricheskii Forum na Ykt.Ru [Historical Forum on Ykt.Ru]. Available at: http://forum.ykt.ru/viewmsg.jsp?id=28755585 (accessed: 09.10.2018) (In Russ.).

Nikolaeva A.M. *Ob etnograficheskoi realii yakutskogo naroda "choron"* [On the ethnographic reality of the Yakut people "Choron"]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [Scientific journal KubGAU], 2015, no. 113 (09), pp. 1532–1542. (In Russ.).

Popova G.S. Renaissance of the traditional epic heritage of Sakha. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 2015, no.1, pp. 82–89. (In Russ.).

Fedorov K. Mystery of the ancient Sakha runes (Center of the runic writing "Silis" (Yakutsk). Yakutia – the image of the future. Available at: http://yakutiafuture.ru/2017/01/11/tajna-drevnix-run-saxa/ (accessed: 09.10.2018). (In Russ.).

Хатылаев Г.В., Хатылаева К.Ф. Төрүт дорҕоон = Звуки мироздания = The Sounds of Creation. Якутск: Бичик, 2015. 128 с.

Шестопалова Н. Игры шаманов. В Якутии возрождают интерес к варгану // Smart News. 18 мая 2013 г. URL: http://smartnews.ru/regions/yakutsk/7107.html#item-99490 (дата доступа: 09.10.2018).

Яковлев, А.И., Яковлева К.М. Неоязыческие культовые сооружения в современном якутском селе // Общество: Философия, история, культура. 2017. № 11. С. 43–47.

Яковлева К. М. Механизмы сохранения и воспроизводства традиционной культуры якутов // Молодой ученый. 2014. № 20.2. С. 68–70. URL https://moluch.ru/archive/79/14034/ (дата обращения: 20.09.2018).

Khatylaev G.V., Khatylaeva K.F. *Төрүт дорҕоон = Zvuki mirozdaniya = The Sounds of Creation* [Төрүт дорҕоон = Sounds of the Universe = The Sounds of Creation]. Yakutsk: Bichik Publ., 2015, 128 p. (In Russ.).

Shestopalova N. Games of shamans. In Yakutia, revive interest in the vargan. Smart News. May 18. 2013. Available at: http://smartnews.ru/regions/yakutsk/7107.html#item-99490 (accessed: 09.10.2018). (In Russ.).

Yakovlev A.I., Yakovleva K.M. Neo-pagan religious buildings in the modern Yakut village. *Obshchestvo: Filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2017, no.11, pp. 43–47. (In Russ.).

Yakovleva K.M. Mechanisms for the preservation and reproduction of the traditional culture of the Yakuts. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2014, no.20.2, pp. 68–70. Available at: https://moluch.ru/archive/79/14034/ (accessed: 20.09.2018). (In Russ.).

Сведения об авторе

Овчинникова Юлия Сергеевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: julia.barkova@gmail.com

Information about the author

Julia S. Ovchinnikova,
Cand. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Comparative Studies of National Literatures and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: julia.barkova@gmail.com

Критерии авторства

Овчинникова Ю.С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

Ovchinnikova Ju.S. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 908
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-94-112

Изделия из рыбьей кожи как визуальный маркер этнической культуры коренных народов Нижнего Амура

© Е.В. Глебова

Союз театральных деятелей РФ, Редакция журнала «Страстной бульвар, 10», ИАЭ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена одному из наиболее ярких визуальных образов этнической культуры народов Нижнего Амура – рыбьей коже и связанным с ней традиционным технологиям. Рассматривая современное этническое искусство народов Амура, автор делает вывод, что его основу составляет древний канон, а технологический цикл обработки и дальнейшего использования кожи рыб сохраняет все традиционные этапы. Через призму древнейшего природного материала анализируется механизм формирования этнической идентичности современных представителей нанайцев, ульчей, нивхов, а также территориальной идентичности региона их проживания – Хабаровского края. В числе факторов, влияющих на закрепление позитивной этнической идентичности, рассматриваются исследовательский проект «Метаморфозы рыбьей кожи», направленный на восстановление забытых технологий; деятельность региональных музеев по формированию коллекций предметов самобытного амурского искусства, а также отдельных энтузиастов, в числе которых представители иной этнической, но территориально той же принадлежности (русские, якуты, эвенки). Основная методология исследования – анализ историографических источников конца XIX – начала XX в. и современных исследований, интерпретация полевых материалов автора, собранных в нанайских и ульчских селах Нижнего Амура (2009–2013).

Ключевые слова: коренные народы, Нижний Амур, рыбья кожа, традиционные технологии, декоративно-прикладное искусство, музейные коллекции, традиционная культура, возрождение традиционной культуры, этническая идентичность

Информация о статье: Дата поступления 1 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 26 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Глебова Е.В. Изделия из рыбьей кожи как визуальный маркер этнической культуры коренных народов Нижнего Амура. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 94–112. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-94-112.

The products of fish skin as visual marker of ethnic culture of the people of the Lower Amur

© Elena V. Glebova

Theater Union of the Russian Federation, Edition «Strastnoy Bulvar, 10», IAE RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to fish skin as one of the main visual images of the ethnic culture of the people of the Lower Amur and traditional technologies connected with it. The author comes to conclusion, that ancient canon lies in the basis of modern ethnic art, and the technology of fish skin process retains all the traditional stages. The mechanism of formation of ethnic identity of Nanais, Ulchi, Nivkhs and territorial identity of the region of their residence – Khabarovsk territory – is analyzed through the prism of ancient natural material. The article deals with the factors that influence the consolidation of positive ethnic identity such as research and publishing project «Metamorphoses of fish skin», activities of regional museums on the formation of collections of fish skin, activity of enthusiasts, including representatives of other people (Russians, Evenks,

Yakuts). Research methodology focuses on analysis of historiographical sources of the late XIX–early XX century and modern research, interpretation of field materials, collected by the author in Nanais, Ulchi villages (The Lower Amur, 2009–2013).

Keywords: indigenous peoples, The Lower Amur, fish skin, traditional technology, decorative and applied art, museum collection, traditional culture, revival of traditional culture, ethnic identity

Article info: Received December 1, 2018; accepted for publication December 26, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Glebova E.V. The products of fish skin as visual marker of ethnic culture of the people of the Lower Amur. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 94–112. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-94-112.

Введение

Изделия из рыбьей кожи можно отнести к наиболее ярким маркерам этнической культуры народов Нижнего Амура, определявшим главные особенности этого региона. Не случайно в число экспонатов, представлявших Приамурье на Всероссийской выставке 1882 г. в Москве, вошли «искусно выделанные рыбьи кожи». По итогам выставки авторы этих изделий – «жена инородца» Беженка Анна и гольдячка (нанайка. – *Е.Г.*) Пальтака – были отмечены серебряным кубком (Дубинина, 2001. С. 170). В списке отправленных в 1891 г. из Хабаровска подарков на имя цесаревича Николая значится «гольдская одежда из рыбьей кожи» (Российский императорский Дом и Дальний Восток, 2007. С. 80). В 1927–1928 гг. в Москве проходила масштабная выставка «Искусство национальностей СССР», приуроченная к юбилею Октябрьской Революции, и среди 17 500 предметов находился женский праздничный халат из рыбьей кожи, окрашенный в кирпичный и фиолетовый цвета и представляющий самобытное искусство коренных народов Приамурья. Он был приобретен сотрудниками Хабаровского краеведческого музея в 1927 г. у удэгейцев реки Хор и сегодня находится в основной экспозиции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (ХКМ КП 7886/Э-117) (Коханко, 2016. С. 137; Мельникова, 2005а. С. 59). В декабре 2017 г. в Москве во время Федерального форума «Дни Дальнего Востока» Хабаровский край представляла нанайская мастерица, член Союза художников России В.В. Бельды, а центром экспозиции, посвященной декоративно-прикладному искусству Амура, стал женский праздничный халат из кожи пяти видов рыб, послуживший символической презентацией возрождения утраченного ремесла и идентичности.

Приведенные примеры относятся к разным периодам времени, но они подтверждают, что созданные из этого природного материала произведения всегда являлись знаковыми образами культуры нижнеамурских народов. В конце XIX – начале XX в. исследователи отмечали существование на Амуре своеобразных ремесленных центров по изготовлению изделий из рыбьей кожи, востребованных коренными народами других регионов российского Дальнего Востока (Маак, 1859. С. 565; Лопатин, 1922. С. 331; Штернберг, 1933. С. 118).

Во второй половине XX в., в период унификации культур, технология обработки рыбьей кожи утратила актуальность, сохраняясь в памяти людей старшего поколения и представляя интерес для узкого круга специалистов. Пройдя через серьезный период забвения и обрыв в передаче знаний, в конце XX в. искусство обработки рыбьей кожи на волне возникшего в мире интереса к традиционным культурам и в результате современных социокультурных трансформаций пережило период возрождения. Оно превратилось в особое направление декоративно-прикладного искусства. Амурские мастера в новом столетии при выделке и дальнейшей обработке кожи рыб продолжают придерживаться древних канонов, добавляя в технологический процесс отдельные новые составляющие – усовершенствованный станок для разминания шкур, химические вещества для обезжиривания и дубления, современную фурнитуру.

Являясь важнейшим элементом традиционной культуры, декоративно-прикладное искусство коренных народов превращается на новом этапе

развития в особую культурную форму, способную влиять на формирование и закрепление позитивной этнической идентичности, а изделия национальных мастеров становятся самодостаточными произведениями искусства, раскрывающими картину мира народа (Либакова, 2015. С. 7).

В статье через призму такого древнейшего природного материала как рыбья кожа, который можно отнести к наиболее ярким визуальным образам традиционной культуры народов Нижнего Амура, анализируются особенности формирования этнической идентичности нанайцев, ульчей, нивхов, а также территориальной идентичности региона их проживания – Хабаровского края.

Феномен рыбьей кожи в культуре ихтиофагов Нижнего Амура

Культурную и хозяйственную специфику Нижнего Амура, где оседло живут палеоазиаты нивхи и тунгусо-маньчжуры, нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы, удэгейцы и эвенки, определил ряд естественно-географических факторов: расположение русла Амура в акватории Тихого океана, богатые биоресурсы крупнейшей дальневосточной водной артерии и ее долины, природные циклы массового хода лосося из океана в реки. С неолитических времен здесь складывался хозяйственно-культурный тип оседлых рыболовов берегов больших рек и моря, базовым элементом жизнеобеспечения которых являлась добыча лососевых (Лапшина, 2004. С. 66–67; Шевкомуд, 2013. С. 227).

Первостепенное значение рыболовства в жизни приамурских племен эпохи неолита подтверждает топография неолитических поселений, располагавшихся преимущественно в устьях рек и поблизости от больших заливов, богатых морской проходной и речной рыбой. Здесь же археологами обнаружены наиболее значимые артефакты, связанные с рыболовным промыслом: характерные для амурского неолита крупные гиревидные грузила, предназначенные для использования сети или невода на крупных реках с быстрым течением; каменные палицы или кастеты для умерщвления раненых ударом гарпуна или пойманных на крючок рыб крупных пород (осетр, калуга); обнаруженные при раскопках древних жилищ хозяйственные ямы, заполненные большим количеством спрессованных рыбьих костей (Окладников, 1983. С. 55, 75). А.В. Смоляк сравнивала этот регион со своеобразным перекрестком путей, по которому издавна проходили группы людей различного происхождения. В рыболовной лексике тунгусоязычных народов Дальнего Востока преобладает «аборигенная» терминология, что подтверждает древнее происхождение местной рыболовной культуры – сложного комплекса высокоэффективных промысловых орудий и тактик, ритуалов и обрядовых элементов, в котором прослеживается преемственность промысловых практик между современными нанайцами, нивхами, ульчами и древним населением Нижнего Амура (Смоляк, 1984. С. 67– 68, 235; Хасанова, 2007. С. 197).

Поскольку рыбья кожа является биоразлагаемым материалом, изделия из нее не сохранились в археологических памятниках. Однако обнаруженные в местах неолитических поселений рыболовные снасти и различные скребки, явно предназначенные для обработки кож и шкур, подтверждают истоки искусства народов Нижнего Амура, одним из уникальных элементов которого является использование кожи рыб.

Для материальной культуры степных кочевников характерно широкое использование в быту войлока и шкур домашнего скота, для оленеводов – шкур оленей, для обитателей морских побережий Сахалина, Камчатки, Чукотки – меха, кожи и кишок морских животных. Нанайцам, ульчам, нивхам, отчасти орочам, негидальцам, удэгейцам Нижнего Амура в течение долгого времени главным материалом служила кожа рыб: из нее шили обувь и одежду, изготавливали паруса, палатки, оконные стекла, трутницы, различные хозяйственно-бытовые предметы.

Глубокие корни традиции широко использовать этот материал в быту подтверждает ряд исторических источников, на которые ссылаются российские исследователи, в том числе китайские летописи I в. н. э., сохранившие самые ранние сведения о древнем населении Приамурья, которые упоминаются в них как «юй-питадзе» – «рыбьеко-

жие иноземцы», «одевающиеся в шкуры рыбы» (Лопатин, 1922. С. 17; Сем, 1973. С. 7; Таксами, 1980. С. 92; Мельникова, 2005a. С. 54). Европейские миссионеры, работавшие в Китае и побывавшие, в частности, на реках Уссури и Сунгари в XVII–XVIII вв., сообщали о «племени татар, называемых китайцами ю-пи-татзе, т. е. рыбьекожие варвары, которые с большим искусством делают себе одежду из рыбьих кож, все лето проводят за рыбной ловлей, делая из одной части рыбы жир для ламп, из другой – продукт повседневного питания, третья часть сушится на солнце и служит пищей на зиму» (Золотарев, 1939. С. 19; Сем, 1973. С. 8).

В сообщениях русских первопроходцев XVII в. помимо сообщений географического характера имеются очень краткие характеристики жителей «даурских мест» (дючеров, натков, ачан, гольдиков, негидальцев), которые летом живут в «клетях безоконных», а зимой в «рубленых юртах», «кормятся рыбой», носят летом «кожаны рыбьи» (Лопатин, 1922. С. 17; Золотарев, 1939. С. 16–18; Мельникова, 2005a. С. 54).

С началом систематического изучения Нижнего Амура во второй половине XIX в. исследователи, литераторы, путешественники также делали акцент на этой особенности этнической культуры амурских народов. Писатель и этнограф С.В. Максимов, участник этнографической экспедиции, организованной в 1859 г. Морским министерством, отмечал: «В этой станице (Добрая. – *Е.Г.*) попался мне первый гольд, подъехавший на своей маленькой лодке, форма которой решительная маньчжурка (…). У гольда в лодке сеть и на распорках, словно крылья летучей мыши, просушивается кожа с рыбы калуги. Кожу эту гольды употребляют на обувь» (Максимов, 2010. С. 220). Государственный чиновник Г.С. Бильдзюкевич описал традиционный костюм коренных жителей Амура: «Одежда их заключается в широкой рубашке китайского покроя, просторных холщовых брюках, обуви, сшитой без всякого фасона; сверх рубашки носят короткий кафтан из звериных и рыбных шкур» (Бильдзюкевич, 2005. С. 86).

Ценные этнографические материалы по традиционной культуре народов Приамурья содержатся в отчетах и публикациях членов Общества изучения Амурского края (ОИАК) (основано в 1884 г. во Владивостоке) и Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПОИРГО) (основано в Хабаровске в 1894 г.). Среди них К.Д. Логиновский, оставивший в рукописных отчетах сообщения о нивхах, ульчах, нанайцах; И.П. Надаров, собравший в экспедиции 1886 г. обширную коллекцию предметов удэгейской и нанайской культуры, в которую вошли инструменты для выделки рыбьей кожи и сшитый из нее праздничный халат (Шульгина, 1989. С. 23–27).

Навыки обработки этого материала и особый стиль художественного творчества рыболовов Нижнего Амура, в особенности нивхов, ульчей, нанайцев, реже – нижнеамгуньских негидальцев, орочей и айнов, сформировались в результате сложного и длительного этнокультурного синтеза (Таксами, 1980. С. 92; Кочешков, 1995. С. 4; Мельникова, 2005b. С. 137). Уже в первых крупных этнографических трудах второй половины XIX – начала XX в., авторами которых выступают Л.И. Шренк, Р.К. Маак, И.А. Лопатин, Л.Я. Штернберг, а также в исследованиях советских этнографов и искусствоведов (А.В. Смоляк, Е.А. Гаер, Ч.М. Таксами, К.П. Белобородова, Н.В. Кочешков, Ю.А. Сем, П.Я. Гонтмахер, Т.В. Мельникова, Г.Т. Титорева и др.) содержатся некоторые данные об этнокультурных особенностях декоративно-прикладного искусства народов бассейна Амура, отмечаются их глубокие знания о свойствах кожи различных пород рыб, фиксируются отдельные технологические приемы, связанные с выделкой кож и изготовлением ниток из этого же материала и рыбьего клея, с использованием красителей природного происхождения.

Обобщая эти сведения, нужно подчеркнуть, что добыча лососевых в периоды их массового хода, главным из которых был осенний, являлась основой рациона ихтиофагов Амура, обеспечивая при этом не только годовой запас вяленой рыбы (юколы), но и давая основной объем кож для их дальнейшего применения. Именно кожа кеты шла на изготовление повседневной и рабочей одежды, наколенников, верхней части обуви, рукавиц, раз-

личных хозяйственных предметов, в том числе парусов, палаток, дождевиков, емкостей для хранения продуктов. Прочная и толстая кожа сома, ленка, щуки употреблялась для пошива рукавиц и нижней части обуви, из кожи тайменя и калуги, отличавшейся особой плотностью, делали трутницы, ножны, упряжь для собак, лыжные крепления. Шкурки сазана с характерной крупноячеистой фактурой и свойством хорошо отбеливаться на морозе использовались в основном для праздничной одежды и ее элементов (Таксами, 1980. С. 92–94; Мельникова, 2005b. С. 94; Глебова, 2017a. С. 102).

Кожа рыб обладала такими важными качествами, как легкость, способность не пропускать влагу и сохранять тепло, что обеспечивало достаточно комфортное существование в суровых климатических условиях. «Хотя гольдская обувь невзрачна на вид, но она весьма удобна, – отмечал И.А. Лопатин. – Главные лучшие качества гольдской обуви – легкость и способность скоро высыхать» (Лопатин, 1922. С. 64).

В дождливую погоду надежным плащом служил специальный халат из особо гладкой кожи сома; из необработанной, с чешуей, кожи ленка, тайменя и кеты выходила наиболее прочная и влагоустойчивая обувь, незаменимая осенью во время шуги или весной в ледоход. Выделанная с соблюдением всего технологического цикла и отбеленная на морозе кожа сазана с характерной крупноячеистой фактурой считалась лучшим материалом для свадебной и праздничной одежды. Способность рыбьей кожи не пропускать воду учитывалась и при изготовлении необходимых предметов быта. В сшитых из нее мешках хранили продукты, нанайцы делали специальные сосуды *сангса* для хранения жидкостей – квадратные ящики, оклеенные рыбьей кожей (Сем, 1973. С. 130, 192, 195).

В синкретичной культуре народов Нижнего Амура кожа рыб играла знаковую роль и в религиозно-обрядовом комплексе. Из нее изготавливали шаманский костюм, атрибутику, в том числе бубны из наиболее крупных экземпляров желтощека (Смоляк, 1991. С. 235). В системе охранительных обрядов кожа разных пород рыб являлась важным элементом амулетов и оберегов. По представлениям нанайцев нарукавники из тайменя могли защитить от нападения тигра. Для защиты новорожденного шили рубашку из разных пород рыбы по определенной схеме: спинка выкраивалась из кожи сома, правая и левая полочки из кож амурчика и симы (Крейнович, 2001. С. 376; Титорева, 2003. С. 58). В число самых главных ритуальных блюд нивхов и ульчей во время медвежьего праздника, «кормления» воды и т. д. входил студень из разваренных рыбьих шкур *мос*.

Таким образом, большое количество рыбы в течение всего года, и особенно во время осенней путины, давало не только необходимый запас пищи, но и материал для изготовления различных предметов быта, обеспечивавших коренным сообществам достаточно комфортное существование в суровых природно-климатических условиях, в том числе, во время рыболовного и таежного промысла.

Изделия из рыбьей кожи как объект уникального искусства и межэтнических контактов

Традиция обрабатывать и использовать в быту кожу рыб прослеживается в культуре разных народов мира – хантов, саамов, норвежцев, юпик, инуитов, айнов, сахалинских нивхов, ороков, но именно на Нижнем Амуре она получила наибольшее развитие. Уже в самых первых этнографических исследованиях конца XIX – начала XX в. внимание акцентируется на высоком художественном уровне изделий из рыбьей кожи и развитом «художественном инстинкте» народов Нижнего Амура, о «чувстве изящного», составляющем особенность их искусства (Маак, 1859. С. 565). Описывая традиционную одежду нанайцев, И.А. Лопатин называет ее самобытной и подчеркивает, что она «более всего интересна вследствие того, что материалом для нее служит рыбья кожа» (Лопатин, 1922. С. 348).

Изделия из кожи рыб у нижнеамурских народов широко бытовали еще во второй половине XIX в. Ботаник К.И. Максимович, побывавший в экспедиции на Амуре в 1860 г., отметил, что в нанайских национальных селениях оконные рамы были затянуты бумагой или высушенной полупро-

зрачной кожей рыб (Смоляк, 1975. С. 212). Актуальность традиционного материала сохранялась даже в первой половине XX в., когда в среде местного населения получила распространение ткань, и, как сообщал В.К. Арсеньев, особенно в зимнее время одежда из рыбьей кожи оставалась незаменимой: «Когда идут на охоту, у них не только одежда и обувь из рыбьей кожи, но даже палатки, покрывала на нарты, кисеты, мешки для чумизы, соли, табаку и проч.» (Мельникова, 2005b. С. 144).

Этнографы отмечали своеобразное отношение мастеров к своему творчеству. По наблюдениям Маака, женщины мало ценили свой труд и «за небольшой кусок ситцу охотно отдавали свои одежды, тщательно и очень искусно вышитые выкрашенной рыбьей кожей» (Маак, 1859. С. 118). Главной причиной этого явления можно считать высокую стоимость ткани, ставшей относительно доступной для широкой части населения лишь в начале XX в. Другим обесценивающим фактором, возможно, служило то, что весь цикл работы с традиционными материалами, в том числе мехом, берестой, кожей рыб, входил в обычный перечень хозяйственных навыков женщин нанайских, ульчских, нивхских селений, и эти знания передавались из поколения в поколение.

Несмотря на то, что на Амуре не существовало специальной категории ремесленников, в отдельных местах возникали центры художественных промыслов. Так, жительницы крупного нанайского селения Торгон, расположенного неподалеку от устья Уссури, славились изготовлением праздничных халатов из рыбьей кожи, их произведения распространялись не только по всему Амуру, но достигали Якутии и острова Сахалин. Об их незаурядных способностях упоминал Л.Я. Штернберг: «Больше всего было тут (в Торгоне. – *Е.Г.*) женщин, (…) которые усердно заняты были шитьем и вышиванием на одежде из рыбьей кожи. Оказалось, что Торгон и его окрестные селения центр этой замечательной индустрии. Здесь лучшие вышивальщицы известных орнаментов на одеждах из рыбьей кожи. Сюда зимой съезжаются со всей гольдской и гиляцкой территории закупать эти изделия. (…) Даже на Сахалин попадают через амурских гиляков изделия этой округи» (Штернберг, 1933. С. 469). Сведения, зафиксированные на Амуре в 1910 г., констатируют, что предметы из рыбьей кожи наделялись определенной ценностью, были востребованы в среде разных дальневосточных народов, входили в сферу торговли и обмена и становились объектами межэтнических контактов.

Традиция товарного обмена была связана, прежде всего, с природной спецификой того или иного района Нижнего Амура: в одном ареале произрастали лучшие для изготовления лодок породы деревьев, в другом – определенные сорта крапивы, из которых вязали особо прочные рыболовные сети. Нивхи Амурского Лимана добывали морского зверя, а нанайцы, не занимавшиеся морским промыслом, выменивали у них шкуры и шили из них прочную непромокаемую обувь. По сведениям А.В. Сильницкого, в конце XX в. жившие оседло на Амуре эвенки носили рукавицы и обувь из рыбьей кожи, при этом сами они этот материал не обрабатывали, а приобретали готовые изделия у нанайцев (Смоляк, 1975. С. 169, 212).

В негидальской коллекции Л.Я. Штернберга, собранной им в 1910 г. на Амуре и в низовьях р. Амгунь и переданной в МАЭ (№ 1763, 127 предметов), имеется женский халат *уйкэли* из кожи сазана, украшенный по обшлагам рукавов, плечам, вороту и подолу черно-красными полосами из окрашенной рыбьей кожи, по спинке – аппликациями орнаментальных мотивов из этого же материала (№ 1763–20). Исследователь этой коллекции М.М. Хасанова характеризует его как типично амурский левополый вариант одежды, характерный для культуры нивхов или ульчей, и относит к наиболее ярким примерам межэтнических контактов на Нижнем Амуре. Автор отмечает, что амгуньские негидальцы практически не носили халатов, тем более из рыбьей кожи, приобретали их в единичных случаях, и происходило это в зоне наиболее тесных контактов с населением Амура – в самых низовьях Амгуни. Другими нехарактерными для негидальской культуры предметами в той же коллекции являются особые женские сумки-свертки *хучэ* из окрашенной рыбьей кожи для хра-

нения рукоделия, распространенные у нанайцев и ульчей (Хасанова, 2000. С. 89, 95).

Изделия декоративно-прикладного искусства в основном распространялись посредством ярмарок, проходивших в различных местах Приамурья и зафиксированных еще в 1850-х гг. Г.И. Невельским и Н.К. Бошняком, куда в определенное время года съезжались для меновой торговли ульчи, нанайцы, эвенки, негидальцы, якуты. Здесь собирались не только торговцы, но и жители близлежащих селений и даже отдаленных мест с товарами собственного изготовления. Ярмарки становились своего рода центрами обмена культурными ценностями между представителями разных этнических групп. Наряду с пушниной, здесь пользовались спросом предметы женских видов ремесел, в том числе одежда, обувь, сумочки (Смоляк, 1975. С. 171–172).

Высокий художественный уровень одежды и бытовых изделий, созданных на Амуре в XIX – начале XX в., подтверждают коллекции предметов из рыбьей кожи в собраниях крупных российских и зарубежных этнологических музеев, что включает нижнеамурское искусство в область культурных ценностей общемирового значения. В качестве одного из наиболее характерных примеров можно привести коллекцию из собрания архива Этнологического музея Берлина (отдел Восточной и Северной Азии), характеризующую культуру нанайцев конца XIX – начала XX в. К сожалению, она находится в ограниченном доступе, не описана и не изучена. В данный момент можно располагать лишь самыми минимальными сведениями, полученными в 2011 г. во время моего частного визита в архив, когда в условиях ограниченного времени оказались возможными лишь краткое визуальное изучение отдельных предметов и фотосъемка (без права воспроизведения этих снимков). Как важный момент, нужно отметить, что знакомство с этим собранием проходило совместно с известным нанайским мастером, членом Союза художников России Ю.Д. Самар (1938 г. р.), сделавшим во время осмотра коллекции ряд важных комментариев.

Коллекция включает около 100 различных предметов из ткани, меха, бересты, дерева, рыбьей кожи, в том числе ритуальную скульптуру, трафареты орнаментов, заготовки для подушек, женские сумки, инструменты для работы с природными материалами и т. д. Судя по тому, что на всех бирках, помимо инвентарного номера, имеется пояснение «Golden», экспонаты были собраны на Нижнем Амуре, на территории проживания нанайцев (гольдов). На коробках с отдельными предметами (например, праздничный халат из кожи сазана, I A 387) указаны точная дата и место – 1885 г., с. Троицкое.

Поскольку в данном исследовании главный акцент делается на феномене рыбьей кожи в жизни коренных народов Амура, более подробно следует остановиться на предметах берлинской коллекции, выполненных из этого материала и представляющих повседневную и праздничную одежду, мужские юбки (часть промыслового костюма), обувь, рукавицы, головные уборы, заготовки отдельных орнаментированных частей халатов (рукава, верхние части полочек), заготовки орнаментов, традиционные плоскостные куклы *акоан,* нитки из рыбьей кожи и т. д. Особо выделяются два левополых халата большого размера, сочетающие окрашенную кожу разных пород рыб, сложные спирально-ленточные и геометрические орнаменты из этого же материала. Один из них, лаконичный по цветовому решению, выполнен из крупноячеистой кожи сазана, выкрашенной в синий цвет (I A 387. Frauen-Festgewand. Golden) В верхней части халата до линии талии вшита вставка красного цвета также из шкуры сазана: на спинке она покрыта сложным орнаментом с растительными мотивами и бабочками, со стороны полочки на нее нашита фигурная аппликация терракотового цвета. Нижние края рукавов выполнены с фигурными отворотами, на которых прикреплен небольшой орнаментальный мотив желтого цвета. Низ халата обшит двумя тканевыми полосами синего и коричневого цветов. Судя по хорошей сохранности этого предмета и яркости его красок, он использовался в особых случаях.

Второй халат из кожи сазана по форме и структуре напоминает первый экспонат, только с другими цветовыми акцентами: верхняя часть до линии талии выкрашена в синий, нижняя – в терра-

котовый (I A 1323. Frauen-Festgewand aus Fischhaut. Golden). Спинка украшена традиционным спирально-ленточный амурским орнаментом красного, синего и желтого цветов, полочка по линии талии «очерчена» красным геометрическим орнаментом из рыбьей кожи. Халат имеет тканевую подкладку, сшитую из многочисленных кусочков хлопчатобумажной ткани разного цвета, по нижнему краю с лицевой стороны он обшит широкой полосой ткани синего цвета. Учитывая высокую степень заношенности халата и многочисленные заплаты из кожи сазана и кеты на рукавах и особенно в нижней части полочки, он находился в длительном употреблении.

Комментируя эти предметы, Ю.Д. Самар прежде всего отметила, что она впервые увидела столь красивую, изысканную традиционную одежду нанайцев, и прежде ей не доводилось встречать похожие образцы в российских этнографических музеях. Она считает, что халаты из берлинской коллекции, вывезенные с Амура в конце XX в., наверняка являлись семейными реликвиями, которые берегли, передавали из поколения в поколение, тщательно ремонтировали. По мнению этой нанайской мастерицы, выполнившей в разное время несколько образцов женской одежды из рыбьей кожи для музеев Японии, Германии, Норвегии, на изготовление одного такого халата, с учетом его больших размеров, многосоставности и сложных орнаментов, требуется несколько лет. Информант не исключает, что эти произведения могли создаваться гораздо раньше – в конце XVIII – первой половине XIX в. (ПМА, 2011, Берлин, от Самар Ю.Д.).

Подтверждением такого суждения может стать описание праздничного халата из хорошо подобранных кусков рыбьей кожи, с утонченным рисунком орнамента, окрашенного природными красителями, находящегося в коллекции Сахалинского областного краеведческого музея, сделанное Н.Д. Кочешковым в монографии «Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.». Автор подчеркивает, что подобные виды одежды передавались по наследству от матери к дочери на протяжении 5–6 поколений, при условии бережного обращения и хранения, они не теряли своей свежести и мягкости (Кочешков, 1995. С. 103).

Традиционная технология: от забвения до ревитализиции

Как уже отмечалось, технология обработки рыбьей кожи в среде коренного населения Амура сохранялась еще в первой половине XX в., но постепенно природный материал, выделка которого была трудоемкой и длительной по времени, вытеснила ткань производства российских и китайских фабрик. С появлением в достаточном объеме вещей промышленного производства из употребления стали выходить некоторые виды традиционной одежды и, как следствие, заготовка и выделка рыбьих шкур потеряла первостепенное значение. Обращение к древней технологии наблюдалось на Амуре в отдельные исторические периоды, это было связано с тяжелым экономическим положением в стране. В 1920-е гг. из-за острой нехватки ткани «на первый план», по замечанию В.К. Арсеньева, вновь вышла рыбья кожа. В хабаровской краевой газете «Тихоокеанская звезда» от 2 марта 1924 г. была опубликована заметка учителя Найхинской школы Н. Беляевой-Линнас, сообщавшей, что все ее ученики одеты «в рыбьи рубахи, штаны, обувь» (Мельникова, 2005b. С. 137).

В конце 1940-х гг. на Амуре ощущалась нехватка обуви, и тогда местное население вновь обратилось к традиционным сапогам из кожи рыб, причем носили их не только нанайцы, ульчи, но и русские. Особенно незаменимой такая обувь была во время осенней путины, поскольку не пропускала влагу и сохраняла тепло (ПМА, 2003, с. Булава Ульчского района Хабаровского края, от. Ангиной В.Г.; 2009, с. Сикачи-Алян Хабаровского края, от Мурзиной Е.И.).

Полевые исследования этнографов и искусствоведов подтверждают, что в середине XX в. и позднее технологический цикл работы с рыбьей кожей сохранялся в неизменном виде и повторял все традиционные этапы работы с сырым и высушенным материалом (Белобородова, 1975; Гонтмахер, 1988; Смоляк, 2001). Пойманную рыбу по-

трошили и в течение нескольких часов подсушивали на воздухе. С помощью специального костяного ножа *согбо (согбоко)* снимали шкуру и скоблили, удаляя остатки жира и мяса, а затем, избегая попадания прямых солнечных лучей, сушили на деревянной поверхности, предварительно растянув. Спустя несколько дней высушенный материал складывали стопками, придавливая грузом для распрямления, и лишь потом приступали к его обработке в специальном станке (Лопатин, 1922. С. 61, 84).

Кожу долгое время выделывали на приспособлениях того же типа, что описаны в первых этнографических трудах. В 1855 г. Р.К. Маак зафиксировал бытование в амурских селениях «очень простого снаряда» *хаирга,* состоящего из деревянного бруса с выемкой посередине, обструганного с обоих концов наподобие рукояток». Высушенную и свернутую рулоном кожу помещали в центр станка и, периодически переворачивая, били по нему деревянным молотком *кунгку,* очищая от чешуи и придавая мягкость (Маак, 1859. С. 218).

В книге известной нанайской мастерицы Р.Г. Барановой «Назад – по реке Памяти, вперед – в потоке Времени» дается описание традиционного деревянного станка *дэли*, которым пользовались ее бабушки в с. Кондон Солнечного района в 1940–1950-х гг. Для быстроты обработки, отмечает автор, в отверстие вкладывали сразу по 5–6 свернутых кож и во время «колочения» постоянно переворачивали (Баранова, 2010. С. 209) (рис. 1).

В Ульчском районе Хабаровского края использование станка старого образца зафиксировано в начале 1990-х гг.: так выделывала шкурки З.А. Пластина (1911–1992) из с. Булава (рис. 2), только вместо деревянного молотка она использовала обух топора (Мельникова, 2003. С. 53–54). В этот период она оказалась единственным ульчским мастером, работавшим с рыбьей кожей. Специально для этнографического музея Булавинской школы искусств она создала мужской рыбацкий костюм (халат, юбка, ноговицы) из кожи сома, кеты, щуки (рис. 3). Другие произведения мастера находятся в нескольких музейных собраниях России, в

Рис. 1. Традиционный станок для выделки рыбьей кожи. Этнокультурный центр с. Джари (Нанайский район. Хабаровский край)
Fig. 1. Traditional machine for the manufacture of fish skin. Ethnic and cultural center of Jari village (Nanai district, Khabarovsk territory)

Рис. 2. Ульчская мастерица З.А. Пластина (с. Булава, Ульчский район, Хабаровский край, 1990-е гг.). Фото В. Спидлена
Fig. 2. Ulchi craftswoman Z. A. Plastina (v. Bulava, Ulchsky district, Khabarovsk territory, 1990's). Photo V. Spidlena

Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова (Глебова, 2010. С. 160).

В истории этого самобытного ремесла наблюдались серьезные периоды забвения. Начиная с середины XX в., в Хабаровском крае наблюдался постепенный обрыв в передаче культурных традиций, а процесс утраты исконных художественных техник ускоряло сложившееся в обществе отношение к традиционному искусству коренного населения Нижнего Амура, как к чему-то устаревшему и не вписывающемуся в каноны советской культуры. В условиях негласной политики унификации культур оно утрачивало актуальность и культурную ценность, прежде всего, для самих носителей этой традиции и долгое время представляло интерес для этнографов, искусствоведов и сотрудников музеев (Бадикова, 2011. С. 62; Клавдия Павловна Белобородова, 1996. С. 19).

Знания в области традиционных технологий сохранялись в основном в памяти людей старшего поколения, видевших в детстве, как обрабатывали рыбьи шкурки их бабушки и мамы. В конце XX столетия на Амуре оставалось всего несколько мастеров, которые владели навыками работы с кожей рыб, могли шить из нее по заказу музеев определенные предметы, либо реставрировать старые халаты из рыбьей кожи из музейных собраний. Среди них уже упоминавшаяся З.А. Пластина, а также О.Л. Росугбу (ульчи), Н.Ф. Бельды, Ч.З. Киле (нанайцы) (Мастера Приамурья, 2010. С. 24, 47, 109).

Рис. 3. Мужской рыбацкий костюм. Кожа кеты Конец XX в. Автор – З.А. Пластина. Этнографический музей Школы искусств (с. Булава, Ульчский район, Хабаровский край)
Fig. 3. Men's fishing suit. Keta fish skin. The end of the XX century. The author – Z. A. Plastina Ethnographic Museum School of Art (village Bulava, Ulchsky district, Khabarovsk territory)

В последнем научном труде А.В. Смоляк – фотоальбоме «Народы Нижнего Амура и Сахалина» (Смоляк, 2001), объединившем под одной обложкой фотографии из архива ученого, сделанные ею в 1950–1960-х гг., говорится об утрате навыков работы с традиционным амурским материалом: «Выделка рыбьей кожи, шитье из нее – процесс необычайно трудоемкий, из-за этого древнее искусство ушло в прошлое» (Смоляк, 2001. С. 8.) Однако

уже через четыре года, в 2005-м, когда было объявлено Второе международное Десятилетие коренных народов мира, в Хабаровском крае на базе Института повышения квалификации учителей была организована Школа по подготовке мастеров декоративно-прикладного искусства для коренных малочисленных народов Севера. За 15 лет в ее стенах подготовлено несколько сот специалистов по работе с деревом, лозой, берестой, текстилем, мехом. Специальная обучающая программа по обработке рыбьей кожи и национальной вышивке была разработана нанайской мастерицей Ю.Д. Самар. Сегодня ее ученицы продолжают транслировать традиционное знание о работе с кожей рыб в этнокультурных центрах г. Николаевска-на-Амуре, селах Хабаровского края – Сикачи-Алян, Верхняя Эконь, Джари, Булава и др. Некоторые из них уже стали признанными мастерами в этой области, их произведения демонстрируются на выставках в России и за рубежом.

Именно Ю.Д. Самар, владеющая в большом объеме знаниями о работе с рыбьей кожей и сама создавшая из этого материала ряд крупных произведений высокого художественного уровня, стала в 2009 г. главным консультантом исследовательского проекта «Метаморфозы рыбьей кожи», посвященного этому уникальному амурскому ремеслу.

Проект «Метаморфозы рыбьей кожи»: некоторые результаты

Исследовательский проект «Метаморфозы рыбьей кожи» (автор Е.В. Глебова), выигравший в конкурсе творческих журналистских инициатив, который проводился Фондом Форда и некоммерческой организацией «Единство журналистики и культуры» (Москва), осуществлялся в течение 2009–2010 гг. Он включал ряд экспедиций в национальные села Нижнего Амура, изучение и фиксацию традиционных технологий и коллекций предметов из рыбьей кожи в собраниях региональных этнографических музеев (краевых, городских, сельских, школьных). Одним из главных итогов стало издание книги, которая отражала значение этого природного материала в хозяйственной и сакральной сферах в культуре народов Нижнего Амура в прошлом, а также его роль в возрождении утраченного знания и формировании этнической идентичности представителей коренного населения региона в настоящее время. Консультантами издания, кроме уже упоминавшейся Ю.Д. Самар, выступила кандидат исторических наук, автор монографий о традиционной одежде нанайцев и ульчей Т.В. Мельникова. Поскольку обработка кожи рыб всегда относилась к женским ремеслам, книга была посвящена всем поколениям женщин Амура, в чьих руках рыбья кожа превращается в уникальные предметы искусства (Глебова, 2010).

Одна из главных задач проекта заключалась в пошаговом описании полного технологического цикла работы с этим природным материалом, включая такие важные элементы, как рыбий клей, нитки из рыбьей кожи, что и сделало книгу «Метаморфозы рыбьей кожи: путь древнего ремесла» своеобразным методическим пособием для этнокультурных центров и отдельных мастеров Хабаровского и Приморского краев, Сахалина.

Полевые исследования в рамках проекта «Метаморфозы рыбьей кожи» показали, что в целом современные амурские мастера продолжают работать с этим материалом по тем же каноническим схемам, что и предыдущие поколения, чья деятельность зафиксирована во второй половине XIX – начале XX в. российскими этнографами. Исключение составляют приспособления для разминания сухих шкурок и новые химические компоненты, облегчающие процесс обезжиривания и дубления (средства для мытья посуды, пищевая сода, уксус).

Для выделки шкурок сегодня используют станки для выделки ровдуги, только меньшего размера. Конструкция состоит из двух, скрепленных на небольшом расстоянии друг от друга деревянных досок с закругленными зубцами по верхнему краю (основание станка), и прикрепленной к ним с помощью болта рукоятки с зазубренным внутренним краем. Изображение такой кожемялки встречается в опубликованном фотоархиве А.В. Смоляк, в советских изданиях об искусстве коренных народов Приамурья, но это, скорее, предметы, которые просто хранились в доме и не были

в частом употреблении (Смоляк, 2001; Краски земли Дерсу, 1982).

Широкое распространение альтернативного приспособления для разминания рыбьих шкурок произошло в 2000-х гг. благодаря Ю.Д. Самар, обучавшей своих учеников в Школе по подготовке мастеров декоративно-прикладного искусства навыкам выделки сухого материала именно в такой кожемялке. Сегодня все амурские мастера используют подобное приспособление (рис. 4). По словам самой Ю.Д. Самар, такой станок требует меньших физических затрат, он практически бесшумен, что особенно важно, если мастерица работает в условиях городской квартиры (ПМА, 2009, с. Верхняя Эконь, от Самар Ю.Д.).

Рассматривая заявленную тему всесторонне, особый акцент в исследовании был сделан на технологии приготовления ритуального студня *моси* (*мос*) из разваренных рыбьих шкур с добавлением рыбьего жира, ягод, желудей, который относится к основным блюдам в комплексе ритуальной (жертвенной) пищи нивхов и ульчей (Глебова, 2017b. С. 275–276). Во время экспедиции в Булаву в рамках проекта «Метаморфозы рыбьей кожи» одна из старейших жительниц села О.К. Ангина сделала по нашей просьбе студень *моси*, при этом каждый технологический этап был сфотографирован и описан и в дальнейшем представлен в форме пошаговой инструкции.

Завершившись в 2010 г. выходом в свет книги «Метаморфозы рыбьей кожи: путь древнего ремесла», значительная часть тиража которой была передана в этнокультурные центры и библиотеки Хабаровского края, проект положил начало большой этнокультурной акции. Она получила международный статус, в нее были вовлечены носители традиционной культуры, а рыбья кожа стала главным символом целого ряда событий. **Проект «Метаморфозы рыбьей кожи» был поддержан Партнерством «pro Sibiria e. V» (Берлин) и Норвежским Баренц-секретариатом и осуществлен совместно с Центром северных народов (Манндален), где состоялась выставка «Метаморфозы рыбьей кожи» (2011), представившая произведения амурских мастеров середины XX – начала XXI в. Древнее ре**месло стало ресурсом для установления новых кросс-культурных связей: несколько амурских мастериц побывали в Норвегии и **провели мастер-классы по обработке рыбьей кожи для норвежцев и саамов.**

Продолжением проекта стало также создание интернет-ресурса «ЭтноАрт», задача которого со-

Рис. 4. Обработка рыбьей кожи в станке современного образца. Нанайский мастер Ю.Д. Самар (с. Верхняя Эконь, Комсомольский район, Хабаровский край, 2010 г.)
Fig. 4. Processing of fish skin in the machine of a modern sample. Nanai master Y.D. Samar (v. Verkhnyaya Ehkon', Komsomolsky district, Khabarovsk territory, 2010)

стояла в формировании базы данных современных мастеров, представлении коллекций предметов из рыбьей кожи в региональных музеях (Комсомольский-на-Амуре краеведческий музей, Амурский городской краеведческий музей, Николаевский-на-Амуре краеведческий музей, муниципальный музей села Троицкого Нанайского района, школьные музеи сел Булава, Верхняя Эконь и др.) (рис. 5). В специальных разделах интернет-ресурса даны пошаговые мастер-классы по работе с рыбьей кожей (www.slovoart.ru).

Рис. 5. Амири – халат женский праздничный (спинка) Середина XIX века. Кожа сазана, кеты, натуральный краситель. Автор неизвестен. Коллекция этнографического музея села Троицкого Нанайского района Хабаровского края (КП 645/16)
Fig. 5. Amiri — women's festive clothes (back). The middle of the XIX century Fish skin of carp, chum, natural dye. The author is unknown. The collection of the ethnographic Museum of the village of Troitskoe, Nanai district of the Khabarovsk territory (KP 645/16)

Изучение ассортимента изделий из кожи рыб, представленных в последние годы на всероссийских выставках, подтверждают, что сегодня на Амуре этническое искусство приобретает отдельные новые черты: в нем соединяются традиционные технологии и новые художественные формы, в технологический цикл включены современные материалы. Мастера используют акриловые краски, армированные и шелковые нитки, современную фурнитуру. В «рыбьекожем» ремесле заметен и процесс стирания границы между сугубо женскими и мужскими ремеслами: мастера-мужчины не создают крупных изделий исключительно из рыбьей кожи, но используют этот материал как часть своих произведений. Например, декоративные бубны, обтянутые кожей рыб, работы мастера Н.Н. Дявгода; сувенирная лодка с парусами из подобного материала, выполненная И.П. Росугбу. Эти модели напоминают об историческом прошлом амурских народов, когда среди используемых в быту материалов доминировала рыбья кожа.

В XXI в. предметы из традиционного природного материала утратили утилитарное назначение и заняли достойное место на фестивалях национальных культур, подиумах. Например, одежда из рыбьей кожи работы ульчской мастерицы Л.Б. Хатхил, соединяющей в своем творчестве традиции и новации, в 2015 году получила высокую оценку на Евразийском конкурсе высокой моды национального костюма «Этно-Эрато» (рис. 6). В то же время некоторые амурские мастера воспроизводят канонические образцы традиционных предметов для музейных коллекций в России и за рубежом. В 2011 г. Центр искусства народов Севера (Норвегия, г. Мандаллен) приобрел у Ю.Д. Самар женский праздничный халат из рыбьей кожи (кожа кеты, вышивка шелковыми нитками), в 2012 и 2013 гг. она изготовила по заказу музея Штутгарта (Германия) два орнаментированных халата из этого же материала.

Рис. 6. Праздничная женская одежда. Рыбья кожа, ткань, вышивка. Автор – Л.Б. Хатхил (Москва, Центральный Дом художника, 2015 г.)

Fig. 6. Women's festive clothes. Fish skin, fabric, embroidery. Author – L.V. Khatkhil (Moscow, Central House of Artists, 2015)

Выводы

За годы постсоветских трансформаций в жизни народов Нижнего Амура произошли значительные изменения, затронувшие хозяйственную и культурную сферы, однако рыболовство для многих нанайцев, ульчей, нивхов по-прежнему является основой традиционного жизнеобеспечения. Процесс ревитализации утраченных традиционных знаний в конце XX – начале XXI в. был связан не столько с экономическим положением, сколько с этнокультурным возрождением, поиском себя в глобализованном мире. В этом процессе одна из ведущих ролей отведена обработке рыбьей кожи – уникального природного материала и яркого этнокультурного символа народов Нижнего Амура.

Предметы из рыбьей кожи, будь то старинная одежда или отдельные детали костюма, всегда выражали незримую духовную связь между поколениями. В конце 1950-х гг. Н. Гейкер обязательно надевала свой «парадный халат из тонкой рыбьей кожи», чтобы исполнять сказки, предания, легенды нанайцев (Мельникова, 2005b. С. 110). В 2011 г., во время экспедиции в с. Булава мне довелось держать в руках фрагмент старинного орнамента, вы-

резанного из окрашенной в синий цвет рыбьей кожи, доставшийся О.К. Ангиной (1930 г. р.) еще от бабушки и который она хранила всю жизнь как символ родовой памяти, чтобы передать потом своей дочери (ПМА, 2011, с. Булава).

Связь поколений прослеживается и в стремлении отдельных мастеров ретранслировать в своем творчестве лучшие образцы, созданные столетия назад, и в этом процессе значительную роль играют музейные коллекции. Например, канонические женские праздничные халаты из рыбьей кожи с орнаментами из этого же материала, созданные Ю.Д. Самар; сумочка из бересты и рыбьей кожи – точная копия экспоната из берлинской коллекции, выполненная С.В. Росугбу. Своеобразным символическим актом при создании этих произведений является и то, что мастера используют рыбий клей, древние образцы орнаментов, в качестве декора используют позвонки рыб и раковины каури. Представленные на выставках, эти вещи, бывшие прежде сугубо утилитарными, становятся звеньями родовой памяти.

Некоторые современные исследователи отмечают, что в условиях нарастающих межкультурных контактов, и особенно в контексте глобализации, древние технологии вследствие проникновения в них ряда элементов, связанных с техническим прогрессом, отличаются от собственно традиционных (Булгакова, 2015. С. 229). Тем не менее, в основе навыка обработки рыбьей кожи, поднявшегося сегодня на уровень современного этнического искусства и занявшего достойное место на выставках и фестивалях, неизменным остается древний канон.

Ревитализация старинного утилитарного занятия, становясь символической презентацией идеи этнической идентичности коренных сообществ Нижнего Амура, в то же время является и одним из факторов, формирующих территориальную идентичность. Использование в произведениях этнического искусства такого необычного природного материала, как кожа рыб, становится для Хабаровского края яркой визитной карточкой, подчеркивая уникальность и неповторимость культуры этого российского региона и проживающих на его территории народов.

Библиографический список

Баранова-Дигор Р. Назад – по реке Памяти, вперед – в потоке Времени. Хабаровск : Ковчег, 2010. 224 с.

Бадикова И.К. Психологические особенности малых этносов Нижнего Амура // Труды Современной гуманитарной академии (СГА). Москва, 2011. № 8. С. 55–69.

Белобородова К.П. Приамурские узоры. Ленинград : Художник РСФСР, 1975. 108 с.

Бильдзюкевич Г.С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного океана. 1859. Новосибирск : ОИИФФ СО РАН, 2005. 128 с.

Булгакова Т.Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Журнал Сибирского федерального университета. Красноярск, 2015. № 8. С. 227–236.

References

Baranova-Digor R. *Nazad – po reke Pamyati, vpered – v potoke Vremeni* [Back – on the river of Memory, forward – in the flow of Time]. Khabarovs: Kovcheg Publ., 2010, 224 p.

Badikova I.K. *Psikhologicheskie osobennosti malykh ehtnosov Nizhnego Amura* [Psychological features of small ethnic groups of The Lower Amur]. *Trudy Sovremennoj gumanitarnoj akademii* [Works of Modern humanitarian Academy]. Moscow, 2011, no. 8, pp. 55–69. (In Russ.).

Beloborodova K.P. *Priamurskie uzory*. [The Amur ornament]. Leningrad: Khudozhnik Publ., 1975. 108 p.

Bil'dzyukevich G.S. *ZHivopisnyj al'bom s prilozheniem kratkogo opisaniya zamechatel'nejshikh vidov i mestnostej na beregakh r. Shilki, Amura i Vostochnogo okeana. 1859* [A picturesque album with a brief description of the wonderful views and areas on the banks of the river Shilka, Amur and the Eastern ocean. 1859]. Novosibirsk: Izdatel`stvo Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 2005, 128 p. (In Russ.).

Bulgakova T.D. Formation of ethnic identity in Siberia: the role of traditions and modern institutions. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta* [Journal of Siberian Federal University]. Krasnoyarsk, 2015, no. 8, pp. 227–236. (In Russ.).

Глебова Е. Метаморфозы рыбьей кожи: Путь древнего ремесла народов Амура. Хабаровск : Омега-Пресс, 2010. 176 с.

Глебова Е.В. Традиционная технология обработки рыбьей кожи коренными народами Нижнего Амура и ее трансформации в конце XX – начале XXI в. // Культура и наука Дальнего Востока. Хабаровск, 2017a. № 4 (22). С. 99–108.

Глебова Е.В. Ритуальный студень из рыбьей кожи в пищевой культуре народов Нижнего Амура и Сахалина // Праздничная и обрядовая кухня народов мира. М.: Наука, 2017b. 271–280.

Гонтмахер П.Я. Золотые нити на рыбьей коже: очерки о декоративном искусстве нивхов. Хабаровск : Книжное изд-во, 1988. 128 с.

Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск : Изд. дом «Приамурские ведомости», 2001. 352 с.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск : Дальгиз, 1939. 206 с.

Клавдия Павловна Белобородова. Искусствовед, исследователь // Золотое наследие. Хабаровск :Хабаровское отделение Российского фонда культуры, 1996. Вып. 1. 34 с.

Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1995. 152 с.

Колумбы земли русской: Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск : Книжное изд-во, 1989. 464 с.

Крейнович Е.А. Нивхгу. Южно-Сахалинск : Книжное изд-во, 2001. 520 с.

Лапшина З.С. Локальные центры древности: эколого-этнографический аспект в археологических исследованиях Нижнего Приамурья // Четвертые Гродековские чтения: Документы и пленарные доклады регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России», Хабаровск, 22–23 апреля 2004 г. Хабаровск : ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 3. С. 63–68.

Glebova E. *Metamorfozy ryb'ej kozhi: Put' drevnego remesla narodov Amura* [Metamorphoses of fish skin: the path of the ancient crafts of the people of the Amur]. Khabarovsk: Omega-Press Publ., 2010. 176 p.

Glebova E.V. Traditional technology of processing fish skin by the indigenous peoples of the Lower Amur and its transformation in the late XX – early XXI century. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* [Culture and science of the Far East]. Khabarovsk, 2017, no. 4 (22), pp. 99–108. (In Russ.).

Glebova E.V. *Ritual'nyj studen' iz ryb'ej kozhi v pishhevoj kul'ture narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Ritual jelly from fish skin in food culture of indigenous ethnic groups of the Lower Amur and Sakhalin]. *Prazdnichnaya i obryadovaya kukhnya narodov mira* [Festive and ritual cuisine of the peoples of the world]. Moscow: Nauka Publ., 2017. Pp. 271– 280.

Gontmakher P.Ya. *Zolotye niti na ryb'ej kozhe: ocherki o dekorativnom iskusstve nivkhov* [Golden threads on fish skin: essays on the decorative art of the Nivkhs]. Khabarovsk: Knizhnoe Izdatel`stvo Publ., 1988. 128 p.

Dubinina N. I. *Priamurskij general-gubernator N.I. Grodekov: Istoriko-biograficheskij ocherk* [Priamursky Governor-General N.I. Grodekov: Historical and biographical essay]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti Publ., 2001. 352 p.

Zolotarev A.M. *Rodovoj stroj i religiya ul'chej* [Tribal system and religion of Ulchi]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1939. 206 p.

Klavdiya Pavlovna Beloborodova. Iskusstvoved, issledovatel' [Claudia P. Beloborodova. Art historian, researcher]. *Zolotoe nasledie* [Golden heritage]. Khabarovsk: Khabarovsk branch of the Russian culture Fund Publ., 1996, iss. 1, 34 p. (In Russ.).

Kocheshkov N.V. *Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina XIX–XX vv.* [Decorative art of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin XIX–XX centuries]. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 1995, 150 p.

Kolumby zemli russkoj: Sbornik dokumental'nykh opisanij ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Severa v XVII – XVIII vv. [Columbus of Russian land: collector of documentary descriptions of the discoveries and study of Siberia, the Far East and the North in the XVII – XVIII centuries]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 464 p.

Krejnovich E.A. *Nivkhgu* [Nivkhgu]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2001, 520 p.

Lapshina Z.S. *Lokal'nye tsentry drevnosti: ehkologo-ehtnograficheskij aspekt v arkheologicheskikh issledovaniyakh Nizhnego Priamur'ya* [Local centers of ancient: ecological and ethnographic aspect in archaeological research of the Lower Amur region]. *Chetvertye Grodekovskie chteniya "Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii": nauch. prakt. konf., Khabarovsk, 22–23 aprelya 2004 g.: dokumenty i plenarnye doklady* [Fourth Grodekov readings "Priamurye in the historical, cultural and natural science context of Russia": Re-

Либакова Н.М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов (резьба по кости) // Современные проблемы науки и образования. Пенза, 2015. № 1 (1). [Электронный научный журнал]. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=18640 (Дата обращения 30.11.2018).

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские : опыт этнографического исследования. Владивосток : Тип. Управления внутренних дел, 1922. 371 с.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году. СПб. : Типография Карла Вульфа, 1859. 211 с.

Максимов С.В**.** На Востоке: путевые заметки. Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. 640 с.

Мастера Приамурья. Библиографический справочник: по материалам фондовых коллекций ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск : ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2010. 184 с.

Мельникова Т.В. Завещание Зои Пластиной // Словесница искусств. Хабаровск. 2003. № 12. С. 53–54

Мельникова Т.В. Дар «рыбьекожих» варваров // Словесница искусств. Хабаровск. 2005a. № 16. С. 54–59.

Мельникова Т.В. Традиционная одежда нанайцев (XIX–XX вв.). Хабаровск : ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2005b. 240 с.

Российский императорский Дом и Дальний Восток. Документы и материалы: сборник. Владивосток : [б. и.], 2007. 150 с.

Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.): Этнографические очерки. Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1973. 314 с.

Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М. : gional Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, April, 22–23, 2004: documents and plenary reports]. Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova [Khabarovsk regional Museum named after N.I. Grodekova], 2004, pt. 3, pp. 63–68. (In Russ.).

Libakova N.M. Formation of positive ethnic identity of indigenous peoples (bone carving). Available at: http://science-education.ru/ru/article/view?id=18640 (accessed November 22, 2018). (In Russ.).

Lopatin, I.A. *Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: opyt ehtnograficheskogo issledovaniya* [Amur, Ussuri and Sungari golds: experience of ethnographic research]. Vladivostok, Tipografiya upravleniya vnutrennikh del Publ., 1922, 371 p.

Maak R.K. *Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva v 1855 godu* [Travel to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855]. Sankt-Petersburg: Tipografiya Karla Vul'fa Publ., 1859, 211 p.

Maksimov S.V. *Na Vostoke: putevye zametki* [In the East: travel notes]. Moscow: Knizhnyj klub “Knigovek” Publ., 2010, 640 p.

Mastera Priamur'ya. Bibliograficheskij spravochnik: po materialam fondovykh kollektsij KHKM im. N.I. Grodekova [Masters of The Amur Region. Bibliography: based on the materials of the stock collections of the Khabarovsk regional Museum named after N. I. Grodekov]. Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova Publ., 2010, 184 p.

Mel'nikova T.V. *Zaveshhanie Zoi Plastinoj* [Zoe's Plastina will]. *Slovesnitsa iskusstv* [Words about art]. Khabarovsk, 2003, no. 12, pp. 53–54.

Mel'nikova T.V. *Dar “ryb'ekozhikh” varvarov* [Gift of “fish-skinned” barbarians]. *Slovesnitsa iskusstv* [Words about art]. Khabarovsk, 2005, no. 16, pp. 54–59.

Mel'nikova T.V. *Traditsionnaya odezhda nanajtsev (XIX–XX vv.)* [Traditional clothes of Nanais (XIX–XX centuries)]. Khabarovsk, Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova Publ., 2005. 240 p.

Rossijskij imperatorskij Dom i Dal'nij Vostok. Dokumenty i materialy: sbornik [Russian Imperial House and the Far East. Documents and materials]. Vladivostok, [b. i.] Publ., 2007, 150 p.

Sem Yu.A. *Nanajtsy: Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX – seredina XX v.): Ehtnograficheskie ocherki* [Nanais: Material culture (second half of XIX – middle of XX century): Ethnographic essays.]. Vladivostok: Dal'nevostochnogo otdeleniya AN SSSR Publ., 1973, 314 p. (In Russ.).

Smolyak A.V. *Ehtnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Seredina XIX – nachalo XX v.*

Наука, 1975. 232 с.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. М. : Наука, 1984. 246 с.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. М. : Наука, 1991. 276 с.

Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: фотоальбом. М. : Наука, 2001. 318 с.

Таксами Ч.М. Изделия из рыбьей кожи у народов Приамурья и Сахалина в собрании МАЭ // Сборник Музея Антропологии и этнографии. Ленинград : Наука, 1980. Т. XXXV. С. 91–97.

Титорева Г.Т. Философия амурского лоскутка // Словесница искусств. Хабаровск, 2003. № 12. С. 58–59.

Хасанова М.М. Река в мировоззрении народов Нижнего Амура (к проблеме культурогенеза) // Реки и народы Сибири: Сб. Науч. Ст. Санкт-Петербург : Наука, 2007. С. 182–216.

Хасанова М.М. Негидальская коллекция Л.Я. Штернберга в Собраниях МАЭ // 285 лет Петербургской Кунсткамере: материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН. СПб.: «Наука» РАН, 2000. Т. 48. С. 85–97.

Шевкомуд И.Я. Очерк истории древнего мира Нижнего Амура // Объекты культурного наследия: памятники истории и культуры Хабаровского края. Хабаровск, 2013. С. 227–229.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск : Дальгиз, 1933. 740 с.

Шульгина Т.С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – начало XX в.). Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1989. 182 с.

[Ethnic processes in the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. The middle of the XIX – beginning of XX century]. Moscow: Nauka Publ., 1975, 232 p.

Smolyak A.V. *Traditsionnoe khozyajstvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina: Ehtnogeneticheskij aspekt* [Traditional economy and material culture of the peoples of The Lower Amur and Sakhalin: Ethnogenetic aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 246 p.

Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie* [Shaman: personality, functions, worldview]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 276 p.

Smolyak A.V. *Narody Nizhnego Amura i Sakhalina: fotoal'bom* [The peoples of the Lower Amur and Sakhalin: photo album]. Moscow: Nauka Publ., 2001, 318 p.

Taksami Ch.M. *Izdeliya iz ryb'ej kozhi u narodov Priamur'ya i Sakhalina v sobranii Muzeya antropologii i ehtnografi* [Fish skin products from the peoples of the Amur region and Sakhalin in the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Sbornik Muzeya Antropologii i ehtnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1980, vol. XXXV, pp. 91–97. (In Russ.).

Titoreva G.T. Philosophy of the Amur flap of tissue. *Slovesnitsa iskusstv*. [Words about art]. Khabarovsk, 2003, no. 12, pp. 58–59. (In Russ).

Khasanova M.M. *Reka v mirovozzrenii narodov Nizhnego Amura (k probleme kul'turogeneza)* [River in the world outlook of the peoples of The Lower Amur (to the problem of cultural genesis)]. *Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnykh statej.* [Rivers and peoples of Siberia]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 200, pp. 182–216. (In Russ.).

Khasanova M.M. *Negidal'skaya kollektsiya L.Ya. Shternberga v sobraniyakh Muzeya antropologii i ehtnografi* [Negidal collection of L.Y. Sternberg in the Museum of anthropology and ethnography]. *285 let Peterburgskoj Kunstkamere: materialy itogovoj nauchnoj konferentsii Muzeya antropologii i ehtnografi RAN*. [285 years of the St. Petersburg Kunstkammer: materials of the final scientific conference of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol, 48, pp. 85–97. (In Russ.).

Shevkomud I.Ya. Essay on the history of the ancient world of The Lower Amur. *Ob"ekty kul'turnogo naslediya: pamyatniki istorii i kul'tury Khabarovskogo kraya* [Cultural heritage sites: historical and cultural sites of Khabarovsk region]. Khabarovsk, Ministry of culture of Khabarovsk region Publ., 2013, pp. 227–229. (In Russ).

Shternberg L.Ya. *Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ajny: Stat'i i materialy* [Gilyak, Orochi, Gol'ds, Negidal, Ainu: Articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz Publ., 1933, 740 p.

Shul'gina T.S. *Russkie issledovateli kul'tury i byta malykh narodov Amura i Sakhalina (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russian researchers of culture and life of small peoples of Amur and Sakhalin (late XIX – early XX century).]. Vladivostok: Far East university Publ., 1989. 182 p.

Сведения об авторе

Глебова Елена Викторовна,
Союз театральных деятелей РФ, Редакция журнала «Страстной бульвар, 10», редактор соискатель ИАЭ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: elena.glebova@mail.ru

Критерии авторства

Глебова Е.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Elena V. Glebova,
Theater Union of the Russian Federation, Edition «Strastnoy Bulvar, 10», editor, The applicant IAE RAS,
Moscow, Russian Federation
e-mail: elena.glebova@mail.ru

Attribution criteria

Glebova E.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 172.12
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-113-122

Изобретение гражданского общества в реформах Солона: полидисциплинарный анализ

© И.А. Борисов, Ф.Е. Козьмин

Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье проводится полидисциплинарный анализ изобретения Солоном гражданского общества, формирование которого является актуальным для современной России. Цифровизация политической сферы в одном из сценариев будущего развития может означать возврат к прямой демократии, историческим истоком которой являются реформы Солона. Такой возврат может представлять ответ на процесс сверхбюрократизации современных систем управления, подрывающий доверие общества. Исторический успех реформ Солона объясняется богатством их ценностно-смыслового содержания, центральным ядром которого является понятие меры. Преодолевая поляризацию общества на богатых и бедных Солон изобретает средний класс и единицу такого класса – гражданина – человека, который обретает свою честь и достоинство в служении общим ценностям через непосредственное участие в создании и исполнении законов. В наши дни Россия стоит перед исторической задачей – всемерно укреплять гражданский мир и согласие. Данная задача начинается с социальной активности и ответственности каждого человека – вне зависимости от его статуса – в любой ситуации следовать общим законам, даже если это невыгодно. Такой ценностный выбор укрепляет наше общество, создаёт перспективу устойчивого исторического развития.

Ключевые слова: философско-исторический анализ, социальные технологии, античное наследие, мера, человечность, цивилизационные ценности, ценность свободы, ценность собственности, ценность равенства, гражданская честь, гражданское общество

Информация о статье: Дата поступления 24 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Борисов И.А, Козьмин Ф.Е. Изобретение гражданского общества в реформах Солона: полидисциплинарный анализ. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 113–122. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-113-122.

The invention of civil society in Solon’s reforms: a multidisciplinary analysis

© Igor A. Borisov, Felix E. Kozmin

Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article presents a multidisciplinary analysis of Solon’s invention of civil society, the formation of which is relevant for modern Russia. Digitalization of the political sphere in one of the future development scenarios can mean a return to direct democracy, the historical source of which is the Solon’s reforms. Such a return can be a response to the over-bureaucratization process of modern management systems that undermines public trust. The historical success of Solon's reforms is explained by the richness of their axiological content, the central core of which is the concept of measure. Overcoming the polarization of society into the rich and the poor, Solon invents the middle class and a unit of the class – a citizen – a person who gains his honor and dignity in serving common values through his direct participation in the creation and implementation of laws. Nowadays, Russia is facing a historic task – to strengthen civil peace and harmony in every possible way. This task begins with the social activity and responsibility of each person – regardless of his status – follow general laws in any situation, even though it is disadvantageous. Such a value choice strengthens our society and creates the prospect of sustainable historical development.

Keywords: philosophical and historical analysis, social technologies, ancient heritage, measure, humanity, civilizational values, the value of freedom, the value of property, the value of equality, civil honor, civil society

Article info: Received January 24, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Borisov I.A., Kozmin F.Y. The invention of civil society in Solon's reforms: a multidisciplinary analysis. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 113–122. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-113-122.

Древнегреческий философ, законодатель и государственный деятель Солон и сейчас остаётся личностью в высшей степени интересной для философско-исторического анализа. Реформы Солона заложили основу для института демократии, который переживает теперь непростые трансформации. Связаны они, прежде всего, с технологической революцией в сфере коммуникаций. Новейшие информационные средства позволяют мгновенно сообщать информацию миллионам пользователей по всему миру. Это приводит к кризису представительской демократии и всех её известных элементов: избирательной системы политических партий, профсоюзных организаций и др. Информационный мир возвращает людям методы прямой демократии. Акции жёлтых жилетов во Франции, в стране устойчивых демократических традиций, являются самым ярким тому подтверждением в последнее время. Ставшие в новых реалиях неповоротливыми и неэффективными, бюрократические инструменты представительской демократии всё больше утрачивают доверие широких масс и последние переходят к тактике непосредственных гражданских действий.

В этом контексте реформы Солона представляются актуальными как никогда, ибо они закладывают ценностный фундамент афинской прямой демократии, вовлёкшей в осуществление государственной власти всех свободных граждан. Философско-историческое исследование реформ Солона призвано прояснить сущность ценностей прямой демократии для генерирования новых идей в рамках актуального становления того, что можно определить как цифровая демократия. Московский проект «Активный гражданин» является самым известным в России в настоящее время инструментом, который данную цифровую демократию приближает. Но нам интересны не столько сами возможные социальные технологии, или как их называет Гребенщикова социотехнические мнимости (Гребенщикова, 2018. С. 60), сколько то, как с помощью этих технологий человек может отстоять своё право на свою человечность.

Немецкий философ Юрген Хабермас очень точно обозначил эту проблему. Речь идёт о том, что современная цивилизация в виде её механизмов Денег и Власти, используя как раз информационные технологии коммуникации, оказывает грандиозную экспансию в жизненный мир человека, подчиняет его себе и ведёт этот жизненный мир по пути деградации (Хабермас, 2011. С. 88). Феликс Гваттари и Жиль Делёз называли это машиной желаний, которая порабощает человека, превращает его в простую функцию (Делёз, Гваттари, 2007. С. 365).

Режиссёры Вачовски выразили эту философскую идею с помощью яркой художественной метафоры в своём известном фильме «Матрица». Есть машины, которые вышли из-под контроля человека и поэтому представляют для него угрозу, а есть те машины, которые служат и помогают человеку. В образе Нео мы видим ключевую задачу современной антропологии – защитить человека от атак вышедшей из-под его контроля техники, подчинить её себе, отстоять в стремительно меняющихся реалиях главное – свои чувства, свой жизненный мир, свою человечность.

Тоталитарный режим, вооружённый современными цифровыми технологиями, одна из опаснейших угроз современному человечеству. Ответ на эту угрозу только снова ставшая прямой цифровая демократия, вовлекающая широкие массы людей к непосредственному осуществлению власти,

препятствующая в то же время разгулу низменных инстинктов, утверждающая ценности разума.

В этом смысле нам интересно проанализировать опыт реформ Солона с точки зрения философии истории. Как пишет В.М. Межуев: «Если историческая наука видит свою задачу в выработке *максимально точного знания* о том, что было до нас и без нас, то философия истории предстает как *историческое самосознание* живущих в настоящем людей» (Межуев, 2018. С. 38). Межуев развивает мысль Карла Ясперса: «…целостная концепция философии истории, которую мы пытаемся дать, направлена на то, чтобы осветить нашу собственную ситуацию в рамках мировой истории» (Ясперс, 1991. С. 301). Исторический опыт выступает для нас способом самопознания и подсказкой для решения наших актуальных проблем. В том числе извлечение актуальных смыслов из исторической памяти может быть фактором «мягкой силы», как об этом пишут С.В. Воробьёв и Т.В. Каширина (Воробьёв, Каширина, 2018. С. 112).

Итак, обратимся же к Солону, к человеку, опередившему своё время (Суриков, 2006. С. 201), и к его ставшему чрезвычайно актуальному для нас опыту реформ, которые утвердили социальность, детерминированную разумом и человечностью.

Вопрос, с которого мы начнём наше исследование, будет такой: а почему Солону вообще удалось провести свои реформы? Почему удалось мудрые и полезные для человечности реформы провести в жизнь?

Во-первых, афиняне оказались в ситуации острого кризиса, обостряющихся политических, социальных и экономических противоречий. Им требовалось разрешить этот кризис, и для этого они были готовы рассмотреть любые, даже нестандартные решения.

Во-вторых, сам реформатор Солон был гениальным человеком, одним из семи древнегреческих мудрецов. При этом, мудрость проявляется не в многознании, а в понимании своих границ, а значит, в умении правильно свой разум применять. Это отчётливо проявилось в одном случае. Рыбаки в море выловили золотой треножник и решили отдать его в храм в Дельфы. В храме решили, что пусть этот золотой треножник достанется самому мудрому и отправили для этого семи мудрецам, которые бы решили, кто из них самый мудрый. Треножник переходил от Фалеса поочередно ко всем мудрецам, пока его не получил Солон. Но как же поступил Солон? Он заявил, что самым мудрым является Бог и отдал золотой треножник в храм в Дельфы (Диоген Лаэртский, 1979. С. 71).

В-третьих, для афинян изначально умный человек представлял высокую ценность. Это не всегда бывает в человеческих обществах, но у греков и афинян, в особенности, мудрость была в почёте, в том числе и потому, что они считали, что покровительница их города Афина – это богиня мудрости.

В-четвёртых, Солон самостоятельно мог находить решения для сложных комплексных проблем и одновременно обладал волей проводить эти решения в жизнь, т. е. совмещал в себе дар философского созерцания и практического действия, что встречается не часто.

В-пятых, Солон не просто нашёл гениальные решения для сложных комплексных проблем афинского общества, он также сумел убедить в своей правоте афинских граждан – как элиту, так и широкие массы простых людей.

Теперь зададимся вопросом: а была ли у Солона какая-то главная идея, которую он выражал своими отдельными реформами? С философской точки зрения, это сущность всех реформ Солона, сущность, которая в этих реформах и получила своё выражение: «согражданам советуй не приятное, но полезное» (Фрагменты, 1989. С. 92).

На наш взгляд, эту сущность реформ Солона в полной мере выражает понятие «тимос», которое можно перевести и как честь, и как цена, и как мера, и как ценность. Тимократия, производное понятие, которое применяется для обозначения режима государственной власти, который установил Солон, совершенно неверно переводить ни как «власть честолюбцев», ни как «власть богатых». Мы предлагаем перевести тимократию как власть ценностей. Такой перевод гораздо яснее передаёт и общий смысл реформ Солона: «Радей о честном» (Там же. С. 92).

Солон утверждает своими реформами не власть большинства или меньшинства и не власть вообще людей. Солон предлагает людям всем вместе подчиниться власти общих ценностей, которые всем вместе можно будет осуществлять в жизни. Эти ценности можно совместно выработать, а в дальнейшем уточнять и совершенствовать – тоже вместе: «лучше поступать честно, чем нарушать законы» (Плутарх, 1990. С. 161)

На наш взгляд, Солон своими реформами утверждает множество ценностей, среди которых можно выделить одну сущностную и ряд феноменальных ценностей, в которых эта сущностная ценность реализуется.

Но сначала опишем по порядку феноменальные ценности, а потом раскроем, какая сущностная ценность через них реализуется.

Первой феноменальной ценностью реформ Солона является ценность человеческой свободы.

Это первое, с чего начал Солон. В ситуации острого внутриполитического кризиса Солон был назначен архонтом с чрезвычайными полномочиями. Свободу афинские граждане теряли в результате того, что брали деньги под залог самих себя. В случае невозврата кредита они становились рабами своих более успешных граждан. Солон наложил законодательный запрет на залог в виде собственного тела, на эту своеобразную торговлю своей свободой, закрепил, таким образом, за свободой качество неотчуждаемого права личности афинянина.

Важно также и то, что этот закон имел обратную силу – все закабалённые таким образом афиняне получили свободу, вернулись к своим семьям, а также вернули в свои семьи других закабалённых членов.

Более того, Афиняне, которые уже были проданы в рабство в другие земли, за море, были возвращены на родину за государственный счёт (Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности, 1989. С. 537). Эта мера была осуществлением ценности человеческой свободы, она вернула в число свободных граждан Афин множество людей. Конечно, эта мера касалась только афинян, она не касалась рабов-чужеземцев, которые никогда не имели свободы, но эта мера подняла ценность свободы гражданина на недосягаемую высоту, свободу гражданина нельзя было отныне мерить звонким металлом. Свобода стала независимой ценностью, ценностью самой по себе. Это освобождение граждан Афин от кредитного бремени получило название сисахфия.

После того, как Солон осуществил сисахфию – а именно, убедил состоятельный класс пойти на такую меру, острый кризис миновал и другие архонты предложили ему вообще стать тираном. Но пойти на такую меру означало для Солона покрыть своё имя позором, потому что любой тиран по определению над законами, а именно подчиниться власти законов и показать в этом пример было делом чести для Солона.

Поэтому он был назначен законодателем и государственным устроителем Афин и в этом качестве стал проводить следующие свои реформы, в которых осуществлялись высокие человеческие ценности.

Ценность человеческого труда и его результатов было ещё одной ценностью, которую утверждал Солон посредством своих реформ. Солон разделил афинское общество на четыре группы, в соответствии с результатами их трудовой деятельности. Не знатность рода, но результаты труда каждого домохозяйства стали ведущими показателями, определяющими степень гражданского служения. Тех, у кого годовой доход превышал 500 мер, назвали пятисотмерниками, и они стали высшим гражданским сословием в Афинах. На них была возложена обязанность содержать строить и обеспечивать функционирование военного флота Афин. Только пятисотмерники могли становиться кандидатами в архонты. Тех, у кого доход был от 300 до 500 мер, отнесли ко второму разряду, который был назван всадниками. Владельцы хозяйств, имевших от 150 до 300 мер, были названы зевгитами. И наконец, феты это были те, доход которых не превышал 150 мер.

Одна из важнейших ценностей реформ Солона это ценность равенства. Солон понял, что все сословия должны контролировать действия друг друга, создавать систему сдержек и противовесов.

В архонты и соответственно в ареопаг мог претендовать любой человек из первого разряда. Но утверждало их архонтами народное собрание, после проверки, которую устраивала им соответствующая комиссия от народного собрания.

В Совет четырехсот могли быть избраны граждане первых трёх разрядов, кроме четвертого – фетов. Но членом народного собрания, а также народного суда, мог быть представитель каждого из четырех разрядов, установленных Солоном.

Ареопаг стали называть верхним советом, а Совет четырехсот – нижним советом. Это стало прообразом современного деления многих парламентов на нижнюю и верхнюю палаты. Функции обоих советов частично дублировались между собой, но важно то, что таким образом прояснялись мнения как аристократии, так и самой активной и состоятельной части демоса.

Народное собрание собиралось только четыре раза в год, или один раз в квартал сразу после того, как происходила ротация должностей в Совете четырехсот. Участие в народном собрании было не просто правом любого свободного гражданина, начиная с 20 лет, но это было обязанностью. Пренебрежение этой обязанностью наказывалось ограничением гражданских прав. Так как беднякам было чувствительно для своего кошелька пропускать рабочий день, то впоследствии участие в собрании оплачивалось. Этот принцип равных прав и обязанностей участвовать в процессе принятия решений вкупе с правом быть избранным на государственные должности получило название исополития.

Народное собрание происходило в ясную погоду при добрых предзнаменованиях. Держать речь на народном собрании имел право любой желающий. Это позже отлилось в понятие исогории. Иногда неверно трактуют данное понятие в качестве свободы слова, на самом деле, у этого понятия более конкретный смысл – равенство всех граждан Афин в возможности выступить на народном собрании и оказать влияние на процесс принятия решений.

При этом решения, которые принимались и приобретали характер закона, необходимо было выполнять всем. Граждане становились равны в том, что за каждым закреплялась обязанность выполнять принятые решения, которые могли быть уточнены каждым гражданином Афин.

Реформы Солона заложили основу, на которой будут потом сформулированы эти три принципа афинской демократии: исогория, исополития и исономия (см. Плутарх, 1990. С. 157–190).

Агору – место для торговли и народных собраний – расширили, по археологическим данным, именно в эпоху Солона, превратив её в просторную площадь. Древнегреческое слово *агора* можно перевести русским словом *собор*. Агора стала священным местом, где отправляли религиозные обряды. Агора начиналась с алтаря Двенадцати богов, который считался точкой отсчёта, нулевой мерой для путешественников, отправляющихся в путь. У Алтаря Двенадцати богов никто с изначальных времён не имел право обнажать оружие и проливать кровь, поэтому именно к этому алтарю бежали в поисках убежища все преследуемые. Тех же, кого не останавливал древний запрет, ждала суровая кара. Алкмеониды, представители знатного рода, однажды, подавляя мятеж, убили восставших, искавших убежища у Алтаря. После этого весь род Алкмеонидов был изгнан из Афин, и даже кости их предков были выброшены из своих могил. Этот урок Алкмеониды усвоили: спустя несколько десятилетий именно Солон добьётся для них народного прощения и возвращения их в Афины. В знак благодарности Алкмеониды станут с тех пор служить верой и правдой простому афинскому люду в память о своём прощении. Именно из аристократического рода Алкмеонидов выйдут следующие после Солона величайшие демократические лидеры и реформаторы Афин – Клисфен и Перикл. (Суриков, 1997. С. 20).

Агора приобретает те же черты, что и Алтарь, возле которого она появилась – никто не имел права обнажать в этом месте оружие, никто не имел права контролировать это место силой, ссылками на авторитет и другими способами. Агора – это священная ничейная земля, на которую никто не имеет своих прав. И одновременно все имеют право сказать в этом месте своё слово и быть ус-

лышанными. Прийти на Агору в дни собраний – обязанность, держать речь на ней – право. Агора – это место равенства всех граждан вне зависимости от имущественного разряда, знатности рода, место на котором слово каждого свободного гражданина обретает священную ценность.

Совершенно прав был М.К. Мамардашвили, когда рассматривал афинскую Агору как символ, а не просто как исторический феномен. А «символы, или смыслы (...) являются тем запасом и фоном, откуда мы черпаем возможности» (Мамардашвили, 2011. С. 149). М.К. Мамардашвили писал о смысле Агоры: «…нет ничего, что не имело бы ко мне отношения, и нет делегирования мысли, делегирования ответственности (…), для общества ценны мысли любого его члена (…) Он личность, и важно, что он думает о происходящем, в том числе и о том, что пытаются объявить своей монополией политики. В современном взаимосвязанном мире не существует такой монополии» (Мамардашвили, 2011. С. 269).

Человек на Агоре не имеет права переложить ответственность на кого-то, он должен выработать собственную позицию по отношению к происходящему, принять решение и проголосовать. Агора – это социальный институт, в котором человек творит себя как гражданина – активного участника общественной жизни. Интересно в этой связи ещё одна мера Солона, которая касалась того, что если гражданин во время распрей не примыкал ни к одной из позиций, его гражданские права также подлежали ограничению. Гражданин не имеет права быть равнодушным к судьбе своего отечества.

Помимо народного собрания, был ещё орган государственной власти, в котором могли заседать все граждане, относящиеся ко всем разрядам без исключения. Это был народный суд присяжных, или гелиэя. Данное нововведение имело самый демократический характер (Суриков, 2005. С. 133). Там только был выше возрастной ценз. Судьей мог стать любой гражданин от 30 лет и старше. Число судей было определено в 6 000 человек. Такое количество судей нельзя подкупить, коррупция здесь исключена. Но нам представляется, что Солон сделал суд таким многочисленным, ещё и для того, чтобы фактически все жители Афин, постепенно становясь после 30 лет судьями, проходили здесь правовое обучение, чтобы они учились тонкостям применения законов к реальной жизни. В народный суд можно было подать апелляцию на решение любого должностного лица Афин, включая архонтов. Помимо судебных функций у народного суда были ещё и законодательные функции.

Каждый новый член народного суда давал следующую клятву: «Я буду постановлять приговоры сообразно с законами и решениями афинского народа и Совета пятисот; в случаях же, не указанных законом, – по справедливейшему соображению (γνώμη τη δικαιοτάτη), без всякого лицеприятия. Я буду принимать решение, имея в виду жалобу и буду одинаково выслушивать как обвинителя, так и обвиняемого…» (далее следовало обращение к богам). В суде гражданин учился давать объективную оценку любому делу, быть при этом выше субъективных пристрастий и исходить из соображений справедливости. Таким образом, к числу ценностей, которые утверждались реформами Солона мы можем добавить ценность объективной гражданской оценки.

Какую же сущностную ценность утверждает и осуществляет Солон своими реформами?

На наш взгляд, сущностной и потому центральной ценностью реформ Солона является ценность человека, или человечность.

Эта сущностная ценность реализуется через ансамбль феноменальных ценностей, таких как ценность человеческой свободы, ценность человеческого труда, ценность человеческой собственности, ценность человеческого равенства. Эти феноменальные ценности являются духом законов Солона, эти же ценности закреплены в букве этих законов. А вот выполнять или не выполнять эти законы это вопрос к твоей чести как человека, вопрос к твоей человечности.

Кстати сказать, Джамбаттиста Вико, со слов исследователей его философско-исторического наследия А.А. Ерёмина и О.К. Петрович-Белкина, отмечал сугубо индивидуализированный характер законодательства Солона, которое воспринима-

лось как приказание или запрещение, обращённое к конкретному единственному человеку, а потом уже распространившееся на всех (Ерёмин, Петрович-Белкин, 2018. С. 100). То есть законы Солона непосредственно запрашивают гражданский выбор каждого человека и складывают эти выборы в систему общезначимой необходимости.

Солон же пишет, что слабые запутываются в паутине законов, а сильные рвут эту паутину. Но в том то и состоит дело, чтобы уважать и исполнять законы всем вместе.

Солон, таким образом, изобретает гражданина как такового – не в смысле обладателя паспорта, не в смысле жителя страны, а в смысле ответственного за жизнь всего общества, честь и достоинство своё обретающего в исполнении всех законов, даже если некоторые из этих законов тебе исполнять неудобно и невыгодно. Алексей Федорович Лосев в своей «Античной философии истории» называет такого человека гражданином-героем (Лосев, 1977. С. 111). Общество, которое состоит из таких граждан и есть гражданское общество. Именно такого гражданина и такое гражданское общество изобретает Солон. Через несколько десятилетий от побега из тюрьмы откажется Сократ и несмотря на то, что приговор был несправедлив, поступит в соответствии со своей гражданской честью и именно этот гражданский поступок Сократа, в том числе, обессмертит его имя.

Соблюдать законы всем вместе, а не думать, что законы есть то, что сильное господствующее меньшинство навязало большинству. Соблюдать законы всем – и слабым и сильным, и богатым и скромного достатка – именно это является залогом успеха человеческих обществ. В качестве примера приведём Сингапур, его историю успеха. Законы в Сингапуре безукоснительно соблюдаются всеми гражданами. При этом руководство страны начало с самих себя. Ли Куан Ю, основатель Сингапура, отвечая на вопрос журналиста, что нужно, чтобы победить коррупцию, ответил, что для начала нужно посадить трёх своих лучших друзей. Именно победив коррупцию, руководство Сингапура создало благоприятную среду для иностранных инвестиций, которые мощным потоком потекли в страну.

Когда законы выполняются всеми участниками правоотношений, несмотря на статусы, только тогда возникает координационный эффект, только тогда мы начинаем как общество достигать высоких результатов, которые при отсутствии совместного исполнения законов были недостижимы. Солон, таким образом, проводя политику «золотой середины» (Туманс, 2002. С. 241), делает первый шаг к правовому государству, где люди чтят общие законы именно потому, что понимают, что это необходимое условие для того, чтобы их индивидуальные интересы были удовлетворены в максимальной степени.

Социальный институт – это объединение людей для удовлетворения определенных потребностей. Человек объединяется с другими для того, чтобы достичь целей, которые не могут быть достигнуты индивидуально. Но для того, чтобы это объединение работало, необходимо, чтобы мы чётко выполняли все общие правила. Осуществляя ценности и выполняя нормы объединения с другими, человек достигает удовлетворения индивидуальных интересов на качественно другом уровне. Перед человеком открываются тысячи новых возможностей, некоторые из них – это возможности его творческой самореализации. Как отмечает О.Б. Давыдов, «индивидуальная самореализация в рамках сообщества рассматривается как результат воплощения общего блага» (Давыдов, 2017. С. 20).

Создать общественные институциональные условия для раскрытия в человеке его творческого потенциала и повысить таким образом ценность каждого человека, укрепить и развить его человечность – главная цель всех тех государственных деятелей, которые подобно Солону, хотят утвердить общественное строительство на человечности.

В Древней Руси, например, примером такого государственного деятеля был князь Владимир Мономах. Если Солон лучшее в человеке – человечность – называет честью, то Владимир Мономах называл это лучшее в человеке – сердцем. Организатор съезда в Любече в 1097, он сумел замирить перессорившихся князей – членов семьи Рюрико-

вичей, сумел убедить всех принять новый закон «Каждый да держит отчину свою». Интересен пример, который он приводит: «Прилетающие весной из рая птицы, занимают свое принадлежащее лишь им место; слабые занимают свое, а сильные – свое. И ни одна не пытается согнать др. и занять лучшее место – каждая довольствуется своим уделом». Довольствоваться своим, уважать чужие границы, иметь в сердце страх Божий, т. е. быть готовым к любым трудностям и опасностям, которые может послать Господь для того, чтобы человек достойно прошёл эти испытания, чтобы обрести премудрость и знания – вот принципы человечности Владимира Мономаха, о которых он говорит в своём «Поучении». Можно сказать, что Владимир Мономах и сам сформировался на античном наследии, преломлённом византийской культурой и образованием, которые он воспринял от своей мамы, дочери византийского императора Константина IX Мономаха (Ищенко, 2017. С. 80). Интересно, что и Солон был архонтом и Владимир Мономах называл себя на греческий манер архонтом всея земли Русской, как о том свидетельствуют надписи на его печатях.

Человек – существо биологическое и социальное. Но в том-то всё и дело, что человеческие общества в истории в подавляющем объёме своём детерминировано биологически. Н.Д. Субботина пишет о противоречии человека, являющегося результатом естественной и социальной эволюции: естественная эволюция создала человека как коллективное существо, а социальная эволюция сформировала у него потребность в свободе (Субботина, 2018. С. 11). Открытие Солона состоит в создании общества, детерминированного надиндивидуально и надбиологически, – человечностью. Такое общество уходит от иерархичности и насилия, выдвигая на первый план свободу человека, равенство перед властью закона и взаимовыгодное сотрудничество в деле общего процветания.

Таким образом, сущность реформ Солона в том, чтобы освободить человечность – ценность человека – через подчинение всех людей власти общих ценностей. Через осуществление в жизни ценности свободы человека, ценности собственности, ценности равенства, ценности труда. Ответственное и добросовестное осуществление всеми гражданами этих ценностей образует ценность человека – честь человека как человека – тимос – человечность. В обретении собственной человечности и помощь в обретении человечности другими заключается высший этический смысл реформ Солона. Уважать себя за множество достойных действий, осуществляющих различные человеческие ценности и уважать других за множество их достойных действий, осуществляющих человеческие ценности, – именно это стало основой института демократии, который в наше время во всём мире и в нашей стране нуждается в серьёзном преображении и усилении для того, чтобы в реалиях современного информационного стремительно меняющегося мира сохранить человеческие честь и достоинство, ценность человека как такового, что можно определить одним единственным, но всеобъемлющим в своей конкретности и необходимости словом – человечность.

Библиографический список

Воробьёв С.В., Каширина Т.В. Историческая память как фактор мягкой силы // Вопросы истории, 2018. № 1. С. 111–114.

Гребенщикова Е.Г. Социотехнические мнимости технонауки // Вопросы философии, 2018. № 3. С. 59–67.

Давыдов О.Б. Очевидность блага: этика коммунитаризма // Вопросы философии, 2017. № 4. С. 18–24.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. У-Фактория, 2007. 672 с.

References

Vorobyev S.V., Kashirina T.V. Historical memory as a factor of soft power. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2018, no. 1, pp. 111–114. (In Russ.).

Grebenshchikova E.G. Sociotechnical imaginary of technoscience . *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2018, no. 3, pp. 59–67. (In Russ.).

Davydov O. B. Evidence of the good: ethics of communitarianism. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2017, no. 4, pp. 18–24. (In Russ.).

Deleuze, G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya.* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. U-Factoria, 2007, 672 c.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. 620 с.

Ерёмин А.А., Петрович-Белкин О.К. Философия истории Джамбаттисты Вико: истоки, сущность и наследие // Вопросы истории, 2018. № 11. С. 97–119.

Ищенко А.С. Византийское наследие Владимира Мономаха // Вопросы истории, 2017. № 5. С. 74–90.

Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности. М., 1989. 704 с.

Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.

Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

Межуев В.М. История как философская идея // Вопросы философии, 2018. № 8. С. 34–41.

Плутарх Солон. Избранные жизнеописания. М., 1990. 592 с.

Субботина Н.Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития // Вопросы философии, 2018. № 8. С. 5–15.

Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // Вестник древней истории, 1997. № 4. С. 14–35.

Суриков И.Е. Солон: певец и творец «благозакония» // Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 383 с.

Суриков И.Е. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 201–220.

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. 544 с.

Фрагменты ранних греческих философов. М.,1989. 575 с.

Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011. 126 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Diogenes Laertios. Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow, 1979, 620 p.

Eremin A.A., Petrovich-Belkin O.K.The Philosophy of history of Giambattista Vico: origins, nature and legacy. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2018. no. 11, pp. 97–119. (In Russ.).

Ishchenko A.S. Byzantine heritage of Vladimir Monomakh. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2017, no. 5, pp. 74–90. (In Russ.).

Irmscher J., Jone R. *Slovar' antichnosti* [Dictionary of antiquity]. Moscow, 1989, 704 p. (In Russ).

Losev A.F. *Antichnaya filosofiya istorii* [Ancient philosophy of history]. Moscow: Science Publ., 1977, 208 p.

Mamardashvili M.K. *Soznanie i civilizaciya* [Consciousness and civilization]. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ., 2011, 288 p.

Mezhuyev V.M. History as a philosophical idea. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2018, no. 8, pp. 34–41. (In Russ.).

Plutarkh Solon. Izbrannye zhizneopisaniya [Plutarch Solon. Selected biographies]. Moscow, 1990, 592 p.

Subbotina N.D. The idea of humanism as a factor of social development]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2018, no. 8, pp. 5–15. (In Russ.).

Surikov I.E. Pericles and Alcmeonidae. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of ancient history], 1997, no. 4, pp. 14–35. (In Russ.).

Surikov I. E. *Solon: pevec i tvorec "blagozakoniya"* [Solon: the singer and the Creator of "blagodarenie"]. *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi: arkhaika i rannyaya klassika* [Ancient Greece: politicians in the context of the era: archaic and early classic]. Moscow: Science Publ., 2005, 383 p.

Surikov I.E. *Zakonodatel'nye reformy Drakonta i Solona: religiya, pravo i formirovanie afinskoj grazhdanskoj obshchiny* [Legislative reforms of the Dragon and Solon: religion, law and formation of the Athenian civil community]. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in history]. Moscow: Science Publ., 2006, pp. 201–220. (In Russ.).

Tumans H. *Rozhdenie Afiny. Afinskij put' k demokratii: ot Gomera do Perikla* [The Birth Of Athena. Athenian way to democracy: from Homer to Pericles] (VIII–V centuries BC). St. Petersburg: Academy Of The Humanities Publ., 2002. 544 p.

Fragmenty rannih grecheskih filosofov [Fragments of early Greek philosophers]. Moscow, 1989, 575 p.

Habermas Yu. *Ot kartin mira k zhiznennomu miru* [From world pictures to the vital world]. Moscow: Idea-Press Publ., 2011, 126 p.

Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, 528 p.

Сведения об авторах

Борисов Игорь Альбертович,
кандидат философских наук, доцент кафедры социальной психологии и гуманитарных наук,
Иркутский государственный медицинский университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: mibia@yandex.ru

Козьмин Феликс Евграфович,
кандидат философских наук, доцент кафедры социальной психологии и гуманитарных наук
Иркутский государственный медицинский университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: fkozmin@yandex.ru

Критерии авторства

И.А. Борисов, Ф.Е. Козьмин выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Igor A. Borisov,
Cand. Sci. (Philosophy), associate-professor of the Department of Social psychology and Liberal Arts,
Irkutsk State Medical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: mibia@yandex.ru

Felix E. Kozmin,
Cand. Sci. (Philosophy), associate-professor of the Department of Social psychology and Liberal Arts
Irkutsk State Medical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: fkozmin@yandex.ru

Attribution criteria

Borisov I.A. and Kozmin F.E. made research work, based on the obtained and generalized results, prepared the manuscript and documents for printing, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-123-132

Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в.

© Е.В. Плотникова

Иркутский государственный университет г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В статье приводятся обстоятельства учреждения банка при сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой в г. Иркутске. Рассматриваются некоторые нюансы законодательства, регулирующего банковскую сферу Российской Империи в XIX в. Автор останавливается на первых попытках кодификации кредитного законодательства в Российской Империи, в связи с чем рассматриваются Кредитные уставы 1835 и 1857 гг. В публикации обозначаются виды кредитных учреждений России в соответствии с первыми двумя редакциями Кредитного устава. Приводится характеристика организационно-правовой формы банка при сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой. Обращается внимание на спорные точки зрения относительно ее определения. Демонстрируется желание Иркутской городской думы взять Медведниковский банк под свое управление и описывается противодействие этому обстоятельству со стороны Совета банка. Рассматривается процесс многолетнего противостояния между банком и Иркутской городской думой, закончившийся изменением правового статуса Медведниковского банка. Победа Иркутской городской думы «de jure» и ее невозможность взять бразды управления банком в свои руки «de facto». Проблема выработки нового устава банка. «Двоевластие», сложившееся в управлении банком в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Банк при Сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой г. Иркутска, Иркутск, Восточная Сибирь, организационно-правовая форма, Кредитный устав 1835 г., Кредитный устав 1857 г., Положение о городских общественных банках 1857 г., частные банки, городские общественные банки, Иркутская городская дума, кредитно-финансовая сфера, благотворительность

Информация о статье: Дата поступления 22 октября 2018 г.; дата принятия к печати 26 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Плотникова Е.В. Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 123–132. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-123-132.

The bank at the orphan's house of E. Medvednikova: legal aspect and the process of the struggle for indipendence from the Irkutsk city Duma in the first half of XIX – early XX century

© Elena V. Plotnikova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The article presents the circumstances of the establishment of the Bank at the orphan's house of Elizabeth Medvednikova in Irkutsk. Some nuances of the legislation regulating the banking sphere of the Russian Empire in the XIX century are considered. The author dwells on the first attempts to codify the credit legislation in the Russian Empire, in connection with it the Credit charters of 1835 and 1857 are considered. The publication identifies the types of credit institutions in Russia in accordance with the first two editions of the Credit charter. It provides a description of the characteristics of the legal form of the

Bank at the orphan's house of Elizabeth Medvednikova. Attention is drawn to the controversial points of view regarding its definition. It demonstrates the desire of the Irkutsk city Duma to take Medvedkova's bank under its control and describes the counteraction to this circumstance by the Council of the bank. Author discusses the process of long-term confrontation between the bank and the Irkutsk city Duma, which ended with the change of the legal status of the Medvedkova's Bank. There are also touched such topics as the victory of the Irkutsk city Duma «de jure» and its inability to take the reins of rules of the bank «de facto» as well as the problem of developing a new charter of the bank, and the «diarchy», formed in the management of the bank in the late XIX – early XX centuries.

Keywords: The bank at the orphan's house of Elizabeth Medvednikova in Irkutsk, Irkutsk, Eastern Siberia, legal form, Credit Charter of 1835, Credit the Charter of 1857, Regulations on urban public banks of 1857, private banks, public banks, the Irkutsk city Duma, credit-financial sphere, the charity

Article info: Received October 22, 2018; accepted for publication November 26, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Plotnikova E.V. The bank at the orphan's house of E. Medvednikova: legal aspect and the process of the struggle for indipendence from the Irkutsk city Duma in the first half of XIX – early XX century. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-123-132.

Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой возник на волне отхода государства от монополии в банковской сфере в первой половине XIX в. Он являл собой пример укоренившейся в сознании русского народа традиции меценатства, послужившей заделом многих начинаний в сфере образования, науки, промышленности, финансов и других отраслях. Инициатива создания банка принадлежала иркутскому купцу 1 гильдии Ивану Логиновичу Медведникову, который вместе со своим малолетним братом Логином Логиновичем в ознаменование воли своей усопшей матери Елизаветы Михайловны Медведниковой открыл первое в Иркутске учебное заведение для девочек, преимущественно беднейших слоев населения, и в качестве обеспечения его деятельности учредил банк при этом образовательном учреждении. Относительно организационно-правовой формы банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой в литературе как досоветской, так и более поздней поры, существовало заблуждение: исследователи причисляли его к городским общественным банкам. В частности, такое утверждение содержится в работах дореволюционного историка А.Н. Гурьева и современного исследователя А.К. Кириллова (Гурьев А.Н., 1904; Кириллов А.К., 2002[1]). Однако детальное исследование вопроса позволило оспорить эту точку зрения и пролить свет как на обстоятельства учреждения банка, так и на детали его упорной борьбы за сохранение собственной независимости вопреки желанию Иркутской городской думы превратить его в городской общественный банк под своим руководством.

Медведниковский банк был учрежден на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «Об учреждении в Иркутске Сиропитательного заведения и частного при нем банка» от 20 июня 1836 г., куда вошло «Положение о сиропитательном доме в Иркутске и частном при нем банке» по сути являвшееся уставом этих двух заведений. Обратив внимание на название законодательного акта, можно заметить, что в нем самом уже содержится указание на принадлежность Медведниковского банка к частным банковским учреждениям.

Прежде чем перейти к раскрытию условий противостояния, сложившегося между Медведниковским банком и Иркутской городской думой, стоит подробно остановиться на нюансах законодательства, регулировавшего организационное

[1] Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири во второй четверти XIX в. – начале XX века: дис… на соискание ученой степени кандидата исторических наук 07.00.02. Новосибирск, 2002. 348 с. / Kirillov A.K. City banks of the Western Siberia in the second quarter of the XIX century – the beginning of XX century: the dissertation on competition of a scientific degree of Candidate of Historical Sciences 07.00.02. Novosibirsk, 2002, 348 p.

устройство и деятельность этого института. Без прояснения вопроса правового регулирования невозможно понять всей сути сложившихся противоречий и заблуждения, встречающегося в научной литературе относительно организационно-правовой формы Медведниковского банка вплоть до сегодняшнего дня.

Необходимо отметить, что в начале своего формирования кредитное законодательство России не имело строгой системы и кодификации. Банковские учреждения открывались на основании отдельных уставов, утвержденных на уровне верховной власти Российской Империи. Первая попытка кодификации кредитного законодательства связана с именем М.М. Сперанского, который по наказу Николая I создал Свод законов Российской империи, опубликованный в 1832 г. и вступивший в действие с 1 января 1835 г. В первую редакцию Свода законов 1835 г. вошел Кредитный Устав, разделивший все кредитные учреждения России на государственные и частные, сверх которых выделивший губернские и общественные. Законодательный акт содержит исчерпывающий перечень существовавших на тот момент кредитных учреждений. К государственным относились: 1) Комиссия погашения государственных долгов; 2) Заемный банк; 3) Коммерческий банк и его конторы; 4) Ассигнационный банк. Кредитный устав также содержит указание на причастность к государственным кредитным учреждениям Опекунских советов Императорского воспитательного дома, не включая их в общий перечень ввиду особенностей их правового статуса. К частным кредитным учреждениям относились на 1835 г. три банка: 1) Анфилатовский; 2) Савинский; 3) Ларинский. Именно к этой категории учреждений следует относить и учрежденный в 1836 г. банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой. К разряду губернских кредитных учреждений устав причисляет приказы общественного призрения. В качестве общественных указываются находящиеся в Остзейских губерниях дворянские банки и кредитные кассы (Свод законов Российской империи. Т. XI., 1833. С. 1). В дальнейшем деление кредитных учреждений было несколько усложнено. В 1857 г. выделилась новая сфера правового регулирования – городские общественные банки, было принято первое Положение о городских общественных банках, систематизировавшее и унифицировавшее в общих чертах их деятельность (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXII. Отделение 1. 1858. С. 524–527). Кредитный устав в редакции 1857 г. выделяет следующие категории кредитных учреждений: общие государственные и частные. Частные учреждения устав подразделяет на утвержденные правительством по индивидуально установленным для них правилам: общественные и учрежденные частными людьми, а также на учреждаемые на основании Положения о городских общественных банках (Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. 1857. С. 3–4). Необходимо отметить, что в уставе содержится исчерпывающий перечень банков, относящихся как к общественным, так и к частным учреждениям. Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой отнесен к частным кредитным учреждениям, учрежденным частными людьми, утвержденным правительством на основании индивидуально разработанных правил (Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. 1857. С. 4). Таким образом, вопрос об организационно-правовой форме данного учреждения разрешается уже на основании двух редакций вышеупомянутого законодательного акта, и отнесение Медведниковского банка к городским общественным представляется ошибочным. Если бы законодатель считал его таковым, банк бы числился в категории частных общественных кредитных учреждений, действовавших по индивидуальным уставам, куда как раз и входили городские общественные банки, учрежденные до выхода обобщенного в их отношении законодательства. Следует отметить, что руководство Медведниковским банком также заявляло о своей непринадлежности к городским общественным банкам, что ярко демонстрирует его переписка со столичным изданием «Санкт-Петербургские ведомости», состоявшаяся в 1877 г. На запрос газеты о данных, необходимых для размещения отчетности в их издании в связи с изменившимся законодательством, содержащим требование относительно городских общественных

банков, Медведниковский банк ответил, что он не относится к таковым и потому данное требование для него не является обязательным. Банк, в лице своего руководства, разъяснил, что имеет свой «высочайше утвержденный» устав, коим ему не вменяется в обязанность печатать свои отчеты и балансы в «Санкт-Петербургских ведомостях» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 8. Л. 21 об.) и, в связи с этим, будет размещать свои отчеты и балансы там, где посчитает необходимым (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 8. Л. 34).

Несмотря на то, что Медведниковский банк, в целом, проигрывал в условиях кредитования по сравнению с городскими общественными банками, не имея конкуренции в своем регионе со стороны последних, он был достаточно успешным финансовым предприятием и вскоре привлек пристальное внимание Иркутской городской думы, которая приобрела желание подчинить его своему управлению. Невзирая на то, что Медведниковский банк полностью содержал на своем обеспечении сиропитательный дом, его чистая прибыль неуклонно росла и дума, безусловно, была заинтересована в том, чтобы часть этой прибыли расходовать на другие благотворительные заведения города. В §19 Положения о городских общественных банках 1857 г. устанавливалось, что из чистых прибылей последних, «по желанию Городского Общества», часть средств могла отделяться на устройство и содержание «больниц, богаделен, училищ, ремесленных школ, и проч., и вообще на предметы общественного призрения, воспитания и вспоможения неимущим» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXII. Отделение 1. 1858. С. 527).

По всей видимости, желание учредить городской общественный банк в Иркутске у городской думы было давно, трудно сказать почему оно не было осуществлено сразу вслед за выходом Положения 1857 г., возможно, просто у города не было на это свободных средств. Вопрос этот возник в 1865 г., когда после кончины одного из богатейших представителей купеческой династии Иннокентия Никаноровича Трапезникова остался внушительный капитал и завещание усопшего об образовании в Иркутске благотворительного заведения для мальчиков, с целью обучения их грамоте и ремеслам, наподобие сиропитательного дома (Щуцкий М.М., 1913, С. 62–63). Капитал для обустройства этого учреждения И.Н. Трапезников распорядился взять под свое непосредственное «наблюдение» Иркутскую городскую думу, однако сумма, предназначенная для этой цели, им оговорена не была. Это обстоятельство дало возможность Иркутской городской думе полагать, что она может распоряжаться всем, оставленным Трапезниковым капиталом, за вычетом завещанных им сумм в пользу тех или иных лиц или заведений. Миллионный купеческий капитал дума решила использовать на открытие городского общественного банка, который по своей капитализации и более выигрышным условиям регулирования ссудо-сберегательной деятельности этого типа кредитных учреждений, мог составить неравную конкуренцию банку при сиропитательном доме Е. Медведниковой. Совет, управлявший Медведниковским банком, сильно обеспокоился данным обстоятельством и попытался отговорить городскую думу от ее намерения. В качестве аргумента он обещал выделить часть средств из прибылей банка на городские нужды и содержание сиропитательно-ремесленной школы Трапезникова. В то же время банк обращался к губернатору, акцентируя его внимание на своей благотвортельной миссии, и требуя, чтобы город взял сиропитательный дом на свое обеспечение в случае, если дела банка придут в упадок при невозможности конкурировать с городским общественным банком, запроектированным думой. В результате губернатор К.Н. Шелашников выступил на стороне Медведниковского банка и отказал городской думе в представлении ее ходатайства о создании городского банка в вышестоящие инстанции. Свое решение губернатор обосновал тем, что банк Е. Медведниковой в своей основе имел благотворительное назначение и потому имел право на заботу о нем со стороны властей (Банк сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске, 1892. С. 122). Завершающим этапом крушения планов городской думы явился иск наследни-

ков Трапезникова, поданный 3 января 1866 г., об оспаривании спорной части капитала, не оговоренной в его завещании. Дело, дошедшее до Сената, окончилось присуждением средств в пользу истцов Иннокентия Никаноровича Трапезникова (Сукачева) и А.Н. Портновой (Щуцкий М.М., 1913, С. 68–69). В этом же году в г. Иркутске была основана сиропитательно-ремесленная школа Трапезникова, находившаяся в ведении города и содержавшаяся на доходы с оставленного меценатом капитала и пожертвования других лиц (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 31. Л. 13). К 1868 г. проценты с капитала, размещенного в банке Е. Медведниковой, составили 24 798 руб. (Банк сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске, 1892. С.122), к 1890 г. – 60 394 руб. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 31. Л. 13).

Функционирование банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой на основании индивидуального устава накладывало на него ряд ограничений. Устав банка четко регламентировал размер процентных ставок по вкладной и ссудной операциям. В это же самое время Положение о городских общественных банках позволяло банкам изменять размер процентов при согласовании с городскими думами, в ведении которых они находились. Такая ситуация приводила к тому, что во второй половине 1860-х гг. Медведниковский банк стал испытывать отток вкладов в пользу городских общественных банков европейской части России, в частности, Скопинского и Иркутского отделения Государственного банка, платившего 5 % на вклады, помещенные в государственные процентные бумаги, 3 % на бессрочные вклады. Государственный банк выплачивал также 3 % на вклады, пробывшие в банке менее года, в то время как устав Медведниковского банка запрещал платить процент по таковым, а по срочным вкладам был ограничен 4 % годовых.

С 1868 г. Совет Медвдениковского банка возбудил ряд ходатайств об изменении устава в части, касающейся вкладной операции. Был составлен проект нового устава, взамен устаревшего, принятого в 1845 г., одобренный 15 ноября 1868 г. городской думой (Банк сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске, 1892. С. 120). В конце 1860-х гг. в Министерстве Внутренних дел, рассматривавшем вопрос о новом уставе, встал вопрос о превращении Медведниковского банка в городской общественный. В новом банке должны были соединиться капиталы сиропитательных заведений Трапезникова и Медведниковой, первого – в размере 44 803 руб., второго – в размере 349 684 руб. Из прибылей нового Иркутского городского общественного банка предполагалось содержать оба вышеуказанных заведения. Руководство банка Е. Медведниковой даже не было поставлено в известность о грозящих переменах, влекущих потерю независимости банка. Когда же эта информация дошла до Совета, то ему пришлось обращаться с просьбой к губернатору об ознакомлении с ходом данного дела. Исследователь конца XIX в., работавший с документами банка до 1888 г., дает нам информацию о том, что в дело вмешался даже сам император, написавший обращение к генерал-губернатору Восточной Сибири, чтобы тот, в свою очередь, уведомил Иркутскую городскую думу, о том, «что ей надлежит войти, куда следует, с представлением об оставлении без последствий ее ходатайства об отчуждении от сиропитательного дома учрежденного при нем банка с обращением онаго в Городской Общественный банк и вообще воздержаться от всякого рода вмешательства в дела внутреннего управления сиропитательным домом и банком Елизаветы Медведниковой, пока эти заведения будут иметь счастье состоять под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств в Ведомстве учреждений Императрицы Марии, и пока сиропитательный дом будет содержаться не на средства Городского общества или Думы» (Банк сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске, 1892. С. 134).

Имеющиеся в наличии архивы не дают нам ответа на вопрос, каким именно образом государь император оказался в курсе дел столь отдаленно расположенного от него банка. Можно лишь предположить, что Иван Логинович Медведников, проживая в этот период времени в Москве и поддерживая неразрывную связь с Советом, со своей сто-

роны оказал протекцию в столь животрепещущем для банка деле. Будучи крупным меценатом, лично представленным вместе со своей супругой императрице (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 182. Л. 22), и обладая связями в правительственных кругах, он, вероятней всего, имел возможность ходатайствовать перед высшими должностными лицами страны о делах своего детища. Из обращения государя к генерал-губернатору также следует вывод, что вопрос о превращении Медведниковского банка в городской возник не сам по себе, а с подачи Иркутской городской думы и по ее ходатайству. Таким образом, дума не оставила своего стремления прибрать Медведниковский банк к рукам и после того, как не смогла это сделать в ходе попытки обобществления капитала Трапезникова.

Вскоре после неудавшихся первых двух попыток была предпринята еще одна. В октябре 1881 г. Иркутская городская дума вновь приняла решение ходатайствовать об обращении Медведниковского банка в городской. На этот раз Совет банка, желая защитить суверенитет вверенного ему учреждения, обратился к его покровителю и учредителю, проживавшему в Москве, Ивану Логиновичу Медведникову. Совет написал ему письмо 28 декабря 1881 г. с просьбой о защите своих интересов (Известия Иркутской городской общественной думы. 1901. № 11–12. С. 214). В ответном послании от 17 марта 1882 г. Иван Логинович Медведников выразил категорический протест против притязаний Иркутской городской думы и указал, что обращение банка в городской противоречит его воле как учредителя. Он указал также на главную благотворительную цель кредитного учреждения – обеспечение функционирования сиропитательного дома имени своей матери и на то обстоятельство, что банк полностью обеспечивает как себя, так и находящийся под его опекой приют, не требуя городского финансирования. По всей видимости, улавливая скрытую цель городской думы покрывать часть расходов на учреждения местного здравоохранения и образования за счет Медведниковского банка, меценат указал, что нужды города не должны удовлетворяться за счет частных учреждений и служить цели их разрушения как таковых (Известия Иркутской городской общественной думы. 1901. № 11–12. С. 215). В твердой форме Медведников заявил, что не дает своего согласия на превращения банка в городской общественный, и если того потребуют обстоятельства, готов выразить протест перед Высочайшим Правительством (Известия Иркутской городской общественной думы. 1901. № 11–12. С. 214).

Послание учредителя достигло своего адресата – Иркутскую городскую думу, нотариально заверенная копия которого вошла в материалы ее заседаний. Однако повлиять на ход событий оно не смогло. По всей видимости, министерство финансов стояло на позиции унификации законодательства и правил регулирования кредитными учреждениями Российской империи, что, безусловно, являлось необходимым в масштабах страны. Существование различных банковских институтов, функционировавших на основании индивидуальных уставов, усложняло как надзор за ними, так и качество регулирования их деятельности. В конечном итоге, это обстоятельство осложняло деятельность и самих кредитных учреждений, вынужденных терять долгие годы на согласование и пересмотр отдельных пунктов уставов для приведения их в соответствие с требованиями изменяющихся социально-экономических условий. В результате, итогом многолетней борьбы банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой, стало решение главного управления ведомств учреждений императрицы Марии о передаче сиропитательного дома Е. Медведниковой и учрежденного при нем банка в ведение городского общественного управления (Известия Иркутской городской думы. 1893. № 9. С. 2). Для этой цели в конце 1892 г. было образовано особое совещание под председательством министра финансов, которое, учитывая благотворительную функцию заведений, предложило Иркутской городской думе два варианта преобразований. Первый состоял в выделении из средств города 1 200 000 руб. на счет главного управления в качестве суммы, на проценты с которой должен был содержаться сиропитательный дом, с последующим присоединением банка к городу. Второй

состоял в выделении из городского бюджета 200 000 неприкосновенного капитала в фонд приюта и отчисление всех чистых прибылей банка на счет этого заведения до тех пор, пока сумма не достигнет установленного предела в 1 200 000 руб. До этого момента город должен был взять на себя обязательство отчислять 50 000 руб. ежегодно для поддержания жизнедеятельности этого заведения. Особое совещание также обращало внимание города на то, что срок окупаемости городских средств составит от 6 до 10 лет, по прошествии которых все чистые прибыли банка окажутся в его непосредственном распоряжении (Известия Иркутской городской думы. 1893. № 9. С. 3). Иркутской городской думе также предлагалось, не теряя времени на почтовую переписку, сразу после принятия принципиального решения по банку и приюту, разработать новый проект банковского устава с учетом требований Положения о городских общественных банках и направить его в министерство финансов.

Обсуждение данного вопроса в Иркутской городской думе состоялось 25 мая 1893 г. При абсолютном согласии с необходимостью принятия банка под свой контроль члены городской думы, однако, признавали оба предложенных особым совещанием варианта невыполнимым по причине дефицита городского бюджета и невозможности как единовременного отчисления на сиропитательный дом в размере 1 200 000 руб., так и ежегодного выделения 50 000 руб. на его содержание. Основным опасением в отношении сложившейся ситуации являлось предположение, что в случае снижении прибылей банка в будущем, станет невозможным содержать сиропитательный дом за его счет, и все расходы лягут на городской бюджет и без того дефицитный.

В результате длительных дебатов и всестороннего изучения финансовой отчетности Медведниковского банка 23 марта 1893 г. дума приняла постановление о необходимости принятия под свой контроль обоих учреждений без каких-либо дополнительных обременений, выдвинутых особым совещанием. При этом дума выражала просьбу главному управлению ведомств учреждений императрицы Марии об оставлении сиропитательного дома под высочайшим покровительством (Известия Иркутской городской думы. 1893. № 13–14. С. 198). 28 мая 1893 г. городской голова доложил о решении городской думы губернатору и генерал-губернатору в Санкт-Петербург (Известия Иркутской городской думы. 1893. № 12. С. 163). Однако в ведомстве учреждений императрицы Марии посчитали невозможным оставить сиропитательный дом в своем ведении и 11 декабря 1887 г. состоялось повеление Министра юстиции «Об исключении Иркутского сиропитательного дома Е. Медведниковой из списка заведений императрицы Марии» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VII. 1889. С. 492), а 11 июня 1895 г. вышло высочайшее повеление министра юстиции «О передаче Иркутского сиропитательного дома Е. Медведниковой с состоящим при нем банком в ведение общественного управления г. Иркутска», с условием выработки нового устава согласно Положению о городских общественных банках. До момента принятия устава управление банком ставилось под высшее руководство местного генерал-губернатора, текущее же управление заведениями сосредоточивалось в специально созданном Совещании, которое должно было носить временный характер (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 285. Л. 12). Иркутская городская дума 9 ноября 1895 г. вынесла решение о принятии медведниковских заведений в свое ведение и 24 ноября 1895 г. постановила считать их окончательно принятыми в ведение Иркутского городского общественного управления (Известия Иркутской городской думы. 1895. № 23–24. С. 252).

Таким образом, завершилась юридическая процедура принятия банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой в ведение города. Однако вопрос об управлении банком не был окончательно решен. Для полного перехода управленческих функций к городской думе требовалась выработка нового устава на соответствующих городским общественным банкам организационно-правовых основаниях. Для этих целей была избрана специальная комиссия под председательством и. д. го-

родского головы П.Я. Гаряева, в составе гласных думы: С.И. Телльных, П.С. Корзакова, В.В. Жарникова и В.Д. Власова (Известия Иркутской городской думы. 1895. № 23–24. С. 146). Новый устав банка был направлен на согласование в 1902 г. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д.285. Л. 12). Однако архивные данные позволяют установить, что в 1915 г. ответа от центральных властей по этому вопросу еще так и не последовало (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 285. Л. 12). Совещание по делам банка и сиропитательного дома в своем заседании 17 января 1915 г. постановило просить И.М. Бобровского оказать свое содействие для ускорения вопроса об очередном пересмотре устава банка (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 285. Л. 13).

Забегая вперед, отметим, что вышеуказанный устав Медведниковский банк так и не получил. Работа по его созданию, согласованию, доработке и новому утверждению измененных положений длилась до завершения функционирования банка и его второй и окончательной национализации в 1920 г. На всем протяжении периода с момента юридического причисления банка к городским общественным до окончания его деятельности как кредитного учреждения в 1920 г. фактически в руководстве банком сложилась система двоевластия между Совещанием банка и Иркутской городской думой. Исходя из существующих сведений, перевес в управлении банком следует все же признать за Совещанием, состоявшим из генерал-губернатора, иркутского губернатора, члена-делопроизводителя совещания, назначаемого иркутским военным генерал-губернатором, городского головы и трех гласных – попечителей Совета медведниковских учреждений (Известия Иркутской городской думы. 1901. № 5–6. С. 394). В качестве примера можно привести некоторые из стенограмм заседаний городской думы, в которой на повестке дня вставал вопрос о ее недостаточных полномочиях в управлении банком.

23 февраля 1899 г. на заседании Иркутской городской думы был заслушан протокол совещания по делам банка от 10 февраля 1899 г. о рассмотрении смет по медведниковским учреждениям. Многие из членов заседания посчитали бесполезным читать протокол и обсуждать его содержание в виду «недостаточной определенности отношений городского управления и Совещания по делам банка» (Известия Иркутской городской думы. 1899. № 7–8. С. 316). В результате вместо обсуждения протокола было принято решение напечатать его в «Известиях думы» для ознакомления всех желающих.

На заседании городской думы 28 марта 1901 г. было заслушано прошение почетного гражданина И.И. Пиленкова от 15 марта 1901 г. о том, что решение думы о выдаче ему с 1 января 1901 г. ежемесячного пенсионного пособия из средств банка, было отменено его Совещанием. Пиленков написал жалобу иркутскому военному генерал-губернатору, но в виду длительности рассмотрения этого вопроса он обратился в государственную думу с тем, чтобы она назначила ему утвержденное ей пособие из городского бюджета, пока вопрос не разрешился окончательно. Гласный городской думы Б.Г. Патушинский в отношении рассматриваемой проблемы поставил вопрос следующим образом: «Прежде, чем рассматривать подобные вопросы, необходимо выяснить: является ли в настоящее время дума распорядительным органом по отношению к сиропитательному дому и банку Е. Медведниковой?» Далее он указывает на то, что хотя оба этих заведения и переданы в ведение городского общественного управления, но целый ряд распорядительных постановлений думы не приведены Светом медведниковских учреждений в исполнение, потому что Совещание по делам сиропитательного дома и банка выпустило противоположные решения (Известия Иркутской городской думы. 1901. № 5–6. С. 394). В результате городская дума посчитала необходимым просить Совещание, обратим внимание, – не требовать, повторно рассмотреть прошение Пиленкова (Известия Иркутской городской думы. 1901. № 5–6. С. 395).

Коллизия в управлении делами банка при Сиропитательном доме Е. Медведниковой существовала на всем протяжении его последнего 25-летнего существования. Это было следствием

так и нерешенного вопроса о выработке нового устава банка, в соответствии с которым он должен был действовать как городской общественный. Совещание по делам сиропитательного дома и банка функционировало до окончания существования Медведниковского банка в 1920 г., когда он завершил свою деятельность в процессе второй за его 84-летнюю историю существования национализации советской властью.

Таким образом, Иркутская городская дума, формально одержав победу в многолетнем противостоянии с руководством банка и юридически подчинив его себе, на практике так и не смогла решить проблему его руководства и получить возможность перераспределять прибыли банка для нужд городских учреждений. Утратив свою автономность на бумаге, на деле банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой продолжал руководствоваться положениями своего устава 1845 г. и во многом проводил собственную управленческую политику.

В завершении можно сказать, что банк при сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой представлял собой грандиозный благотворительный проект, осуществленный в традиции русского меценатства, от начала до конца претворявший основной замысел своего главного учредителя Ивана Логиновича Медведникова, как института, обеспечивавшего возможность получения первоклассного образования и воспитания девочкам из наименее обеспеченных слоев населения. Банк неуклонно выстраивал генеральную линию своей политики управления в соответствии с главной благотворительной целью своего существования, до конца своей деятельности отстаивавший возможность независимого управления и направления своих средств для расширения сиропитательного дома, улучшения условий содержания его воспитанниц и преумножения возможностей детей из небогатых семей занять достойное место в жизни города и региона.

Библиографический список

Банк сиропитательного дома Елизаветы Медведниковой в Иркутске. Историко-статистический очерк, составленный под редакцией Совета учреждений Медведниковой А.А. Пановым. М.: Совет иркутского сиропитательного дома Е. Медведниковой и банка, 1892. Т. I. 301 с.

Полное собрание законов Российской империи. В 33 т. Собрание третье. С 1 марта 1881 года по 1913 год. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. VII. 1158 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года. Отделение 1. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И. В. канцелярии, 1858. Т. XXXII. 1066 с.

Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России / Под ред. А.Н. Гурьева. СПб.: Типо-литография «Якорь», 1904. 250 с.

Известия Иркутской городской думы. 1893. № 9. 46 с.

Известия Иркутской городской думы. 1893. № 12. 208 с.

Известия Иркутской городской думы. 1893. № 13–14. 229 с.

Известия Иркутской городской думы. 1895. № 23–24. 303 с.

References

Panov A.A. *Bank siropitatel'nogo doma Elizavety Medvednikovoi v Irkutske* [The Bank at the orphan's house of Elizabeth Medvednikova in Irkutsk]. *Historical and statistical sketch* [Istoriko-statisticheskii ocherk]. Moscow: Council of the Irkutsk orphan's house and the Bank of Medvednikova E. Publ., 1892, vol. I, 301 p. (In Russ.).

Complete collection of laws of the Russian Empire. In 33 vol. Collection the third. March 1, 1881–1913. T. VII. St. Petersburg: State printing office Publ., 1889, 1158 p. (In Russ.).

Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the second. December 12, 1825 – February 28, 1881, vol. XXXII. Department 1. St. Petersburg: Typography of II Department of his Imperial Majesty's Chancellery Publ., 1858, 1067 p. (In Russ.).

Guryev A.N. Essay on the development Guryev of credit institutions in Russia. St. Petersburg: Type-lithography "Anchor" Publ., 1904, 250 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city Duma, 1893, no. 9. 46 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city Duma, 1893, no. 12. 208 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city Duma, 1893, no. 13, 14. 229 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city Duma, 1895, no. 23, 24. 303 p. (In Russ.).

Известия Иркутской городской думы. 1899. № 7–8. 382 с.

Известия Иркутской городской думы. 1901. № 5–6. 508 с.

Известия Иркутской городской общественной думы. 1901. № 11–12. 292 с.

Свод законов Российской империи. Т. XI. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1833. 963 с.

Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. 171 с.

Щуцкий М.М. Архивная заметка о духовном завещании Трапезникова // Труды иркутской ученой архивной комиссии. Выпуск 1. Иркутск: Электро-типография Товарищества «М.П. Окунев и Ко», 1913. С. 59–76.

News of Irkutsk city Duma, 1899, no. 7, 8. 382 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city Duma, 1901, no. 5, 6. 508 p. (In Russ.).

News of Irkutsk city public Duma, 1901, no. 11, 12. 292 p. (In Russ.).

Code of laws of the Russian Empire. Vol. XI. St. Petersburg : Typography of II Department of his Imperial Majesty's Chancellery, 1833, 963 p. (In Russ.).

Code of laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part 2. St. Petersburg: Typography of II Department of his Imperial Majesty's Chancellery, 1857, 171 p. (In Russ.).

Shchutskii M.M. *Arkhivnaya zametka o dukhovnom zaveshchanii Trapeznikova* [Archival note about the spiritual testament of Trapeznikov]. *Trudy irkutskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vypusk 1.* [Proceedings of the Irkutsk scientific archival Commission. Iss. 1.] Irkutsk: Electrical printing house of the partnership “M.P. Okunev & Co.” Publ., 1913, pp. 59–76.

Сведения об авторе

Плотникова Елена Владиславовна,
аспирантка кафедры Истории России исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: elena-angarsk@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Plotnikova,
graduate student of the Department of History of Russia, of the Faculty of History,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: elena-angarsk@yandex.ru

Критерии авторства

Плотникова Е.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Plotnikova E. V. carried out the research work, on the basis of the obtained results made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-133-147

Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине
Часть 1. Бой у деревни Владыки

© А.Ю. Каркотко

Вилейский краеведческий музей, г. Вилейка, Республика Беларусь

Аннотация: Статья посвящена драматическому событию, произошедшему на белорусских землях в ходе Польского освободительного восстания 1863–1864 гг., бою 16 мая 1863 года между повстанцами и подразделениями русской армии у деревни Владыки Вилейского уезда Виленской губернии. В статье рассматриваются предпосылки, силы сторон, расписан ход боя, его итоги и последствия. Для наглядности дана выкопировка с карты местности около деревни Владыки. Впервые в статье приводятся наиболее полные списки погибших с обоих противоборствующих сторон и дополнительные сведения об офицерах Русской императорской армии и других участниках тех событий. Также в работе приводятся сведения о простых солдатах, совершенных ими подвигах и полученных наградах. Еще одной проблемой, поднятой в статье, является современный взгляд исследователей на те далекие события и людей, принявших в них участие из России, Польши, Беларуси. Приводятся небольшая историография работ современных белорусских авторов и их взгляды на описание тех событий. Статья написана на основе архивных документов, информация об офицерах дополнялась «Списками по старшинству». В иллюстрациях даны фотографии современных памятников на могилах повстанцев и местах боев восстания 1863–1864 гг.

Ключевые слова: восстание 1863–1864 гг., бой у д. Владыки, пехотный Великолуцкий полк, пехотный Новоингерманландский полк, потери русской армии, воинские захоронения, национальные восстания, Козелл-Поклевский, генерал Галл

Информация о статье: Дата поступления 5 января 2019 г.; дата принятия к печати 28 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Каркотко А.Ю. Эпизоды польского восстания 1863–1864 гг. на Вилейщине. Часть 1. Бой у деревни Владыки. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 133–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-133-147.

Episodes of the Polish Revolt 1863–1864 on the Vilenschina
Part 1. Fight at the village Vladyki

© Andrey Yu. Karkotko

Vileika Museum of Local History, Vileika, Republic Belarus'

Abstract: The article is devoted to the dramatic event that occurred in the Belarusian lands during the Polish Liberation Uprising of 1863–1864, the battle of May 16, 1863 between rebels and units of the Russian Army near the village of Vladyka of Vileika district of the Vilna province. The article discusses the prerequisites, the forces of the parties, the course of the battle and its consequences. For clarity, here is a copy from the map of the area near the village of Vladyka. For the first time, the article provides the most complete lists of the dead from both warring sides and additional information about the officers of the Russian Imperial Army and other people who participated in those events. Another problem raised in the article is a modern view on those distant events and people who took part in it in different countries related to those events: Russia, Poland and Belarus. The article was written on the basis of archival documents, information about officers was supplemented with

"Lists by seniority". The illustrations provide photographs of modern monuments on the graves of the rebels and the battlefields of the uprising of 1863–1864.

Keywords: the uprising of 1863–1864, the battle near the village Vladyka, the Velikolutsky infantry regiment, the New Ingermanland infantry regiment, the loss of the Russian Army, military burial places, national uprisings, Kozell-Poklevsky, General Gall

Article info: Received January 5, 2019; accepted for publication January 28, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Karkotko A.Yu. Episodes of the Polish Revolt 1863–1864 on the Vilenschina. Part 1. Fight at the village Vladyki. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 133–147. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-133-147.

Выходцы из белорусских земель довольно давно стали селиться в Сибири. Одни отправлялись туда добровольно, другие оказались на поселении вынуждено. Часто сюда ссылали неблагонадежных поляков и белорусов, боровшихся за восстановление польского государства Речи Посполитой.

Особенно много выходцев из Северо-Западного края оказалось в Сибири после восстания 1863–1864 годов. Причем это были в большей части хорошо образованные люди, элита того времени. Многие из них и в Сибири нашли себе применение и добились успехов, став промышленниками, купцами, инженерами-строителями.

Другие же напротив решили вести борьбу до конца и в Сибири в 1866 году польские каторжники подняли Кругобайкальское восстание, в котором приняли участие более 700 человек. Восстание было подавлено, а четверо его зачинщиков казнены.

В данных статьях рассмотрим два боя Польского освободительного восстания 1863–1864 гг., которые произошли на территории Вилейского района Минской области в Республике Беларусь, где есть три памятных места, связанных с этими событиями. Это братские могилы восставших у деревни Владыки и в агрогородке Куренец. И место боя у д. Любки, так называемое урочище «Битый Лог», где установлен мемориальный знак в память об этом событии (рис. 1–3).

Источники о бое у д. Владыки

В конце 2018 года в Вильнюсе исследователями из Беларуси Михаилом Ломоносовым и Вадимом Преврацким почти одновременно были обнаружены интересные польские документы 20–30-х годов XX века. В Литовском государственном историческом архиве выявлены «Материалы об освящении могилы повстанцев 1863 г. в м. Владыки и планах сооружения памятника 1924 г.». В Центральном Государственном архиве Литвы хранится «Проект бетонного креста, постамента и памятника на могиле повстанцев 1863 года». Эти документы демонстрируют польский взгляд на те далекие события. В документах была историческая справка о бое у д. Владыки, в которой приведен список погибших повстанцев (рис. 4). Ниже приводится текст

Рис. 1. Могила повстанцев д. Владыки
Fig. 1. The grave of the rebels in the Village Vladyki

Рис. 2. Могила повстанцев в Куренце
Fig. 2. Tomb of the rebels in Kurenz

Рис. 3. Памятный знак, установленный у урочища Битый Лог
Fig. 3. The memorial sign installed at the site Bityi Log

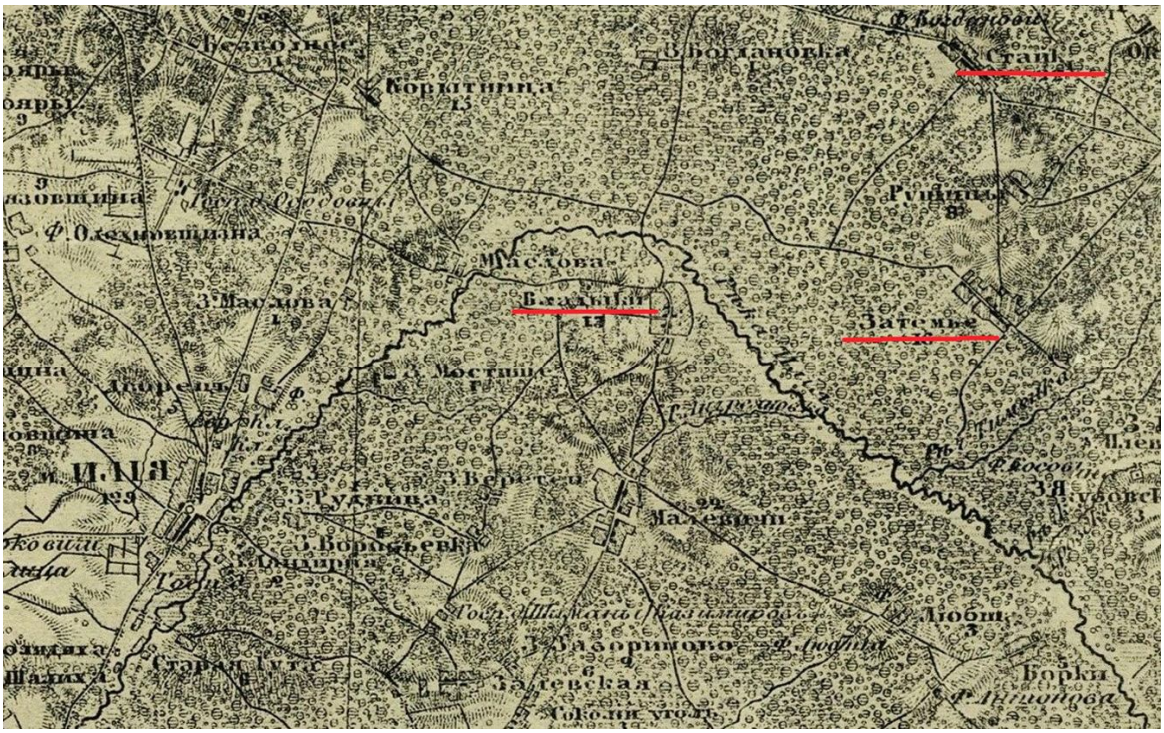

Рис. 4. Местность у д. Владыки
Fig. 4. Terrain near the village Vladyki

этой справки, написанной в 1924 году членами Комитета по строительству памятника. Есть несколько архивных оригиналов, написанных на польском (рукописный и машинописный варианты) (рис. 5). Перевод документа с польского сделал Михаил Ломоносов.

«История Битвы и Могилы повстанцев во Владыках (повета Вилейского земли Виленской)»

4-го апреля 1863 г.[1] в имении Снежках пом. Куровского под Красным пов[2]. Вилейского небольшой отряд повстанцев под командованием Юлиана Бокшанского[3] был разбит Колоколовым[4]; из остатков уцелевших в этой битве и с прочих сформировался в пов. Вилейском под руководством Винцента Поклевского-Козелла из им. Сервеча отряд, состоявший из 190 человек. Этот отряд, имея своей целью соединиться с другим отрядом повстанцев Вилейского пов., руководимым Свенторжецким[5], задержался для временного отдыха под Владыками, как в месте безопасном, окруженном лесами, болотами и рекой Ильей. Однако из-за предательства, с нескольких сторон подвергся нападению российских войск, стоявших в Затемени в 2 километрах от Владык – под командованием полковника Галла, и почти полностью 16 мая 1863 года был разбит. Из 190 человек уцелело только 54; взято в плен 25, утонуло в реке Илье, умерли и погребены в разных

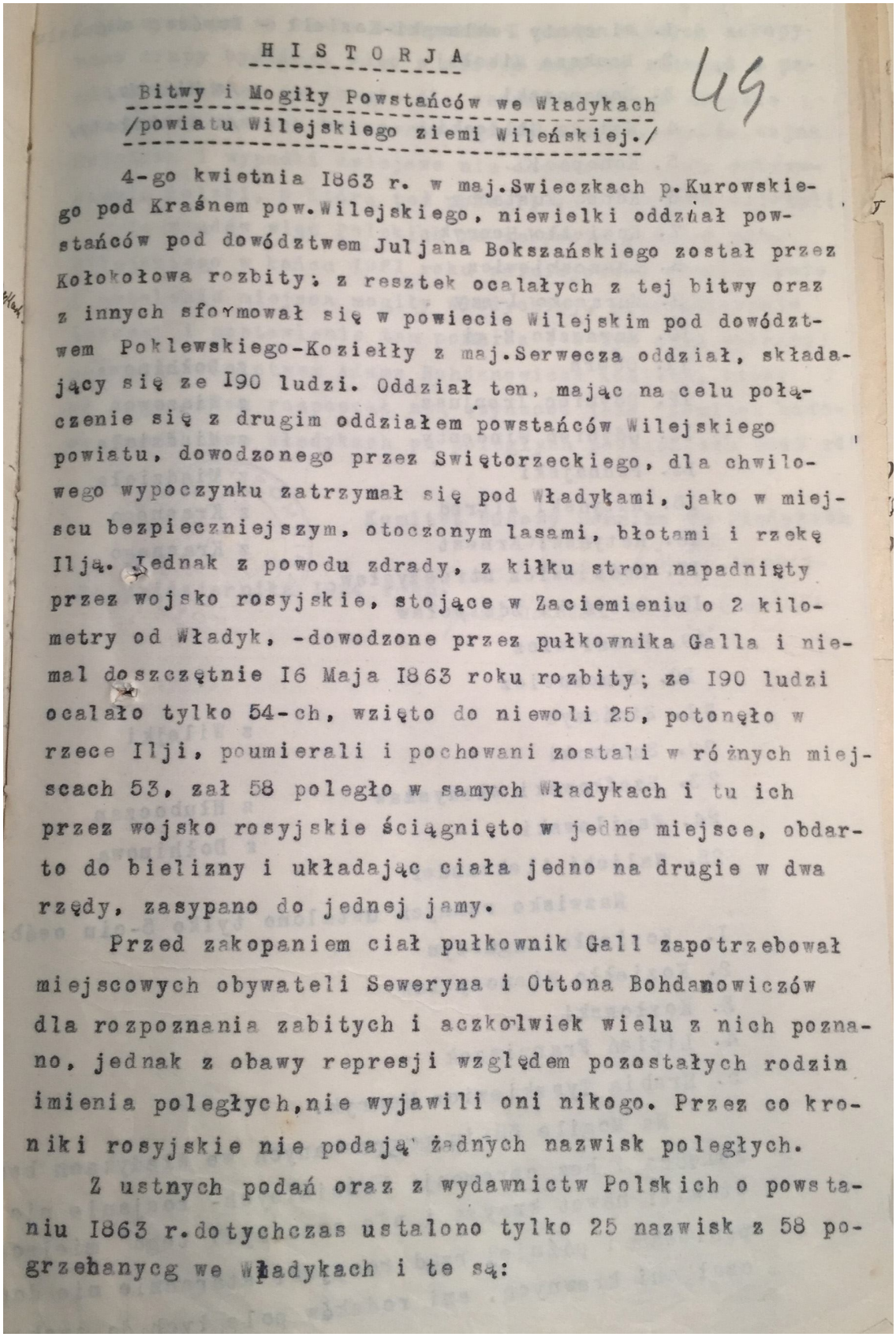
[1] Здесь и далее даты до 1918 года даны по старому стилю.

[2] Пов. – сокращение слова «повет», так в польском и белорусском языках называют территориальную единицу «уезд».

[3] **Юлиан Бокшанский** (1824–1863) командир повстанческого отряда. Погиб 4 апреля 1863 года, когда его отряд был почти полностью уничтожен в бою у деревень Плебань и Свечки, недалеко от поселка Красное, теперь в Молодеченском районе Минской области в Беларуси.

[4] **Колоколов Петр Яковлевич** (?-?) – майор Гренадерского Таврического полка. За эту кампанию награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами и премией в 390 рублей серебром.

[5] **Свенторжецкий Болеслав Чеславович** (1831—1888) — один из лидеров восстания 1863–1864 гг. в Игуменском уезде Минской губернии сейчас Червинский район Минской области в Беларуси.

HISTORJA

Bitwy i Mogiły Powstańców we Władykach /powiatu Wilejskiego ziemi Wileńskiej./

49

4-go kwietnia 1863 r. w maj.Swieczkach p.Kurowskiego pod Kraśnem pow.Wilejskiego, niewielki oddział powstańców pod dowództwem Juljana Bokszańskiego został przez Kołokołowa rozbity; z resztek ocalałych z tej bitwy oraz z innych sformował się w powiecie Wilejskim pod dowództwem Poklewskiego-Koziełły z maj.Serwecza oddział, składający się ze 190 ludzi. Oddział ten, mając na celu połączenie się z drugim oddziałem powstańców Wilejskiego powiatu, dowodzonego przez Swiętorzeckiego, dla chwilowego wypoczynku zatrzymał się pod Władykami, jako w miejscu bezpieczniejszym, otoczonym lasami, błotami i rzekę Ilją. Jednak z powodu zdrady, z kilku stron napadnięty przez wojsko rosyjskie, stojące w Zaciemieniu o 2 kilometry od Władyk, -dowodzone przez pułkownika Galla i niemal doszczętnie 16 Maja 1863 roku rozbity; ze 190 ludzi ocalało tylko 54-ch, wzięto do niewoli 25, potonęło w rzece Ilji, poumierali i pochowani zostali w różnych miejscach 53, zał 58 poległo w samych Władykach i tu ich przez wojsko rosyjskie ściągnięto w jedne miejsce, obdarto do bielizny i układając ciała jedno na drugie w dwa rzędy, zasypano do jednej jamy.

Przed zakopaniem ciał pułkownik Gall zapotrzebował miejscowych obywateli Seweryna i Ottona Bohdanowiczów dla rozpoznania zabitych i aczkolwiek wielu z nich poznano, jednak z obawy represji względem pozostałych rodzin imienia poległych,nie wyjawili oni nikogo. Przez co kroniki rosyjskie nie podają żadnych nazwisk poległych.

Z ustnych podań oraz z wydawnictw Polskich o powstaniu 1863 r.dotychczas ustalono tylko 25 nazwisk z 58 pogrzebanycg we Władykach i te są:

Рис. 5. Описание боя у д. Владыки
Fig. 5. Description of the battle at the village Vladyki

могилах 53, а 58 полегло в самих Владыках и тут они российскими войсками были стянуты в одно место, раздеты до белья, тела уложены одно на другое, в два ряда, и засыпаны в одной яме.

Перед захоронением тел полковник Галл запросил местных жителей Северина и Оттона Богдановичей для опознания убитых и, хотя многие из них были опознаны, однако опасаясь репрессий по отношению к оставшимся семьям погибших, они не выявили никого. Поэтому российские источники не дают каких-либо имён погибших. Из устных сообщений и по польским изданиям о восстании 1863 г. к настоящему времени установлено только 25 имен из 58 погребенных во Владыках и это: 1) Винцент Поклевский-Козелл, командир отряда; 2) Даукша Миколай; 3) Домановский (из Минска); 4) ксёндз Галдецкий (из Волколаты); 5) Конопацкий; 6) Капец Сустахий; 7) Козелло Генрык; 8) Лашчкевич; 9) Мурашко 1-й; 10) Мурашко 2-й; 11) Оберн (из Долгинова); 12) Одынец Ирениуш (из Вязовца); 13) Одынец Винцент (из Мяделя); 14) Подгайский (из Мяделя); 15) Ратыньский Альфред (из Красного); 16) Ратыньский Эрнест (из Красного); 17) Ратыньский Здзислав; 18) Родзевич Стжежыслав; 19) Родзевич; 20) Самонович; 21) Станьчик (из Вилейки); 22) Сухоцкий; 23) Шафковский Владислав (из Глубочан); 24) Василевский (из Долгинова); 25) Валицкий Александр.

Установлены имена только 5-ти раненых лиц: 1) Козелло Августин; 2) Козелло Веньчислав; 3) Козловски (из Долгинова); 4) Липень Францишек (из Куренца); 5) Граф Тышкевич Генрык.

На могиле 58-ми похороненных во Владыках без ксендза и без церковной церемонии россияне не поставили даже креста и не обозначили того места, а поскольку и позднее российское правительство старательно не допускало ни родственников, ни соотечественников погибших к этим могилам, истоптанным стадами Владыцкими и около которых закапывались трупы скота, так со временем могли бы и исчезнуть из памяти людской эти дорогие для польского сердца места упокоения наших богатырей, если бы не Провидение, Мировая война и исторические события не привели бы к воскрешению Польши, за которую погибшие во Владыках тоже боролись.

При Польской власти на собрании сообщества землян пов. Вилейского в конце 1921 года инициированы поиск и установление места Владыцкой могилы, приведение ее в порядок и установка там памятника, и с этой целью выбран под руководством Адама Богдановича Комитет, который с этого времени начал свою деятельность как «Комитет по строительству памятника во Владыках погибшим повстанцам 1863 года».

Комитет по строительству памятника во Владыках

20 октября 1924 года» (ЛГИА[6]. Ф. 694. Оп. 3. Д. 218. Л. 2–3.).

Интерес представляют и схемы обустройства этого захоронения, с чертежами памятника, который предлагалось установить на могиле (рис. 6, 7).

Описание события в русских источниках

В русской версии события развивались иначе, да и повстанцев там именуют не иначе как шайка, хотя и признается храбрость противника. Мы сочли целесообразным сверить информацию об офицерах русской армии с изданными «Списками по старшинству» (Список генералам…, 1885, 1894, 1901; Список майорам…, 1859, 1865, 1877; Список подполковникам…, 1866, 1874; Список полковникам…, 1865, 1873).

Но перед тем как начать описание самого боя у Владык, хочется сказать, что к отряду Поклевского-Козелло относились со всей серьезностью. Вот что писал Виленский воинский начальник о принятии дополнительных мер для ликвидации угрозы повстанцев в Вилейском уезде.

«***Докладная записка Виленского воинского начальника командующему войсками Виленской губернии о мерах к прекращению восстания 7 мая 1863 г. без №.***

Настоящее восстание приняло такие размеры, при которых требуется постепенное увеличение наших военных сил по мере территориального расширения круга действия мятежников,

[6] Литовский государственный исторический архив.

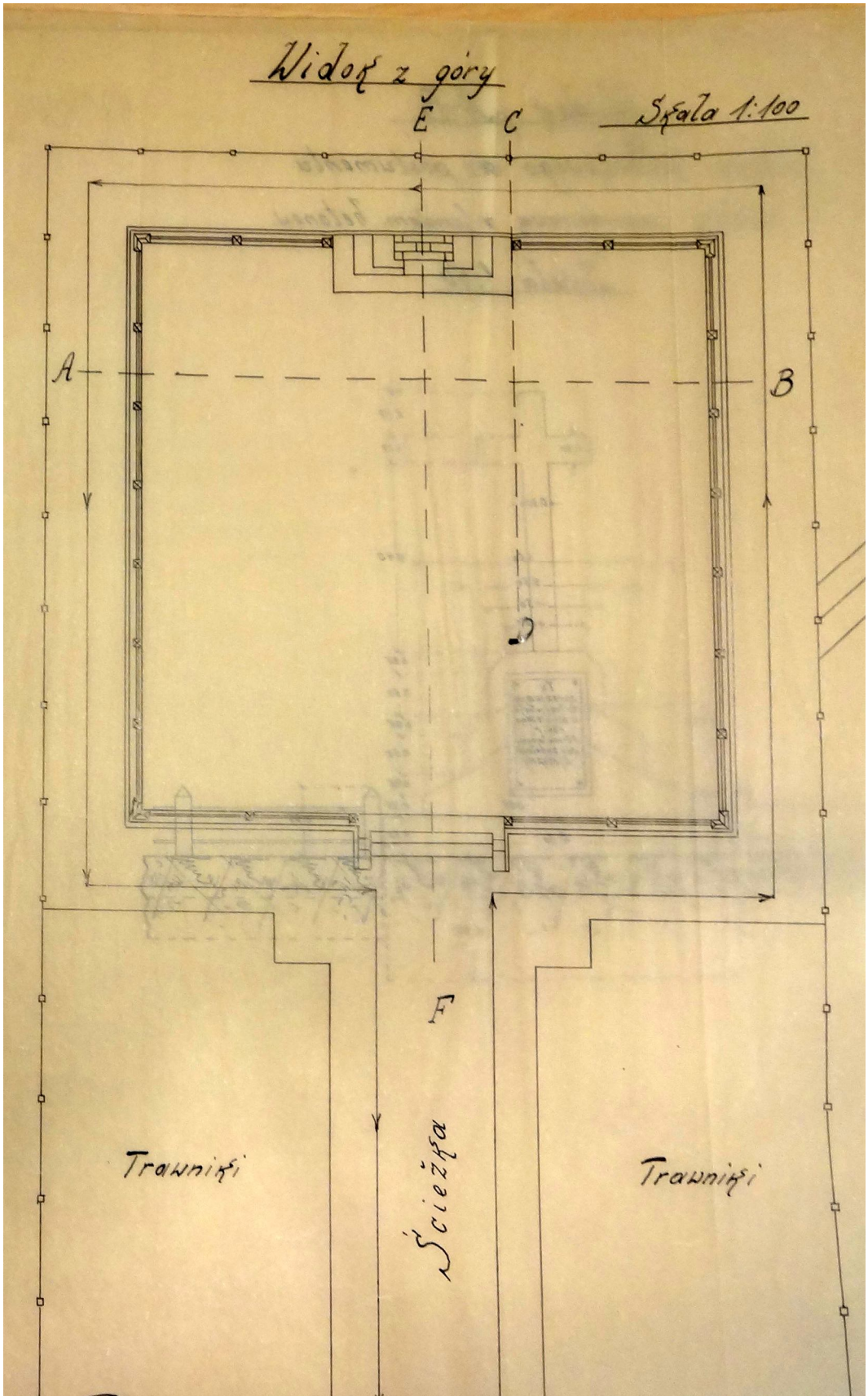

Рис. 6. План обустройства захоронения
Fig. 6. Burial arrangement plan

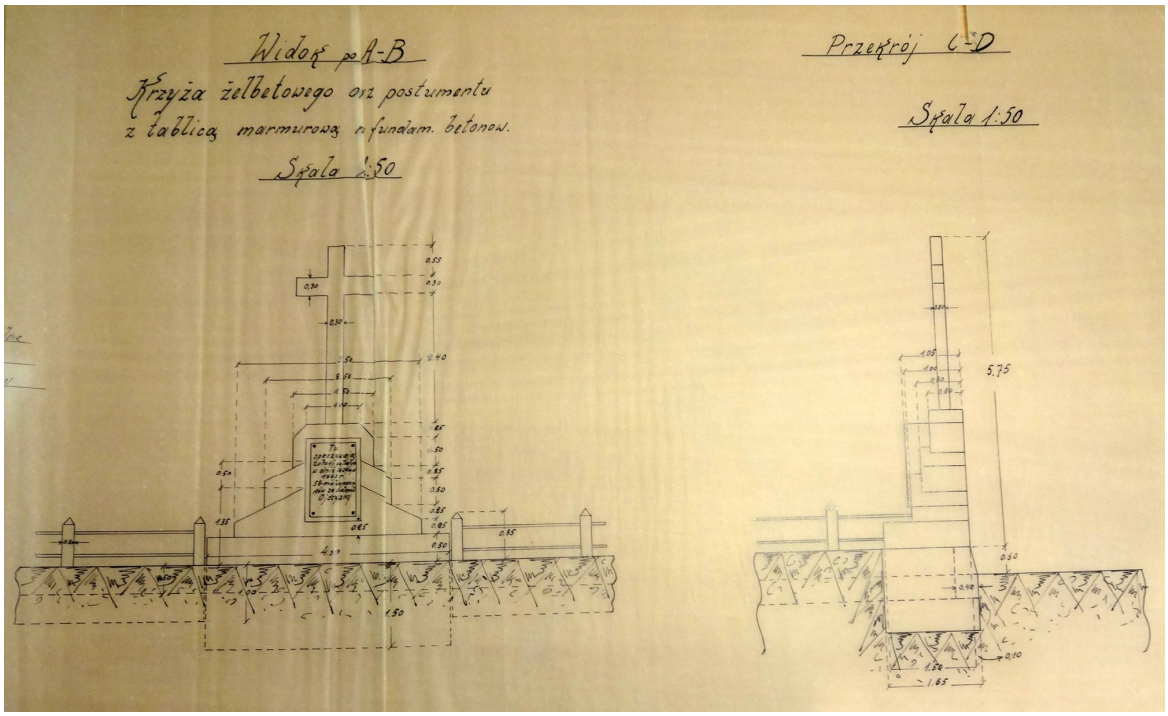

Рис. 7. Схема памятника и креста на могилу повстанцев
Fig. 7. Scheme of the monument and the cross on the grave of the rebels

при том оно сопровождается иногда такими кровопролитными битвами, которые неблагоприятно отзываются для России, даже во всей почти Европе. Для скорейшего, по возможности, подавления мятежа действиями менее тревожными, необходимо было бы принять меры предупредительные, т. е. препятствовать формированию шаек, арестовывая немедленно вербовщиков и подстрекателей и забирая маленькие шайки при самом их возникновении почти без выстрела. Это возможно лишь более равномерным и более соответствующим распределением наших войск, и особенно усилением средств и способов полицейского надзора.

Нынешнее расположение батальонов наших по уездам в одних только уездных городах представляют разные неудобства:

1. при этом вся остальная часть уезда, обнаженная совершенно от войск, дает мятежникам возможность иногда, в виду уездной полиции, беспрепятственно формировать и размножать свои банды, которые в настоящее время начинают распоряжается в уезде по своему усмотрению; забирают людей и лошадей, открыто обучают строевой службе, тревожат селения, получают без всякого затруднения не только съестные припасы и платья но даже оружие и порох;

2. становые квартиры и земские почты представлены на произвол инсургентам и, опасаясь мести, становые пристава парализованы в своих действиях и даже при редком усердии, как они, так и уездная полиция вообще должны ограничиваться пассивным донесением о случившемся и то едва ли не с разрешения самих инсургентов и;

3. в случаях появления и наступательных действий какой ни будь значительной банды в отдаленном от города стане, отряды наши для преследования оной должны проходить иногда сто и более верст форсированными шагами. Так в Вилейском уезде 2 стан в Долгинове, удаленном от Вилейки на 42 верс., а участок находится в расстоянии почти 60 верст.

В следствии совершенного отсутствия в здешнем уезде кавалерии, находящийся в городе 2 батальон Новоингермаланского полка в малочисленном составе рот крайне затруднен усиленными ночными караулами при невозможности

делать надлежащие рекогносцировки для предупреждения нечаянного нападения.

Уездная же полиция при теперешних своих средствах, не имея в своем распоряжении ни предполагаемой конной стражи, ни даже нескольких казаков, не в состоянии препятствовать явному вербованию шаек без всякого уже стеснения, самым наглым насилием, ничтожной горстки мятежников.

Инсургенты здешних мест, пользуясь весьма деятельно слабым положением уезда, начинают уже показываться крупными шайками в 100 и более человек, провозят оружие, амуницию и пр. По достоверным слухам они намерены напасть на острог для освобождения товарищей своих и вообще арестантов и разграбить казначейство, а в случае достаточных сил завладеть и всем городом. Поэтому они большими партиями появляются иногда одновременно в разных пунктах около Вилейки, чтобы отвлечь главные силы и, в случае раздробления частей батальона уже слабого, по причине отсутствия стрелковой роты, без затруднения привести свои замыслы. При этих маневрах они беспрепятственно делают насильственные вербовки. В последнее время разослано центральным революционным комитетом повеление приходским священникам, что бы они призывали в церквях народ на помощь инсургентам, под опасение строгого взыскания в случае не исполнения сего распоряжения.

В виду таких тревожных известий и размножившихся шаек в Вилейском уезде, при чем шайки эти принимают уже лучшую организацию, для предотвращения опасных последствий, крайне необходимо без замедления присоединить к здешнему батальону стрелковую роту его, оставленную в Минске, и прислать одну сотню казаков для распределения их по уезду. Вместе с тем полезно было бы, по присоединению стрелковой роты, укрепить местечко Долгиново, близ коего Борисовские леса, куда направляются беспрерывно мелкие шайки мятежников.

Представляя вышеизложенные обстоятельства и затруднения на благоусмотрении Вашего Превосходительства, просим об исходатайствовании просимого подкрепления, по крайней мере в вышеозначенном размере, т. е. о присылке 1 сотни казаков и присоединении к батальону стрелковой роты, находящейся в Минске при приведении в исполнении этой необходимой меры, не ручаемся не за какие последствия.

Военный Начальник

Подполковник Кн. Хованский[7]*»* (Виленский временник. Кн. 6. Часть 2. 1915. С. 150–152).

Нужно сказать, что князь Хованский правильно предвидел возможный ход событий. 9 мая 1863 года местечко Долгиново было захвачено повстанцами отряда Поклевского-Козелло, которые скоро оттуда ушли, наведя страх на местных жителей. Подробней об этом было записано в Церковноприходской летописи Долгиновской Свято-Троицкой церкви.

«*В 1863 году в Долгиновской местности сформировалась польская мятежная шайка. Она имела притон свой в соседних лесах. 9 мая того же года в праздник Вознесения Господня и вместе Св. Николая Чудотворца, когда обыкновенно в м. Долгинове бывает ярмарка, шайка вторглась сюда. Она была числом свыше 300 человек, вооружена охотничьим ружьями и саблями. Прежде всех прибыл в местечко верхом на лошади предводитель шайки Ян Козел, потом шайка. Впереди ее шли два ксендза, в одной руке с крестом, а в другой с револьвером, а позади несколько человек, вооруженных косами, вели на веревке связанного по рукам крестьянина деревни Погоста Ивана Волка, который, будучи пастухом в деревне Двоносе, открыл нашим войскам местопребывание шайки в Двиновском лесу. На спине этого человека была приклеена бумага с надписью, что он за измену полякам приговорен к смертной казни чрез повешение сего числа в м. Долгинове на базарной площади. Шайка проследовала по Крайской улице мимо церкви во время Богослужения и не заходила в нее, а прямо пошла в костел, где местный ксендз Лодзь совершал Богослужение. Из прибивших же с шайкой двух ксендзов один ксендз лежал во все время Богослужения ниц посреди*

[7]**Князь Хованский** (?–?) подполковник, Виленский воинский начальник.

костела с распростертыми руками, а другой читал воззвание к народу, требуя, дабы он шел с ними в мятеж. Народ, благоденствуя под державою обожаемого Монарха Александра II, не пожелал иметь ничего общего с мятежниками, осыпал их проклятиями и немедленно с базара разошелся по своим домам. Мятежники-удалились с местечка они по совету местного ксендза повесили крестьянина Ивана Волка не тогда же в м. Долгинове, а на другой день в деревне Двинасе, против Двиновской церкви.» (Государственное учреждение Вилейский краеведческий музей. Книга Поступлений. 1273).

Это событие повлияло на принятие быстрых ответных мер с целью уничтожения отряда повстанцев, которые вылились в бой под Владыками, сам бой со всеми подробностями был о описан в нескольких источниках.

«**Журнал военных действий войск в Минской губернии с 14-го по 28-е мая 1863 года.**

(Арх. М. М. № 91/19, л. 80).

1. В Борисовском уезде

Высланные ночью 11 мая с майором Ковалевским[8] две роты Великолуцкого полка (3-я стрелковая и 5) из Минска соединившись с 13-ю ротою Кременчугского резервного пехотного полка в Логойске, прибыли в Завишено 13-го числа, не застав уже мятежников. В этот же день пришла туда и 15 рота того же резервного полка; командование обеими ротами резервного полка военный начальник Борисовского уезда поручил находящемуся в Борисове адъютанту Великого Князя Николая Николаевича полковнику Галлу, который, как старший, принял в Завишено начальство над всеми войсками, там сосредоточившимися. Вечером, 13-го же явилась в Завишено и 5-я рота[9] Новоингерманландского полка из Вилейки.

По полученным сведениям, шайка Козелла, бывшая в Завишено 12-го мая, перешла в Вилейский уезд, в так называемую Стайкиободовскую пущу. Войска утром 14-го двинулись за нею до д. Затемье, прилегающей к означенной пуще. Здесь представлялось большое затруднение открыть мятежников: местность чрезвычайно лесиста и болотиста, а жители дер. Затемья, через которую только что прошли повстанцы, шляхтичи, которые только по слухам, были приведены мятежниками к присяге на верность повстанью, не давали положительного ответа о направлении шайки, говоря только, что она пошла в лес. Посланные по разным направлениям 14 мая разъезды, а затем 15-го числа – отряды пехоты, не открыли следов повстанцев, хотя пехота обошла почти весь окрестный лес, а некоторые ее части проходили, как оказалось после, всего шагах в 800 от шайки. Только вечером 15-го были получены сведения, что шайка находится вблизи с. Владыки. Жители Затемья решились тогда указать кратчайший к этому пункту путь.

Стайкиободовская пуща рассекается почти по середине греблею, ведущею из д. Старинки. Южная часть пущи прилегает к непроходимым болотам, по середине которых протекает сплавная река Илия. В эту часть пущи, по показанию жителей Затемья, и пошли мятежники.

Намериваясь не допустить шайке прорваться в северную часть пущи, полковник Галл приказал 5-й роте Новоингерманландского полка, под командою штабс-капитана Волкова[10], занять греблю; оставив же обоз под надлежащим прикрытием в д. Затемье, полковник Галл с остальными двумя Великолуцкими ротами (резервные же еще в то время не вернулись из дальней рекогносцировки), направился в глубь леса по указанному жителями направлению. Идя по болотистой тропинке, войска вскоре открыли свежие следы прохождения шайки. Затем к войскам выбежал из дер. Владыки крестьянин, сообщивший, что мятежники ночью переправились с правого на левый берег Илии и расположились к лесу, возле той деревни, заняв против брода позицию.

[8]**Ковалевский Александр Павлович** (?–?) майор Великолуцкого пехотного полка.

[9]Так в документе, в бою приняла участие 6-я рота Новоингерманландского пехотного полка.

[10]**Волков Андрей Тихонович** (?–?) штабс-капитан командир 6-й роты Новоингерманландского пехотного полка. На 1877 год майор 72-го пехотного Тульского полка.

Этот же крестьянин предложил указать другой брод, выше того, за которым расположились мятежники. Хотя указываемый брод в то время был очень глубок и узок, но так как он был неизвестен повстанцам, и представлял возможность напасть нечаянно на шайку, и при том почти в тыл ее, то им и было решено воспользоваться. Пройдя с полверсты по страшному болоту, роты дошли до брода и начали переправляться через реку; вода в некоторых местах достигала до груди солдат, не могших идти иначе, как по одиночке.

Шедшая в голове 3-я стрелковая рота, под командою поручика Воронкова[11], тотчас после переправы живо выстроилось за д. Владыки, пробежала эту деревню и, заметив в лесу, отделяемом от деревни небольшой полянкой, мятежников, бросилась на них рассыпною атакою. Мятежники, несмотря на всю неожиданность появления войск, успели занять опушку леса и, подпустив стрелков на 50 шагов, открыли по ним весьма сильный огонь, вынесший из наших рядов несколько человек, в том числе и командующего ротою. Поручик Воронков ранен крупною картечью в сгиб руки. Место его занял поручик Антонов. Несмотря на это, стрелки бросились в штыки.

5-я рота, под командованием штабс-капитана Миллаура[12], выйдя на поляну и за ней резерв, пристроилась к обоим флангам стрелковой роты. Совокупными действиями этих двух рот шайка была поставлена в самое отчаянное положение, окруженная почти со всех сторон, приперта к реке. Мятежники, однако ж, не думали о сдаче. С полчаса продолжалась окончательная ожесточенная схватка, соединенная с огнестрельным боем. Наконец, не видя возможности сопротивления, часть повстанцев, составившая общую кучу, вроде колонны, бросилась в реку, представив таким образом стрелкам занявшим берег, хорошую цель для их выстрелов; немного из искавших спасения достигли другого берега.

Тотчас после дела, продолжавшегося около 3-х часов, подошла рота Новоингерманландского полка, которая, получив сведения о бое, тотчас двинулась к месту его ускоренным шагом, следуя иногда и бегом. Полковник Галл поручил этой роте, прибывшей с противоположного берега, очистить прилегающий к месту дела лесок от ускользнувших туда повстанцев. Ею открыто несколько мятежников, частью спрятавшихся на деревьях, они или убиты, или взяты в плен.

Шайка Козелла почти совершенно уничтожена. По показанию пленных, она расширялась до 300 человек, большею частью хорошо вооруженных, преимущественно дворян и помещиков Борисовского и Вилейского уездов. Потерю мятежников с точностью определить трудно, многие из них, никак не менее 50 человек, погибли в реке; собранных же на месте дела и в тот же день похороненных тел было 74, затем на другой день еще доставлено в дер. Владыки 16 тел; кроме того, есть сведения, что на противоположном берегу после ухода войск найдено до 30 тел, вероятно, успевших переправиться через реку и умерших от ран повстанцев. Взятых в плен 25 человек. Отбито оружия: 65 ружей, 21 пистолет, 3 сабли, 1 шашка, 1 кинжал, 3 косы, 3 топора и 1 нож. Захвачено 10 лошадей.

Потеря наша: убитых 10, раненых 34, из которых 4 умерло вскоре. По окончании дела все войска, высланные для преследования шайки Козелла, возвратились на свои места.…» (Виленский временник, 1915. Кн. 6. Ч. 2. С. 195–197).

21 мая 1863 года полковник Рейхард минский губернский жандармский штаб-офицер докладывал об этом бое так:

«Преследуемая шайка мятежников из Борисовского уезда 16 мая настигнута 5 ротами пехоты под начальством адъютанта его императорского высочества великого князя Николая Николаевича старшего полковника Галла при селении Владыкове Вилейского уезда и после четырех-

[11]**Воронков** (?–?) поручик командир 3-й стрелковой роты Великолуцкого пехотного полка. Был ранен. За эту кампанию награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также получил 333 рубля на лечение раны.

[12]**Миллаур** (?–?) штабс-капитан командир 5-й роты Великолуцкого пехотного полка. За эту кампанию награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

часового боя шайка до 300 человек большею частию из дворян совершенно уничтожена. На месте найдено 70 тел, затем мятежники, спасаясь бегством, бросились вплавь под выстрелами через реку Илию, где их погибло более ста человек вместе с предводителем шайки Козеллом. В плен взято 13 и ксендз один. Захвачено знамя, ружей 62, много пистолетов, сабель и другого оружия, лошадей 10 и разные бумаги. С нашей стороны убито нижних чинов 7, ранено 33. Из офицеров ранены Великолукского пехотного полка поручик Воронков и прапорщик Данилов, а полковник Галл контужен в голову и шею» (ГАРФ. Фонд 3 отделения. Д. 23. Оп. 16. Л. 73).

В «Краткой истории 12-го пехотного Великолуцкаго полка» есть интересные подробности этого боя. *«16 мая 3-я стрелковая, 1-я и 5-я линейные роты преследовали многочисленную шайку повстанцев, стаявшую лагерем при дер. Владыкиной, Вилейского уезда. Во время атаки лагеря два польских инсургента, вооруженные косами, напали на Подпоручика Антонова 1[13], командовавшего 3-й стрелковою ротою. Подпоручик Антонов 1, имея в руках шашку, не мог отбить сразу двух, угрожавших ему, ударов, бросился на одного из инсургентов, но тот схватил его за грудь, а другой направил в Подпоручика Антонова свою косу, желая его заколоть, но стрелок 3-й стрелковой роты Тимофей Федоров, находившейся в то время в близи, за деревом, выскочил в этот момент на поляну и двумя ударами штыка в шею, а потом в бок, убил одного из них. Другой уведя это, бросился бежать, но Федоров сделал по нему выстрел в догонку. За этот подвиг рядовой Федоров был произведен в унтер-офицеры и награжден знаком отличия военного ордена 4-й степени.[14]*

Урон наш в этот день был следующий: убито 2 унтер-офицера и 8 рядовых, и умерло от ран 4 рядов.; ранены Поручик Воронков, унтер-офицеров 2 и рядовых 26 человек» (Краткая история 12-го пехотного Великолуцкаго полка, 1911. С. 38).

Сохранились и фамилии павших в том бою русских солдат. Из пехотного Великолуцкаго полка были убиты унтер-офицеры: Василий Григорьев и Игнатий Горбочев, рядовые: Трофим Тимофеев, Флориан Скорлупович, Александр Пухальский, Юзуфат Максимов, Степан Шеритюх, Филипп Тарасов, Вицентий Гадаль, Александр Забищев; умерли от ран: Антон Горемыка, Степан Колесников, Павел Якименко и Леон Пукель. (Там же.)

Еще одним погибшим (умершим от ран) был рядовой Новоингерманландского полка Алексей Петров. (История 10-го пехотного Новоингерманландского полка, 1913. С. 291). По некоторым сведениям погибших солдат русской армии похоронили на местном сельском кладбище у церкви, могила или могилы не сохранились. О дальнейших событиях и их итогах будет рассказано в следующей части.

Погибшие повстанцы – герои или сепаратисты?

Заканчивая наш рассказ о бое у деревни Владыки хочется задаться вопросом: как же рассматривать погибших повстанцев? Как «Героев борцов за Нашу и Вашу свободу» или просто как «Шайку мятежников»? Тут мнения у многих читателей разойдутся во взглядах. Для поляков это однозначно герои, для русских – мятежники. А вот для белорусов?

Среди белорусов как историков, так и простых обывателей имеется несколько противоположных мнений на этот счет.

Некоторые исследователи считают их героями. Например, такая точка зрения присутствует в книге Дмитрия Хотенчика и Дениса Канецкого «Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычные нарысы» (Хаценчык, З., 2013). Авторы и сами пишут, что повстанцы не воевали за Беларусь, которой тогда не было, но пытаются доказать, что попытка возрождения Речи Посполитой и есть борьба за государственность белорусов.

Геннадий Васильевич Киселев в своих работах, в том числе и статье «За Волю і

[13] **Антонов 1-й** (?–?) – подпоручик младший офицер 3-й стрелковой роты Великолуцкого пехотного полка. За эту кампанию награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

[14] Приказ по пехотному Великолуцкому полку от 25 октября 1863 года.

Бацькаўшчыну», также считает павстанцев героями, а руских солдат карателями (Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка Вілейскага раёна, 2003. С. 134–139).

Другие исследователи, например, Александр Плавинский в книге «Долгиновская летопись» признавал, что героизм повстанцев не делает их героями-мучениками, а эти события рассматривает как «массовые вооруженные выступления местной шляхты» (Плавинский А.С. Долгиновская летопись, 2016).

Наталья Ефимова в книге «Церковная история города Вилейки» рассматривает восставших как польских мятежников и приводит факты их злодеяний по отношению к местному населению (Церковная история города Вилейки, 2013).

Тем историкам, кто считают их героями, хочется сказать, что повстанцы не воевали за свободу и независимость Беларуси, они хотели возрождения независимой Речи Посполитой, и, в большей части, в их рядах были поляки католики, зачастую выходцы из шляхты, которым не было особого дела до местных белорусских крестьян.

О том, что повстанцы воевали за Польшу, свидетельствует «Присяга повстанцев 1863 г.» Она была написана и принималась на польском языке, а перевод на русский звучит так:

«Присягаем во имя Пресвятой Троицы и клянемся на ранах Христа, что нашей родине Польше будем служить верно и исполнять, во имя того же Отечества Польши, все приказания, предписанные нам начальникам, распоряжений же грабительского Московского правительства слушать не будем и, насколько возможности и сил хватит, мы обязуемся помогать польскому войску и повстанцам, так как нам да поможет Бог, в Пресвятой Троице Единый, Матерь Божья и все Святые. Аминь» (Виленский временник. Кн. 6. Часть 1. 1913. С. 349).

Кроме военных подвигов повстанцы прославились и убийством мирных жителей белорусских деревень, тех, кто остался верен православной вере и царской администрации. Особенно сильно доставалось православным священникам и отставным солдатам рекрутам, которые проживали в деревнях. В них повстанцы видели главных врагов возрождения Польши и оплот самодержавия на местах.

Известны факты расправ с местными жителями – членами отряда Козел-Поклевского. Кроме вышеприведенной казни Ивана Волка, весной 1863 года в Виленском уезде повстанцы из отряда Мельхиора Чижика расстреляли Ивана Кожуру, пятидесяти лет, и его сына Ивана, двадцати двух лет, – крестьян Заборской волости, за помощь «москалям» (Церковная история города Вилейки, 2013. С. 6). Взаимоотношения между группою Чижика и крестьянами были враждебные. Находящийся в отряде дельный офицер Жолнерович, зайдя для добычи еды и сведений в деревню Громицы в Борисовском уезде, был схвачен крестьянами и выдан властям. За это Чижик и его люди подожгли деревню. Понятно, что при таких условиях группа не могла долго существовать. В середине июля она разошлась (Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларусі, 1930. С. 235).

При просмотре опубликованных документов, написанных лидером восстания Викентием Константином Семеновичем Калиновским, так же нет намеков борьбы за независимость Беларуси и он полностью поддерживал идею восстановления Речи Посполитой. Девизом Калиновского были слова: «Польское дело – это наше дело, это дело свободы». Возглавляемый им Виленский повстанческий центр обещал суровую кару (повешенье) крестьянам, которые бы участвовали в созданных российской администрацией отрядах самообороны, милиции и караулах (Калиновский К: Из печатного и рукописного наследия, 1988. С. 73–74.)

Несмотря на угрозы, не поддерживали повстанцев местные белорусские крестьяне и при случае сдавали места их дислокации и их самих русским войскам, что и произошло у деревень Владыки, Двиносе, в Громице и в других местах.

Поэтому утверждать, что они «белорусские герои», на мой взгляд, в корне неверно. Но как бы не относится к этим далёким событиям и людям в них участвовавшим, помнить о них нужно, ведь это наша общая, пусть и «кровавая история».

Библиографический список

Виленский временник. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. Вильно, 1913. Кн. 6. Ч. 1. 534 с.

Виленский временник. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильно, 1915. Кн. 6. Ч. 2. 530 с.

История 10-го пехотного Новоингерманландского полка // Составил подполковник Пирожников. Тула, 1913. 494 с.

Калиновский К.: Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Мн.: Беларусь, 1988. 208 с.

Краткая история 12-го пехотного Великолуцкаго полка. В 2-х ч. М.: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсона, 1911. 340 с.

Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 января 1885 г. СПб.: Военная типография, 1885.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1894 года. СПб.: Военная типография, 1894.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 года. СПБ., Военная типография, 1901.

Список майорам по старшинству на 1859 год. СПБ., Военная типография, 1859.

Список майорам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1865 года. СПб., Военная типография, 1865.

References

Vilenskii vremennik. Arkhivnye materialy Murav'evskogo muzeya, otnosyashchiesya k pol'skomu vosstaniyu 1863–1864 gg. v predelakh Severo-Zapadnogo kraya. Perepiska po politicheskim delam grazhdanskogo upravleniya s 1 yanvarya 1862 po mai 1863 g. [Vilna temporary Archival materials of the Muravyov Museum relating to the Polish Uprising of 1863–1864. within the Northwest Territory. Correspondence on political affairs of Civil Administration from January 1, 1862 to May 1863]. Vil'no, 1913. Book 6. Pt. 1. 534 p. (In Russ.).

Vilenskii vremennik. Arkhivnye materialy Murav'evskogo muzeya, otnosyashchiesya k pol'skomu vosstaniyu 1863–1864 gg. v predelakh Severo-Zapadnogo kraya. Perepiska o voennykh deistviyakh s 10-go yanvarya 1863 goda po 7-e yanvarya 1864 goda [Vilna temporary Archival materials of the Muravyov Museum relating to the Polish Uprising of 1863–1864 within the Northwest Territory. Correspondence about hostilities from January 10, 1863 to January 7, 1864.] Vil'no, 1915. Book 6. Pt. 2. 530 p. (In Russ.).

Istoriya 10-go pekhotnogo Novoingermanlandskogo polka [History of the 10th Novoingermanland Infantry Regiment]. *Sostavil podpolkovnik Pirozhnikov* [Compiled by Lieutenant Colonel Pirozhnikov]. Tula, 1913, 494 p.

Kalinovskii K. *Iz pechatnogo i rukopisnogo naslediya* [From the printed and handwritten heritage]. In-t istorii partii pri TsK KP Belorussii – fil. In-ta Marksizma-Leninizma pri TsK KPSS [Institute of Party History at the Central Committee of the Communist Party of Belarus – Branch of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU]. Mn.: Belarus' Publ., 1988. 208 p.

Kratkaya istoriya 12-go pekhotnogo Velikolutskago polka. V 2-kh ch. [Brief history of the 12th Velikutsky Infantry Regiment. In 2 parts]. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levensona Publ., 1911, 340 p.

Spisok generalam po starshinstvu. Ispravleno po 1 yanvarya 1885 goda [List of generals by seniority. Corrected on January 1, 1885]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1885 . (In Russ.).

Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 maya 1894 goda [List of generals by seniority. Corrected on May 1, 1894]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1894. (In Russ.).

Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 maya 1901 goda [List of generals by seniority. Corrected on May 1, 1901]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1901. (In Russ.).

Spisok maioram po starshinstvu na 1859 god [List of majors by seniority for 1859]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ.,1859. (In Russ.).

Spisok maioram po starshinstvu. Ispravleno po 1 fevralya 1877 goda [List of majors by seniority. Corrected on February 1, 1865]. *Ispravleno po 1 fevralya 1865 goda* [Corrected on February 1, 1865]. St. Petersburg: Voennaya

Список майорам по старшинству. Исправлено по 1 июня 1877 года. СПб., 1877.

Список полковникам по старшинству. Исправлено по 3 мая 1865 года. СПб., 1865.

Список полковникам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1873 года. СПб., 1873.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 февраля 1866 года. СПб., 1866.

Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 сентября по 1874 года. СПб., 1874.

Плавинский, А.С. Долгиновская летопись. Минск: Бизнесофсет, 2016. 196 с.

Церковная история города Вилейки / Сост. Ефимова Н.А. Мн.: «Ковчег», 2013.

Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей [Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 13. Працы Інстытуту гістарычных навук. Т.V.] Менск, 1930. 280 с.

Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка Вілейскага раёна. Мн.: БЕЛТА, 2003. 704 с.

Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычные нарысы / Зміцер Хаценчык, Дзяніс Канецкій; выд. 2-е, дапрац. Мінск: Кнігазбор, 2013. 76 с.

Spisok maioram po starshinstvu. Ispravleno po 1 iyunya 1877 goda [List of majors by seniority. Corrected on June 1, 1877]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ.,1877. (In Russ.).

Spisok polkovnikam po starshinstvu. Ispravleno po 3 maya 1865 goda [The list of colonels by seniority. Corrected on May 3, 1865]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1865. (In Russ.).

Spisok polkovnikam po starshinstvu. Ispravleno po 1 fevralya 1873 goda [The list of colonels by seniority. Corrected on February 1, 1873]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1873. (In Russ.).

Spisok podpolkovnikam po starshinstvu. Ispravleno po 1 fevralya 1866 goda [List of lieutenant colonels by seniority. Corrected on February 1, 1866]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1866. (In Russ.).

Spisok podpolkovnikam po starshinstvu. Ispravleno po 1 sentyabrya po 1874 goda [List of lieutenant colonels by seniority. Corrected September 1 to 1874]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya Publ., 1874. (In Russ.).

Plavinskii A.S. Dolginovskaya letopis' [Dolginovskaya chronicle]. Minsk: Biznesofset Publ., 2016. 196 p.

Efimova N.A. *Tserkovnaya istoriya goroda* Vileiki [Church history of the city of Vileyka]. Mn.: Kovcheg Publ., 2013.

Ігнатоўскі У. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей [Беларуская Акадэмія Навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 13. Працы Інстытуту гістарычных навук. Т.V.] Менск, 1930. 280 с. (In Belarus.).

Памяць: Гісторыка – дакументальная хроніка Вілейскага раёна. Мн.: БЕЛТА, 2003. 704 с. (In Belarus.).

Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 г. На Вілейшчыне: Гістарычные нарысы / Зміцер Хаценчык, Дзяніс Канецкій; выд. 2-е, дапрац. Мінск: Кнігазбор, 2013. 76 с. (In Belarus.).

Сведения об авторе

Каркотко Андрей Юрьевич,
магистр политических наук, научный сотрудник Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей»,
г. Вилейка, Республика Беларусь,
e-mail: karkotko@tut.by

Information about the author

Andrey Yu. Karkotko,
master of political science, staff scientist of Vileika museum of local history,
Vileika, Republic Belarus',
e-mail: karkotko@tut.by

Критерии авторства

Каркотко А.Ю. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Karkotko A.Yu. made the research work, on the basis of the results conducted a compilationand prepared the manuscript, he owns the copyright on this article and solely responsiblefor its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-148-156

Томский чиновник Михаил Николаевич Еремеев: от коллежского секретаря до действительного статского советника

© А.В. Палин

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена Михаилу Николаевичу Еремееву – чиновнику, прослужившему в Томске с 1893 по 1916 г. Он начал карьеру в чине коллежского секретаря с должности начальника первого отделения Томского общего губернского управления. После сибирской губернской реформы 1895 г. его профессиональная деятельность неразрывно связана с функционированием губернского управления. Здесь он дослужился до должности старшего советника и чина действительного статского советника. За годы томской службы неоднократно выполнял ответственные поручения губернатора, исполнял полномочия вице-губернатора, замещал других должностных лиц. Будучи начальником распорядительного отделения губернского управления, отвечал за решение достаточно важных дел инспекторской и секретной части. М.Н. Еремеев председательствовал в различных губернских комиссиях. На протяжении нескольких трехлетий с октября 1898 г. назначался высочайшим приказом по министерству юстиции почетным мировым судьей округа Томского окружного суда. Его безукоризненное прохождение государственной службы, участие в работе государственных и частных общественных организаций было отмечено различными наградами, среди которых особое место занимает высочайший подарок с вензелевым изображением высочайшего его императорского величества имени. В целом автор статьи, на примере М.Н. Еремеева, стремится показать образ усердного чиновника с безупречным послужным списком, обладающего необходимыми деловыми качествами и знаниями. Благодаря таким должностным лицам местной власти удавалось эффективно справляться с поставленными перед ней управленческими задачами.

Ключевые слова: М.Н. Еремеев, Западная Сибирь, Томск, губернское управление, губернатор, вице-губернатор, советник, чиновник, местная власть, государственная служба

Информация о статье: Дата поступления 19 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Палин А.В. Томский чиновник Михаил Николаевич Еремеев: от коллежского секретаря до действительного статского советника. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 148–156. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-148-156.

Mikhail Nikolaevich Eremeev – Tomsk official: from collegiate secretary to the actual state councillor

© Aleksey V. Palin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to Mikhail Nikolaevich Eremeev official who had served in Tomsk from 1893 to 1916. He started his career as a collegiate Secretary from position of chief of the First Department of the Tomsk General Provincial Administration. After the Siberian provincial reform of 1895, his professional activity was inseparably linked with the functioning of provincial administration, where he rose to the post of senior adviser and the rank of actual state councillor. Over the years that he served in Tomsk, he carried out important assignments of the Governor many times, performed authority of the Vice-Governor, substituted for other officials. As a chief of the executive Department of provincial administration, he was responsible for the decision of important cases of inspector and secret affairs. M. N. Eremeev presided at various provincial commis-

sions. For several periods of three years from October 1898 he was appointed by the highest order of the Ministry of Justice as an honorary magistrate of the Tomsk District Court. His irreproachable passing of public service, participation in work of the public and private social organizations was noted by various awards. The highest gift with the monogram image of His Imperial Majesty's Name takes a especial place among them. In whole, in example of M. N. Eremeev the author of the article shows us the image of a diligent official worker – perfect performer, who has all the necessary business skills and knowledge. Because of officials like Eremeev local authorities were able to cope with the management tasks very effectively.

Keywords: M.N. Yeremeev, Western Siberia, Tomsk, provincial government, governor, vice-governor, advisor, official, local authority, public service

Article info: Received December 19, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Palin A.V. Mikhail Nikolaevich Eremeev – Tomsk official: from collegiate secretary to the actual state councillor. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 148–156. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-148-156.

Проблема кадрового состава административного аппарата сибирских чиновников второй половины XIX – начала XX в. неоднократно становилась темой научных исследований историков, краеведов, правоведов, государственных деятелей. В настоящее время детально изучен социально-исторический портрет сибирских генерал-губернаторов, губернаторов. Историками основательно проанализировано влияние личностных, деловых и интеллектуальных качеств данных представителей власти на политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири. Здесь стоит отметить огромный вклад в разработку и освещение данной темы А.В. Ремнева (Ремнев, 1997; Ремнев, 2004), Н.П. Матхановой (Матханова, 1998; Матханова, 2002; Матханова, 2018. С. 21–35), Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек (Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., 2018). Большую ценность представляют биографические и справочные разработки по сибирским начальникам. К таким изданиям необходимо отнести книгу «Сибирские и тобольские губернаторы» (Под ред. Коновалова, 2000), справочник «Власть в Сибири. XVI – начало XX в.» (Акишин, Ремнев, 2005). Исторические портеры томских губернаторов показаны в совместном труде А.В. Яковенко и В.Д. Гахова (Яковенко, Гахов, 2012), биографии губернаторов Забайкалья представлены в работе Т.А. Константиновой (Константинова, 2001) и т. д. Отдельные вопросы истории генерал-губернаторского и губернаторского корпуса дореволюционной Сибири и Дальнего Востока анализируются В.В. Гермизеевой, Е.А. Крестьянниковым, В.А. Сергиенко, А.П. Сорокиным, М.В. Шиловским и др.

На фоне достаточно хорошей освещенности в научных трудах высшей администрации региона практически незаметной остается деятельность советников сибирских губернских управлений. Нередко их деловые качества, образовательный уровень задавали темп функционированию губернского управления. Должность советника губернского управления не наделяла ее носителя правом принимать важные управленческие решения, но требовала грамотного, профессионального исполнения распоряжений вышестоящих чиновников, выполнения текущих административных дел. Это предполагало не только знание законов, но и реальное понимание повседневных проблем местного сообщества. В связи с этим советнику губернского управления как чиновнику приходилось значительно чаще, чем губернатору, взаимодействовать с населением. От качества исполнения ими должностных обязанностей во многом зависело отношение местных жителей к губернскому управлению, к административной власти в целом.

Показательной является личность Михаила Николаевича Еремеева, прослужившего в Томском губернском управлении почти 21 год, большую часть из которых в должности советника. Таким образом, профессиональный путь чиновника стал неотъемлемой частью 22-х летней истории учреждения, действовавшего с 1895 по 1917 г.

Семья. М.Н. Еремеев из потомственных дворян, родился в 1868 г. Он был самым старшим из

девяти детей в семье коллежского секретаря Николая Михайловича и Олипиады Федоровны Еремеевых. Его родители относились к категории средних землевладельцев, имея земельные владения в Кролевецком уезде Черниговской губернии. Дворянами Еремеевы стали в XIX в. благодаря военным заслугам деда чиновника – полковника Михаила Фроловича Еремеева, участника Отечественной войны 1812 г. и русско-турецких военных кампаний (Милорадович, 1901. С. 169–170).

Начало карьеры. В 1891 г. М.Н. Еремеев окончил юридический факультет Императорского университета святого Владимира в Киеве. В 1893 г. принят на государственную службу в чине коллежского секретаря на должность начальника первого отделения Томского общего губернского управления (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 49 об.). По предложению губернатора Г.А. Тобизена с 3 декабря 1894 г. Михаил Николаевич был включен в состав комиссии для обревизования экзекуторской части Томского общего губернского управления. Приказом губернатора А.А. Ломачевского от 28 июля 1895 г. М.Н. Еремеев назначен временно исправляющим должность секретаря Томского губернского статистического комитета с оставлением в занимаемой должности начальника отделения. По прошествии нескольких дней к служебным функциям чиновника добавилось исполнение обязанностей инспектора Томских типографий и цензора библиографических изданий (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 50 об.).

В сентябре 1895 г. М.Н. Еремеев по поручению томского губернатора принимал участие во встрече министра земледелия и государственного имущества А.С. Ермолова в с. Кривощёково (сегодня г. Новосибирск) и его сопровождении. Целью командировки министра стало выяснение состояния сельского и лесного хозяйств, кустарного производства, геологического потенциала Сибири, переселенческой политики. А.С. Ермолов также интересовался вопросом снабжения топливом и строительными материалами Транссибирской железнодорожной магистрали (Саенко, 2008. С. 77).

1 июня 1895 г. был принят закон, направленный на реформирование административных губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел (далее МВД) в четырех сибирских губерниях. Результатом стало создание губернских управлений – высших административных органов власти. В Томской губернии на реорганизационные мероприятия отводилось полгода (Палин, 2004. С. 30–31). Требовалось формирование кадрового состава нового учреждения. Приказом томского губернатора от 25 октября 1895 г. М.Н. Еремеев был назначен старшим чиновником особых поручений при губернаторе (Томские губернские ведомости. 1895. 26 окт.). А 5 декабря 1895 г. за выслугу лет произведен в чин титулярного советника со старшинством 1 марта 1895 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 51 об.). Согласно штатному расписанию, ему полагался оклад годового содержания 1500 руб., должность соответствовала VII классному чину, VII разряду по шитью мундира и V по пенсии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 48б. Л. 23).

Находясь в этой должности, Михаил Николаевич выполнял различные делопроизводственные и полицейские поручения губернатора. Нередко по его личному распоряжению отправлялся в командировки по губернии. Служебные поездки носили разный характер. Неоднократно руководил путевой канцелярией губернатора во время его обозрения губернии. Так, в мае 1896 г. он возглавил путевую канцелярию в поездке губернатора в с. Кривощёково, где прошли беспорядки (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 51 об.). По сообщению газеты «Томский листок», нарушение общественного спокойствия было спровоцировано 16 мая пьяной толпой, отреагировавшей таким образом на слухи, «…что, будто бы, было отпущено и прислано царем на торжество коронования – 3 тысячи руб. денег для угощения всего народа, но деньги эти, дескать, местное начальство задерживает: и вот недавние мирные работники, общим почти огулом выразили свое недовольствие стихийно, не рассуждая о последствиях» (Томский листок. 1896. 21 мая). В ходе этой командировки был также проведен осмотр переселенческих пунктов Томского и Каинского округов. В июле того же года был направлен в Каинский округ для контроля над мероприятиями по противодействию распространения сибирской яз-

вы. В январе 1897 г. ему пришлось разбираться в конфликте, произошедшем между дворянином Казновским и приставом Оболенским и его подчиненными. Принимал участие в работе томской губернской переписной комиссии по всеобщей переписи населения Российской империи.

Неоднократно, по предложению губернатора, М.Н. Еремеев отправлялся в командировки для проверки информации, появляющейся в средствах массовой информации о недостойном поведении служащих. В этом отношении показательным является следующее событие. В номере «Сибирского вестника» от 6 марта 1897 г. был опубликован фельетон, разоблачающий неподобающий образ жизни сельской учительницы, которая вместо того чтобы заниматься обучением детей, устраивала в помещении школы веселые посиделки с алкоголем. Еще одним «героем» газетного фельетона стал служащий по вольному найму. Он был приглашен для заведывания переписным участком во время всеобщей переписи населения 1897 г. Однако, как пишет автор заметки, «…возомнил себя бог весть каким начальником. Сохрани Боже подать ему подводу, запряженную одной лошадью. Громы и молнии посыпятся на бедного мужика < … >. В селе Ол-ском …позволил себе ударить в грудь сельского старосту, угрожал снять с него должностной знак и посадить под арест» (Сибирский вестник. 1897. 6 марта). Губернской властью были установлены фигуранты фельетона, одним из которых оказался служащий по вольному найму при Томском окружном полицейском управлении – Кобелев. М.Н. Еремеев был направлен в села Ольчинское и Даньковское Судженской волости Томского уезда, т. е. туда, где трудились «герои» заметки, для выяснения всех обстоятельств дела непосредственно на месте (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 53 об.).

Еще 14 мая 1896 г. за выдающиеся заслуги М.Н. Еремеев был произведен в чин коллежского асессора[1] со старшинством с 1 марта 1896 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 29 сентября 1897 г. назначен советником Томского губернского управления (ГАТО. Ф. 3. Оп.12. Д. 2007. Л. 51 об., 54 об.). С этого времени начинается новый этап в карьере чиновника.

Советник губернского управления. М.Н. Еремеев возглавил второе распорядительное отделение учреждения, которым руководил на протяжении почти 19 лет. Это самое продолжительное время службы в должности советника за всю историю деятельности Томского губернского управления. Чиновнику выплачивался оклад годового содержания в размере 2000 руб. Получал также добавочное жалованье за сибирскую службу. В 1898 г. оно составляло 200 руб., с 1903 г. – 400 руб. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 55 об.; Оп. 18. Д. 1394. Л. 282). Нередко М.Н. Еремеев премировался томскими губернаторами из средств высочайше назначаемых в награду чиновникам губернии за добросовестное исполнение своих обязанностей. Советник имел VI класс должности, VI разряд по шитью на мундир, III, ст. 2 – по пенсии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 48б. Л. 23). Высочайшим приказом от 02 июля 1906 г. утвержден старшим советником губернского управления с сохранением руководства вторым распорядительным отделением.

Находясь в должности советника, получил по выслуги лет очередные чины – надворного советника (1900 г.), коллежского советника (1904 г.), статского советника (1908 г.). В январе 1916 г. произведен в чин действительного статского советника.

Согласно «Уставу о службе по определению от правительства» для получения действительного статского советника необходимо было прослужить не менее 20 лет в классных чинах, не менее 5 лет в чине статского советника и занимать должность не ниже V класса. М.Н. Еремеев подходил по всем критериям для присвоения этого высокого классного чина за исключением класса должности. Интересно, что произведен был Михаил Николаевич в действительные статские советники по ведомству министерства юстиции за отличие в работе в качестве почетного мирового судьи округа Томского окружного суда.

[1] В дореволюционной России написание чина – коллежский асессор, с учетом орфографии того времени, было следующим: коллежский ассесор.

Во втором распорядительном отделении сосредотачивалось решение достаточно важных дел инспекторской и секретной части. К таковым относились: определение, перемещение, увольнение чиновников и канцелярских служителей ведомства МВД, а также представление их к чинам, орденам и пенсиям; подготовка сведений для МВД по политической ситуации в губернии и благонадежности отдельных лиц; принятие мер по соблюдению государственного порядка и общественного спокойствия; переписка по выдаче паспортов и принятию в русское подданство иностранцев; надзор за деятельностью чинов полиции; проведение дознаний по жалобам на действия и бездействия полицейских властей и многое другое (РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 12. Л. 62–64; ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 383. Л. 17 об., 60–61 об.). Тем самым, решение поступающих дел в отделение накладывало большую степень ответственности на его работу. Требовало частных командировок советника по губернии для проведения ревизий и дознаний, подведомственных губернскому управлению, органов власти и их чиновников.

В июле 1898 г. по поручению губернатора проводил негласное расследование в с. Почитанское Мариинского округа по жалобе о неправомерных действиях земского заседателя Первого участка Мариинского округа Мейера в отношении сельской повивальной бабки Михайловой. Уже в сентябре текущего года был командирован в Барнаульский, Бийский и Кузнецкий округа для «обозревания» полицейских управлений и волостных правлений. В ноябре 1912 г. в г. Каинске проверял достоверность сведений о злоупотреблениях в канцелярии городской управы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 73 об.). Подобного рода контроль и надзор за деятельностью подведомственных МВД местных органов власти М.Н. Еремеев проводил, по поручению губернаторов, регулярно, в том числе в качестве председателя комиссий для обревизования делопроизводств городских полицейских управлений, полицейских участков, полицейских надзирателей.

Нередко он отправлялся в служебные поездки для разбирательств в общественных, хозяйственных конфликтах жителей губернии. В августе 1899 г. в Нарымском крае выяснял содержание земельного спора, возникшего между крестьянами и инородческими обществами. Заодно здесь проверил работу инородческих школ грамоты. Летом 1910 г. в упомянутом крае ознакомился с условиями жизни административно-ссыльных, а также разобрался в вопросе выплаты им полагающегося из казны пособия (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 57 об., 67 об.).

В марте 1913 г. в с. Тисуль Мариинского уезда участвовал в расследовании причин гибели мальчика (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 74 об., 75 об.). Трагедия произошла 21 февраля во время празднования 300-летия царствования дома Романовых. Об этом стало известно из томской газеты «Сибирская правда». В ней написали обо всех обстоятельствах этого несчастья: «Во время парада [прим. А.П. – в честь 300-летия дома Романовых] Доброву [прим. А.П. – исправник] захотелось пострелять, и вот выписанные им ручные бомбы были вручены столяру Трухницкому, который не смущаясь начал их поджигать … около ограды храма, окруженной народом. Полиция отсутствовала. Одна из бомб взрывом сбросила другую горевшую, ее поймал 11 летний мальчик Панкратов и засунул за пазуху. Толпа замерла… Раздались крики, брось! К П. подскочили другие мальчики, намереваясь отнять бомбу, для чего свалили П. на землю. С опасностью для жизни лесной кондуктор г. Соломенко бросился к кучке детей, но был остановлен. В этот момент раздался взрыв, дети были подброшены около сажени вверх. Панкратов оказался убитым на месте; Лапину разорвало между пальцами ладонь и оглушило караульного. Так печально кончилась затея г. Доброва» (Сибирская правда. 1913. 09 марта).

В сферу его компетенции попадали дела, касающиеся жалоб и заявлений о неправомерности действий структурных подразделений губернского управления и его чиновников. По распоряжению томских губернаторов расследовал обстоятельства конфликтов, возникающих между должностными лицами учреждения. Например, в январе 1913 г. М.Н. Еремеев разбирался с докладной запиской губернского ветеринарного инспектора А.С. Не-

клюдова «о неправильных по службе действиях» и. д. помощника делопроизводителя ветеринарного отделения губернского управления С.С. Лпилина (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 74 об.). В целом анализ источников показывает, что в Томском губернском управлении такие ситуации возникали крайне редко.

Будучи советником (старшим советником) неоднократно замещал другие должности. Вот некоторые из них: заведующий делопроизводством Томского губернского по промысловому налогу присутствия, непременный член по крестьянским делам и советник первого распорядительного отделения губернского управления и др.

Нами подсчитано, что М.Н. Еремеев с 1897 по 1916 г. не менее 47 раз исправлял должность вице-губернатора сроком от нескольких дней до нескольких недель. В период с 1906 по 1908 г. при томском временном генерал-губернаторе бароне К.С. фон Нолькене выполнял обязанности управляющего его канцелярией (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 62 об., 64 об.). Это было время, когда в Каинском, Барнаульском, Томском и Мариинском уездах губернии (через их территории проходила Транссибирская магистраль) действовало военное положение с особым управлением временным генерал-губернатором. Исполнение его полномочий возлагалось на томского губернатора.

В сентябре 1908 г. барон К.С. фон Нолькен, в связи с отбытием к новому месту службы, приказом выразил благодарность томским чиновникам за службу. В нем он дал и очень высокую оценку работе Михаила Николаевича в качестве управляющего канцелярией, как, собственно, и советника губернского управления. В приказе от 28 сентября 1908 г. говорилось: «Считаю священным долгом принести свою признательность… старшему советнику Михаилу Николаевичу Еремееву, осилившему не только все то, что касалось вверенной ему инспекторской части, но столь же блестяще исполнявшему обязанности управляющего канцелярией моею, как временного генерал-губернатора, за время военного положения и по ликвидации последнего…» (Томские губернские ведомости. 1908. 05 окт.).

М.Н. Еремеев имел опыт председательствования в различных губернских комиссиях. В 1912 г. во время выборов в IV Государственную думу выполнял функции заместителя председателя Томского губернского избирательного собрания.

Важной вехой в профессиональной деятельности М.Н. Еремеева стало исполнение им полномочий почетного мирового судьи округа Томского окружного суда. Д.А. Глазунов сравнивает институт почетного мирового судьи с западноевропейским судом шеффенов – с учреждением, «где народные представители определяли виновность подсудимого вместе с судьями, стоявшими на государственной службе» (Глазунов, 2004. С. 110). По мнению Е.А. Крестьянникова, на первоначальном этапе реализации судебной реформы 1897 г. сибирским обществом статус почетного мирового судьи воспринимался как престижный. Однако в дальнейшем нередки были случаи отказа кандидатов от этой должности. Происходило это по разным причинам и соображениям (Крестьянников, 2009. С. 146).

Между тем М.Н. Еремеев, имея юридическое образование, на протяжении нескольких трехлетий с октября 1898 г. назначался высочайшим приказом по министерству юстиции почетным мировым судьей. Пока не отбыл к новому месту службы летом 1916 г.

Высочайшим приказом от 20 июня 1916 г. М.Н. Еремеев был переведен на службу по ведомству министерства юстиции тамбовским губернским тюремным инспектором (Томские губернские ведомости. 1916. 17 июля).

Награды. За годы работы в Томске М.Н. Еремеев неоднократно удостаивался различных наград, которые характеризовали безупречность его государственной службы и активность в общественной жизни губернии и страны. Л.Е. Шепелёв совершено справедливо заметил, что «…ордена, медали и другие наградные и памятные знаки представляют собой вполне читаемую знаковую систему, сообщавшую много полезных сведений об их обладателях…» (Шепелёв, 1999. С. 355).

О выслуге, безукоризненном прохождении государственной службы советника свидетельствуют

такие его ордена, как Св. Владимира 4 степени (1906 г.), Св. Анны 2 степени (1904 г.), Св. Станислава 2 степени (1901 г.), Св. Станислава 3 степени (1897 г.).

В декабре 1908 г. за усердную службу чиновника наградили высочайшим подарком с вензелевым изображением высочайшего его императорского величества имени. Такие подарки очень высоко ценились и жаловались лицам, которые занимали должности или имели гражданский чин не ниже V класса (Устав о службе по определению от правительства // СЗРИ[2]: в 16 т. СПб., 1904. Т. 3. Изд. 1896. Кн. 1. Ст. 698).

М.Н. Еремеев был отмечен памятными и юбилейными медалями, приуроченными к особым событиям в истории России: «В память царствования императора Александра III», «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.», «В память 300-летия царствования дома Романовых». В списке наград чиновника есть медали, которые косвенно характеризовали его служебные заслуги, усердие, безвозмездное участие в важных мероприятиях государства и в деятельности общественных благотворительных организаций. Это медали: «За труды по первой всеобщей переписи населения», Красного Креста «В память русско-японской войны», «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.».

В арсенале наград Михаила Николаевича имелись нагрудные знаки частных благотворительных и государственных обществ, а также братств Русской православной церкви. Право ношения такого знака получали лица, которые бескорыстно помогали таким организациям в работе или на безвозмездной основе вносили денежные средства в поддержку их функционирования. Эти знаки приравнивались к правительственным наградам и обязательно фиксировались в формулярных списках о службе чиновников. М.Н. Еремееву было предоставлено право ношения знаков: Святой Нины (1908 г.), Российского Общества Красного Креста (1908 г.), Архангельского православного Беломорско-Карельского Братства во имя Святого Архангела Михаила (1909 г.), Попечительства о народной трезвости (1912 г.), Братского Креста Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного Образа Всемилостивого Спаса 4 степени (1913 г.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2007. Л. 49 об., 50 об., 63 об., 64 об., 65 об., 66 об., 73 об., 74 об.).

Таким образом, старший советник М.Н. Еремеев достаточно активно участвовал в управлении регионом, постоянно привлекался к замещению различных должностей. Это позволяет предположить, что он был на хорошем счету у начальников губернии. К нему относились как к человеку, обладающему необходимыми профессиональными знаниями и компетенцией.

В целом перед нами предстает образ чиновника, который на протяжении всего срока службы в Томской губернии ответственно, с усердием исполнял свои обязанности. Таких как М.Н. Еремеев в Российской империи было предостаточно. Они изо дня в день выполняли возложенные на них полномочия. Такие служащие не становились фигурантами судебных дел, газетных фельетонов, поэтому мало чем привлекали внимание общественности. Их деятельность проходила практически незаметно, за исключением небольших стандартных заметок в газетах с приказами о получении очередного чина или награды. Но именно благодаря работе таких чиновников, как М.Н. Еремеев обеспечивалось своевременное решение повседневных, порою жизненно важных вопросов местного государственного управления.

[2] Свод законов Российской империи / The Code of Laws of the Russian Empire.

Библиографический список

Власть в Сибири. XVI – начало XX в. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.

Глазунов Д.А. Почетные мировые судьи Сибири: государство и общество в конце XIX – начале XX в. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – начале

References

Akishin M.O., Remnev A.V. *Vlast' v Sibiri. XVI – nachalo XX v.* [Power in Siberia. XVI – the beginning of the XX century.] Novosibirsk: Sova Publ, 2005, 696 p.

Glazunov D.A. *Pochetnye mirovye sud'i Sibiri: gosudarstvo i obshchestvo v kontse XIX – nachale XX v.* [Honorary Justices of the Peace of Siberia: the state and society at the

XX веков. Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2004. С. 108–112.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Избранное. Т.II. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) : Монография. Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с.

Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851–1917 гг. Чита: Тип. Богданова Г. Г., 2001. 91 с.

Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Издательско-полиграфический Центр «Экспресс», 2009. 270 с.

Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.

Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.

Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 25. С. 21–35.

Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. I. Часть II. 646 с.

Палин А.В.Томское губернское управление(1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 188 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков: монография. Омск: Омский госуниверситет, 1997. 253 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: монография. Омск: Изд-во Омского госуниверситета 2004. 552 с.

Саенко Е.С. Алексей Сергеевич Ермолов (1847–1917 гг.): ученый и министр // Вестник Санкт-

end of the 19th – beginning of the 20th cen.]. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX – nachale XX vekov. Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii* [Local government in the history of Siberia of the XIX – early XX centuries. Proceedings of materials of the regional scientific conference]. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf Publ., 2004, pp. 108–112. (In Russ.).

Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Izbrannoe* [Selected writings]. Monografiya. Irkutsk: Ottisk Publ., 2018, vol. II. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberia in the system of Imperial regionalism (1822–1917)]. 416 p.

Konstantinova T.A. *Gubernatory Zabaikal'ya 1851–1917 gg*. [Governors of Transbaikalia, 1851–1917]. Chita: Bogdanova G.G. Publ., 2001, 91 p.

Krest'yannikov E.A. *Sudebnaya reforma 1864 g. v Zapadnoi Sibiri* [Judicial reform of 1864 in Western Siberia]. Tyumen': Ekspress Publ., 2009. 270 p.

Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskii, M.S. Korsakov* [Governors-Generals of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyev-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 1998. 428 p.

Matkhanova N.P. *Vysshaya administratsiya Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsial'noi stratifikatsii* [The highest administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ., 2002. 250 p.

Matkhanova N.P. *Chinovniki-intellektualy v Sibiri XIX v*. [Intellectual officials in XIX century Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Ser. History], 2018, vol. 25, pp. 21–35. (In Russ.).

Miloradovich G.A. *Rodoslovnaya kniga Chernigovskogo dvoryanstva* [The genealogical book of the Chernigov nobility]. St. Petersburg, 1901, vol. I. Pt. II. 646 p.

Palin A.V. *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895–1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [Tomsk Province Administration (1895–1917): Structure, Competence, Administration]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 188 p.

Remnev A.V. Samoderzhavie i Sibir'. *Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov: monografiya* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries: monograph]. Omsk: Omskogo gosuniversiteta Publ., 1997, 253 p.

Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov: monografiya.* [Russia Far East. Imperial geography of power XIX – early XX centuries: monograph] Omsk: Omskogo gosuniversiteta Publ., 2004, 552 p.

Saenko E.S. *Aleksei Sergeevich Ermolov (1847–1917 gg.): uchenyi i ministr* [Alexey Sergeevich Ermolov

Петербургского университета. 2008. Сер.2. Вып. 1. С. 74–81.

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 577 с.

Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство – СПб», 1999. 479 с.

Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. 224 с.

Сведения об авторе

Палин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и культурологии,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: a-palin@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Палин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

(1847–1917): Scholar and Minister]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2008, ser. 2, vol. 1, pp. 74 – 81. (In Russ.).

Konovalov V.V. *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen': Tyumenskii izdatel'skii dom Publ., 2000. 577 p.

Shepelev L.E. *Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [Official world of Russia: XVIII – early XX centuries]. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPb" Publ., 1999. 479 p.

Yakovenko A.V., Gakhov V.D. *Tomskie gubernatory: biobibliograficheskii ukazatel'* [Tomsk governors: biobibliographic index]. Tomsk: Veter Publ., 2012, 224 p.

Information about the author

Aleksey V. Palin,
Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Associate Professor of the Department "History, Philosophy and Culturology",
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russian Federation,
e-mail: a-palin@mail.ru

Attribution criteria

Palin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 343.98(470)(091)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-157-166

Историко-правовой подход к периодизации российского терроризма

© А.В. Шободоева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Тщательная научная проработка любого явления требует обращения к его историческим корням, оценке специфики государственного устройства, политической идеологии, конкретной ситуации в определенный период времени. Проблема, связанная с исследованием разнообразных аспектов террора, терроризма, антитеррористической деятельности является сегодня крайне актуальной для представителей практически всех отраслей знаний. И, к сожалению, это разнообразие подходов усложняет выработку понятийного аппарата, в частности, самих основных категорий «террор», «терроризм», «террористический акт». Отсюда и противоречивость в вопросах их исторической периодизации, связанная, в первую очередь, с определением начальной хронологической точки как террора, так и терроризма, усугубляемая примерами свободного использования, в том числе и историками, понятий «террористический акт» и «политическое убийство». Однозначно «разводя» понятия «террор» и «терроризм», автор, с позиций не уголовно-правового, а историко-правового подхода предлагает свою мотивацию выделения ряда периодов в истории российского терроризма, представляя при этом анализ исторической литературы, посвященной рассматриваемым вопросам. Для более четкого уяснения взглядов автора демонстрируются сущностные характеристики категорий «террор» и «терроризм», но основывающиеся исключительно на отечественном историческом материале.

Ключевые слова: террор, терроризм, политическое убийство, династическое убийство, террористический акт, периодизация истории российского терроризма, исторический подход, противодействие терроризму, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных

Информация о статье: Дата поступления 8 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Шободоева А.В. Историко-правовой подход к периодизации российского терроризма. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 157–166. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-157-166.

Historical and legal approach to the periodization of Russian terrorism

© Anna V. Shobodoeva

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Careful scientific study of any phenomenon requires addressing its historical roots, assessing the specifics of the state structure, political ideology, the specific situation in a certain period of time. The problem associated with the study of various aspects of terrorism, terrorism, anti-terrorist activities is now extremely relevant for representatives of almost all branches of knowledge. And, unfortunately, this diversity of approaches complicates the development of the conceptual apparatus, in particular, the main categories of “terror”, “terrorism”, “terrorist act”. Hence the inconsistency in the issues of their historical periodization, connected, first of all, with the definition of the initial chronological point of both terror and terrorism, aggravated by examples of free use, including historians, of the concepts of “terrorist act” and “political murder”. Clearly “divorcing” the concept of “terror” and “terrorism”, the author, from the standpoint of not criminal law, but historical and legal approach offers its motivation to highlight a number of periods in the history of Russian terrorism, presenting, at the same time, the analysis of historical literature on the issues under consideration. For a clearer understanding of the author's views, the essential characteristics of the categories of “terror” and “terrorism” are demonstrated, but based solely on domestic historical material.

Keywords: terror, terrorism, political murder, dynastic murder, terrorist act, periodization of the history of Russian terrorism, historical approach, counter-terrorism, the Code of criminal and correctional penalties

Article info: Received December 8, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Shobodoeva A.V. Historical and legal approach to the periodization of Russian terrorism. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 157–166. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-157-166.

Сложно не согласиться с высказыванием, утверждающим, что действительный замысел настоящего и смысл будущего невозможно понять, не зная прошлого. Плодотворное научное постижение любого явления, тем более такого распространенного и тяжелейшего по своим последствиям, как терроризм, требует досконального изучения истории проблемы. Мы абсолютно уверены, что существует прямая зависимость: чем выше уровень опасности для социума определенного феномена (в нашем случае, терроризма), тем интенсивнее должен быть процесс осмысления, например, первопричин его появления, или видоизменений системы противодействия.

Свое исследование мы «построим» исключительно на отечественном материале. Считаем необходимым заметить, что выяснение исторических основ террора и терроризма вряд ли возможно без знакомства с накопленным другими науками (в том числе и правовыми) теоретическим багажом. Полагаем, что рассматриваемая проблема – комплексная, «стыковочная», и именно комплексный подход должен стать ведущим при изучении основных тенденции терроризма вообще и его исторических оснований, в частности. Противодействие терроризму тесно связано с историей нашей страны, и, как верно отмечал Ю.С. Горбунов, на всем ее протяжении в качестве главного инструмента этой борьбы использовалась правовая квалификация террористической деятельности именно как уголовно наказуемых деяний. (Горбунов, 2006. С. 98). Ко всему, в последнее время необычайно активизировалось научное направление, связанное с анализом проблематики терроризма с исключительно уголовно-правовых, криминологических подходов, что представлено в литературе, в том числе, и региональной, являющейся для нас ценным источником при написании данной работы. (Китаева, 2015. С. 167–174; Кряжев, 2016. С. 35–39; Левченко, 2017. С. 104–110; Михайлов, Кряжев, 2016. С. 770–778; Моисеев, 2018. С. 132–136 и др.)

Но, естественно, основную «пищу для размышления» предоставили работы авторов, определивших целью своего исследования историю терроризма и противодействия ему в Российском государстве, что и будет показано дальше в тексте статьи.

Казалось бы, столь серьезное внимание к всестороннему рассмотрению всех аспектов террора и терроризма вселяет надежду на наличие согласованной терминологии и базовых подходов, но в научных и публицистических изданиях использовались и используются в «вольном» изложении понятия террор, терроризм, террористический акт, политическое убийство, политический терроризм (террор), революционный терроризм (террор)… И нет никакой уверенности, что если разные ученые упоминают, например, понятие «террор», они вкладывают в него синонимичное смысловое значение.

Поиски исторических корней, несомненно, связаны с определением хронологических рамок, в первую очередь, начальной точки какого-то события. Но параметры терроризма российского установить очень сложно. Подтверждение тому – не просто отсутствие единства, но наличие невероятно разнообразных выводов ученых по вопросу обозначения его стартовой черты.

Общеупотребляемым стало высказывание о «глубине веков», демонстрирующих своими примерами террористические проявления. Полагаем, следует уточнить, какова же эта «глубина».

Позиция первая. 1015 год – убийство князей Бориса и Глеба. Так, В.Е. Петрищев конкретно указывал, что политический мотив физического устранения сыновей Великого киевского князя Влади-

мира Святославовича – это свидетельство первого террористического акта (Петрищев, 2001).

Прямо или косвенно данный вариант подтверждали и другие авторы (Гриб, 2005[1]; Кошель, 1995; Капитонова, 2016. С. 18).

Позиция вторая. XIX век. Но это столетие исследователи буквально «растащили» практически по десятилетиям. Отправных пунктов несколько:

– 1825 год (14 декабря), когда первым серьезным, а главное, уже массовым преступлением террористической направленности, по мнению Е.С. Гугасари, стало восстание декабристов (Гугасари, 2013. С. 8);

– 1863 год, когда, как отмечал Дикаев С.У., Николай Ишутин создал свою «Организацию» (Дикаев, 2006);

– 1866 год (4 апреля) – провальная попытка Дмитрия Каракозова убить императора Александра II (одна из самых распространенных точек зрения) (Будницкий, 2004 a); Гогин, 2016. С. 69; Зернов, 2014. С. 4; Кокорин, 2011. С. 21. и др.);

– 70–80 годы. Здесь обозначается и точная дата – 24 января 1878 года. Это день, когда Вера Засулич стреляла в Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (Бородин, 2001; Виногоров, 2010. С. 291; Медов, 2014. С. 28);

– конец XIX века, переход к началу века XX (Будницкий, 2004b; Рягин, Маринович, 2016. С. 35).

Позиция третья. XX век. О существовании подобной позиции упоминали и О.В. Будницкий (Будницкий, 2004b) и С.А. Кокорин (Кокорин, 2011. С. 20). Ее разделяла Е.А. Капитонова (Капитонова, 2016. С. 20).

Мнение, что терроризм – это открытие XX века аргументировалось рядом факторов. В первую очередь, подчеркивалось, что именно данный век стал эпохой технического прогресса, позволившего в своем развитии массово внедрять высокие технологии во все сферы жизни: военный комплекс, атомная энергетика, новые возможности распространения и передачи данных, а следовательно, и влияния СМИ…

Ко всему, нужно упомянуть, что регулярно приводились примеры террора и терроризма, по мнению авторов, встречающиеся на протяжении всей истории страны – опричнина Ивана Грозного или революционный «красный» и «белый» террор.

Подобная ситуация не является случайной. Простая аналогия. Конкретный человек имеет свою дату рождения. Чтобы четко такой временной рубеж определить, необходимо представлять, о начале какого процесса идет речь. А именно в этом – проблема.

Соответственно, считаем необходимым пояснить, какое понятие террора и терроризма используется в данной работе.

Мы однозначно разделяем понятия «террор» и «терроризм». ***Оцениваем их не с современной уголовно-правовой, а с историко-правовой, политологической точки зрения (выделено автором – А.Ш.).*** Полагаем, что террор – это собственно давление со стороны государства, структур созданных им, поддерживаемых им, тех, кто в данный момент реально находится «у власти», тех, власть кого в данный момент установлена официально, то есть, позиция сильного. Терроризм – это насилие оппозиционных сил, противопоставляющих себя формальной власти, то есть противодействие слабого.

Одним из инструментов терроризма является террористический акт.

Собственно дефиниция «террористический акт» представлена в Федеральном законе «О противодействии терроризму» (п. 3 ст. 3) и Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 205).

Но буквально использовать ее для оценки исторических событий в нашей стране мы не считаем возможным. Иначе пришлось бы соглашаться с

[1] Гриб Н.Н. Криминологические аспекты противодействия терроризму в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 191 с. URL:http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-aspekty-protivodejstvija-terrorizmu-v-sovremennoj-rossii.html#968121 (дата обращения: 12.07.2018) / Grib N.N. Criminological aspects of countering terrorism in modern Russia: dis. ... Cand. Sci. (Legal). SPb., 2005, 191 p. (In Russ.). Available at:http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kriminologicheskie-aspekty-protivodejstvija-terrorizmu-v-sovremennoj-rossii.html#968121 (accessed 12.07.2018)

высказыванием С.У. Дикаева, что террор, терроризм, террористический акт – такие же древние константы, как и человеческое общество (Дикаев, 2006).

Напротив, исторический подход требует объективности, соответственно, династическое убийство, политическое убийство, террористический акт, по сути своей, не всегда синонимы.

Разделение данных деяний, соответственно, свидетельствует о том, что регулярно приводимое в качестве примера первого террористического акта убийство князей Бориса и Глеба, нами так не классифицируется. Если смотреть на любые преступления насильственного характера, то в конкретной ситуации, можно выделить признаки терроризирования (терроризирование – устрашение, преследование, угроза насилия, расправы). И складывается впечатление, что некоторым исследователям данного факта уже достаточно для обобщающих выводов – однозначной оценки подобных действий как террористических.

Скорее, расправа над князьями – это династическое убийство, явившееся результатом междоусобной борьбы. Это дело внутрисемейное. Не было никакого «выхода» его на широкий социальный уровень, не планировалась «смена курса», не запугивались жители. Очень условно можно охарактеризовать этот случай как разновидность политического убийства.

Политическое убийство – это намеренное устранение лица, занимающегося государственной, общественной деятельностью, по политическим, идеологическим мотивам, из мести, состояния личной ненависти.

В центре политического убийства, так или иначе, стоит вопрос о власти (ее укреплении или смене).

Сам термин «политическое убийство» был широко распространен в радикальных общественных кругах Российской империи второй половины XIX века. В буквальном смысле слова оду политическому убийству «спел» Николай Морозов в 1872 году (член организации «Народная воля») в своей статье, недвусмысленно называющейся «Значение политических убийств» (Морозов).

Каждый абзац этого сочинения – отдельный пункт обоснования смысла политического убийства в революционной борьбе. Политическое убийство – это и «акт мести», и «средство самозащиты», и «лучший агитационный прием». Данные идеи уже являлись неотъемлемой частью теоретических постулатов народничества. Но Н. Морозов на констатации представленных тезисов не остановился. Он сформулировал положение о том, что политическое убийство – прекрасный «дестабилизатор» государственного механизма, способ вселять ужас в представителей официальной власти, всех врагов революции, самое действенное оружие против существующего режима. Апофеоз – вывод Н. Морозова: политическое убийство – один из основных путей борьбы с деспотизмом.

Историческая практика показала, что бывают ситуации, когда четко провести черту между политическим убийством и террористическим актом крайне затруднительно (иллюстрация – убийство П.А. Столыпина) (Терроризм и террористы: исторический справочник).

И здесь во многом первично обстоятельство субъективного характера, так как формулировать исследователь будет в зависимости от уровня своих знаний, мировоззренческих установок, политических предпочтений, научного чутья.

Возьмем элементарный пример. В дореволюционном прошлом Российского государства достаточное количество случаев физического устранения монархов: Иван VI, Петр III, Павел I, Александр II. Планировали убить Николая I (восстание декабристов), покушались на Александра III. Это однозначно эпизоды, связанные с насилием или угрозой его, и на этом, пожалуй, сходство заканчивается. Первые – результат династических убийств, не связанных с социальной борьбой. Цель – узурпация власти. Но задумываемое убийство Николая I впервые не касалось именно захвата престола. Здесь просматривалось уже наличие определенной сформулированной идеи, реализация которой связана с устранением конкретного главы государства. На наш взгляд – это «полноценное» политическое убийство. А вот публичная казнь Александра II – террористический акт.

И еще один момент. Ни организаторы, ни исполнители династических убийств в России официально не преследовались, наказанию не подвергались (иногда, даже, наоборот). Последствия политического убийства или террористического акта для широкого круга участников – однозначно поиск, поимка, кара (вплоть до смертной казни).

Следует объяснить, почему при серьезном внешнем сходстве, мы все-таки, делаем попытку разграничить политическое убийство и террористический акт.

Объект политического убийства – фигура «знаковая», широко известная в связи с занимаемым постом или положением в обществе. «Селекция» жертв для террористического акта шире. Помимо выше обозначенных лиц, мишень определялась, например, по признаку рода деятельности или принадлежности к органам управления. Здесь просто уместно вспомнить про убийства не только императора или министров внутренних дел, но и сотрудников жандармских управлений, полиции, пенитенциарной системы, губернаторов, местных чиновников, коими так известна Россия второй половины XIX, и, особенно, начала XX века.

Политическое убийство связано с возможностью получить необходимый эффект в результате именно инцидента убийства. Политическое убийство – это самоцель. Основная задача решалась одноактным действием, когда государственная, политическая, иная деятельность автоматически прекращалась в связи со смертью конкретного лица.

Замысел же террористического акта не однопорядковый. Здесь убийство ради последующего принуждения оставшихся отказаться от полноценного исполнения своих обязанностей, их запугивание. И диктат по отношению к противнику, связанный с требованиями выполнить определенные предложения. Многолетние попытки убийства Александра II завершились 1 марта 1881 года. «Народная воля» настоятельно рекомендовала Александру III воплотить созданные самой историей условия, «которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой». Среди них переоценка прежних «политических преступлений» в акты «гражданского долга», и, соответственно, полная амнистия. Сбор народного представительства с целью реформирования государственных и общественных основ в соответствии с волей народа. Формирование представительного органа на базе свободных выборов, при абсолютной свободе слова, печати, сходок, избирательных программ (Письмо народовольцев Александру III от 10 марта 1881 года).

И еще. Физическое уничтожение «помазанника Божьего», фигуры для российского обывателя священной, не могло не напугать подданных империи, заставить их засомневаться в стабильности государственной системы, существующих общественных отношений. Состояние неуверенности в обществе – половина успеха в «расшатывании» государственных устоев.

Таким образом, собственно убийство в ходе террористического акта вторично. На первый план выходит ситуационный аспект – формирование атмосферы страха и целевой – воздействие на совершение (или отказ) от каких-либо действий.

Фоном политического убийства является некая таинственность и загадочность. Не всегда те, кто его совершил, стараются возвестить о своем «подвиге» окружающих.

Публичность – одно из основных тактических звеньев в деятельности террористов. Террористический акт в Российской империи стал столь обыденным во многом потому, что был этически оправдан не только радикальной, но и либеральной частью общества. Ко всему, именно широкая информированность населения, в первую очередь, через инструменты легальной и нелегальной печати, создала у части молодежи образ террориста – святого мученика за правое дело, что толкало совсем молодых еще юношей и девушек брать в руки револьвер. Эффективность террористических актов невероятно влияла на психологическое состояние российского общества. Складывалось впечатление об абсолютной плодотворности террористических действий в революционной борьбе.

Представленные выше определения позволяют приступить к определению «точки» отсчета российского терроризма. Естественно, это не первая

попытка периодизации терроризма с историко-правовых позиций.

Горбунов Ю.С. отмечал, что терроризм – это социально-политическое явление. Это явление, борьба с которым имела давние корни. Эволюция данной правовой квалификации прошла три этапа: царский, советский и постсоветский. Советский период, в свою очередь, Ю.С. Горбунов, подразделял на три ступени: первая связана с актами непосредственно послереволюционных лет; вторая – с Уголовными кодексами РСФСР 1922 и 1926 годов; третья – с Уголовным кодексом 1960 года (Горбунов, 2006. С. 99–100).

М.Ф. Мусаелян «отталкивался» от разделения истории терроризма в нашей стране на четыре базовых периода, с которыми, как он отмечал, прочно сообразована и история нашего уголовного законодательства:

– до 1866 года. Это проявления терроризма в ранний период существования российского государства и во времена Средневековья;

– 1866–1917 годы. Здесь отдельно выделялся терроризм в годы революционной ситуации (1879–1880), и собственно первой русской революции 1905–1907;

– 1917–1990 годы, как советский период выражения терроризма.

И, наконец, с 1990 года по настоящее время (периодизация представлена в статье 2009 года) наблюдается качественно иной период постсоветского терроризма масштабного характера (Мусаелян, 2009).

Без какой-либо корректировки этот вариант воспроизведен в 2013 году И.Д. Мальцаговым (Мальцагов, 2013).

Сомнение вызывает ряд утверждений. Во-первых, до 1922 года в нашем законодательстве даже собственно категория «террористический акт» (тем более, «терроризм») не была криминализирована. Соответственно, отсутствовала правовая регламентация такого преступления, как терроризм. Чрезвычайное законодательство, изъятие из общего порядка уголовного судопроизводства определенных дел, в том числе и о преступлениях государственных, нельзя считать свидетельством разработанности правовой квалификации терроризма. Следовательно, выделение царского периода несколько «провисает». Во-вторых, хотелось бы конкретизации «более раннего периода» террористических проявлений. Ранних насколько? Если присовокупить сюда спорность в российской медиевистике вопроса о хронологических рамках Средневековья, то правомерность обозначения данного периода выглядит слегка сомнительно. В-третьих, советский период завершается 1990 годом!? Советский Союз прекратил свое существование в декабре 1991 года. Советы, как органы народной власти, исчезли в ходе событий октября 1993 года. И опять больше вопросов, чем ответов.

Наверное, это произошло потому, что авторы четко не определили классификаторы, которые должны были лечь в основу предлагаемой периодизации.

Начальную точку терроризма в Российской империи мы ставим на рубеж 70–80-х годов XIX века, когда слились мировоззренческие, организационные, практические элементы терроризма. Основной его целью, являлось активное желание преобразовать политическую и экономическую основы государства. У И. Яковенко встречался интересный термин – «идеологически заданный, социальный терроризм» (Яковенко, 2005). Идея достижения «социальной справедливости» в рассматриваемый период была связана с разрушением (в буквальном смысле слова) государственной машины при помощи устранения ее представителей. Такой терроризм, как правило, называют революционным. Характеризовался он в данный период времени и специфическим составом участников террористических действий, которые, в основном, являлись выходцами из привилегированных слоев общества и разночинных кругов. Объекты революционного насилия персонифицировались по принципу личной ответственности за конкретные поступки. «Модным», морально обоснованным, был мотив мести. В нормативно-правовой базе формальное определение терроризма отсутствовало. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 год), Уставе уголовного судопроизводства (1864 год), последующих отдельных актах про-

сматривалась лишь правовая квалификация преступлений, подобных терроризму по внешним проявлениям.

С начала XX века (с 1905 года) наступила новая фаза развития революционного терроризма. Произошла его объективная модификация.

Начал проявлять активность национальный (этнический) терроризм. В начале века обострился антагонизм между «центром» империи и ее окраинами (Польша, Украина, Закавказье…), увеличилось количество межэтнических столкновений, выливающихся в бесчеловечные погромы, инициализировалась работа ряда национальных партий неонароднического толка: Дашнакцутюн (армянский «Союз»), Партия социалистов-федералистов Грузии, Социалистическая еврейская рабочая партия… Появился принципиально новый вариант правого терроризма – черносотенный. Представители этого монархического движения отождествляли себя «со всем русским народом».

Иной по социальному положению стала фигура террориста. Идеи насилия «внедрились» в массовое сознание, распространились среди рабочих, мелких предпринимателей, крестьян… Морально-этические обоснования убийства потеряли актуальность. Упор в выборе жертв террористических актов трансформировался с личностного на профессиональный, политический или национальный. И самой яркой характерной чертой, можно назвать то, что феномен убийства стал будничным событием. Ко всему, террорист уникально помолодел. Появление детей и подростков в рядах террористов более всего стало заметно после начала первой русской революции 1905 года. Они встречались в кругу участников всех партий.

Иван Мызин, большевик с 1905 года, вспоминал, что на момент создания Симской (Урал) большевистской боевой дружины, членом которой являлся и он, в состав ее входили «юнцы», а возраст некоторых – 15 лет (Мызин, 1964. С. 3, 4). Анна Гейфман приводила данные о том, что среди террористов-эсеров примерно 22 % было очень молодо, от 15 до 19 лет. Симптоматичный пример – организация в городе Белостоке боевого отряда членов партии социалистов-революционеров, состоящего из школьников (1905 год). Подростки шестнадцати лет присоединялись к максималистам. Еще чаще несовершеннолетние, в том числе и четырнадцатилетние, примыкали к анархистам. Совсем юные (15–16 лет) участники встречались и в рядах черносотенного движения (Гейфман,1997).

Законодательство, в первую очередь, Уголовное уложение (1903 год), по-прежнему не использовало дефиниции «терроризм», «террористический акт», хотя правоохранительная деятельность, базирующаяся на активно вводимом чрезвычайном законодательстве, была нацелена на противодействие деяниям, напоминающим террористические.

С момента событий октября 1917 года существо терроризма кардинально изменилось. На фоне всей советской эпохи его нельзя однозначно классифицировать как массовое общественное явление. Подобная оценка применима к точкам, ограниченным временными и территориальными характеристиками.

Первая – террористические акты 1918–1919 годов на территории, остававшейся вне военного течения Гражданской войны и интервенции, то есть, в центральной России (остальное, в нашем случае, «красный» и «белый» террор). Вторая связана с окончанием Великой Отечественной войны (до начала 50-х годов) – это террористическая борьба националистов западных районов СССР.

В первом случае субъекты действий, как правило, анархисты и эсеры. Во втором – члены националистических организаций: ОУН, УПА (Западная Украина), «Лесные братья» и «Литовские партизаны» (Прибалтика).

В первом случае, объекты, как правило, персонифицированы (В. Володарский, М. Урицкий, граф Мирбах…). Во втором определялись по приверженности советской системе.

Третью точку, которую в многочисленных исследованиях «ставят» на эпохе правления И.В. Сталина (30-е годы, рубеж – 40-х – начало 50-х годов), мы не определяем. Во-первых, политика вождя – это политика государственного террора. Во-вторых, объективно, не имея всего комплекса документов, часть которых не доступна, разобраться в вопросе,

кто был истинный, а кто мнимый террорист невозможно.

Соответственно, за рамками вышеизложенных утверждений, для периода существования СССР были характерны единичные террористические акты, совершаемые конкретными людьми с целью оставить советское государство (захват воздушных судов) или уничтожить высших лиц государства. Встречались считанные случаи терроризма, продиктованного политическими (террористический акт в Архангельске 1 Мая 1970 года) или националистическими (январь 1977 года, действия «армянских взрывников») мотивами.

Организаций, преследующих политические цели и использующих террористические методы противодействия существующему режиму, не существовало.

В отличие от предшествующих периодов, советское уголовное право регламентировало преступления террористического характера, развивая и уточняя (в зависимости от изменения обстановки в государстве) положения о самом понятии террористического акта, его составе, формах.

Окончание условно называемого «советским» периода мы определяем второй половиной 80-х годов. Полагаем, что «перестройка», «гласность», а затем и своеобразно воспринятое высказывание Б.Н. Ельцина, предлагавшего взять столько суверенитета, сколько возможно съесть начали те центробежные процессы, которые напрямую связаны со спецификой терроризма сегодняшнего дня. А это уже совсем иной предмет исследования.

Библиографический список

Бородин А.М. Терроризм и современность // Право и образование. 2001. № 3. С. 112–131. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9228514 (дата обращения: 7.06.2018)

Будницкий О. В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Отечественная история. 2004a. № 6. С. 203–209. URL: http://ldn-knigi.lib.ru/R/TerrorRus.pdf (дата обращения: 10.06.2018)

Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004b. № 5. С. 3–19. URL: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2018/03/blog-post_38.html (дата обращения: 10.06.2018)

Виногоров Д.В. Истоки российского терроризма (XIX – начало XX века). Первые методы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 29 –293.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с. URL: https://e-libra.ru/read/333632-revolyucionnyy-terror-v-rossii-1894-1917.html (дата обращения: 12.07.2018)

Гогин А.А. Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России // Символ науки. 2016. № 12–3. С. 67–74.

Горбунов Ю.С. Уголовно-правовая квалификация терроризма: история, теория и практика // Журнал российского права. 2006. № 12 (120). С. 98–107.

Гугасари Е.С. У истоков формирования эффектив-

References

Borodin A.M. Terrorism and modernity. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2001, no. 3, pp. 112–131. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=9228514 (accessed 07.06.2018)

Budnitskii O. V. Blood on the conscience: terrorism in Russia (second half of XIX – early XX century). *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2004a, no. 6, pp. 203–209. (In Russ.). Available at: http://ldn-knigi.lib.ru/R/TerrorRus.pdf (accessed 10.06.2018)

Budnitskii O.V. Terrorism through the eyes of a historian. Ideology of terrorism. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2004b, no. 5, pp. 3–19. (In Russ.). Available at: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2018/03/blog-post_38.html (accessed 10.06.2018)

Vinogorov D.V. The origins of Russian terrorism (XIX – early XX century). The first methods of counteraction. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2010, no. 4, pp. 29–293. (In Russ.).

Geifman A. Revolutionary terror in Russia. 1894–1917. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1997, 448 p. (In Russ.). Available at: https://e-libra.ru/read/333632-revolyucionnyy-terror-v-rossii-1894-1917.html (accessed 12.07.2018)

Gogin A.A. Legal framework for combating terrorism in pre-revolutionary Russia. *Simvol nauki* [Science symbol], 2016, no. 12–3, pp. 67–74. (In Russ.).

Gorbunov Yu.S. Criminal law qualification of terrorism: history, theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 12 (120), pp. 98–107. (In Russ.).

Gugasari E.S. At the origins of the formation of an ef-

ной системы противодействия антигосударственному терроризму в России (историко-правовое исследование) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 6–8.

Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 464 с. URL: https://fictionbook.ru/author/salman_dikaev/terror_terrorizm_i_prestupleniya_terrori/read_online.html? (дата обращения: 1.06.2018)

Зернов И.В., Карнишин В.Ю. Борьба с терроризмом в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: историко-правовые аспекты внутренней политики // Вестник ПензГУ. 2014. № 4 (8). С. 2–6.

Капитонова Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 17–28.

Китаева В.Н. Проблемы формирования криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 167–174.

Кокорин С. А. Исторические предпосылки зарождения уголовных норм об ответственности за террористические акты в России в XIX в. // Бизнес в законе. 2011. № 1. С. 20–22.

Кошель П.А. История российского терроризма. М. : Голос, 1995. 376 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=269026&p=1. (дата обращения: 18.09.2018)

Кряжев В.С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий // Российский следователь. 2016. № 2. С. 35–39.

Левченко И.В. Исламский радикализм и терроризм как угроза национальной безопасности РФ // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апреля 2017 г. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 104–110.

Мальцагов И.Д. Развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России // Закон и право. 2013. № 4. С. 68–72. URL: http://naukarus.com/razvitie-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-terrorizm-v-rossii-sovetskiy-period (дата обращения: 21.05.2018)

Медов М.У. Терроризм: исторический путь и подfective system of countering anti-state terrorism in Russia (historical and legal research). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 5, pp. 6–8. (In Russ.).

Dikaev S.U. Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature. SPb.: Yurid. tsentr Press Publ., 2006, 464 p. (In Russ.). Availabie at: https://fictionbook.ru/author/salman_dikaev/terror_terrorizm_i_prestupleniya_terrori/read_online.html? (accessed 01.06.2018)

Zernov I.V., Karnishin V.Yu. The fight against terrorism in the Russian Empire in the late nineteenth – early twentieth century. : historical and legal aspects of domestic politics. *Vestnik PenzGU* [Bulletin of PenzSU], 2014, no. 4 (8), pp. 2–6. (In Russ.).

Kapitonova E.A. The history of the development of legal regulation of responsibility for terrorism in Russia in the pre-revolutionary and Soviet period. *Izvestiya VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [University news. Volga region. Social Sciences], 2016, no. 4 (40), pp. 17–28. (In Russ.).

Kitaeva V.N. Problems of formation of the criminalistic characteristic of crimes of a terrorist orientation. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedure and forensic readings], 2015, no. 2 (8), pp. 167–174. (In Russ.).

Kokorin S.A. The historical background of the emergence of criminal liability for acts of terrorism in Russia in the XIX century. *Biznes v zakone* [Business in law], 2011, no. 1. pp. 20–22. (In Russ.).

Koshel' P.A. The history of Russian terrorism. Moscow : Golos Publ., 1995, 376 p. (In Russ.). Available at: https://www.litmir.me/br/?b=269026&p=1. (accessed 18.09.2018)

Kryazhev V.S. A look at the problem of combating terrorism and extremism, taking into account modern realities. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2016, no. 2. pp. 35–39. (In Russ.).

Levchenko I.V. Islamic radicalism and terrorism as a threat to the national security of the Russian Federation. *Problemy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti v kontekste izmeneniya geopoliticheskoi situatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 28 april 2017* [Problems of ensuring national security in the context of changing the geopolitical situation: materials of the Intern. scientific-practical conf.]. Irkutsk: Izd-vo BGU Publ., 2017, pp. 104–110. (In Russ.).

Mal'tsagov I.D. Development of criminal legislation on liability for terrorism in Russia. *Zakon i parvo* [Law and right], 2013, no. 4, pp. 68 – 72. (In Russ.). Availabie at : http://naukarus.com/razvitie-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-terrorizm-v-rossii-sovetskiy-period (accessed 21.05.2018)

Medov M.U. Terrorism: the historical path and true

линная природа // Вестник экономической безопасности. 2014. № 3. С. 28–31.

Михайлов М.А., Кряжев В.С. Единообразие в определении круга преступлений террористической и экстремистской направленности – необходимая предпосылка эффективности методики их расследования // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 770–778.

Моисеев В.П. Антитеррористическая безопасность в структуре национальной безопасности России // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 27 апреля 2018 г. / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. С. 132–136.

Мусаелян М. Ф. Историко-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России (XI – начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 13. С. 27–30. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/38496-istoriko-pravovoj-analiz-ugolovnogo-zakonodatelstva-otvetstvennosti-terrorizm (дата обращения: 24.07.2018)

Мызин И.М. Со взведенным курком. М. : Молодая гвардия, 1964. 192 с.

Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с. URL: http://antiterrortoday.com/images/docs/zametki-o%20Petrishev.pdf (дата обращения: 19.06.2018)

Рягин Ю.И., Маринович А.Н. Новые формы современного терроризма как вызов стабильности мирового сообщества // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 35–39.

Яковенко И. Терроризм // Нева. 2005. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html (дата обращения: 10.06.2018)

Mikhailov M.A., Kryazhev V.S. Uniformity in determining the range of crimes of a terrorist and extremist nature is a necessary prerequisite for the effectiveness of their investigation methods. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2016, vol. 10. no. 4, pp. 770–778. (In Russ.).

Moiseev V.P. Antiterrorist security in the structure of the national security of Russia. *Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi politiki Rossii v sfere obespecheniya natsional'noi bezopasnosti : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 27 aprelya 2018 g*. [The main directions of the state policy of Russia in the field of national security]. Irkutsk : BGU Publ., 2018, pp. 132–136. (In Russ.).

Musaelyan M.F. Historical and legal analysis of criminal legislation on liability for terrorism in Russia (XI – beginning of XX century). *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2009, no. 13, pp. 27–30. (In Russ.). Available at: https://wiselawyer.ru/poleznoe/38496-istoriko-pravovoj-analiz-ugolovnogo-zakonodatelstva-otvetstvennosti-terrorizm (accessed 24.07.2018)

Myzin I.M. *So vzvedennym kurkom* [Cocked]. Moscow: Molodaya gvardiya publ., 1964, 192 p. (In Russ.).

Petrishchev V.E. Notes on terrorism. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001, 288 p. (In Russ.). Available at: http://antiterrortoday.com/images/docs/zametki-o%20Petrishev.pdf (accessed 19.06.2018)

Ryagin Yu.I., Marinovich A.N. New forms of modern terrorism as a challenge to the stability of the world community. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo* [Society: politics, economics, law] , 2016, no. 12, pp. 35–39. (In Russ.).

Yakovenko I. Terrorism. *Neva* [Neva], 2005, no. 12. (In Russ.). Available at: http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html (accessed 10.06.2018)

Сведения об авторе

Шободоева Анна Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: AnnaV.59@mail.ru

Критерии авторства

Шободоева А.В. подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Anna V. Shobodoeva,
Cand. Sci. (History), associate professor of legal support of national security,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: AnnaV.59@mail.ru

Attribution criteria

Shobodoeva A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-167-178

По страницам одной книги (Л.Д.Троцкий «Европа в войне 1914–1918 гг.»)

© Е.С. Сальникова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В данной статье анализируется книга Л.Троцкого «Европа в войне 1914–1918 гг.». Книга представляет собой сборник статей, написанных автором, будучи военным корреспондентом газеты «Киевская мысль», а также статей, которые стали публиковаться в русской эмигрантской газете «Наше слово». Главными темами его репортажей, корреспонденций становятся причины войны. Критикуя войну как таковую, он считал, что единственное ее основание – это непреодолимые противоречия капитализма. Особенно ярко и драматично Троцкий описывает ужасы и страшные, необратимые процессы войны. Особое внимание в своих корреспонденциях он уделил немецкой армии. Подробно рассматривая принципы организации армии, он пишет, что немецкий милитаризм воплотил в себе всю историю Германии и первое, чем он поражает воображение, это могущество техники. Рассматривая роль России в войне, Троцкий в основном делает акценты на критику либеральных партий, их позиции по отношению к войне, к царскому правительству. Еще одна тема, которая присутствует в статьях Троцкого, – это связь войны и революции. Для него не вызывает сомнения, что поражение в войне, «компрометируя государственную организацию, ослабляет ее», и при этом он видел в поражении царской Росси путь к революции.

Ключевые слова: I Мировая война, Германия в I Мировой войне, Россия в I Мировой войне, причины войны, отношение к войне социал-демократов, связь войны и революции, милитаризм, Л.Д. Троцкий, П. Милюков

Информация о статье: Дата поступления 1 октября 2018 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Сальникова Е.С. По страницам одной книги (Л.Д. Троцкий «Европа в войне 1914–1918 гг.»). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 167–178. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-167-178.

Through the pages of one book (L.D. Trotsky “Europe in the War of 1914–1918”)

© Elena S. Salnikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: This article analyzes the book by L. Trotsky “Europe in the War of 1914–1918”. The book is a collection of articles written by the author who was a military correspondent of the newspaper “Kievskaya mysl” and also the collection of articles, which were published in the Russian emigrant newspaper “Nashe slovo”. The main topics of his reports and correspondences were the causes of war. Criticizing the war as such, he believed that the only reason for it was the insurmountable contradictions of capitalism. Trotsky describes the horrors and irreversible processes of war very vividly dramatically. He paid a special attention in his correspondence to the German Army. Examining in detail the principles of its organization, he writes that the German militarism, embodied in himself the whole history of Germany and the first thing striked his imagination was the power of equipment. Considering the role of Russia in the War, Trotsky mainly criticizes the liberal parties, their position in relation to the war, and to the imperial government. Another topic that is present in the articles of Trotsky is the link between the War and the Revolution. For him, there is no doubt that the defeat in the war “compromising the state organization, weakens it”, and he saw in the defeat of The Russian Empire the way to the Revolution.

Keywords: World War I, Germany in World War I, Russia in World War I, the causes of the war, the attitude to the war of the social democrats, the relationship of the war and the revolution, militarism, L.D. Trotsky, P. Miliukov

Article info: Received October 1, 2018; accepted for publication November 5, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Salnikova E.S. Through the pages of one book (L.D. Trotsky "Europe in the War of 1914–1918"). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 167–178. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-167-178.

Лев Троцкий являлся одной из самых ярких политических фигур первой половине XX века. Большей частью он известен как организатор и человек, принимавший самое активное участие в событиях 1917 года в России, и последовавшей за ними Гражданской войной (рис. 1).

Личность Троцкого вызывает неослабевающий интерес как у современных зарубежных исследователей (Герварт Р., Хорн Дж., 2014; Стяжкина Е.В., Ревенко В.К., 2012; Steinberg M.D., 2017a; Steinberg M.D., 2017b; Steinberg M.D., 2018), так и у российских историков (Пономарева Н.А., 2011; Воейков М., Дзарасов С., 2004).

Пребывание Троцкого в ссылке в Иркутской губернии, где он впервые активно стал заниматься журналистской деятельностью и опубликовал три десятка статей и очерков, также нашло отражение в публикациях современных исследователей (Шиловский М.В., 2008; Иванов А.А., 2013).

Менее известны его взгляды, его деятельность в период I Мировой войны, когда он находился в эмиграции. Некоторые статьи этого периода вошли в книгу, изданную в 1922 (Троцкий Л.Д., 1922). В 1927 в СССР вышла книга «Европа в войне 1914–1918 гг.» Она включает различные статьи Льва Троцкого, написанные непосредственно в период

Рис. 1. Л.Д. Троцкий
Fig. 1. L.D. Trotsky

военных действий, когда он проживал в Европе. Почти сразу эта книга была запрещена. И вновь была издана только в 2018 г. (рис. 2).

В советский период писательская и журналистская деятельность Троцкого почти не рассматривалась. Только в Париже в 1984 вышло исследование об его деятельности (Фельштинский Ю., 1984).

Начало войны застало Троцкого в Европе. Еще с 1908 г. Троцкий стал пробовать свои силы в совершенно непривычной для него области журналистики, сотрудничая не только в социал-демократической, но и либеральной российской прессе, его материалы читающая публика встречала с интересом. О совместной деятельности Лев Троцкий договорился, прежде всего, с редакцией газеты «Киевская мысль».

Эта газета была крупной и авторитетной лево-либеральной, ежедневной газетой. Владельцы смогли превратить свое издание в общероссийское. Тираж ее был также весьма внушительным. «Составляя вначале 25 тысяч, он поднялся к 1916 г. до огромной, для формально периферийной газеты, цифры в 70 тысяч экземпляров» (Фельштинский, Чернявский, 2012а. С. 116) (рис. 3).

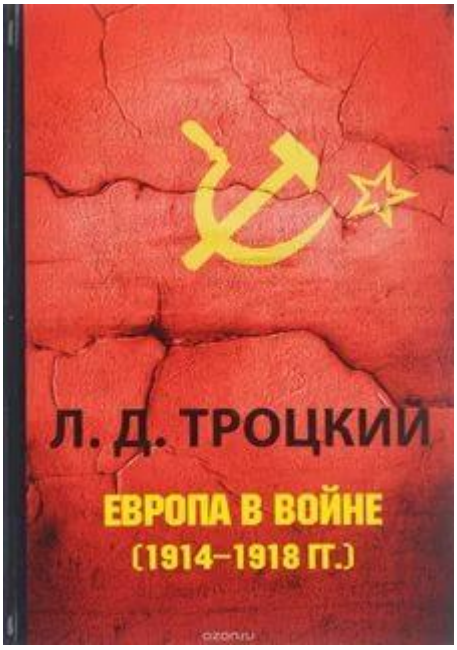

Рис. 2. Книга Л. Троцкого «Европа в войне 1914–1918 гг.»
Fig. 2. Book by L. Trotsky "Europe in the War of 1914–1918"

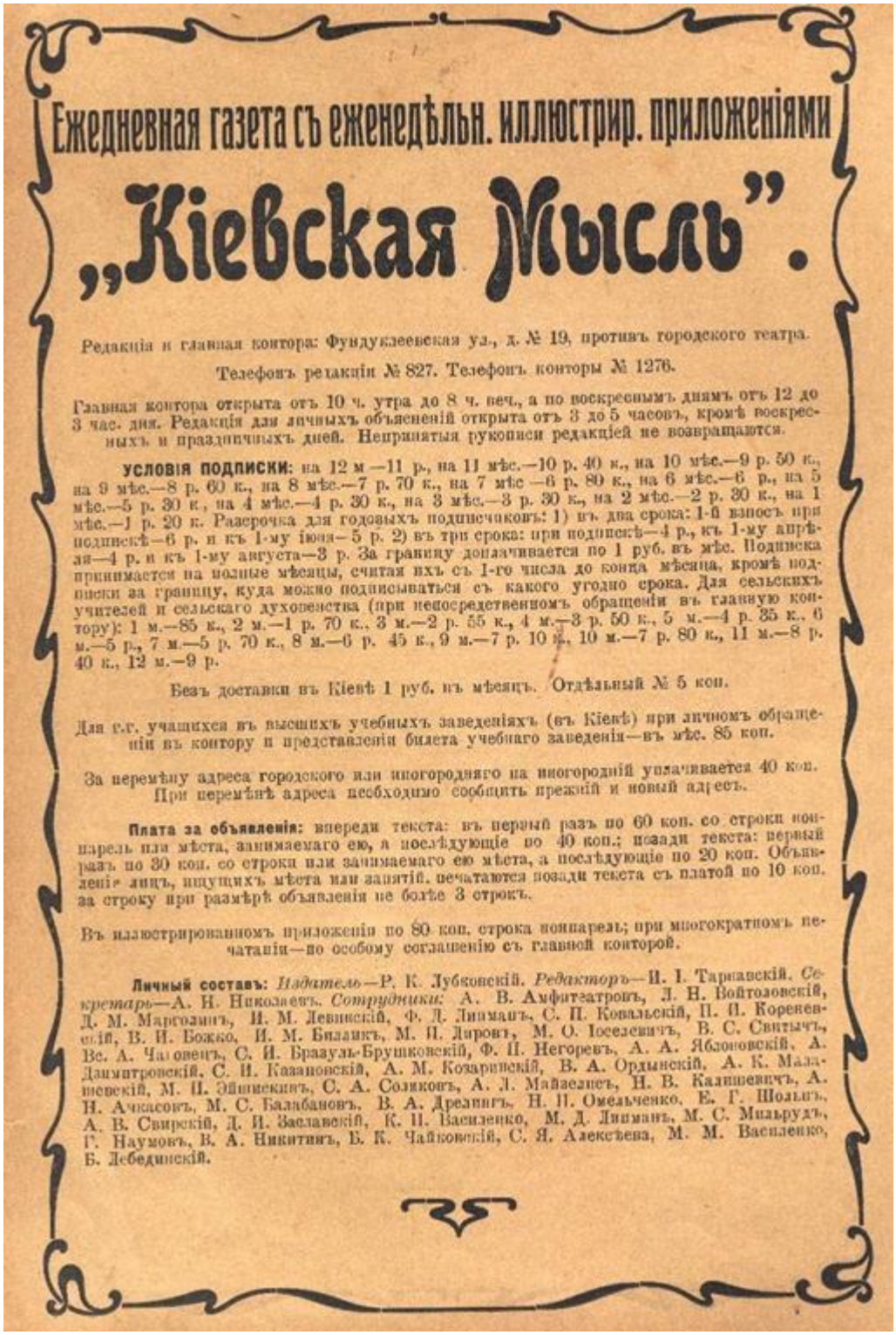
Кроме этой газеты его военные корреспонденции стали публиковаться в русской эмигрантской газете «Наше слово», она начала выходить с 29 января 1915 г. Он быстро превратился в одного из основных авторов, а постепенно и в фактического руководителя издания. Но авторам приходилось преодолевать сопротивление французской цензуры, которая вычеркивала неугодные ей места. В результате газета постоянно появлялась с большими белыми пятнами, иногда охватывавшими значительную часть страницы. «Редакция такой газеты, как «Наше слово», в эмигрантских условиях гораздо менее свободна в направлении деятельности газеты, чем можно было бы думать» (Фельштинский, Чернявский, 2012а. С. 138).

Троцкий в своих корреспонденциях для этих изданий дает анализ военных действий. Он становится не только репортером, но и военным корреспондентом (рис. 4). Военные корреспонденции автора очень любопытны, он замечает детали, повседневность военного быта (статьи «Крепость или траншея», «Траншея» и др.). Но главный лейтмотив его корреспонденций – это ненависть к войне. Он называет себя пацифистом.

I Мировая война поставила перед социалистами всех воюющих стран сложные вопросы: каковы причины, начавшейся войны, как следует относится к ней социал-демократам, следует ли занимать патриотические или интернационалистские позиции, и вообще, возможно ли совместить патриотизм с интернационализмом. Как относиться к правительству своей страны, вовлеченному в войну с внешним врагом, каковы пути выхода из войны.

Все эти вопросы встали перед Троцким в точно такой же степени, как и перед социал-демократами всех воюющих стран.

Троцкий был искренне потрясен энтузиазмом народа в столицах воюющих стран. И уже через несколько дней после того, как вспыхнула всемирная бойня, произошло событие не менее важное: социал-демократические партии Германии и Франции объявили о том, что их страны ведут «справедливую» войну, и в национальных парламентах проголосовали за предоставление своим правительствам военных кредитов.

Ежедневная газета съ еженедѣльн. иллюстрир. приложеніями

„Кіевская Мысль".

Редакція и главная контора: Фундуклеевская ул., д. № 19, противъ городского театра.

Телефонъ редакціи № 827. Телефонъ конторы № 1276.

Главная контора открыта отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., а по воскреснымъ днямъ отъ 12 до 3 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта отъ 3 до 5 часовъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Непринятыя рукописи редакціей не возвращаются.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 12 м.—11 р., на 11 мѣс.—10 р. 40 к., на 10 мѣс.—9 р. 50 к., на 9 мѣс.—8 р. 60 к., на 8 мѣс.—7 р. 70 к., на 7 мѣс.—6 р. 80 к., на 6 мѣс.—6 р., на 5 мѣс.—5 р. 30 к., на 4 мѣс.—4 р. 30 к., на 3 мѣс.—3 р. 30 к., на 2 мѣс.—2 р. 30 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к. Разсрочка для годовыхъ подписчиковъ: 1) въ два срока: 1-й взносъ при подпискѣ—6 р. и къ 1-му іюня—5 р. 2) въ три срока: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р. и къ 1-му августа—3 р. За границу доплачивается по 1 руб. въ мѣс. Подписка принимается на полные мѣсяцы, считая ихъ съ 1-го числа до конца мѣсяца, кромѣ подписки за границу, куда можно подписываться съ какого угодно срока. Для сельскихъ учителей и сельскаго духовенства (при непосредственномъ обращеніи въ главную контору): 1 м.—85 к., 2 м.—1 р. 70 к., 3 м.—2 р. 55 к., 4 м.—3 р. 50 к., 5 м.—4 р. 35 к., 6 м.—5 р., 7 м.—5 р. 70 к., 8 м.—6 р. 45 к., 9 м.—7 р. 10 к., 10 м.—7 р. 80 к., 11 м.—8 р. 40 к., 12 м.—9 р.

Безъ доставки въ Кіевѣ 1 руб. въ мѣсяцъ. Отдѣльный № 5 коп.

Для г.г. учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Кіевѣ) при личномъ обращеніи въ контору и представленіи билета учебнаго заведенія—въ мѣс. 85 коп.

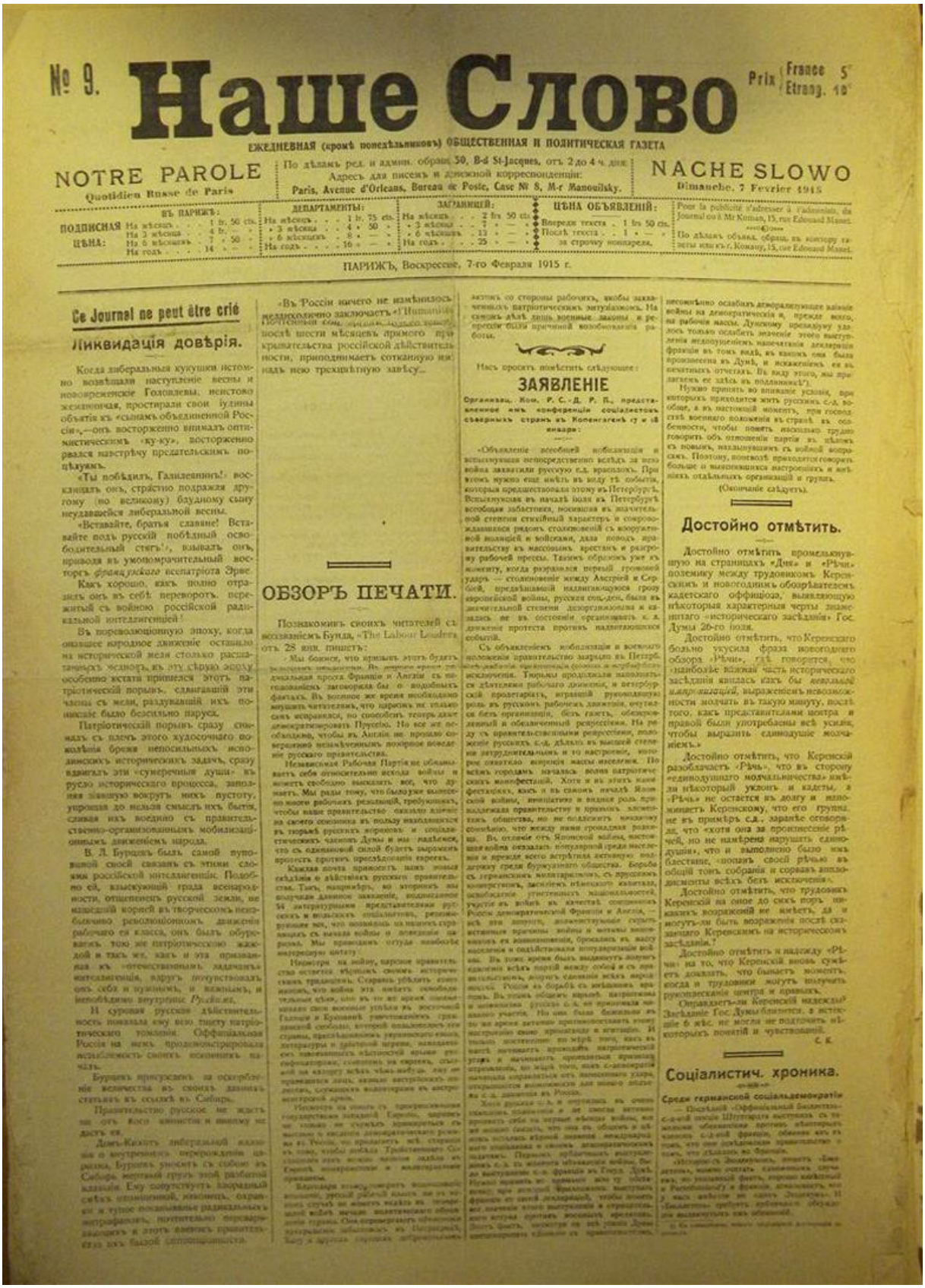
За перемѣну адреса городского или иногороднаго на иногородній уплачивается 40 коп. При перемѣнѣ адреса необходимо сообщить прежній и новый адресъ.

Плата за объявленія: впереди текста: въ первый разъ по 60 коп. со строки нонпарель или мѣста, занимаемаго ею, а послѣдующіе по 40 коп.; позади текста: первый разъ по 30 коп. со строки или занимаемаго ею мѣста, а послѣдующіе по 20 коп. Объявленія лицъ, ищущихъ мѣста или занятій, печатаются позади текста съ платой по 10 коп. за строку при размѣрѣ объявленія не болѣе 3 строкъ.

Въ иллюстрированномъ приложеніи по 80 коп. строка нонпарель; при многократномъ печатаніи—по особому соглашенію съ главной конторой.

Личный составъ: *Издатель*—Р. К. Лубковскій. *Редакторъ*—И. І. Тарнавскій. *Секретарь*—А. Н. Николаевъ. *Сотрудники:* А. В. Амфитеатровъ, Л. Н. Войтоловскій, Д. М. Марголинъ, И. М. Левинскій, Ф. Д. Линманъ, С. П. Ковальскій, П. И. Кореневскій, В. И. Божко, И. М. Биланъ, М. П. Дировъ, М. О. Іоселевичъ, В. С. Свитычъ, Вс. А. Чаговецъ, С. И. Бразуль-Брушковскій, Ф. П. Негоревъ, А. А. Яблоновскій, А. Дмитровскій, С. И. Казановскій, А. М. Козаринскій, В. А. Ордынскій, А. К. Малашевскій, М. П. Эйшискинъ, С. А. Соликовъ, А. Л. Майзелисъ, Н. В. Калишевичъ, А. Н. Ачкасовъ, М. С. Балабановъ, В. А. Дрелинъ, Н. П. Омельченко, Е. Г. Шольцъ, А. В. Свирскій, Д. И. Заславскій, К. П. Васильенко, М. Д. Линманъ, М. С. Мильрудъ, Г. Наумовъ, В. А. Никитинъ, Б. К. Чайковскій, С. Я. Алексѣева, М. М. Васильенко, Б. Дебединскій.

Рис. 3. Газета «Киевская мысль»
Fig. 3. Newspaper "Kievskaya mysl"

№ 9. **Наше Слово** Prix (France 5 / Etrang. 10

ЕЖЕДНЕВНАЯ (кромѣ понедѣльниковъ) ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

NOTRE PAROLE — Quotidien Russe de Paris

По дѣламъ ред. и админ. обращ. 50, B-d St-Jacques, отъ 2 до 4 ч. дня.
Адресъ для писемъ и денежной корреспонденции:
Paris, Avenue d'Orleans, Bureau de Poste, Case № 8, M-r Manouilsky.

NACHE SLOWO — Dimanche, 7 Fevrier 1915

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: ВЪ ПАРИЖѢ: На мѣсяцъ . . . 1 fr. 50 cts. На 3 мѣсяца . . 4 fr. — На 6 мѣсяцевъ . 7 fr. 50 На годъ . . . 14 fr. —

ДЕПАРТАМЕНТЫ: На мѣсяцъ . . . 1 fr. 75 cts. • 3 мѣсяца . . . 4 • 50 • • 6 мѣсяцевъ . . 8 • — • На годъ . . . . 16 • — •

ЗАГРАНИЦЕЙ: На мѣсяцъ . . . 2 frs 50 cts. • 3 мѣсяца . . 7 • — • • 6 мѣсяцевъ . 13 • — • На годъ . . . . 25 • — •

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: Впереди текста . . 1 frs 50 cts. Послѣ текста . . . 1 • — • за строчку петита.

Pour la publicité s'adresser à l'administr. du Journal ou à Mr Koman, 15, rue Edouard Manet.

По дѣламъ объявл. обращ. въ контору газеты или къ г. Коману, 15, rue Edouard Manet.

ПАРИЖЪ, Воскресенье, 7-го Февраля 1915 г.

Ce Journal ne peut être crié

Ликвидація довѣрія.

Когда либеральныя кукушки истомно возвѣщали наступленіе весны и нововрем**е**нскіе Голоплевы, неистово жестикулируя, простирали свои іудины объятія къ «сынамъ объединенной Россіи»,—онъ восторженно внималъ оптимистическимъ «ку-ку», восторженно рвался навстрѣчу предательскимъ поцѣлуямъ.

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» восклицалъ онъ, страстно подражая другому (но великому) безумному сыну неудавшейся либеральной весны.

«Вставайте, братья славяне! Вставайте подъ русской побѣдный освободительный стягъ!», взывалъ онъ, приводя въ умопомрачительный восторгъ *французскаго* эспатріота Эрве.

Какъ хорошо, какъ полно отразилъ онъ въ себѣ переворотъ, пережитый съ войною россійской радикальной интеллигенціей!

Въ переволюціонную эпоху, когда онѣшее народное движеніе оставило на исторической мели столько расщепанныхъ ѳсиноръ, въ эту сѣрую эпоху особенно кстати пришелся этотъ патріотическій порывъ, сдвигавшій эти члены съ мели, раздувавшій ихъ поникшіе было безсильно паруса.

Патріотическій порывъ сразу снималъ съ плечъ этого худосочнаго поколѣнія бремя непосильныхъ исполнинскихъ историческихъ задачъ, сразу вдвигалъ эти «сумеречныя души» въ русло историческаго процесса, заполняя зіяющую вокругъ нихъ пустоту, упрощая до нельзя смыслъ ихъ бытія, сливая ихъ воедино съ правительственно-организованными мобилизаціонными движеніемъ народа.

В. Л. Бурцевъ былъ самой типичной своей связанъ съ этими слоями россійской интеллигенціи. Подобно ей, языкующій града всенародности, отщепенецъ русской земли, не имѣвшій корней въ творческомъ неизбѣжно революціонномъ движеніи рабочаго ея класса, онъ былъ обуреваемъ тою же патріотическою жаждой и такъ же, какъ и эта прослойка къ «отечественнымъ» задачамъ интеллигенція, вдругъ почувствовалъ онъ себя и нужнымъ, и важнымъ, и необходимо внутри *Россіи*.

И суровая русская дѣйствительность показала ему всю тщету патріотическаго тожденія. Оффиціальная Россія на всѣхъ продемонстрировала ненавистность своихъ исконныхъ началъ.

Бурцевъ присужденъ за оскорбленіе величества въ своихъ двинутыхъ статьяхъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Правительство русское не ждетъ ни отъ кого милости и никому не дастъ ея.

Домъ-Кихотъ либеральной идеи о внутреннемъ перерожденіи царизма, Бурцевъ увезетъ съ собою въ Сибирь мертвый грузъ этой разбитой идеалы. Ему сопутствуетъ злорадный смѣхъ отщепенцевъ, имѣвшихъ охранки и тупое покалываніе радикальныхъ интрафашистовъ, почтительно перекрещивающихъ и этотъ кончикъ правительства ихъ былой сепаратистки.

«Въ Россіи ничего не измѣнилось» меланхолично заключаетъ «L'Humanité» [illegible] послѣ шести мѣсяцевъ прямого при кровительства россійской дѣйствительности, приподнимаетъ сотканную изъ надъ нею трехцвѣтную завѣсу...

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.

Познакомимъ своихъ читателей съ высказываніемъ Бунда, «The Labour Leader» отъ 28 янв. пишетъ:

«Мы боимся, что призывъ этотъ будетъ [illegible] Въ мирное время [illegible] предательская проэа Франціи и Англіи съ подголосками заговорила бы о подобныхъ фактахъ. Въ военное же время необходимо внушить читателямъ, что царизмъ не только самъ исправился, но способенъ теперь дать демократизировать Пруссію. Но все же необходимо, чтобы въ Англіи не прошло совершенно незамѣченнымъ позорное поведеніе русскаго правительства.

Независимая Рабочая Партія не обязывается себя относительно исхода войны и можетъ свободно высказать все, что думаетъ. Мы рады тому, что было уже вынесено много рабочихъ резолюцій, требующихъ, чтобы наше правительство оказало вліяніе на своего союзника въ пользу находящихся въ тюрьмѣ русскихъ жертвъ и соціалистическихъ членовъ Думы и мы надѣемся, что съ одинаковой силой будетъ выраженъ протестъ противъ преслѣдованія евреевъ.

Каждая почта приноситъ намъ новыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ русскаго правительства. Такъ, напримѣръ, во вторникъ мы получили данное заявленіе, подписанное 54 литературными представителями русскихъ и польскихъ соціалистовъ, резюмирующее все, что извѣстно намъ о положеніи съ начала войны и поведеніи партіи. Мы приводимъ оттуда наиболѣе интересную цитату:

Несмотря на войну, царское правительство остается вѣрнымъ своимъ историческимъ традиціямъ. Стараясь убѣдить своихъ союзниковъ, что война эта ведется свободолюбивыми цѣлями, оно въ то же время систематически [illegible] русскихъ, стремящихся къ свободѣ. Оно [illegible] Галиціи и Буковины уничтоженіе гражданской свободы, которой пользовалось эти страны, преслѣдованіе украинскаго языка, литературы и политической печати, насаждение насильственной языковой русификаторами, [illegible] въ корень, отъ [illegible] до [illegible] всѣхъ чѣмъ-нибудь онъ не [illegible] лицъ, какими настроенъ по [illegible] къ [illegible] военной арміи.

[illegible] государственныя западной Европы, [illegible] не только не [illegible] принципъ съ [illegible] и [illegible] демократическихъ [illegible] Россіи, но признаетъ всѣ старанія [illegible] тому, чтобы побѣда Тройственнаго Согласія имѣла своимъ послѣдствіемъ [illegible] Европѣ [illegible] и милитаризма [illegible] правленія.

[illegible] всякому [illegible] вопросу, [illegible] русскій рабочій классъ не [illegible] ни въ какомъ случаѣ не можетъ видѣть въ [illegible] нынѣшней войнѣ начало политическаго [illegible] своей страны. Онъ [illegible] [illegible] [illegible]

В ноябре 1914 года Троцкий принимает новое предложение редакции газеты «Киевская мысль» стать ее военным корреспондентом. Одной из главных тем его публикаций стала критика войны и ее неприемлемость для развития государств. «Это проклятое время будет ошельмовано будущим историком, не только как эпоха зверств и дикости, но и как эпоха глупости и лицемерия» (Троцкий, 2018. С. 91). И далее: «Все, те технические силы, которые созданы человечеством в его поступательном развитии, двинуты на дело разрушения основ культурного общежития, и прежде всего, на уничтожения человека» (Троцкий, 2018. С. 145).

Он посещал госпитали, беседовал с солдатами, подслушивал их разговоры на улицах, в кафе. «Наиболее остро ставят события вопрос о тех перерождениях, которые произошли и происходят в психологии цвета европейских наций, их наиболее жизненных и творческих поколений, которые замкнуты ныне в железные соты полков, дивизий и чрез казармы, лагеря, траншеи, они проходят все этапы, приближающие их… к физическому столкновению с врагом.., чтобы затем, часть своих кадров вычеркнуть из книги живых, другую часть, возвратить снова в общество в виде слепцов, безруких и безногих калек» (Троцкий, 2018. С. 165).

Чтобы показать весь трагизм и ужас войны Троцкий публикует несколько очерков о простом человеке на войне, о его судьбе, о восприятии им военных событий.

Он пишет о мирной, размеренной жизни Бельгии, где не верили в войну до последнего момента. Не вполне верили, даже тогда, когда немецкие войска перешли границу. «Бельгиец – человек спокойный, с оттенком беззаботности, он не любит зря расстраиваться» (Троцкий, 2018. С. 45). И на примере истории бельгийского офицера седьмого пехотного полка, студента Де-Беера, он описывает тяготы военной жизни, страх смерти, ужас, который человек испытывает перед атакой.

Еще один сюжет, где раскрылся и литературный дар автора, он красноречивее любых слов о войне, очерк «По записной книжке одного серба» – это рассказ о маленьком человеке на войне. « По размытым дорогам медленно сползала на юго-запад к морю вся сербская армия, истерзанная, усталая, без надежды, по колена в грязи… Прокормление каждый должен был искать сам для себя, и эта забота стала господствовать над всеми другими…

Голодающие дети были в первые недели отступления кошмаром для всех. С ними делились, чем могли. Раненный вынимал из рукава корку и отдавал посиневшей девочке. Но чем дальше, то тем больше притуплялось чувство сострадания» (Троцкий, 2018. С. 75–76).

Троцкому журналисту, безусловно, веришь, его сочувствию невольным беженцам, состраданию мирному населению воюющих стран, простому солдату, но через несколько лет, находясь во главе Советской России этот же человек ввергнет свою страну в страшную, еще более кровопролитную, чем Мировая война для России – в Гражданскую. И он будет стоять во главе армии, истребляя своих соотечественников. Вот слова Троцкого о правительстве: «Правительство России во время войны попирает все нормы государственного хозяйства, руководствуясь одной целью: возможно больше выжать в кратчайший срок из достояния нынешнего и будущих поколений (Троцкий, 2018. С. 99).

Вопросы о причинах войны были в центре внимания его как журналиста, критикуя войну как таковую, он считал, что единственная ее причина – это непреодолимые противоречия капитализма. «Капиталистическое развитие пришло в противоречие с созданными им государственными рамками и в течение последних пятидесяти лет искало выхода в непрерывных колониальных хищениях… И эта система, в которой правящие верхи экономически, политически приспособлялись к чудовищному росту милитаризма, разрешилось войной за мировое господство – самой колоссальной и самой постыдной войной, какую знала история» (Троцкий, 2018. С. 146). «Путь конкуренции, путь крушения мелких и средних предприятий и торжества крупного капитала» (Троцкий, 2018. С. 162). Автор из этого делает вывод о невозможности дальнейшего существования наций и государств на основе капиталистического развития.

Будучи корреспондентом, Троцкий показал себя талантливым военным обозревателем, разбирающимся в технике, тактике и стратегии сражений. В сильных и слабых местах воюющих армий.

Так в статье «Две армии» он дает анализ состоянию немецкой и французской армий, в частотности, рассматривает вопрос о том, какой солдат нужен для армии: крестьянин или рабочий. «Лично мне, еще на Балканах, не раз приходилось слышать от наблюдательных офицеров, что рабочие-солдаты не только интеллигентнее крестьян и легче ориентируются в условиях, но и гораздо выносливее их, не так жестоко тоскуют по «куче» и не так скоро падают духом при физических лишениях» (Троцкий, 2018. С. 11).

Особое внимание в своих корреспонденциях Троцкий уделил немецкой армии. Она его и поражает, и вызывать страх, и своеобразное уважение. Анализу этой армии он посвятил больше всего статей. Он пишет, что немецкий милитаризм воплотил в себе всю историю Германии «Первое, чем он поразил воображение, это могущество техники. Тяжелые орудия, цеппелины, быстроходные крейсеры, исключительной силы торпеды – все это было бы невозможно, без лихорадочного индустриального развития» (Троцкий, 2018. С. 10).

Наряду с техникой и дисциплинированной армией Троцкий выделяет еще один фактор немецкого милитаризма – прусское офицерство. «На офицерском корпусе, насквозь пропитанном феодальными воззрениями духом тесно спаянном кастовой исключительности, держится вся организация немецкой армии». И далее он цитирует Бисмарка: «когда соседние страны стали воспринимать у Пруссии составные элементы ее военной организации он сказал с самодовольной иронией, «они многое могут сделать у себя по нашему образцу, но прусского лейтенанта им не сделать никогда!» (Троцкий, 2018. С. 12).

Интересна, еще одна, очень точная характеристика немецкой армии: «Немецкая стратегия, сочетающая феодальные приемы мысли с капиталистическими ресурсами, целиком построена на плане бурного натиска на сокрушающей силе первого удара» (Троцкий, 2018. С. 29). Пройдет более двадцати лет, и уже Советская Россия, убедится на практике, во время Великой Отечественной войны, в объективность характеристики, данной Троцким.

Сравнивая немецкую и французскую армии, он критикует последнюю, считая, что принципы ее формирования, ее тактика и стратегия уступают немецкой... «Республиканский режим.., основан на критике, представительстве, организованном контроле... Постоянная армия несовместима с режимом политической демократии, в условиях республиканского режима постоянная армия, с ее авторитарными тенденциями, остается инородным телом» (Троцкий, 2018. С. 13). И если, как пишет Троцкий, стратегия немецкой армии – это наступление, то французской – оборона, т. к. «мелкобуржуазный уклад жизни привел к приостановке роста населения, что заставляет крайне бережно относиться к человеческому материалу» (Троцкий, 2018. С. 14).

В статье «Война и техника» Троцкий анализирует состояния вооружения воюющих стран, отмечая, что «техника войны, несомненно, выше всего в Германии, в полном соответствии с ее более высоким уровнем капиталистического развития» (Троцкий, 2018. С. 127).

Автор делает интересные наблюдения, что, несмотря на многочисленную тяжелую артиллерию, аэропланы, невиданные ранее телефоны, эта затяжная война дополняется и нравами, и картинками военного быта, почти, что списанными с осады Трои. Речь шла о траншее, которая тянулась на сотни километров от берегов Ла-Манша, до восточных границ, через горные массивы на северо-востоке Франции (рис. 5). «Траншея – это не временный окоп..., эта решающая межа, малейшее передвижение которой в ту или иную сторону, оплачивается неисчислимыми жертвами. Когда затихает артиллерия, ничто не говорит о битве. Поле пустынно и темно... Ничто не говорит о том, что на этом небольшом пространстве идет жизнь тысячи человек. В черных норах сидят, спят, едят, умирают. Траншейная война есть, прежде всего, кровавая игра в прятки» (Троцкий, 2018. С. 133).

Троцкий, также обращает внимание еще на один факт, который сыграл в войне немаловажную

Рис. 5. Траншея времен I Мировой войны
Fig. 5. The trench of World War I

роль, это колючая проволока. «Эта незамысловатая вещь играет в нынешней траншейной войне колоссальную роль. Немцы стали первыми без конца наматывать ее вдоль своего фронта... Мы присутствуем при удивительном зрелище, когда целую нацию, оцепили изгородью из проволочных шипов, – и эта многомиллионная, стоящая на высоте технической культуры, нация не может ничего выдвинуть против жалкой проволоки, кроме… простых ножниц» (Троцкий, 2018. С. 128).

В четвертый раздел книги вошли статьи о России. Но в отличие от корреспонденций, посвященных Франции, Германии и др. западным странам, Троцкий в основном делает акценты на критике либеральных партий, их позиции по отношению к войне, и к царскому правительству. В его публикациях нет характеристики военных действий России, состояния ее армии и т. д. только изобличения «продажного» русского либерализма и его лидера Милюкова.

Он обвиняет Милюкова в том, что он, прикрываясь патриотическими лозунгами по поводу освободительной миссии русской армии, поддерживает царизм в войне. «Милюков с теми, которые хотят быть обманутыми, чтобы сохранить за собой возможность помогать обманывать. Ведь в этом и вообще состоит скромное историческое амплуа русского либерализма» (Троцкий, 2018. С. 90).

Троцкий пишет о том, что только военные поражения России выдвинули на передний политический план либеральную буржуазию. Она объединялась в земские, городские, и другие союзы. Особенно увеличилась роль Союза земств и городов после поражения русской армии в мае – июне

1915 года. Эти поражения обнаружили крайнюю нужду армии в орудиях и снаряжении, вызвали к жизни новую буржуазную общественную организацию – военно-промышленные комитеты. «Милюков сколотил прогрессивный парламентский блок и кое-кому, конечно не реакции и даже не либералам, а третьему элементу в лице социал-либеральных фальсификаторов марксизма, стало казаться, что пробил час нового хозяина, буржуазии, и что старый режим доживает последние дни» (Троцкий, 2018. С. 106).

Имя Милюкова упоминается почти в каждой статьи Троцкого, для него он – олицетворение зла, лицемерия и лжи. Он даже обвинил его и все либеральные партии в подготовке к войне: «Семь лет Милюков оставался за порогом комиссии государственной обороны и, тем не менее, усердно покрывал ее и весь русский милитаризм пред населением страны. Пять лет Гучков руководительствовал в этой самой комиссии и не мог повлиять даже на размеры интендантских взяток. Каждый, из этих «народных представителей» в своей области подготавливал нынешнюю войну и подготовил Россию к войне» (Троцкий, 2018. С. 97)

Он продолжает изобличать либералов: «Весь пореформенный и довоенный период был временем сближения оппозиционной буржуазии с монархией на основе империалистических задач. Милюков совершенно не дожидался нарушения австрийцами законов Канта, чтобы по поручению гг. Извольского и Сазонова подготовлять в Софии и Белграде почву для захвата Россией Константинополя и проливов» (Троцкий, 2018. С. 113).

И еще одна характеристика Троцкого о буржуазии: «Политическим идеалом русской буржуазии является прусско-германский режим: государственная власть остается в руках монархии и юнкерства (*помещик – прим. авт.*), как незаменимого оплота против народных низов».

И вывод, который делает автор: «Если история, наша собственная история за последние 10 лет, что-нибудь с полной несомненностью обнаруживает, так это полную тщетность надежд и упований на демократически-оппозиционный рост русского либерализма. Ставши открыто на путь империалистического сотрудничества с монархией, и сделав это сотрудничество основой всей своей политики, либерализм только завершил свою предшествующую эволюцию…» (Троцкий, 2018. С. 121).

Безусловно, этими статьями автор дает понять, что никакой другой альтернативы царскому режиму не существует, кроме российской социал-демократии, только она способна решить вопросы выхода из войны, положения рабочих и др.

Еще одна тема, которая присутствует в статьях Троцкого – это связь войны и революции. Для него не вызывает сомнения, что поражение в войне, «компрометируя государственную организацию, ослабляет ее». Он пишет, что Россия в этой войне раскрывает все свои социальные и государственные прорехи, «но нам не приходило в голову связывать наши политические надежды, революционные или реформаторские с военными злополучиями царизма, неизбежность которых, в случаи стояла для нас вне сомнения» (Троцкий, 2018. С. 101). Для него, в тот момент, было очевидно, что российская социал-демократия не могла связывать своих политических планов с революционизирующим влиянием военных катастроф.

«Война является слишком противоречивым, слишком обоюдоострым фактором исторического развития, чтобы революционная партия…, могла видеть в пути поражений, путь своих политических успехов» (Троцкий, 2018. С. 102). Он справедливо замечает, что выросшая из поражений революция получает в наследство вконец расстроенную войной экономику страны, истощенные финансы и т. д.

Троцкий, в своих многочисленных публикациях выступая против войны, не раз подчеркивал, что он является пацифистом, при этом он писал, что особенно поражение России в войне должно привести к революции. В связи с этим он прибегает к сравнению, вспоминая революционные события 1905 года. «Поражение на военном театре деморализовали и ослабили правительственную власть и дали могущественный толчок недовольству разных социальных классов и групп. На этой основе революция получила лихорадочное движение вперед» (Троцкий, 2018. С. 102). При этом он замечает, что катастрофа, по своим гигантским размерам, а,

следовательно, по своему разрушительному воздействию на экономическую и культурную жизнь страны, не может идти ни в какое сравнение с Русско-японской войной.

Троцкий оказался прозорлив в том смысле, что военная эпоха, создавая крайнюю нестабильность, может породить эпоху революционную. «Это, с одной стороны, должно, конечно, повести к несравненно более широкому и глубокому воздействию нынешних поражений на сознание народных масс» (Троцкий, 2018. С. 103). И здесь он противоречит своей первоначальной позиции. Своими гневными, обличительными статьями об империалистическом государстве и о поддерживающих его либеральных политических силах в развязывании войны, «войны зверств и дикости», он фактически призывает воспользоваться всеобщим хаосом и недовольством народов воюющих стран, и, прежде всего, в России. «Перед социал-демократией здесь открываются неисчерпаемые источники революционной агитации, каждое слово которой будет встречать могущественный резонанс. Но необходимо, с другой стороны, отдать себе ясный отчет в том, военная катастрофа, истощая экономические и духовные силы и средства населения, только до известного предела сохраняет способность вызывать активное негодование, протест, революционные действия… Связь между поражением имеет не механический, а диалектический характер» (Троцкий, 2018. С. 103–104).

Деятельность Троцкого в период первой мировой войны в качестве военного корреспондента, писателя, публициста, идеолога и теоретика марксизма, не только дала ему возможность выразить собственное отношение к происходящим событиям, заработать денег, как он сам пишет, но и в дальнейшем использовать многое в своей деятельности, уже будучи одним из руководителей Советской России.

Например, «Как во время мобилизации железнодорожное ведомство нарушает всякие регламенты и расписание поездов, так и правительство, каждой воюющей страны, а России в особенности, попирает во время войны все нормы государственного хозяйства, руководствуясь одной целью: возможно больше выжать, в кратчайший срок, из достояния нынешнего и будущих поколений» (Троцкий, 2018. С. 92). Гражданская война, развязанная большевиками, наглядно подтвердила эти слова Троцкого, но уже связанные непосредственно с ним, как руководителем Красной Армии.

«Милитаризм, который должен был по смыслу вещей, играть роль послушного и верного инструмента империалистических интересов, стал… почти совершенно «автономным», продолжая автоматически пожирать все силы и средства нации» (Троцкий, 2018. С. 85). Через несколько лет, уже после Гражданской войны, Троцкий выступит как сторонник всеобщей милитаризации промышленности, использования военно-командных методов управления советской экономикой.

Троцкий привлекает внимание как военный практик и современных исследователей (Войтиков С.С., 2013; Система… Троцкого была и проста, и гениальна, 2017).

Характеризуя русскую армию, он пренебрежительно высказывается о крестьянстве. «В русской армии крестьянство подавляет пролетариат. Подавляюще-крестьянский состав армии не может не понижать военного уровня. Это обстоятельство еще усугубляется исторически обусловленным характером русского крестьянства» (Троцкий, 2018. С. 99) Он пишет, что это связано с его безграмотностью, «сословным бесправием», оно не сознательно и политически не активно. И в 20-х годах он будет энергично выступать за форсированную индустриализацию за счет русской деревни.

Перед нами два разных человека. Один – пацифист, обличитель пороков капитализма, борец за свободу печати, демократические свободы. Другой – жесткий, жестокий, бескомпромиссный человек. Обращаясь к кадетам, Троцкий заявил о начале массового террора, «врагов революции будет ждать гильотина, а не только тюрьма» (Фельштинский, Чернявский. 2012b. С. 10). Ярким символом связи идеи и личности останется его фраза: «Я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее» (Троцкий, 2016).

Библиографический список

Воейков М., Дзарасов С. Экономические взгляды Л.Д. Троцкого // Вопросы экономики. 2004. № 11. С. 142–157.

Войтиков С.С. «Пермская катастрофа» Льва Троцкого и Якова Свердлова // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 19–25.

Герварт Р., Хорн Дж. Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923: сб. ст. // Новое литературное обозрение. М., 2014. С. 8–31.

Иванов А.А. Первая ссылка Льва Троцкого // Клио. 2013. № 9 (81). С. 120–127.

Пономарева Н.А. Этапы революционного процесса в свете социально-политической концепции Л.Д. Троцкого // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2011. № 3. С. 77–87.

Система… Троцкого была и проста, и гениальна // Родина. 2017. № 11. С. 51. (публикация документа)

Стяжкина Е.В., Ревенко В.К. Изучение жизни и деятельности Л.Д.Троцкого (Льва Бронштейна) в зарубежной историографии // Исторические и политологические исследования. 2012. № 1 (49). С. 45–50.

Троцкий Л.Д. Война и революция. Петроград: Госиздат, 1922. Т. 1.

Троцкий Л.Д. Европа в войне (1914–1918 гг.). М.: T8RUGRAM, 2018. 302 с.

Троцкий Л.Д. Я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее // Родина. 2016. № 8. С. 69.

Фельштинский Ю. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – Июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Сер. Исследования новейшей русской истории / под общей ред. А.И. Солженицына, Париж: ИМКА-Пресс, 1984.

Фельштинский Ю.,Чернявский Г. Лев Троцкий. Кн. 1. Революционер 1879–1917. М.: Центрполиграф, 2012a. 448 с.

Фельштинский Ю. Чернявский Г. Лев Троцкий. Кн. 2. Большевик 1917–1923. М.: Центрполиграф, 2012b. 512 с.

Шиловский М.В. Л.Д. Троцкий о Сибири // ЭКО. 2008. № 4 (406). С. 124–127.

Steinberg M.D. Lev Trotsky and the utopian imagina-

References

Voeikov M., Dzarasov S. Economic views of Leon Trotsky. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2004, no. 11, pp. 142–157. (In Russ.).

Voitikov S.S. “Perm disaster” of Leon Trotsky and Yakov Sverdlov. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Magazine], 2013, no. 8, pp. 19–25. (In Russ.).

Gervart R., Khorn Dzh. *Voina vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923: sb. st.* [War in time of peace: Paramilitary conflicts after the World War First. 1917–1923: Coll. Art.]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. Moscow, 2014, pp. 8–31. (In Russ.).

Ivanov A.A. The first exile of Leon Trotsky. *Klio* [Clea], 2013, no. 9 (81), pp. 120–127. (In Russ.).

Ponomareva N.A. Stages of the revolutionary process in the light of the socio-political concept of Leon D. Trotsky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political science], 2011, no. 3, pp. 77–87. (In Russ.).

Sistema… Trotskogo byla i prosta, i genial'na. (Publikatsiya dokumenta) [The Trotsky system ... was both simple and ingenious (publication of the document)]. *Rodina* [Motherland], 2017, no. 11, p. 51. (In Russ.).

Styazhkina E.V., Revenko V.K. *Izuchenie zhizni i deyatel'nosti L.D.Trotskogo (L'va Bronshteina) v zarubezhnoi istoriografii* [Study of the life and work of Leon D. Trotsky (Lev Bronstein) in foreign historiography]. *Istoricheskie i politologicheskie issledovaniya* [Historical and political science research], 2012, no. 1 (49), pp. 45–50. (In Russ.).

Trotskii L.D. *Voina i revolyutsiya* [War and Revolution]. Petrograd: Gosizdat Publ., 1922, vol. 1.

Trotskii L.D. *Evropa v voine (1914–1918 gg.)* [Europe in the War (1914–1918)]. Moscow: T8RUGRAM Publ., 2018, 302 p.

Trotskii L.D. *Ya umru s nepokolebimoi veroi v kommunisticheskoe budushchee* [I will die with an unshakable faith in the communist future]. *Rodina* [Motherland], 2016, no. 8, p. 69. (In Russ.).

Fel'shtinskii Yu. *Bol'sheviki i levye esery. Oktyabr' 1917 – Iyul' 1918. Na puti k odnopartiinoi diktature. Ser. Issledovaniya noveishei russkoi istorii* [Bolsheviks and Left Social Revolutionaries. October 1917 – July 1918. On the way to one-party dictatorship. Ser. Studies of the Newest Russian History], Parizh: IMKA-Press Publ., 1984.

Fel'shtinskii Yu.,Chernyavskii G. *Lev Trotskii. Kn. 1. Revolyutsioner 1879–1917* [Leon Trotsky. Book 1. Revolutionary 1879-1917]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2012a. 448 p.

Fel'shtinskii Yu. Chernyavskii G. *Lev Trotskii. Kn. 2. Bol'shevik 1917–1923* [Leon Trotsky. Book 2. Bolshevik 1917–1923]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2012b. 512 p.

Shilovskii M.V. L.D. Trotsky about Siberia. *EKO* [EKO], 2008, no. 4 (406), pp. 124–127. (In Russ.).

Steinberg M.D. Lev Trotsky and the utopian imagina-

tion in the Russian revolution // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017a. Т. 62. № 4. С. 664–673.

Steinberg M.D. Vladimir Mayakovsky and the imagination in the Russian revolution // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017b. Т. 62. № 3. С. 436–448.

Steinberg M.D. Vladimir Mayakovsky and the imagination in the Russian revolution // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 1. С. 83–91.

tion in the Russian revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2017a, vol. 62, no. 4, pp. 664–673. (In Russ.).

Steinberg M.D. Vladimir Mayakovsky and the imagination in the Russian revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2017b, vol. 62, no. 3, pp. 436–448. (In Russ.).

Steinberg M.D. Vladimir Mayakovsky and the imagination in the Russian revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 1, pp. 83–91. (In Russ.).

Сведения об авторе

Сальникова Елена Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: E.S.1856@mail.ru

Information about the author

Elena S. Salnikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: E.S.1856@mail.ru

Критерии авторства

Сальникова Е.С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Salnikova E.S. carried out research work, made a synthesis based on the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-179-189

1917 год и Русская императорская армия (на примере Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка)

© А.В. Ануфриев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена событиям февральской и октябрьской революций и реакции русской армии на них. Данные события рассматриваются на примере двух полков РИА – 16 Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка. Анализ производится на базе привлечения широкого круга источников, выявленных автором в Российском военно-историческом архиве. Основой для сравнения стали дневники боевых действий полков и соединений, в состав которых они входили: 1 отдельной кавалерийской бригады и 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Во многом низкая моральная устойчивость пехоты связана с потерями. Так, за Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли три полных состава. Сам же 47 полк потерял 13 130 человек. Потери иркутских гусар были на порядок меньше – полк потерял 421 бойца. Даже если учитывать почти 4 кратную разницу в численности пехотного и кавалерийского полков, цифры говорят сами за себя. В пехотных полках почти не осталось носителей полковой славы, они или погибли или после ранения сменили полк, у «иркутцев» костяк полка сохранился, что позволяло поддерживать должный уровень воинской дисциплины. Несравнима и тяжесть службы. Гусары почти не сидели в окопах, их использовали скорее как «пожарную команду», затыкая возникшие дыры в порядках отступающих войск, либо вводя в образовавшийся прорыв при наступлении. Следовательно, кавалерия чувствовала меньшую усталость от войны за счёт более качественного состава, и как следствие – малой восприимчивости к антивоенной пропаганде.

Ключевые слова: армия, братания, бои, война, Иркутский полк, отступление, разложение, расформирование, революция, сибирские стрелки, советы

Информация о статье: Дата поступления 18 января 2019 г.; дата принятия к печати 11 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Ануфриев А.В. 1917 год и Русская императорская армия (на примере Иркутского гусарского полка и 47 Сибирского стрелкового полка). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 179–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-179-189.

1917 and the Russian Imperial Army (on the example of the Irkutsk Hussars and 47th Siberian Rifle Regiments)

© Alexander V. Anufriyev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The paper is devoted to the events of February and October Revolutions and the reaction of Russian Army to them. These events are considered on the example of two regiments of Russian Imperial Army, 16th Irkutsk Hussars and 47th Siberian rifle regiments. The analysis is made on the basis of a wide range of sources found by the author in the Russian Military History Archive. The comparison was made using the diaries of combat operations of the regiments, which are the parts of 1st separate cavalry brigade and 12th Siberian rifle division. In many respects, the low moral sinew of the infantry is due to a greater number of casualties. For instance, during the First World War, four regiments of 12th Siberian Division have lost totally three regiments. In 47th regiment 13,130 people were lost. The losses of the Irkutsk hussars were an order of magnitude less. According to operation record books, the regiment lost 421 fighters. Even if to take into account the almost 4-fold difference in the size of

infantry and cavalry regiments, these numbers speak for themselves. In infantry regiments, there were almost no those who won honor in battle. They either were killed in battle or, after the combat injury, they changed the regiment. The "Irkutsk" regiment preserved its backbone that allowed keeping military discipline at an adequate level. Incomparable were conditions of service. The hussars almost did not sit in the trenches, they were used rather like a "fire brigade" plugging holes in the orders of the retreating troops, or introducing them into breaching during the attack. Consequently, the cavalry felt less fatigue from the war due to a better military strength, and as a result, a lesser susceptibility to anti-war propaganda.

Keywords: army, fraternization, battles, war, Irkutsk regiment, retreat, demoralization, disbanding, revolution, Siberian shooters, soviets

Article info: Received January 18, 2019; accepted for publication February 11, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Anufriyev A.V. 1917 and the Russian Imperial Army (on the example of the Irkutsk Hussars and 47th Siberian Rifle Regiments). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 179–189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-179-189.

Общая тема глубокого кризиса и фактического развала русской армии привлекала внимание исследователей неоднократно. Однако в советской историографии основной упор был сделан на деятельность большевистских организации на фронте и в тылу, для работ подобного плана характерен марксистский догматизм, первые работы особенно 1920-х – начала 1950-х гг. грешат политизированностью и излишней описательность (Селиванов, 1925; Гапоненко, 1953; Рабинович, 1930; Чаадаева, 1935 и др.)

Одновременно оказавшиеся в эмиграции офицеры и генералы императорской армии, анализируя причины своего поражения в Гражданской войне, выпустили работы, находящиеся на границе источников и исследований (Деникин, 2005; Врангель, 1928; Краснов, 1922).

Более информативны и интересны работы 1970–1980 гг., хотя и они находятся в четко заданной марксисткой канве (Андреев, 1975; Якупов, 1975; Баталов, 1978; Дещинский, 1982; Голуб, 1967 и др.).

Серьезное переосмысление проблемы произошло в начале 1990 гг. когда появился ряд новых работ, лишенных догматического взгляда на проблему (Жилин, 1994; Базанов, Пронин, 1997; Базанов, 1999 и др.)

Отдельно стоит отметить работы, посвященные именно сибирским частям (Новиков, 2008; Крылов, 2014).

Несмотря на огромное количество исследовательской литературы данная проблематика, особенно на полковом уровне, хранит еще достаточно неизведанного.

Автор постарался рассмотреть и проанализировать, как прожили переломный, 1917 год, два полка: 47 Сибирский стрелковый и 16 Иркутский гусарский.

Каждый полк русской императорской армии имел интересную и оригинальную историю. Но даже на этом фоне отличается Иркутский драгунский полк. Сформированный в Сибири в конце XVIII в., он прожил интереснейшую жизнь. Здесь была и охрана границы с Китаем, и переброска на запад, участие в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, Русско-турецкая война и подавление польского мятежа 1831 года. Дважды создаваемый как драгунский, полк дважды становился гусарским.

Первую мировую войн полк встретил в Прибалтике, затем последовательно воевал в белорусских болотах, а в 1916 г. был переброшен на юго-запад. События 1917 года застали его в рядах Сводной кавалерийской дивизии.

«2 марта пронеслись слухи об отречении государя. Ещё через день слухи стали совершившимся фактом, – писал Юрий Галич (Г. Гончаренко) – бывший командир 19 драгунского полка) – двинутые на столицу войска получили приказание возвратиться. Наблюдалось не столько сожаление, сколько тревога за будущее. Сведения об отречении великого князя, в свою очередь, не вызвали во мне особой тревоги: Учредительное собрание изберёт форму правления!» Армия, конечно, знала

об отречении, однако относительный порядок в ней пока поддерживался (Галич, 2008. С. 82–84, 89). Он вспоминал: «Революционная пропаганда не преминула вскоре перекинуться на дивизию и, в связи со знаменитым «Приказом № 1», учреждением полковых комитетов, усиленной агитацией специальных агентов, в короткий срок затуманила солдатские головы». Солдаты заставили офицеров и командиров полков принять участие в празднике с красными бутоньерками в петлицах. «Один из офицеров, молодой горячий улан, барон Эльсен, растоптавший бутоньерку ногами, едва не был растерзан на части», – вспоминал Юрий Галич. Солдаты отказывались выходить на стрельбы, в дивизии царила общая апатия и отсутствие дисциплины (Галич, 2008. С. 96–98).

Следует отметить, что официально о смене власти «иркутцы» узнали только 8 марта 1917 г., когда личному полку был объявлен высочайший манифест об отречении от престола императора и манифест великого князя Михаила. Согласно документам полк принял присягу на верность Временному правительству только 22.03.1917 г., приказ командира полка № 82 сообщал: «Я и все чины вверенного мне полка 22 сего марта приняли присягу на верность службы Временному правительству и Родине» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 39).

Между тем «иркутцы» в отличие от соседей сохранили боевой дух и дисциплину. Весной 1917 г. Иркутский гусарский полк, как и остальные полки Сводной кавалерийской дивизии, инспектировался командующим Сводной кавалерийской дивизией генерал-майором М. Свечиным. «22–29 апреля я произвёл инспекторские смотры конным полкам дивизии, – отметил он. – Вид гусар, драгун, заамурцев бодрый. Тела лошадей в гусарском полку очень хорошие» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 10–11).

Свечин особо подчеркнул, что его порадовало состояние полка. «Пики в порядке, пулемёты содержатся исправно, – констатировалось в полковом журнале. Обмундирование и сапоги: в гусарском полку солдаты одеты отлично». «Считаю своим долгом выразить свою благодарность командирам частей и начальствующим лицам. Сердечное спасибо молодцам драгунам, гусарам и заамурцам... за честное и добросовестное отношение к своему долгу на пользу нашей обновленной свободной Родине» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 10–11).

Командование старалось не только словами, но и делом достойно наградить «иркутцев». Приказом от 17 мая были вручены награды иркутским гусарам: гусар Г. Баймишен получил сербскую награду – Звезду ордена Карагеоргиевичей с мечами, а гусар 2-го эскадрона И. Захаров – посеребрённую медаль «За храбрость».

Однако иркутские гусары, несмотря на хорошие итоги смотра и полученные награды, не могли не разделять всеобщую тревогу, витавшую в воздухе после февральских событий. Усталость от войны, множащиеся самые разнообразные слухи о будущем – всё это не могло не сказаться на душевном здоровье солдат и офицеров. Так, приказ № 21 от 1 мая 1917 г. цитирует слова генерала Брусилова о недопущении братаний: «Под видом благожелательства и искреннего чувства братания скрывает провокаторскую деятельность противника, которую наши солдаты принимают за чистую монету. На все попытки противника войти в общение с нашими войсками должен быть один ответ – пулей и штыком» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 1).

Генерал-лейтенант князь Туманов был вынужден издать приказ по 2-му кавалерийскому корпусу. Причиной послужило поведение трёх солдат стрелкового полка 9-й кавалерийской дивизии. Они отправились к немцам, выпили с ними водки, «рассказывали о нашем расположении», а затем вернулись назад, как ни в чём не бывало. «К несчастью и позору для армии, до сих пор встречаются солдаты, которые за водку готовы продать Родину, готовые считать возможным разговаривать с врагом. Приказываю... никаких парламентеров не принимать, а брать в плен или встречать ружейным огнём. Ген.-лейт. князь Туманов» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 20).

Командование, видимо, всерьёз опасалось бегства военнослужащих, поэтому в журнале боевых действий «иркутцев» был зафиксирован ещё один приказ командира 2-го конного корпуса, ге-

нерала-лейтенанта князя Туманова: «В отпуск в Европейскую Россию не более 70 человек по железной дороге в сутки». В эти же дни на 28–30 суток из полка отбывали 9 «иркутцев». Ситуация с «братаниями» была, видимо, настолько сложной, что в полках проходили дисциплинарные суды. К примеру, 10 мая 1917 г. «иркутцы» провели выборы в такие суды. В первом эскадроне председателем был избран корнет Любавский, во 2-м – подполковник Шантырь, в 3-м – штаб-ротмистр Поливанов.

В эти же трудные дни и «иркутцы» вынуждены были расстаться с командиром полковником Л.М. Навроцким, который был переведён в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк.

Уезжая, Навроцкий обратился к воинам Иркутского гусарского полка с трогательными словами: «Сего числа сдав командование полком, я с грустью расстаюсь с вами, родная семья, от всей души благодарю вас, товарищи офицеры и гусары, за ту блестящую службу, которую я видел с вашей стороны. Не долго пришлось мне прожить в этой редкой дружной и славной семье, но тот короткий промежуток времени был для меня праздником и никогда я не забуду этих минут» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 107. Л. 31).

Новым командиром «иркутцев», под началом которого им также придётся прослужить совсем недолго, стал Д.П. Резников.

Судя по путаным приказам, ситуация уже летом 1917 г. слабо контролировалась командованием. Согласно журналу боевых действий полка за июль – август 1917 г., гусары получали весьма противоречивые приказы. 4 июня Сводная кавалерийская дивизия получила приказ перейти в район Пряхова для занятия позиций. Иркутский гусарский полк вместе остался в Подлуже. В 13 часов приказано было полку выступить на соединение с дивизией. В 13 часов 30 минут полк и батарея выступили в город Станислав, но были возвращены с приказом двигаться в распоряжение комкора 2-го гвардейского корпуса. В 9 часов вечера полк прибыл в деревню Луку. 5 июня иркутские гусары начали осматриваться на местности. Было выслано два разъезда, каждый разъезд силою по 15 гусар.

Отряду приказано 6 июля в 8 утра идти «для убеждения» лейб-гвардии Кексгольмского полка, где взбунтовались солдаты. 6 июля в полковом журнале появилась запись: «...напряжение в Кексгольмском полку настолько угрожающее, что явно необходимо отряду прибыть раньше. В 10.30 отряд подошёл к урочищу... где был расположен полк. В 10.45 был послан ультиматум... предложено полку положить оружие к 12 час. В противном случае будет применена сила» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 4). В 12 часов из леса, занимаемого полком, показались отдельные группы людей, затем вышел весь полк с офицерами. Эскадроны, пущенные лавой, осмотрели район. Полк обезоружили, провели выбор солдат, «негодный элемент» – 768 солдат под конвоем 3-го эскадрона направлен в деревню Лука (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 2 об.).

Ю. Галич отмечал, что весной и летом 1917 г., противник на фронте отошёл на задний план: «Всё внимание поглощалось противником в собственных рядах, сплошь и рядом, незримым, тайным, подстерегающим из-за угла, сеящим недоверие, смуту, злобу, ожесточение, ненависть. О, будь прокляты люди, создавшие из доблестной русской армии тупое, дикое, презренное стадо!» – писал он (Галич, 2008. С. 106).

В отличие от пехотных частей, сменивших за время войны более пяти составов и почти полностью утративших боевой дух, кавалерийские части, в том числе и «иркутцы», сохранили большую часть кадрового офицерского и унтер-офицерского состава, что позволило полностью сохранить боеспособность.

Конечно, отдельные эпизоды разложения были и в полку. Однако они жестко пресекались, так 5 февраля 1917 г. военный суд 2 корпуса рассмотрел дела гусара В.Романова, который получив приказ от командира «подстричь на голове чуб, умышленно приказа не выполнил». Суд постановил – «признать виновным в неисполнении общих распоряжений начальства в военное время» гусара Романова «исключить из воинской службы, лишив прав и преимуществ. Отправить в исправительное арестантское отделение на 3 года, при невозможности

– заключить в тюрьму» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 48).

Для поддержания порядка в полку приказом № 87 от 28.03.1917 г. была создана «военно-полицейская команда» во главе с поручиком Шимкевичем, в составе одного унтер-офицера и 5 гусар (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 106. Л. 45).

Между тем «иркутцы» в такой обстановке всё ещё продолжали получать приказы и даже успешно их выполнять. 9 июля эскадроны находились на квартирах, были высланы разъезды под командованием штаб-ротмистра Буксгевдена и прапорщика Кирилова, а также три унтер-офицерских разъезда. 10 июня полк вынужден был отступить на Станиславу. По пути то и дело встречались бегущие в панике пехотные и обозные солдаты. Гусарам по приказу командира пришлось «принять меры к возвращению порядка и успокоению бегущих». 14 июля гусары, уже по официальному приказу, прикрывали отход пехоты. 2-й кавалерийский корпус получил задачу удержать противника и не дать возможность немцам препятствовать их отходу. 16–20 июля «иркутцы» с боями отступали. Наконец, 22 июля стали на квартиры в деревне Владычна Подольской губернии. На следующий день были высланы три офицерских разъезда, боем взято четверо пленных. К 24 июля полк прибыл в Новоселище на границе Австрии, России и Румынии, где был поставлен лагерь. 25 июня была пройдена граница с Румынией. Августовские записи в полковом журнале содержат краткие сведения ещё об одном бое 1917 г., в котором непосредственное участие принимали иркутские гусары. 14 августа 41-я пехотная дивизия начала отступать, противнику досталось 6 артиллерийских орудий. Контратаковали немцев, в том числе и «иркутцы» во главе с полковником Резниковым, первый эшелон состоял из 19-го драгунского полка и 16-го гусарского. Бой стих к 18 часам, благодаря драгунам и гусарам, пехота смогла отбить вторую линию своих окопов (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 8–9).

26 августа «иркутцы» получили телеграмму из Ставки: «полку разрешено носить на правом рукаве череп красный шеврон, вместо кокарды адамову голову. Списки ударников послать в Ставку» (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 100. Л. 9 об.). В эти дни Юрий Галич прибыл в ставку фронта, в Бердичев. То, что увидел он там, уже не вселяло никакой надежды: «Штаб находился в состоянии полной растерянности. Из комнаты в комнату бегали офицеры, чиновники, писаря, взволнованные до предела, с искажёнными лицами, с дрожавшими от испуга руками. В комнаты врывались вооружённые банды солдат, кого-то арестовывали, куда-то уводили». 30 августа в 20 часов иркутские гусары были проинформированы: пришло известие. Над полком зазвучали слова: Керенский принял на себя пост Верховного Главнокомандующего, а генерал Корнилов отстранён и предан суду. «В борьбе Корнилова с Керенским, последний одержал решительную победу... Армию обезглавили... У офицерского состава вынули душу...», – констатировал Юрий Галич (Галич, 2008. С. 140).

После этой телефонограммы в полковом журнале «иркутцев» осталась одна, последняя, запись: «31 августа – полк стоит на месте». Осенью 1917 вирус разложения перекинулся и на «иркутцев». Реальная власть в полку оказалась в руках полкового комитета, который возглавил полковой врач Владимир Иосифович Аккерман.

Офицеры расформированного зимой 1918 г. полка почти в полном составе влились в ряды Белого движения. Из установленных на сегодня судеб офицеров и чиновников только два представителя полка оказались на другой стороне баррикад: Юрий Наумович Пальмгрен возглавил 8-ю отдельную Туркестанскую кавалерийскую бригаду РККА и старший врач полка Владимир Иосифович Аккерман, выбранный в 1917 г. председателем полкового комитета, впоследствии ставший доктором медицинских наук и заведующим кафедрой психиатрии Гродненского и Иркутского медицинских институтов, стал военным врачом в Красной армии.

Полк был возрождён в рядах Добровольческой армии, сначала как ячейка в составе Белозёрского полка. В августе 1919 г. «иркутцы» были развёрнуты в эскадрон в составе сводного полка 1-й кавалерийской бригады, затем числились в 4-м кавалерийском полку. А осенью 1920 г. были приданы стрелковому полку 2-й кавалерийской диви-

зии и, прикрывая отход основной части войск Врангеля, полегли 30 октября в бою у деревни Мамут, что под Джанкоем. Остатки полка были эвакуированы в Галипольский лагерь.

В Сибири в 1918 г. была предпринята попытка воссоздания Иркутского гусарского полка в составе 4-й Иркутской конной бригады. Командиром полка был назначен войсковой старшина Васильев. Полк унаследовал «приборный» цвет 16-го Иркутского гусарского полка РИА (малиновые погоны, околыш фуражки). На 1 октября 1918 г. в полку числились один офицер и 80 нижних чинов. Из-за своей малочисленности полк был свернут в кавалерийский дивизион партизанской бригады имени есаула Красильникова («Красные гусары Красильникова»).

Иное положение было в пехотных частях.

Рассмотрим, как встретили февральские события полки 12 Сибирской стрелковой дивизии. Соединение выбрано не случайно – полки этой дивизии были сформированы в Иркутске на базе первоочередной 7 Сибирской стрелковой дивизии, значительную часть призывного контингента составляли жители Восточной Сибири.

Рассмотрим краткий путь этого соединения. 11 сентября дивизия была отправлена на театр войны, а 11 октября 1914 г. прибыла на Юго-Западный фронт в состав 8-й армии в верховья рек Сан и Днестр.

Весной дивизия противостояла главному удару немцев и понесла чудовищные потери, в строю осталось не более 13 % штатного состава. В начале лета дивизия была переброшена в Ригу, где месяц пополнялась, войдя в состав 5-й армии. В июле 12-я Сибирская дивизия вела бои с немцами в районе Митавы, останавливая немцев рвущихся к Риге. 15–26 августа 1916 г. 7-й Сибирский корпус, в состав которого входила дивизия, был переброшен по железной дороге с Северного на Юго-Западный фронт. Однако к этому моменту и она подверглась разложению. Командующий фронтом А.А. Брусилов отмечал, что «7-й Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным, люди отказывались идти в атаку, были случаи возмущения» (цит. По: Разложение армии в 1917 году, 1925. С. 7).

Первые случаи разложения и братаний были зафиксированы в полках еще осенью 1916 г. Так начальник штаба корпуса, обращаясь к полковым командирам отмечал: «Во время минувших боев 2 и 3 сего октября пехота корпуса не проявила должной доблести, и атаки сея не отличались необходимой энергией. По имеющимся сведениям, причина этого отчасти заключается в предшествовавшей пропаганде, когда агитаторы склоняли н. ч. в атаку не ходить. Несколько агитаторов уже задержаны и преданы полевому суду» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1. Д. 160. Л. 4а).

В фондах РГВИА выявлено дело о расследовании случаев братании в ночь с 12 на 13 октября 1916 г. на левом фланге 45 Сибирского стрелкового полка. Прапорщик Рудзинский доносил командиру 3 батальона полка: «На сколько, справедливы слухи о братаниях стрелков 46 Сибирского стрелкового полка, то могу указать следующее:

1. Во время осмотра позиции 46 полка 12 октября на правом фланге этого полка, где стоит 1 рота. Я узнал от 4 стрелков (фамилии их не знаю), что немцы совсем не стреляют и вчера 11-ого как они сказали один стрелок из той же роты ходил к немцу часовому, тот угостил его папиросами, а стрелок дал ему пачку махорки. Об этом случае знает вся 1 рота.

2. В другом месте стрелок-наблюдатель 6 роты не стрелял по 2 работавшим немцам, ссылаясь на то, что немцы далеко, между тем немцы находились в 350–400 м.

3. Лично какое-либо братание наших стрелков я не видел. И о массовом выходе 50 человек из 47 пока не знаю» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1 Д. 160. Л. 106).

Более подробно рассказывает об этом факте в своем рапорте командир команды пеших разведчиков: «Доношу, что братании стрелков 46 и 47 полков лично не видел. Но 11 сего октября около 2 часов, в штабе 46 полка услыхал от командира названного полка, что час приблизительно тому назад на участке полка происходила братания стрелков с немцами, при чем, по словам командира 46 полка, из окопов 47 полка вышло для свидания

человек 70, навстречу такой же партии немцев. Одновременно с этим на фланге 46 полка из окопов вышло 2 стрелка, кажется, 12 роты разговаривали с несколькими немцами, вышедшим навстречу из окопов. Это свидание наших стрелков с немцами было прервано двумя выпущенными нашей батареей снарядами по разговаривающим после чего наши и немцы бросились в свои окопы» (РГВИА. Ф. 3382. Оп. 1. Д. 160. Л. 104).

Интересно отметить, что после провала наступления, командование запросило данные о боевом духе бойцов, с раскладкой по национальностям. Ответы были предсказуемые, так командир 4 батальона полка капитан Постников (бывший преподаватель Иркутского военного училища) писал: «Великороссы – отличный боевой материал…», интересно его размышление о бойцах – евреях – «собственно говоря, в строю евреев остается мало.., евреи – почти все музыканты и ремесленники – естественно, что большая часть из них должна оказаться не в строю… наши тыловые учреждения требуют почти исключительно ремесленников, а в строю остаются – почти исключительно пахари, но те евреи которых мне довелось наблюдать в эту и минувшую компанию 1904–1905 гг. не были хуже наших «вятских» «ездящих летом на санях, потому что лето короткое». Не соглашался с его мнением комполка: «Хотя в числе н. ч. из евреев и попадаются отдельные личности. Отличающиеся хорошими боевыми качествами, но в большинстве своем для строевой службы они непригодны, а на нестроевых должностях и в мастерских полезны…» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 58).

Реакция сибирских стрелков (хотя к этому моменту назвать их «сибирскими» уже нельзя), была понятна и предсказуема. В полках были созданы Советы, в большинстве состоящие из солдат и младших офицеров, во многом стоящих на позиции леворадикальных партий (прежде всего, социалистов-революционеров). В соединениях к лету начались сплошные митинги, части дивизии отказались выходить на позиции, а авторитет офицеров упал до минимального уровня.

Воспользовавшись разложением стрелков, противник предпринял удачное наступление. Командующий дивизией в приказе от 4 марта 1917 г. горько констатировал: «Нужно принять радикальные меры, что бы, не повторились печальные случаи нападения противника в ночь с 17 и 23 февраля. От которых мы, шутя для противника, потеряли массу пулеметов, минометов и пленных» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 128).

В бою в ночь на 28.02. при внезапной атаке 2 батальон полка оставил на поле сражения 5 пулеметов. При расследовании выяснилось, что «пулеметчик Лапцов вместе с 4 нераненными товарищами бросил пулемет, пулеметчик Пихуля и 2 нераненых товарища, как и пулеметчик Голубенко с двумя другими товарищами**.** Командир горько констатировал: «Несомненно что четыре нераненых человека – сила достаточная для того чтобы если нельзя сопротивляться, то хотя бы унести пулемет а не оставить в руках противника» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 195).

Показателем глубокого морального кризиса сибирских стрелков стал план обороны 47 Сибирского стрелкового полка от 01.11.1917 г.:

«1. Задача – упорно обороняться на занимаемых позициях.

2. Сила – три батальона – 12 рот, команда пеших разведчиков, команда гренадер, 10 пулеметов.

Противник пассивен. Против дивизии стоят 102 ландверный, 244, 25 резервные германские полки, 40 запасной полк в резерве…

4. Местность – открытая, удобная для обзора и обстрела.

5. Протяженность позиций – около 4 500.

6. Состоит из передовой 2 линий окопов на западном берегу р. Гнила, основной из одной линии на восточном берегу реки.

7. Дух войск: «Понижен, устойчивости нет, впечатлительность в отношении артиллерийского огня большая, на решительные контратаки рассчитывать трудно».

Оборону вести главным образом артиллерийским и пулеметным огнем. Упорно оборонять линию окопов на западном берегу р. Гнилы и без

особого приказания не оставлять этих участков ни под каким видом

Изменялся и офицерский состав, становилось все меньше кадровых офицеров, прекрасно знавших своих солдат. Кто-то погибал, кто то уезжал на замену, раненые и заболевшие эвакуировались в тыл. На смену им приходили выпускники ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков. И все чаще вместо блестящих характеристик, например аттестация полковника Александра Крутского, командир 1 батальона полка «Полковник Крутский – испытанный боевой офицер, участник японской компании, он и в настоящей войне зарекомендовал себя с наилучшей стороны. В бою храбр, распорядителен, спокоен. По службе строг, требователен, но справедлив. Во всех отношениях служит отличным примером для подчиненных. К командованию полком подготовлен вполне, что и доказал неоднократно оставаясь за командира полка в 47 полку и временно командуя другими полками 12 и 13 Сибирских стрелковых дивизий». Выпускник Иркутской военной прогимназии и Иркутского пехотного училища участвовал в китайской компании, Русско-японской, к 1917 г. А. Крутский был награжден орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 446).

Или аттестация штабс-капитана с классической русской фамилией Иванов: «… один из тех офицеров, которыми должен гордиться полк. Военное дело знает, понимает и интересуется им. Товарищами любим, солдатами уважаем. Обычно скромный и незаметный с виду, он в бою отличается примерной храбростью, отвагой, способностью увлечь за собой подчиненных. В общем – офицер отличный» (РГВИА. Ф. 338. Оп. 1. Д. 132. Л. 557).

На смену блестящим аттестациям с 1916 г. появлялись явно нелестные – так аттестация подпоручика Станислава Танаевского младшего офицера 13 роты с 5.05.1916 г., выпускника Иркутской школы прапорщиков. «В составе полка в делах и походах против Австро-Венгрии с 17 июня 1915 г. по 3 июля 1916 г. По службе не очень старателен. Ленив. В бою не отличается храбростью. О прочих качествах судить не могу, ибо в полку был непродолжительное время (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 364).

Результаты опроса, проведенного командованием части в ноябре 1917 г., о дальнейших планах офицеров в послевоенный период оказались просто удручающими**.** Из 107 офицеров – 43 желали продолжить службу, отрицательно ответили 62 офицера, 2 воздержались от ответа (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 648–653).

Во многом состояние части зависело и от командира полка. 47 полку повезло: командиром полка был кадровый офицер полковник Казбулат Есиев, осетин по национальности. Кавказец Есиев болезненно реагировал на критику офицеров и солдат своего полка. Показательна история с телеграммой комиссара 7 армии Загорского, в которой он обвинил в трусости солдат и офицеров армии. В ответ 7 августа 1917 г. Есиев обратился с рапортом начальнику 12 Сибирской стрелковой дивизии: «Бывший комиссар 7 армии Загорский в своем обращении № 53 к лучшей части нашей армии в то же время беспощадно клеймит другую её часть, называя изменниками, провокаторами, стадом трусливых баранов.

Справедливый гнев и глубокое возмущение, перед тем великим несчастьем, что постигло нас за последний месяц, конечно вполне понятны …, но это нисколько не исключает необходимости и для него держаться в своих выражениях в пределах возможности. Так как все обращение № 53 написано в общих выражениях без упоминания лиц и частей войск, а среди чинов вверенного мне полка нет офицеров, заслуживающих такого позорного клейма, то от имени своего и офицеров вверенного мне полка, прошу запросить господина Загорского – кто именно будет вписан в историю на черную доску изменников?» (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. Л. 438).

Обстановка на фронте дивизии летом 1917 г. оказалась сложнейшей, в подразделениях царил хаос и разложение, братания приняли массовый характер.

Летом 1917 г. произошла и очная встреча этих полков. Журнал боевых действий Иркутского гусарского полка за май – июнь 1917 г. сухо констатирует: «согласна приказа ... была возложена задача – заставить положить оружие солдат 12 и 13 Сибирских пехотных дивизий, не желающих выходить на позиции и грабивших местное население д. Жукув». Почти двухтысячная толпа солдат была блокирована конницей, командир полка уговаривал пехоту сдать оружие и выдать зачинщиков. Добиться этого удалось только под угрозой артиллерийского обстрела, только после этого пехота согласилась сдать оружие (РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–2 об.).

В июне 1917 г. за отказ наступать Временное правительство постановило расформировать 45-й, 46-й и 47-й Сибирские полки, но это так и не было сделано.

Полк в конце 1917 г. отказался подчиняться украинской Раде, 12 декабря полковой комитет 47 полка отправил на адрес Рады свою резолюцию: «Рада на требования русских революционных войск о замене их украинцами на территории Украины, ввиду украинизации Юго-Западного и Румынского фронтов, ответила арестом военно-революционных комитетов, разоружением русских революционных частей, шедших против контрреволюционных попыток Каледина». И предупредили что «полк с позиций снимается и требует беспрепятственного пропуска через Украину со всем имуществом» и что при препятствии может применить оружие (РГВИА. Ф. 3381. Оп. 1. Д. 132. С. 202).

После конфликта с украинской Радой, сибирские стрелки ушли в центральные районы России, где в марте 1918 г. 12-я и 13-я Сибирские дивизии и были расформированы.

Итак, несмотря на сложность сравнения пехоты и кавалерии, можно отметить ряд особенностей.

Во многом низкая моральная устойчивость пехоты связана с большим числом потерь и, прежде всего, офицерского корпуса и кадровых унтер-офицеров. Так за Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли 5257 солдат и офицеров убитыми, 19937 ранеными, 20714 пропавшими без вести, что составляло три полных состава. Непосредственно 47 полк потерял 1354 убитыми, 5077 раненными и 6699 пропавшими без вести, что дает 13 130 человек общих потерь.

Потери иркутских гусар были на порядок меньше: по данным журналов боевых действий (правда, неполным), полк потерял 421 бойца (из них – 60 убитыми, 313 ранеными и контуженными, 5 – попавшими в плен, остальные пропали без вести).

Даже, если учитывать почти 4 кратную разницу в численности пехотного и кавалерийского полков, цифры говорят сами за себя (Новиков, 2008. С. 231–232).

Необходимо отметить, что наиболее болезненными были потери среди офицерского и унтер-офицерского состава. В пехотных полках почти не осталось носителей полковой славы, они или погибли или после ранения сменили полк, у «иркутцев» костяк полка сохранился, что позволяло поддерживать должный уровень воинской дисциплины. Несравнима и тяжесть службы. Гусары почти не сидели в окопах, их использовали скорее как «пожарную команду», затыкая возникшие дыры в порядках отступающих войск, либо вводя в образовавшийся прорыв при наступлении. В 1916 г. предполагалось создать на базе полка партизанский отряд для действий в тылу врага, но это не было до конца осуществлено. «Иркутцы» не знали «отупляющего» сидения в окопах. Поэтому кавалерия чувствовала меньшую усталость от войны, за счёт этого – более качественный состав, и как следствие – малая восприимчивость к антивоенной пропаганде.

Библиографический список

Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. 343 с.

References

Andreev A.M. *Soldatskie massy garnizonov russkoi armii v Oktyabr'skoi revolyutsii* [The Soldiers of the garrisons of the Russian Army in the October revolution].

Базанов С. К истории развала русской армии в 1917 г. // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 51–76.

Базанов С., Пронин А. Бумеранг братания // Военно-исторический журнал. 1997. № 1, 3.

Баталов А. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 – февраль 1918). Новосибирск, 1978. 284 с.

Врангель П.Н. Записки. Альманах «Белое дело». Т. 3. Берлин, 1928. 311 с.

Галич Ю., Попов К. Красный хоровод. Сер. Белогвардейский роман. М.: Вече, 2008. 352 с.

Гапоненко Л.С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953. 196 с.

Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967. 296 с.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. В 3 т. М., 2005.

Дещинский Л.Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Львов,1982. 256 с.

Жилин А.К. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 153–165.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 190–321.

Крылов А.Б. 29-й и 67-й сибирские стрелковые полки на германском фронте (по архивным материалам). М., 2014. 784 с.

Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса. Иркутск , 2008. 275 с.

Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930. 160 с.

Разложение армии в 1917 году. М.,Л.,1925. 190 с.

Селиванов В. Революционный флот в литературном отражении // Красный флот, 1925, № 7.

Moscow, 1975, 343 p.

Bazanov S. To the history of the collapse of the Russian Army in 1917]. *Armiya i obshchestvo. 1900–1941 gody. Stat'i, dokumenty* [Army and society. 1900–1941. Articles, documents]. Moscow, 1999, pp. 51–76. (In Russ.).

Bazanov S., Pronin A. Boomerang fraternization. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 1997, no. 1, 3. (In Russ.).

Batalov A. *Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri (1916 – fevral' 1918)* [The Struggle of the Bolsheviks for the Army in Siberia (1916 – February 1918)]. Novosibirsk, 1978, 284 p.

Vrangel' P.N. *Zapiski* [Notes]. *Al'manakh "Beloe delo"* [Almanac "White matter"]. Berlin, 1928, vol. 3, 311 p. (In Russ.).

Galich Yu., Popov K. *Krasnyi khorovod* [Red dance]. *Ser. Belogvardeiskii roman* [White Guade Novel Series]. Moscow, Veche Publ., 2008, 352 p.

Gaponenko L.S. *Soldatskie massy Zapadnogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov* [Soldiers ' masses of the Western Front in the struggle for power of the Soviets]. Moscow, 1953, 196 p.

Golub P.A. *Partiya, armiya i revolyutsiya. Otvoevanie partiei bol'shevikov armii na storonu revolyutsii. Mart 1917 – fevral' 1918 g.* [Party, Army and Revolution. Winning Army by the Bolshevik Party on the side of the Revolution. March 1917 – February 1918]. Moscow, 1967, 296 p.

Denikin A.I. *Ocherki Russkoi Smuty*. *V 3 t.* [Essays on Russian Distemper. In 3 vol.]. Moscow, 2005. (In Russ.).

Deshchinskii L.E. *Bol'sheviki vo glave revolyutsionnogo dvizheniya v armii i na flote* [The Bolsheviks led the revolutionary movement in the Army and Navy]. L'vov, 1982. 256 p.

Zhilin A.K. To the question of the moral and political state of the Russian Army in 1917. *Pervaya mirovaya voina. Diskussionnye problemy istorii* [First World War. Debatable problems of history]. Moscow, 1994, pp. 153–165. (In Russ.).

Krasnov P.N. On the internal front. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Berlin, 1922, vol. 1, pp. 190– 321. (In Russ.).

Krylov A.B. *29-i i 67-i sibirskie strelkovye polki na germanskom fronte (po arkhivnym materialam)* [29th and 67th Siberian rifle regiments on the German Front (according to archival materials)]. Moscow, 2014, 784 p.

Novikov P.A. *Vostochno-Sibirskie strelki v Pervoi mirovoi voine: 2-i, 3-i i 7-i Sibirskie armeiskie korpusa* [East Siberian Riflemen in the First World War: 2nd , 3rd and 7th Siberian army corps]. Irkutsk, 2008, 275 p.

Rabinovich S.E. *Bor'ba za armiyu v 1917 g.* [The Struggle for the Army in 1917]. Moscow-Leningrad, 1930, 160 p.

Razlozhenie armii v 1917 godu [The decomposition of the Army in 1917]. Moscow-Leningrad, 1925, 190 p.

Selivanov V. The Revolutionary Fleet in the literary reflection. *Krasnyi flot* [The Red fleet], 1925, no. 7. (In Russ.).

Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. 79 с.

Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. М., 1975. 294 с.

Сведения об авторе

Ануфриев Александр Валерьевич,
директор Центра историко-культурного наследия ИГУ,
старший преподаватель кафедры истории России ИГУ,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Критерии авторства

Ануфриев А.В. подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторское право и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Chaadaeva O. *Armiya nakanune Fevral'skoi revolyutsii* [Army on the eve of the February Revolution]. Moscow, 1935, 79 p.

Yakupov N.M. *Bor'ba za armiyu v 1917 godu* [Fighting for the Army in 1917]. Moscow, 1975, 294 p.

Information about the author

Alexander V. Anufriyev,
Director of the Center of historical and cultural heritage of Irkutsk State University, senior lecturer of the department of history of Russia ISU,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: nnnadezhda@mail.ru

Attribution criteria

Anufriyev A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 378.4(571.53)(091)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-190-199

К истории первого гуманитарного факультета Иркутского государственного университета

© Р.Ю. Шпикельман

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Показана драматическая история первого гуманитарного факультета Иркутского государственного университета, просуществовавшего немногим больше года (1920–1921 гг.). Его организация была попыткой сохранения социально-гуманитарного образования в первом в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке университете. Несмотря на удаленность от научных и университетских центров, тяжелые материальные условия на факультете подобрался профессорско-преподавательский состав всероссийского уровня. Направления подготовки, открытые на факультете, оказались пионерными и новаторскими для российской высшей школы – и в последующие десятилетия они все были возрождены в составе факультетов и учебных институтов. Гуманитарный факультет университета создал матрицу, на основе которой была создана система социально-гуманитарного образования в Сибири. Это была вторая попытка организации социально-гуманитарного образования в первом университете Восточной Сибири. Причина неудачи кроется не в слабости руководства университета и его научно-педагогического коллектива. И не в отсутствии поддержки населения и общественности региона, принимала данное образовательное направление и власть губернии. Реальной причиной закрытия гуманитарного факультета, являлась позиция доминировавшей части большевистского руководства, «начисто» отвергавшей роль и значение предшествовавшей их перевороту российской истории и культуры.

Ключевые слова: Россия в 1920-е годы, Иркутский государственный университет, социально-гуманитарное образование, высшее образование в Сибири, Гражданская война, Иркутск, противостояние Центра и регионов, историческое образование, профессорско-педагогический состав сибирских вузов

Информация о статье: Дата поступления 10 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Шпикельман Р.Ю. К истории первого гуманитарного факультета Иркутского государственного университета. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 190–199. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-190-199.

On the history of the first Faculty of Humanities of Irkutsk State University

© Radana Yu. Shpikelman

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The dramatic history of the first humanitarian faculty of Irkutsk State University, which existed for a little more than a year (1920–1921), is shown. Its organization was an attempt to preserve social and humanitarian education in the first University in Eastern Siberia and the Far East. Despite the remoteness of the research and university centers and difficult financial conditions of the faculty it appeared at the Faculty the teaching staff of the national level. The areas of training opened at the Faculty were pioneer and innovative for the Russian higher school – and in the following decades they were all revived as part of the faculties and educational institutions. The Faculty of Humanities of the University created a matrix on the basis of which the system of social and humanitarian education in Siberia was created. This was the second attempt to organize social and humanitarian education at the first University in Eastern Siberia. The reason for the failure lies neither in the weakness of the University management and its scientific and pedagogical staff, nor in the absence of public support in the region. The real rea-

son for the closure of the faculty of Humanities was the position of the dominant part of the Bolshevik leadership “completely” rejected the role and importance of the Pre-Revolution Russian history and culture.

Keywords: Russia in the 1920-ies, Irkutsk State University, Social and Humanities education, higher education in Siberia, the Civil War, Irkutsk, the confrontation between the Centre and the regions, history education, professors and teaching staff of the Siberian higher education institutions

Article info: Received December 10, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Shpikelman R.Yu. On the history of the first Faculty of Humanities of Irkutsk State University. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 190–199. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-190-199.

100-летний юбилей Иркутского государственного университета (ИГУ) заставляет исследователей заново осмыслить вехи его истории и осветить ее малоизученные страницы. К таким малоизученным феноменам и относится история гуманитарного факультета.

28 октября 1918 г. в Иркутском государственном университете начались занятия, в т. ч. и на историко-филологическом факультете. Университет начал свою жизнь при Сибирском временном правительстве П.В. Вологодского. В декабре 1919 г. ИГУ был закрыт правительством А.В. Колчака, а открылся вначале 1920 г., когда власть в городе перешла большевикам (Романов, 1994. С. 237, 255).

Во время Гражданской войны Сибирь на годы была отрезана от столицы страны и была вне юрисдикции Советской власти, которая все это время активно занималась законотворчеством. 23 декабря 1918 г. Наркомпрос упразднил юридические факультеты университетов и им подобных учебных заведений (Сборник декретов и постановлений, 1921. С. 16).

Для проведения в жизнь реформы высшей школы 4 февраля 1919 г. в системе Наркомпроса был создан Государственный ученый совет (ГУС) во главе с историком М.Н. Покровским (Декреты Советской власти, 1968. С. 639–640). Вместо упраздненных юридических факультетов постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г. в университетах создавались факультеты общественных профессий (ФОН). Согласно этому положению два первых курса обучения на них имели общеобразовательный характер, и студенты занимались по единой программе. С третьего курса слушатели делились по трем направлениям: экономическому, политико-юридическому и историческому (Сборник декретов и постановлений, 1921. С. 16).

Весной 1920 г. в Томском университете (ТГУ) была проведена реорганизация социально-гуманитарного образования, в ходе которой в мае 1920 г. юрфак преобразовали в факультет общественных наук (ФОН). Через год, в апреле 1921 г. его общественно-педагогическое отделение было трансформировано в этнолого-лингвистическое на базе историко-филологического факультета (Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134. Л. 43). ФОН просуществовал до июня 1922 г. Студенты, обучавшиеся на ФОНе, были переведены в Саратовский, Петроградский и Иркутский университеты (Хаминов, 2011. С. 132).

Аналогичным образом разворачивались события и в Иркутске, но имела место региональная специфика. В соответствии с регламентом 28 января 1920 г. прошли выборы ректора ИГУ. У действовавшего руководителя профессора М.М. Рубинштейна оказалось два конкурента: профессора Н.Д. Бушмакин, В.А. Сварчевский. Победу одержал Рубинштейн (12 против 9 членов Совета), но отказался сохранить занимаемую должность, сочтя поддержку коллег недостаточной. По 18 февраля 1920 г. врио ректора ИГУ являлся профессор В.П. Доманжо. 18 февраля 1920 г. и. о. стал Н.Д. Бушмакин, а 24 июня его избрали ректором (Зобнин, 2012. С. 131; Нестерович, 1998. С. 45).

Учебный процесс в университете начался 14 февраля 1920 г. Деканом историко-филологического факультета вновь стал профессор

В.И. Огородников (Иркутский государственный университет, 1921. С. 22).

31 марта 1920 г. была создана комиссия профессоров и преподавателей всех факультетов, постановившая упразднить юридический и историко-филологический факультеты и на их основе создать гуманитарный факультет. Решение в тот же день утвердило Правление ИГУ, посчитавшее реорганизацию завершенной (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 107; Казарин, 1998. С. 77). О своем решении оно проинформировало Иркутский губревком, однако тот не согласился, приостановил в нем учебный процесс и создал собственную комиссию по реорганизации вуза.

В ответ 8 апреля 1920 г. был созван Совет вуза в новом составе, на который не пришли 26 представителей студентов от коммунистов и других партий. На Совете зачитали постановление Иркутского губревкома РКП(б) от 5 апреля о приостановлении деятельности ИГУ до реорганизации юридического и историко-филологического факультетов. Это постановление ревкома было обжаловано Советом ИГУ 8 апреля в Наркомпросе РСФСР с сообщением об этом в Сибревком.

Губком 10 апреля 1920 г. в региональном официальном органе – «Власть труда» опубликовал постановление губотдела наробраза, в котором в дополнении к постановлению ревкома заявлялось о недействительности старого устава ИГУ, об отмене автономии и роспуске его Совета до реорганизации вуза, о приостановке деятельности юридического и историко-филологического факультетов и создании комиссии по реорганизации университета. В связи с этим ректор вновь обратился к наркому просвещения с просьбой о помощи. Не желая идти на обострение отношений с местной властью, Совет ИГУ приостановил дальнейшую реорганизацию вуза (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 107).

Игра нервов привела к компромиссу, и 4 мая 1920 г. состоялось заседание объединенной комиссии по реорганизации ИГУ под председательством Г.Ф. Бетонова. Присутствовали профессор Н.Д. Бушмакин, профессор В.И. Огородников, профессор В.А. Рязановский, В.С. Анучин, Н.И. Гусев и представитель ревкома Н.Н. Бобровников.

Были зачитаны телеграммы по реорганизации ИГУ из Москвы от замнаркомпроса Покровского и из Омска от завсиботнаробраза Канатчикова. В итоге, правление университета признало правомочной комиссию, созданную Иркутским губнаробразом для реорганизации ИГУ. Были рассмотрены присланные в качестве образца «Положение о Томском университете» и его учебный план. Комиссия согласилась «считать возможным в качестве основы» использовать Положение о Томском университете (ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 65. Л. 106).

Обсуждение Положения проходило сложно и долго. На заседании комиссии 13 мая присутствовали также представители народного университета П.В. Зицерман, профсоюзов – Корницкий, студентов – Бобровников. 21 мая Правление ИГУ согласилось на норму представительства студентов, равную трети от общего количества членов избираемой структуры. Представители губернской власти разрешили начать работу с 22 мая 1920 г. (ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 65. Л. 107–110).

Комиссия продолжила работу и после начала учебного процесса, и 5 июня рассмотрела учебный план гумфака. Основным докладчиком по этому вопросу был первый декан историко-филологического факультета В.И. Огородников. 10 июня учебный план факультета был утвержден, и принято решение командировать члена комиссии Бобровникова в Омск для защиты «Положения о Госуниверситете в Иркутске» (ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 65. Л. 117–119).

Гуманитарный факультет ИГУ был создан в результате объединения юридического и историко-филологического факультетов. 3 апреля 1920 г. состоялось первое заседание его актива, определившего состав совета и избравшего комиссию по организации отделений. Совет факультета 6 апреля утвердил в составе факультета шесть отделений: философско-педагогическое, правовое, экономическое, историческое (с подотделами Русской и Всеобщей истории), филологическое (с подотделами языковедения и литературы) и восточное. Решено организовать преподавательские коллегии. В

первую коллегию вошли философско-педагогическое, восточное и филологическое отделения, во вторую – юридическое и экономическое, в третью – историческое. Коллегии составили учебные планы на новый учебной год. Утверждал планы Совет факультета (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 107).

Сибнаробраз утвердил новое положение о ИГУ, внеся изменения в предложенный вариант. Новый факультет был наименован «гуманитарным», из шести отделений сохранили пять: общественно-правовое, экономическое, историческое, филологическое и восточное. Последние три отделения уже существовали в составе истфила. Основные изменения коснулись общественно-правового отделения (Зобнин, 2012. С. 30).

В соответствии с решением Совет вуза (8 апреля 1920 г.) выборы должностных лиц гуманитарного факультета (постоянного деканата и секретаря факультета, председателей и секретарей отделений) и образование президиумов были отложены до 24 июля 1920 г. (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 107). Поэтому избрали временные органы управления. И. о. декана гумфака назначили профессора П.П. Миндалева. После его отъезда, исполнять обязанности декана факультета, в мае – июне 1920 г. согласился В.И. Огородников. Деканом гумфака избрали профессора В.А. Рязановского (до ноября 1920 г.), после него – профессора В.П. Доманжо; секретарем факультета до 24 июля 1920 г. был профессор А.Г. Муравьев, а после него профессор И.А. Антропов. Председателем исторического отделения избрали В.И. Огородникова (Иркутский государственный университет, 1921. С. 31).

В 1920/21 учебном году в университете и на факультете работали различные учебные и общественные структуры. Председателем философско-филологической коллегии был М.В. Одинцов, историко-общественной коллегии гумфака – профессор И.А. Антронов. Издательское бюро возглавлял профессор В.И. Огородников, Библиотечную комиссию – профессор Г.Ю. Манс (Иркутский государственный университет, 1921. С. 23).

В 1920/21 учебном году ИГУ функционировал в составе четырех факультетов: гуманитарный (пять отделений: экономическое, общественно-правовое, историческое, филологическое, восточное), физико-математический (пять отделений: биологическое, химическое, фармацевтическое, математическое, педагогическое (планировалось с осеннего семестра открыть геолого-географическое)), медицинский факультет и рабочий факультет (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134. Л. 41; Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, Иркутск, 1978. С. 13; Гольдфарб, 1998. С. 28).

Особое положение в университете занимало восточное отделение в составе четырех подотделов (циклов): китайский, монгольский, японский, общий (американо-европейско-азиатский). Студенты обучались по общей программе. Они знакомились с историей и этнографией Японии, Китая, Монголии, изучали общую экономику и экономику этих стран. Отличие заключалось в языке соответствующей страны (Иркутский государственный университет, 1921. С. 20, 21).

Летом 1920 г. Наркомпрос рекомендовал организовать при гумфаке ИГУ курсы восточных языков, для обучения японскому, китайскому и монгольскому языкам для практического применения. Председателем курсов избрали Б.Э. Петри. В 1920 г. зачислено 117 человек на японское отделение курсов и 37 – на китайское. Двухлетний цикл обучения завершен 29 августа 1922 г., его закончили 30 слушателей, из них 11 – китайское отделение, 12 – японское, 7 – оба отделения. Преподавание на курсах велось силами восточного отделения (Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А., 2008. С. 28).

После перехода на нормы советского законодательства в университете произошли серьезные изменения. Согласно декрету Наркомпроса от 9 ноября 1918 г. в разряд профессуры переводились доценты и приват-доценты с трехлетнем преподавательским стажем. Статус профессуры получили Б.Э. Петри, А.Г. Муравьев, А.А. Каэлас, И.Г. Франк-Каменецкий, А.Н. Колесников, К.В. Кудряшов, Г.И. Котов, В.Н. Охоцимский. Остальных приват-доцентов и ассистентов перевели в разряд преподавателей (Иркутский государственный университет, 1921. С. 30).

В ИГУ весной 1920 г. работало 78 профессоров и преподавателей (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 107). В составе гумфака в 1920 г. работало 24 профессора и 13 преподавателей, многие из которых имели всероссийскую и международную известность (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134. Л. 53).

Весной 1920 г., когда открылась дорога в Россию, многие преподаватели поехали туда по семейным делам и в научные командировки, и не вернулись назад, в т. ч. – профессор А.М. Селищев, Л.И. Пономарев, С.П. Повковский, А.Н. Колесников, М.М. Агарков.

Летом 1920 г. Иркутск покинуло 34 преподавателя: из них 11 профессоров, 16 преподавателей и 7 ассистентов, отток в основном затронул гуманитарные факультеты. В декабре 1920 г. покинул Иркутск профессор В.А. Рязановский. В целом в 1920–1921 гг. факультет покинули многие ценные сотрудники: профессора П.П. Миндалев, А.М. Горовцев, доцент А.И. Косовский, скончался доцент А.А. Каэлас. Потери не привели к остановке учебного процесса, пострадало главным образом филологическое отделение. Для исторического – уход А.И. Косовского компенсирован приходом профессора. Н.И. Никифорова (18 сентября) 1920 г. (Иркутский государственный университет, 1921. С. 30).

В начале 1920/21 учебного года на гумфаке работала плеяда выдающихся преподавателей, среди них В.В. Кудряшов – русская история, П.П. Маслов – теоретическая политическая экономия; А.Г. Муравьев – всеобщая история; М.В. Одинцов – философия; В.И. Огородников – русская история; Б.Э. Петри – археология и этнография; М.М. Рубинштейн – философия и педагогика; И.Г. Франк-Каменецкий – всеобщая история; преподаватель Я.В. Васильев – взаимодействие государства и церкви; Ц.Ж. Жамцарано – монголоведение; Ю.А. Иванов – всеобщая история; И.И. Крыльцов – история русской церкви; К.Н. Миротворцев – статистика (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134. Л. 52, 53; Шпикельман, 2012. С. 270; Казарин, 2012. С. 177).

ППС разделялся на три группы: профессоров, преподавателей и научных сотрудников. Профессора вели самостоятельные курсы или занятия, заведовали одним из научно-учебных установлений вуза и избирались ГУСом. Преподаватели вели вспомогательные курсы или работали самостоятельно, но под руководством профессоров, они избирались руководством вуза. Научными сотрудниками называли работников, которые помогали профессорам и преподавателям или же готовились к самостоятельной иди научно-учебной деятельности (Чанбарисов, 1973. С. 257, 258).

В свете рассматриваемой проблемы, особый интерес представляет деятельность первого декана истфака, одного от организаторов гуманитарного и председателя исторического отделения гумфака – В.И. Огородникова. Он решил создать в Иркутске централизованное архивное учреждение, и отправил в феврале 1920 г. в Наркомпрос две записки об организации здесь Центрального архива. 7 марта 1920 г. Подотдел охраны культурных ценностей Иркутского губнаробраза назначил Огородникова «ученым руководителем по архивной секции» (Зуляр, 2016. С. 57).

15 марта 1920 г. в Иркутске создали архив, названный Огородниковым Центральным архивом Восточной Сибири. Он подобрал квалифицированных и заинтересованных помощников, разработал каталог основных задач и функций регионального архива, сметы, должностные инструкции сотрудников. Занимаясь до июня 1921 г. этой работой, он создал государственную архивную службу Иркутской губернии (Шестакова, 2000. С. 16).

11 июня 1921 г. зав. губархивом профессор Огородников откомандирован начальником Сибархива В.Д. Вегманом в Читу для организации государственного института народного образования. В сентябре 1921 г. его избрали ректором, и обратно в ИГУ он не вернулся (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 311. Л. 3, 31). Продолжая в Чите исследования по изучению истории Сибири, Огородников опубликовал ряд трудов: «Из истории инородческих волнений в Сибири» (Чита, 1922), «Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли» (Чита, 1922). С переводом института во Владивосток Огородников в начале 1923 г., по распоряжению Дальревкома, назначен ректором Дальнево-

сточного государственного университета, который возглавлял до 1928 г.

Огородников являлся профессиональным историком, педагогом и организатором высшего образования. В этом качестве он получил признание не только в Иркутском университете, Чите и Владивостоке, но и Казанском университете и на высших женских курсах, был действительным членом Московского археологического института (Бедулина, 2011. С. 100).

Большое воздействие на студенческую жизнь оказал декрет Сибревкома (июнь 1920) об освобождении из Красной армии абитуриентов и бывших студентов. В вузы вернулось много молодых людей, разных политических взглядов. Студентов по обеспечению приравняли к военным курсантам с предоставлением им тылового красноармейского пайка, денежного и квартирного довольствия. Часть студентов Томского университета откомандировывали на гумфак ИГУ. Лето 1920 г. было объявлено учебным (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 100. Л. 137; Д. 313. Л. 93). В конце существования гуманитарного факультета на нем обучалось 865 студентов (442/423 (муж/жен)). Прибыло за 1920/21 учебный год по бывшему истфилу 148, а убыло 281человек (К четырехлетию Иргосуна, 1922. С. 37).

Учились на гумфаке четыре года. Изменения в учебном процессе произошли главным образом на правовом отделении, где много внимания было уделено общественным дисциплинам. Эти предметы были отнесены к разряду обязательных. В число рекомендованных дисциплин вошли: взаимоотношение церкви и государства, история международных отношений и др. Новацией стало установление в программе каждого отделения группы пропедевтических предметов (подготовительных) (Иркутский государственный университет, 1921. С. 30).

Студенты-историки выбирали для изучения любые теоретические курсы, и после соответствующих испытаний участвовали с согласия профессоров в любых практических занятиях. Желающие пройти определенный учебный курс должны были удовлетворять требованиям отделения (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 100. Л. 121).

Историческое отделение подразделялось на два подотдела: Всеобщей истории и Русской истории. Студенты выбирали специализацию. Внутри подотдела теоретические дисциплины делились на два блока: подготовительные к изучению истории или пропедевтические, изучаемые в течение первых четырех семестров; основные и вспомогательные, облегчавшие прохождение основных предметов. Подготовительные дисциплины были общими, к ним относились: введение в философию, психология, логика, общая теория права, общее учение о государстве и политическая экономия.

Основные дисциплины распределялись между подотделами. В частности на подотделе Русской истории читались методология и философия истории, история первобытной культуры, истории Киевской Руси, Литовской Руси, Московского государства и Новой России. Спецкурсы: история Сибири, история русского народного хозяйства, история революционного и социалистического движения в России. На подотделе Всеобщая история – истории Древнего Востока, Греции, Рима Византии и Средних веков, Нового времени. Преподавались: история славян и их хозяйства, история экономических и политических учений и социализма, история новой философии.

В качестве вспомогательных дисциплин на обоих подотделах читались: историческая география, историческая археология, введение в языковедение, палеография, дипломатика, историография, языки классические и новые, чтение классических и новых авторов-историков. Начиная с пятого семестра каждый студент должен был выбрать специализацию на соответствующем подотделе (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 100. Л. 108, 119, 121).

Условия для учебного процесса в университете были тяжелыми. Поэтому 17 августа 1920 г. ректор ИГУ Бушмакин обратился в Сибнарообраз с просьбой рекомендовать губернской власти выделить университету здание бывшего института на Набережной, здание второй женской гимназии Хаминова, угол Б. Трапезниковской и Тихвинской. Оба здания были заняты учреждениями 5-й Армии (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134. Л. 42), и освободить их не удалось.

Лучше обстояло дело с книгообеспечением. К 1 октября 1921 г. был обеспечен доступ к книгам 21 200 названиям, составлявшим около 40 тыс. томов, еще примерно столько же находилось в процессе каталогизации. Главным образом это были книги бывшей Иркутской духовной семинарии, дублеты, переданные ТГУ, и ценные книги библиотеки, приобретенной у Н.С. Романова. Кроме этого в отдельных кабинетах находилось 30 тыс. томов, таким образом в библиотеке ИГУ насчитывалось 110 тыс. книг. Библиотека получала 75 наименований журналов и 18 наименований газет, издаваемых в Сибири и стране. Помещения библиотеки были переполнены книгами, нарушались условия их хранения, что приводило к их гибели и болезням библиотекарей (Иркутский государственный университет, 1921. С. 24).

Значительный отток преподавателей из Иркутска был обусловлен тяжелым материальным положением и плохими жилищными условиями. Региональная власть помощи не оказывала. Поэтому ректор ИГУ Бушмакин обратился с «криком о помощи» в Сибнаробраз. Он писал, что «положение ППС критическое, иркутская профессура обречена на вымирание от голода и холода и связанных с ними болезней». Выдаваемый паек не позволял вести даже голодное существование. Отсутствовал аппарат и транспорт для доставки топлива и продовольствия. Люди донашивали теплую одежду, так как новую нельзя было приобрести. Преподавателей выселяли из квартир, куда поселяли военнослужащих. Положение с топливом было катастрофическое. Учиться хотели многие, аудитории были битком заполнены людьми, но возможностей для нормальной организации учебного процесса у вуза не было (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 134., Л. 41). Однако помощи от руководства Сибкраем не поступило. Да, и трудно было ждать другого исходя из позиции председателя СибкрайОНО и уполномоченного Главпрофобра по Сибири Д.К. Чудинова, крайне критично относившихся к сибирской профессуре (ГАНО. Ф. Р-61. Л. 4; Десять лет Иркутского университета, 1928. С. 114).

Не менее трудной была жизнь студенчества. В соответствии с милитаризацией высшей школы в Сибири студенты обязаны были выполнять нормы учебной трудовой повинности, обслуживать потребности университета как учреждения в качестве подсобных рабочих, решать задачи снабжения всем необходимым. Для снятия этих проблем Совет ИГУ 2 июня 1920 г. создал комиссию социального обеспечения студентов (собес). В нее вошли представителя от профессуры и студентов – от каждого факультета.

В его составе была организована комиссия снабжения студентов пайками. У собеса не было своего транспорта. Продукты частью выдавались студентам на руки, частью направлялись в студенческую столовую. К 1 декабря 1920 г. в собесе состояло 1700 студентов, из которых 360 получали обеды в студенческой столовой. Собес занимался заготовкой топлива. С началом занятий приступили к доставке в вуз выделенных дров. Трудовая мобилизация плохо одетых студентов, не обеспеченных инвентарем и транспортом, окончилась провалом. Ошибки были учтены, и 20 декабря 1920 г. повторная трудовая мобилизация студентов для переброски дров в университет позволила доставить свыше 40 саженей дров (Иркутский государственный университет, 1921. С. 42).

После перевода студентов на гражданский поек, собес увеличил пропускную способность столовой до тысячи человек с дальнейшим получением продуктов на общих основаниях в городских столовых и передачи остатков продуктов от бывшего пайка на улучшение пищи в столовой и буфете при ней. Но в начале июля 1921 г. за неимением продукции в снабжающих учреждениях города отпуск продуктов студентам прекратился. Студенчество разбрелось в поисках еды (Иркутский государственный университет, 1921. С. 42).

История гуманитарного факультета оказалась короткой – 4 марта и 18 апреля 1921 г. Совнарком упразднил историко-филологические факультеты (Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году, 1928. С. 103). В русле партийной политики 22 мая 1921 г. завсибнарообраза Д.К. Чудинов в докладе на партконференции о состоянии дел в высшей школе обрушился на социально-гуманитарное направление (ГАНИИО Ф. 1. Оп. 1.

Д. 855. Л. 68). Гумфак, просуществовав один год и два месяца до июня 1921 г., в соответствии с декретом СНК от 23 мая 1921 г., был ликвидирован. Входившие в него отделения разделили между двумя вновь создаваемыми факультетами (Иркутский государственный университет, 1921. С. 30, 31).

Неудачное завершение второй попытки организации исторического образования в ИГУ не было результатом региональных процессов или несостоятельности гумфака или самого университета. Причиной явилась политика руководства большевистской партии. Советский режим вел активную борьбу с исторической наукой и образованием, ибо считал себя основоположником новой эры, поэтому старая история ему была не нужна и опасна.

Библиографический список

Бедулина И.П., Моисеев В.В. Владимир Огородников и Борис Кубалов: сибирские страницы жизни и сотрудничества двух историков-архивистов // Новый исторический вестник. 2011. № 29 (3). С. 88–102.

Гольдфарб С.И., Щербаков Н.Н. Иркутский государственный университет, 1918–1998: Хроника событий. Иркутск: Комсомольская правда – Байкал; Изд-во Иркутского госуниверситета, 1998. 589 с.

Декреты Советской власти // Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. Т. 4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М.: Политиздат, 1968. 731 с.

Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. Иркутск: Издание юбилейной комиссии, 1928. 180 с.

Зобнин Ю.В., Калягин А.Н., Майборода А.А. Служение науке. О Н.Д. Бушмакине – первом декане медицинского факультета Иркутского государственного университета // Сибирский медицинский журнал. 2012. № 2. С. 131–135.

Зуляр Ю.А. Огородников Владимир Иванович (1886–1938) // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Иркутское областное отделение Русского географического общества, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Иркутск, 2016. С. 55–59.

Иркутский государственный университет 1918. 21.X – 1921. 27.X: сб. ко дню трехлетия существования университета. Иркутск: Государственное изд-во, 1921. 42 с.

Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири. Иркутск, 1978. 171 с.

К четырехлетию Иргосуна. Иркутск: Первая государственнная типография, 1922. 40 с.

References

Bedulina I.P., Moiseev V.V. Vladimir Ogorodnikov and Boris Kubalov: Siberian pages of life and cooperation of two historians-archivists. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical herald], 2011, no. 29 (3), pp. 88–102. (In Russ.).

Gol'dfarb S.I., Shcherbakov N.N. Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 1918–1998: Khronika sobytii [Irkutsk State University, 1918–1998: Chronicle of events]. Irkutsk: Komsomol'skaya pravda – Baikal Publ.; Irkutskogo gosuniversiteta Publ., 1998, 589 p.

Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of Soviet power]. *Institut Marksizma-Leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii AN SSSR. Vol. 4 (10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g.)* [Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU, Institute of History, USSR Academy of Sciences]. Moscow: Politizdat Publ., 1968, 731 p. (In Russ.).

Desyat' let Irkutskogo universiteta. 1918–1928 [Ten years of Irkutsk University. 1918–1928]. Irkutsk: Izdanie yubileinoi komissii Publ., 1928. 180 p.

Zobnin Yu.V., Kalyagin A.N., Maiboroda A.A. The service of science. On N.D. Bushmakin – First Dean of the Medical Faculty of the Irkutsk State University. *Sibirskii meditsinskii zhurnal* [Siberian Medical Journal], 2012, no. 2, pp. 131–135. (In Russ.).

Zulyar Yu. A. Vladimir Ivanovich Ogorodnikov (1886–1938). *VSORGO v litsakh: biobibliograficheskii slovar'. Irkutskoe oblastnoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva, Institut geografii im. V.B. Sochavy SO RAN* [EADRGS in the faces: biobibliographic dictionary. Irkutsk Regional Branch of the Russian Geographical Society, Institute of Geography named after V.B. Sochava, SB RAS]. Irkutsk, 2016, pp. 55–59. (In Russ.).

Irkutskii gosudarstvennyi universitet 1918. 21.X – 1921. 27.X: sb. ko dnyu trekh-letiya sushchestvovaniya universiteta [Irkutsk State University 1918. 21.X – 1921. 27.X: Collection on the day of the three years of the university]. Irkutsk: Gosudarstvennoe Publ., 1921. 42 p.

Irkutskii gosudarstvennyi universitet im. A.A. Zhdanova. Krupneishii uchebno-metodicheskii i nauchnyi tsentr Vostochnoi Sibiri [Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov. The largest educational and scientific center of Eastern Siberia]. Irkutsk, 1978, 171 p.

K chetyrekhletiyu Irgosuna By the fourth anniversary of Irgosun]. Irkutsk: Pervaya gosudarstvennnaya tipografiya

Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.) Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1998. 308 с.

Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2012. 483 с.

Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А. История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008. 224 с.

Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М. – Л., 1928. 233 с.

Нестерович А.А. Иркутский государственный университет – первенец вузовской науки в Сибири (1918–1998). Иркутск: Агентство «КП-Байкал», Изд-во Иркутскогогосуниверситета, 1998. 112 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. 554 с.

Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского Правительства по народному образованию. Госиздат, 1921. Вып. 2 (с 7 ноября 1918 по 7 ноября 1919 г). 236 с.

Хаминов Д.В. Становление системы исторического образования в классических университетах Сибири в XX – начале XXI в. Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2011. № 1(13). С. 131–136.

Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.) Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1973. 472 с.

Шестакова Н.К. Из истории управления архивным делом в Восточной Сибири // Сибирский архив. Вып. 1. Иркутск, 2000. С. 13–18.

Шпикельман Р.Ю. Исследовательские организации Предбайкалья в революционную эпоху (1920-е гг.) // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012.

Kazarin V.N. *Obrazovanie, nauka i intelligentsiya v Vostochnoi Sibiri (vtoraya polovina 40-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [Education, science and intelligentsia in Eastern Siberia (second half of the 40s – mid 60s. of the twentieth century)] Irkutsk: Irkutskogo gosuniversiteta Publ., 1998. 308 p.

Kazarin V.N., Lyakutina Yu. P. *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoi Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk: Irkutskogo gosuniversiteta Publ., 2012, 483 p.

Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. *Istoriya i istoriki: 90 let istoricheskoi shkole Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [History and historians: 90 years of the historical school of the Irkutsk State University]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008, 224 p.

Narodnoe prosveshchenie v RSFSR k 1927/28 uchebnomu godu. Otchet Narkomprosa RSFSR za 1926/27 uchebnyi god [Public education in the RSFSR for the 1927/28 school year. Report of the People's Commissariat of Education of the RSFSR for the 1926/27 school year]. Moscow – Leningrad, 1928, 233 p.

Nesterovich A.A. *Irkutskii gosudarstvennyi universitet – pervenets vuzovskoi nauki v Sibiri (1918–1998)* [Irkutsk State University – the firstborn of university science in Siberia (1918–1998)]. Irkutsk: KP-Baikal Publ.; Irkutskogo gosuniversiteta Publ., 1998, 112 p.

Romanov N.S. *Letopis' goroda Irkutska za 1902–1924 gg*. [Annals of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Vostochno-Sibirskoe knizhnoe Publ., 1994, 554 p.

Sbornik dekretov i postanovlenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu. Iss. 2 (s 7 noyabrya 1918 po 7 noyabrya 1919 g). [Collection of decrees and resolutions of the Workers 'and Peasants' Government on public education. State Publishing House, 1921. Vol. 2 (from November 7, 1918 to November 7, 1919)]. Gosizdat, 1921, 236 p.

Khaminov D.V. Formation of the system of historical education in the classical universities of Siberia in the twentieth – early twenty-first cen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. Ser. History.], 2011, no. 1(13), pp. 131–136. (In Russ.).

Chanbarisov Sh.Kh. *Formirovanie sovetskoi universitetskoi sistemy (1917–1938 gg.)* [Formation of the Soviet university system (1917–1938)]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe Publ., 1973, 472 p.

Shestakova N.K. *Iz istorii upravleniya arkhivnym delom v Vostochnoi Sibiri* [From the history of archive management in Eastern Siberia]. Sibirskii arkhiv. Iss. 1. [Siberian archive. Issue 1]. Irkutsk, 2000, pp. 13–18. (In Russ.).

Shpikel'man R.Yu. *Issledovatel'skie organizatsii Predbaikal'ya v revolyutsion-nuyu epokhu (1920-e gg.)* [Research organizations of Cisbaikalia in the revolutionary era (1920s)]. *Shestye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-*

Т. 1: Материалы. С. 267–275.

gumanitarnye chteniya. In 3 Vol. 1. Materialy [Sixth Baikal International Social and Humanitarian Readings. In 3 vol. Volume 1. Materials]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2012, pp. 267–275.

Сведения об авторе

Шпикельман Радана Юрьевна,
соискатель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: dana-z1@yandex.ru

Критерии авторства

Шпикельман Р.Ю. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Radana Yu. Shpikelman,
Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History,
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: dana-z1@yandex.ru

Attribution criteria

Shpikelman R.Yu. carried out research work, made a synthesis based on the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-200-210

Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы

© В.В. Иванов

Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, п. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются политические настроения крестьянства Приангарья с момента восстановления Советской власти и до начала коллективизации. Последовательно анализируются причины недовольства крестьян, социальный протест и изменения в настроениях сельского населения Приангарья в связи с корректировками политики властей. Показано, что продразверстка и мобилизации вызвали массовое недовольство Иркутского крестьянства, которое вскоре привело к крестьянским восстаниям в ряде уездов и возникновению повстанческих отрядов, которые силами местных карательных отрядов были ликвидированы. Замена продразверстки на продналог и восстановление свободной торговли не изменило всерьез отношения крестьян к политике большевиков. Только замена продналога единым сельскохозяйственным денежным налогом уменьшила градус негодования земледельцев, так как позволила им начать восстанавливать свое хозяйство. Дальнейшие уступки властей в ходе реализации курса РКП(б) «Лицом к деревне» встретили позитивный отклик со стороны крестьян, острота социального протеста была сведена к минимуму, повстанческое движение было фактически ликвидировано. Однако это далеко не полностью удовлетворило селян. Крестьянство было недовольно высокими налоговыми ставками, ненормальной работой кооперации, злоупотреблениями в советском административном аппарате. Наибольшее недовольство испытывали зажиточные слои, на которых ложилась вся тяжесть налогового бремени. Возврат классовой политики и начало свертывания НЭПа вновь вызвали массовый социальный протест крестьянства.

Ключевые слова: Иркутская губерния, командно-административные меры, крестьянство, налоговая политика, недовольство, политические настроения, продразверстка, сельское хозяйство, социальный протест, Советское государство

Информация о статье: Дата поступления 10 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Иванов В.В. Политические настроения крестьян Приангарья в 1920-е годы. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 200–210. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-200-210.

The political mood of the peasants of Angara region in the 1920s

© Vyacheslav V. Ivanov

Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Irkutsk distrikt, Irkutsk region, Russian Federation

Abstract: The article examines the political sentiments of the peasantry of the Angara region in the period from the moment of the restoration of Soviet power to the beginning of collectivization on the basis of a wide range of sources. The reasons for the discontent of the peasants, social protest and changes in the moods of the rural population of Priangarie in connection with adjustments of the authorities' policy are consistently considered. It is shown that the surplus and mobilization in the Red Army caused widespread discontent of the Irkutsk peasantry, which soon led to peasant uprisings in a number of counties and the emergence of insurgent detachments, which were eliminated by local punitive detachments. Replacing the surplus “prodnalog” and the restoration of free trade did not seriously change the attitude of the peasants to the policy of the Bolsheviks. Only the replacement of the “prodnalog” with a single agricultural monetary tax reduced the degree of indignation of the farmers, as it allowed them to start rebuilding their farm. Further concessions of the authorities during the implementation of the course of

the RCP (b) "Facing the Village" were met with a positive response from the peasants, the severity of social protest was minimized, the insurgency was virtually eliminated. However, this far from completely satisfied the villagers. The peasantry was dissatisfied with high tax rates, the abnormal work of the co-operatives, as well as abuses in the Soviet administrative apparatus. The wealthiest strata of the village experienced the greatest discontent, on which the entire burden of the tax burden fell. The return of the class policy and the beginning of the collapse of the NEP again caused a massive social protest of the peasantry. Instead of making concessions and establishing a normal dialogue with the peasants, the Bolshevik authorities switched to reorganizing the village on a command and administrative basis.

Keywords: Irkutsk Province, command-administrative measures, peasantry, tax policy, discontent, political sentiment, surplus, agriculture, social protest, Soviet State

Article info: Received December 10, 2018; accepted for publication January 14, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Ivanov V.V. The political mood of the peasants of Angara region in the 1920s. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 200–210. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-200-210.

В последние годы тема социального протеста крестьян в период установления и утверждения Советской власти как реакции на большевистскую политику в отношении сельского хозяйства привлекает все большее внимания исследователей. Историки отошли от идеализации эпохи НЭПа, теперь оценки ученых стали более взвешенными. Огромное внимание уделяется продовольственной и налоговой политике большевистских властей. В ряде исследований подробно затронута проблема реакции крестьянского населения на политику большевистских властей, затрагивается и тема вооруженного крестьянского протеста (Новиков, 2005. С. 288–289). По мнению И.В. Ефремова, социальный протест, недовольство крестьян, вплоть до массовых восстаний были единственным способом «достучаться до властей» и обратить их внимание на пагубность проводимой политики[1].

Тема политических настроений крестьянства, социального протеста находит свое отражение и в исследованиях зарубежных историков (Radkey, 1963. S. 154; Conquest, 1968; Lewin, 1968; Atkinson, 1983; Nove, 1992; Siegelbaum, 1992; Пайпс, 2005. С. 99). Например, А. Грациози считает, что весь период, начиная от прихода большевиков к власти до конца коллективизации, – был одним сплошным противостоянием Советской власти и крестьянства, неслучайно его очерк носит название «Великая крестьянская война в СССР 1917–1933 гг.» (Грациози, 2008). Большими сериями публикуются обширные сборники документов (Совершенно секретно, 2001–2007; Трагедия советской деревни, 1999–2006).

Восстановление большевистской власти в 1920 году населением Иркутской губернии было встречено спокойно. На местах формировались новые органы власти, на сельских сходах и общих собраниях выбирали членов ревкомов, принимались резолюции по поводу новой политики. Многие крестьяне с воодушевлением восприняли новую власть, надеясь на то, что она будет способствовать улучшению их уровня жизни.

В феврале – марте 1920 г. была введена продразверстка, ее проведение осуществлял Иркутский Губпродком совместно с кооперацией. Поначалу проведение продразверстки носило мягкий характер, поскольку Иркутская губерния считалась прифронтовой территорией, кроме того, у местных властей еще не был в достаточной мере создан заготовительный аппарат. Как отмечает Х. Галузин: «Продработники практиковали созыв волостных и сельских собраний. На этих собраниях продработники агитировали крестьян за скорейшее выполнение разверсток. Обычным ответом населения, судя по докладам Райпродкомов, была резолюция «вы-

[1] Ефремов И.В. Антибольшевистские крестьянские выступления в Иркутской области и Красноярском крае в 1918–1933 гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 28 с. / Efremov I.V. Anti-Bolshevik Peasant Actions in the Irkutsk Region and the Krasnoyarsk Territory in 1918–1933: Abstract. dis. ... Cand. Science (History). Irkutsk, 2008. 28 p.

полнять по мере возможности» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1 Д. 553. Л. 5–6).

В августе 1920 г. находящийся на съезде Балаганских уездных волревкомов представитель Иркутского Губревкома зафиксировал следующее: «Население Усть-Удинской, Малышевской, Масляногорской, Светлолобовской, Успенской волости удовлетворительно, пассивно или доброжелательно настроено по отношению к Советской власти. Жители Осинской волости настроены антисоветски, в Евсеевской волости настроения антисоветские, жители отказываются выполнять разверстки, «действуют отряды «белых» 15–20 человек», «в Тыретской волости большая часть населения настроена не в сторону Советской власти, высказано пожелание убрать ее путем перемещения, имеются бродячие шайки белых, разверстки проходят туго» (ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 472. Л. 1–2).

20 июля Советским правительством был принят декрет «Об изъятии хлебных излишков Сибири», который обязывал земледельцев сдать хлебные излишки прошлых лет. «Всех тех, кто отказывается выполнить декрет, согласно документу, будут наказывать конфискацией имущества и заключением в концлагеря» (Декреты Советской власти, 1978. С. 240–243). С сентября 1920 г. начинается насильственный период проведения продразверстки, вся заготовительная работа сосредотачивается в руках Губпродкома. Всего существовало более 30 видов разверстки. Для осуществления продразверстки создаются продотряды из частей ВОХР и заградительные отряды, для недопущения бегства крестьян в города (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 553. Л. 6 об.).

В связи с этим по всей губернии наступает массовое недовольство крестьян большевистской властью. Крестьяне возмущены тем фактом, что у них насильственно изымают с трудом выращенный урожай. Однако настроения населения региона не было однородным и колебалось в зависимости от территории.

В октябре 1920 г. начальник губернского управления милиции составил отчетный лист о настроении населения. В этом документе отмечалось, что наиболее благоприятное отношение к Советской власти наблюдалось в Нижнеудинском уезде, поскольку на этих территориях проходила партизанская война против власти Колчака и в этом уезде проживают крестьяне-переселенцы. В отчетном листе сказано «все трудовое крестьянство, кроме кулаков к советской власти относится сочувственно. Однако к разверстке крестьяне относятся небрежно, так как натравливаются кулаками – «вот где разверстка, а для кого, для коммунистов», но с помощью агитаторских сил разверстки выполняются. Население считает, что тактика продовольственной политики выбрана правильная» (ГАИО, Ф. Р-42, Оп. 1. Д. 480. Л. 19).

По другим уездам настроение было иным. В отчетном листе сообщалось, что население Иркутского, Селенгинского уездов, Эхирит-Булагатского аймака в первые месяцы было настроено революционно, но после начала массовых реквизиций, осуществления продовольственной политики, а также наложения на крестьян ряда повинностей отношение к Советской власти изменилось и у большей части крестьян стало откровенно враждебным. Автор видел причины этого явления в темноте крестьянских масс, их слабой политической сознательности, плохой работе советского агитационного аппарата, а также в частнособственнических инстинктах крестьян (ГАИО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 480. Л. 21–23). В Балаганском уезде, где проживали в основном старожилы, местные крестьяне были повсеместно недовольны властью большевиков. Начальник губмилиции отмечал, что в уезде были случаи отказа от проведения разверсток, а спекуляция процветала на каждом углу, борьба с дезертирством также не имела успехов (ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 480. Л. 20). Выборы в советы, прошедшие осенью 1920 г., не изменили отношения крестьян к правящим властям, поскольку в большинстве случаев победили коммунисты, а многие граждане были лишены избирательных прав.

В октябре 1920 г. недовольство крестьян советской политикой достигло пика. Непосильная и насильственная продразверстка, массовые мобилизации вызвали массовые крестьянские восстания в Балаганском, Черемховском и Верхоленском уез-

дах. На их подавление были посланы отряды местной милиции и регулярные части РККА. Советские чиновники в этот раз также считали, что причиной восстания является отсутствие какой-либо политработы в уездах, недостаточно энергичной партийной агитации, которая якобы способна была убедить крестьян в правильности проведения разверстки (Шишкин, 2000. Т. 1. С. 574). Недостатки самой продразверстки партийные работники видеть отказывались.

После подавления крестьянских восстаний повстанцы разбились на мелкие группы и начали вести партизанскую войну против Советской власти. Борьба с ними не приносила серьезных успехов. Благодаря усиленному нажиму большевистским властям удалось собрать необходимый им хлеб и почти полностью выполнить план продразверстки.

В начале 1921 г. враждебное отношение крестьян к Советской власти было накалено до предела. Помимо разверстки, трудовой и военных мобилизаций крестьяне были глубоко возмущены творящейся бесхозяйственностью на территории губернии, так как в советских учреждениях наблюдалась нераспорядительность, волокитство, медлительность, зачастую принимались неразумные решения.

Крестьянство было также неудовлетворенно товарообменом с городом. Сводки Губчека марта 1921 года сообщали: «Основные требования, которые крестьянин предъявляет городу – поставки мануфактуры. Однако в силу всяческих тормозов она выдаётся туго – и это особенно возбуждает крестьян. Громадный шум наделал в Черемховском и Балаганском уездах следующий факт: Губсоюзом была прислана долгожданная и обещанная крестьянам кожа, но когда вскрыли ящики, то оказалось, что кожа горелая, в виде мелких обрезков и кусков, совершенно негодная. Этот факт воспринимается крестьянством, как издевательство над ними» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 104).

В марте 1921 г. продразверстка была официально отменена и заменена на продналог. Размер продналога составлял 68 % от разверстки, земледельцы получили право торговать излишками своего труда на рынке, так как согласно новому указу была введена свободная торговля. Местная пресса в радужном свете описывала достоинства этого нововведения (Власть труда. 1921. 18 марта).

Однако переход к продналогу не привел к кардинальному изменению настроения крестьян в пользу Советской власти. Крестьянство возмущали повышенные ставки продналога, многие земледельцы относились к декрету недоверчиво, помня отмененную разверстку. Некоторые селяне высказывали мнение, что декрет о свободном товарообмене и продналоге это не более, чем уловка, призванная заставить крестьян засеять больше, некоторые крестьяне полагали, что осенью вернется разверстка. В свободной торговле также крестьянство не видело облегчения для себя, так как разрешение продавать хлеб отнюдь не означало возможность купить на него что-либо, поскольку ассортимент товаров на рынке был крайне небольшой, нормальных фабрикатов не было, в лучшем случаи можно было приобрести старые рубахи. На разъяснения инструкторов о продналоге крестьяне отвечали: «Улита едет, да когда-то будет, а мы босиком и раздеты, много уже мы слышали рассказов, да дела то видели мало» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 18).

Летом 1921 г. ситуация существенно не изменилась. Население по-прежнему враждебно относилось к продналогу. На беспартийном съезде бурят Ангарского аймака, где подробно разбирался налог, большинство делегатов заявило – продналог является такой же тяжестью как развёрстка. Советские органы констатировали факт повсеместного обнищания крестьян в сельхозинвентаре и других вещах (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 104).

В связи с большим наплывом беженцев из голодающих регионов Поволжья на территорию Приангарья население начало выражать недовольство их размещением, мотивируя это своим тяжелым экономическим положением. Наибольшее недовольство размещением беженцев проявляло бурятское население. Масло в огонь подливали непрекращающиеся бесчинства войск. Так, в Черемховском уезде красноармейцы вырывали овощи, травили хлеб, когда потерпевший обращался с

жалобой к комсоставу, его арестовывали. Составители сводок признавали, что даже беднота сочувствия к Советской власти не проявляет (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 88). Только осенью 1921 г. после репрессивных мер в отношении неплательщиков и нажима властей продналог начал собираться во время (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 763. Л. 62).

В начале 1922 г. положение крестьянства оставалось тяжелым в связи с выполнением продналога и иных повинностей. Наложение на крестьян дополнительных видов продналога, в частности, мяса и масла еще больше их озлобляло против властей, воспринималось нередко как второй налог, земледельцы говорили, что «до тех пор, пока не исчезнет Советская власть, они не избавятся от подобных обирательств». Наложение налогов на скрытые объекты обложения тоже воспринималось многими селянами как новый дополнительный вид налога. По этой причине продвижение белых войск на Дальнем Востоке приводило к появлению слухов о занятии Читы и Иркутска, а известия о занятии каппелевцами населенных пунктов горячо обсуждалось, многие крестьяне заявляли о непризнании Советской власти. В ответ на репрессивные меры при взимании продналога крестьяне отвечали, что «при Колчаке жилось лучше, и тогда сажали в тюрьму только воров и разбойников, а не мирно живущих крестьян» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 10).

Коммунистам удалось убедить многих крестьян отдавать пожертвования хлебом в пользу голодающих жителей Поволжья. Одна ячейка убедила крестьян принять к себе 800 детей беженцев. Однако крестьяне были недовольны тем фактом, что многие продукты, собранные для голодающих, продолжали лежать на ссыпных пунктах, а не отправлялись по месту назначения. В Верхоленском уезде распускались слухи о том, что голод в Поволжье это выдумка коммунистов с целью еще больше ограбить крестьян (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 76).

В марте – апреле 1922 г. сбор продналога завершился, и крестьяне немного успокоились. Однако спокойствие населения продолжалось недолго. В конце апреля 1922 г. по губернии устанавливался налог на молочные продукты. Этот налог должен был взиматься с крестьянских, коллективных и приписанных к предприятиям хозяйств, имеющих коров, а также к отдельным владельцам коров, где бы эти хозяйства и их владельцы ни находились (Власть труда. 1922. 12 мая). В это же время власти начали взимать и общегражданский денежный налог.

Сводки ОГПУ зафиксировали массовое недовольство крестьян в связи с началом взимания общегражданского и масленичного налогов. Поскольку у большинства населения наличных денег было очень мало, то земледельцы видели в общегражданском налоге еще один способ выкачивания средств и обирания их, многие домохозяева просили партийные органы отсрочить сбор налога. Что касаемо масленичного налога, то крестьяне считали его норму 7 фунтов с коровы очень высокой, выполнение которой равносильно дальнейшему разорению хозяйства. В Селенгинском уезде после известия о введении новых налогов крестьяне начали рассуждать таким образом: «Когда коммунисты вводили продналог, то говорили, что никаких налогов больше собирать они не будут, но, несмотря на свои обещания, периодически продолжают объявлять все новые и новые налоги, от которых крестьянству нет покоя, и собирают не только с хозяйства, но уже и с жён и детей» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 148).

Протест стал выражаться в оригинальных формах. Так, например, в Тулуне во время первомайской демонстрации на встречу шествию красноармейцев с красными флагами неизвестными была выпущена свинья с красной повязкой, которую увидев, толпа кричала «бей, стреляй» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 142). Высказывать недовольство, распространять антисоветские слухи и проводить антисоветскую агитацию начинали даже председатели Волиспокомов, их заместители и секретари. Члены Тыретьского Волисполкома на сельском собрании заявили: «Коммунисты нам говорят, что Николай II был кровавый, а что делают теперь они сами, пьют у нас последнюю кровь, отбирают все, что только могут. Если мы не даём

хлеба на голодающих, то это к лучшему. Скоро придёт время, когда прогонят эту свору, так как уже Николай Николаевич и Михаил идут на Москву с войсками» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 148).

Летом 1922 года положение крестьян Приангарья значительно ухудшилось в связи с наступившим продовольственным кризисом и началом голода на ряде территорий. В Киренском уезде многолюдные толпы голодающих крестьян осаждали Волисполкомы и склады с продовольствием, в Иркутском уезде население питалось суррогатами, в Нижнеудинском уезде отмечалось разграбление складов. В Иркутском уезде в Больше- Жилкинской волости фиксировались случаи голодной смерти (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1073. Л. 174). Только с началом уборки урожая осенью 1922 г. голод прекратился.

В январе 1923 г. В сводке ОГПУ о политическом состоянии Иркутской губернии сообщалось, что настроение крестьян по губернии было в целом спокойное, за исключением беднейшего населения, положение которого из-за выполнения продналога и недостатка хлеба ухудшилось. Волна массового недовольства прокатилась и в связи с принятием нового Земельного Кодекса РСФСР, согласно которому крестьяне лишались права бесплатного пользования общественными лесами, которые они считали своей собственностью.

Тем не менее в сводке отмечалось, что в целом по губернии настроение крестьян было спокойным за исключением Балаганского уезда, население которого, по словам составителя сводки, попрежнему оставалось враждебным по отношению к коммунистам и всячески поддерживало повстанцев (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1.Д. 1076. Л. 30).

10 мая 1923 г. ВЦИК и СНК СССР выпустил декрет «О едином сельскохозяйственном налоге». Согласно этому декрету отменялись множественные формы налогов и устанавливался единый налог, который в Иркутской губернии начал первым по Сибири уплачиваться в денежной форме.

На этом насильственная политика выколачивания хлеба с крестьян временно прекратилась. Положение земледельцев в значительной мере облегчилось. 1923 год выдался урожайным, сельское хозяйство по всем показателем начало восстанавливаться быстрыми темпами. Однако о полном удовлетворении крестьян новой политикой говорить не приходилось. В силу нехватки денег у крестьян и слабо развитой торгово-закупочной сети цены на сельхозпродукцию резко снизились, для того чтобы получить денежные средства, крестьяне вынуждены были продавать скот за бесценок. В связи с этим сельское население продолжало выражать недовольство, жители Тулунского уезда говорили: «Пусть нас расстреливают, а платить вновь объявленные денежные налоги не будем», «Советская власть обманывает, как не обманывало царское правительство», «Налогами задавили» (Доржиев, 1993. С. 21). В Усть-Удинской волости овчинник Николай Туринцев в разговоре о ценах на хлеб выразился так: «Пускай мне башку открутят, если хлеб будет стоять в одной цене, как пишут в газетах и как разъясняют крестьянам» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1821. Л. 4).

В Тулунском и Балаганском уездах в 1923 г. случилась засуха. В Селингинском уезде голодающее население питалось травой, а скот был уничтожен, в Балаганском уезде отмечались случаи паники, выразившиеся в большой распродаже скота и в массовом выселении из уезда, в Губземуправление поступало 20–30 заявлений в день с просьбами о выселении. Ситуация улучшилась только после начала уборки урожая (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 105–108).

В конце 1923 – начале 1924 г. местные власти предприняли меры по расширению торгово-закупочной сети вместе с заготовительными организациями, это позволило к весне 1924 г. поднять закупочные цены на хлеб. В этот же период государство активно поддерживало крестьянство кредитованием, восстановлением старого и регулярными поставками нового сельхозинвентаря. Эти указанные меры позволили существенно поднять сельское хозяйство региона, которое продолжило восстанавливаться быстрыми темпами (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 553. Л. 3).

Настроение крестьянства стабилизировалось. Повстанческое движение резко пошло на убыль, основные лидеры повстанцев в 1923–1924 гг. были

ликвидированы, сохранялись лишь мелкие разрозненные отряды. Во всех сводках сообщалось о том, что настроение население спокойное удовлетворительное, отдельные вспышки недовольства продолжались на почве обременительности налоговой кампании, недостатков советских учреждений и кооперации, а также из-за партийного контроля над советами и не допуска в них зажиточных крестьян.

В 1925 г. политика либерализации продолжилась. ВКП(б) перешло к осуществлению курса «Лицом к деревне». Было снижено более чем на 2/5 налогообложение по сравнению с 1924 г. Существенно были подняты закупочные цены – на пшеницу на 19 %, на рожь 42–50 %. План хлебозаготовок был полностью выполнен. Сельское хозяйство быстрыми темпами восстанавливалось и по большинству показателей в скором времени достигло уровня 1917 г. (Миротворцев, 1925; Трелин, 1926. С. 12–13; Яровой, 1926).

После этого в настроениях крестьянства наступил кардинальный перелом. Острое раздражение и недовольство налоговой политикой спало. Земледельцы позитивно восприняли новую политику государства. Сводки фиксируют резкую перемену настроений. Крестьянин П. Петухов в с. Ireть заявил: «Вот чудно советская власть делает, на меня и на других таких же навалила гору сельхозналога, а потом сбросила, и я платил таких же 10 рублей, лучше б сразу сбросила и я бы сразу уплатил. А за то, что налог снизила ей спасибо. Вероятно, власть учла положение крестьянства и сбросила налог по губернии на 45 % – ведь я давно говорил, что как только власть поближе познакомится с жизнью крестьянства, то сразу пойдёт ему навстречу». Зажиточный крестьянин села Братск Николай Калгин, бывший до этого яростным ненавистником Советской власти, после известия о снижении налога заявил: «Это Советская власть хорошо придумала, теперь действительно видно, что она идёт к нам навстречу». Отмечались и более теплые высказывания в адрес властей. Например, в деревне Зуево Верхоленского уезда середняк П. Копылов заявил: «Дело прошлое, я думал, пока не стал читать газеты, что Советская власть для мужиков не подходящая, но теперь видно, что она нам как раз подходит, потому что она действительно заботится и слушает внимательно всех, кто о нашей жизни говорит порядком» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 265–266).

Несмотря на такие серьезные уступки большевиков земледельцам, следует признать, что они в большинстве случаев носили номинальный характер. Снижение налога далеко не полностью удовлетворяло всем интересам земледельцев, сами по себе налоговые ставки по-прежнему оставались высокими и вызывали недовольство у многих крестьян. К тому же, помимо основного сельхозналога, на крестьян начинали накладывать взносы на страхование имущества и налоги на содержание школ и другие повинности.

Например, в Жигаловском волисполкоме от крестьян требовали платить за содержание гоньбы, на что сельсовет высказался против. Крестьяне Старковы заявили: «Власть обложила нас единым сельхозналогом, а между тем накладывает на общество и содержание школы, школьного сторожа, гоньбы и проч.». Крестьянин Ф. Нечаев в знак протеста кричал на собрании: «Нас обрадовали маленьким налогом, а если разобраться, то он ничуть не меньше прошлогоднего. Вынесено постановление: «От гоньбы отказаться». В с. Тутурском крестьянин Измайлов говорил: «Советская власть, собирая с нас налог, нам ничего не дает и принуждает нас содержать школы и больницы за свой счет. Неизвестно куда Советская власть девает налог, а учреждения сидят без дров и сторожей, налог, наверное, идет весь главкам на галифе и попадает в широкие карманы комиссаров» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 297).

Зажиточных крестьян глубоко возмущала классовая политика большевиков в этот период, когда вся основная тяжесть приходилась на крестьян кулаков, а с беднейших слоев населения взимали маленький налог, кроме того, Советская власть всячески поддерживала бедноту льготным кредитованием. В Тулунском уезде отмечались случаи, когда зажиточные крестьяне разъясняли остальным селянам, что коммунисты три шкуры содрать хотят, а налог платить заставляют. Для того чтобы

укрыться от налогообложения, крестьяне скрывали объекты обложения и призывали сокращать объемы производства (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 134). Власть, чтобы выявить скрытые объекты, активно проводила измерение земельной площади домохозяев. Крестьяне в ответ на это говорили: «Хорошо было при Царе – пашни не мерили, земли было наделено на каждую душу по 15 десятин. Нас хотят обмерить, пусть меряют, шиш найдут, ставили бы одинаковые ставки на десятину, не было бы укрывателей, а это грабеж один» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 360). Если же говорить о настроении середняка, то согласно сводкам ОГПУ, его настроение характеризовалось как колеблющееся – переходящее от доброжелательных настроений к враждебным и обратно (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 140 об.).

Многие крестьяне на подобную классовую политику большевиков говорили так: «Власть не тем помогает, которые развивают сельское хозяйство, а лентяям. Дает им льготы, сложенные по налогам, кредиты, они не заботятся об улучшении своих хозяйств (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 141). Налоговая политика никуда не годится. Одних освобождают совсем, а других валят непосильно, а потому мы принуждены скрывать объекты обложения (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 270).

Зажиточные крестьяне протестовали и против советской системы землеустройства, когда землю распределяли крестьянам равномерно, независимо от ее качества. В деревни Ново-Летники Зиминского уезда кулак Мордовцев заявил: «землю делить не надо, а нужны хутора». В ответ звучали возгласы недовольства: «Не будет этого! Если хотите выделяться, так на плохую землю и выделяйтесь, а хутора с хорошей землёй вам не дадим». В принятой по вопросу о землеустройстве резолюции постановлено землеустройство произвести и землю распределить по ее качеству равномерно, то есть так, чтобы и хорошей и плохой земли досталось поровну» (ГАНИИО. Ф. 1. оп. 1. Д. 1821, Л. 267).

Помимо налоговой политики крестьяне недовольны были действиями советской потребительской кооперации, в которой ассортимент товаров был очень плохого качества, зачастую происходило затоваривание неходовыми товарами, цены на товары были очень высокими, в ее действиях постоянно происходили перебои, поведение обслуживающего персонала оставляло желать лучшего. Кроме того, согласно многочисленным сводкам в кооперации процветали злоупотребления, связанные с многочисленными фактами растраты денежных средств. Все это вынуждало крестьянина обращаться к частным торговцам (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 136).

Глубокое возмущение населения вызывала неэффективная деятельность советских органов власти. В советских учреждениях постоянно происходили случаи халатного отношения чиновников к исполняемым обязанностям, царила бюрократизация, на решение разных вопросов уходило много времени. Отмечались случаи массовых злоупотреблений, денежные средства нередко расхищались, это вело к бесхозяйственности.

Тяжесть налоговой политики приводила к тому, что крестьяне начинали выражать недовольство городом, выражать зависть и ненависть к горожанам и рабочему классу. Так середняк Арбатский в Иркутском уезде говорил: «Рабочие пользуются 8-ми часовым рабочим днем, а их жены за новорожденного получают награду. Наши же бабы ничего этого не видят, им некогда и в праздник отдохнуть. Все они пользуются с крестьян» (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1821. Л. 268).

Несмотря на то, что вся тяжесть налоговой политики приходилась на зажиточных крестьян, а беднота пользовалась от властей всяческой поддержкой, многие беднейшие крестьяне разорялись, уходили в наемные работники или покидали деревню. Недовольство бедноты в адрес зажиточных приводило к классовой борьбе. Последняя зачастую перерастала в анархические партизанские действия («красный бандитизм»), когда бедные крестьяне нападали на кулаков. Например, в 1926 г. в Зиминском уезде Заларинской волости, сочувствующий власти бывший партизан Выборов среди бедняков агитировал за необходимость физического истребления всех пособников зажиточных. Группа Выборова приезжала в Иркутск с хода-

тайством о выдаче оружия (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 316).

В скором времени политика властей снова ужесточилась. Такую политику С.А. Павлюченков иронично охарактеризовал как «спиной» к крестьянству (Россия нэповская, 2002). В 1926 г. стал еще больше применяться «классовый подход», согласно которому помощь оказывалась преимущественно беднейшим слоям населения, а зажиточное крестьянство подпадало под жесточайший налоговый пресс. Теперь налогообложение стало полностью прогрессивным, бедняцкие хозяйства были совсем освобождены от налога, а с остальных селян взимали налог в зависимости от уровня дохода. Если раньше государство поддерживало высокие закупочные цены на хлеб, то теперь административными мерами рост цен сдерживается, устанавливаются так называемые «лимитные цены». Недовольство населения начало нарастать.

Осенью 1927 г. из-за низких закупочных цен крестьяне перестали продавать свой хлеб. Власти, вместо того чтобы создать селянам нормальные условия для торговли хлебом и пойти на уступки, обвинили во всех бедах зажиточные слои, которых большевики объявили саботажниками. В начале 1928 г. наиболее зажиточных крестьян стали привлекать к уголовной ответственности по 107 статье УК за «спекуляцию» (Нератова Л. 2002. С. 107).

Насильственные хлебозаготовки возмутили население. Крестьяне начали разоряться и сокращать производство. Середняк д. Ханжиново Иркутского округа говорил: «Видно мало нас обложили, так как опять начинают нажимать, но если только нас возьмут на прижим – придется размотать хозяйство и пускай тогда власть катается на бедняках» (Советская деревня глазами…, 2000. Т. 2. С. 753).

Весной 1929 г. государство возвращается к методам насильственного изъятия хлеба периода продразверстки. Каждая деревня обязана была выполнить план хлебозаготовок, в случаи его невыполнения домохозяева должны были оплатить его в большом размере, вплоть до пятикратного. Начинается подготовка к коллективизации. Государство активно пропагандирует новый вид крестьянских хозяйств и призывает селян в них поскорее вступать. Канун коллективизации привел к появлению неадекватных слухов и истерических рассказов о колхозах, крестьяне с ужасом ожидали введение новой системы. Появлялись невероятные слухи о том, что колхозники будут якобы спать под одним одеялом, что жены у них будут общие, что колхоз «сошьет одну ватную курточку на всю семью и заставит ходить в ней, как арестантов» и т. д. Мельница слухов производила и некоторые рецепты возможных способов сопротивления, например: «Зачем сеять, если всему скоро конец?» Раздавались порой довольно трезвые оценки и прогнозы: «В колхозе сидят на голодном пайке, а все излишки отбирает государство» (Фицпатрик, 2001. С. 59). Эти последние слухи вскоре окажутся справедливыми, осенью того же года начнется сплошная коллективизация.

Таким образом, можно прийти к выводу, что реализация насильственным способом изъятия продовольствия у крестьян в период военного коммунизма привела к аграрному кризису, вызвала массовое недовольство со стороны крестьян, породила повстанческое движение. Сопротивление крестьянства заставило власти пойти на уступки, в 1923 г. было снижено налогообложение, острота противостояния спала. В 1924–1925 г. либерализация продолжилась, налогообложение уменьшилось и приняло более цивилизованные формы, крестьянству стали оказывать помощь кредитованием, были подняты закупочные цены. Земледельцы позитивно оценили начало такой политики, но она далеко не полностью их удовлетворяла, поскольку ставки налога по-прежнему оставались очень высокими, кроме того, такая политика со стороны государства оставалась классовой. Возможно, если бы такая политика не изменилась, то крестьяне в скором времени смирились бы с существованием Советской власти. Однако вскоре власти вновь вернулись к командным методам управления сельским хозяйствам и полной перестройке хозяйствования на социалистических принципах. Коллективизация вызовет вторую волну противостояния власти и населения, но это уже будет другая история.

Библиографический список

Власть труда. 1921. 18 марта.

Власть труда. 1922. 12 мая.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933 гг. РОСПЭН, 2008. 135 с.

Декреты Советской власти. М. : Изд-во политической литературы, 1978. Т. 9. 460 с.

Доржиев Д.Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-е годы. (Хроника языком документа). Улан-Удэ, 1993, 82 с.

Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство Средне-Сибирского края и его перспективы // Предварительные материалы по районированию Средне-Сибирского (Лено-Байкальского) края. Иркутск, 1925. Вып. 6. 23 с.

Нератова Л. Коллективизация по-киренски // Земля Иркутская, 2002. № 3(20). С. 105–109.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрополиграф, 2005. 457 с.

Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками 1918–1924. М., 2005. 704 с.

Россия нэповская / Павлюченков С.А., Орлов И.Б., Телицын В.Л. и др. Под ред. академика А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов в 10-ти томах / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и др.]. Москва : Институт российской истории Российской академии наук [и др.], 2001–2017. 656 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998–2012. Т. 1. 864 с.; 2000.Т. 2. 1164 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999–2006.

Трелин И.Ф. Экономическое состояние губернии в 1924/1925 гг. и перспективы на 1925/1926 гг. // Спутник

References

Vlast' truda [The Power of Labor], 1921, March 18. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1922, May 12. (In Russ.).

Graciozi A. *Velikaya krestyanskaya voina v SSSR. Bolsheviki i krestyane 1917–1933 gg.* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants 1917–1933]. ROSPEN Publ., 2008. 135 p.

Dekreti Sovetskoi vlasti. T. 9. [Decrees of Soviet Power. Vol. 9]. Moscow: Politicheskoi literature Publ., 1978, 460 p.

Dorjiev D.L. *Krestyanskie vosstaniya i myateji v Buryatii v 20-30-ee godi (Hronika yazikom dokumenta* [Peasant uprisings and revolts in Buryatia in the 20–30s (Chronicle in the language of the document)]. Ulan -Ude, 1993, 82 p.

Mirotvortsev K.N. *Sel'skoe khozyaistvo Sredne-Sibirskogo kraya i ego perspektivy* [Agriculture of the Central Siberian Region and its prospects]. *Predvaritel'nye materialy po raionirovaniyu Sredne-Sibirskogo (Leno-Baikal'skogo) kraya* [Preliminary materials on the zoning of the Central-Siberian (Lena-Baikal) Territory]. Irkutsk, 1925, iss. 6, 23 p. (In Russ.).

Neratova L. Collectivization in a Cyrensk. *Zemlya Irkutskaya* [*Irkutsk land*], 2002, no. 3(20), pp. 105–109. (In Russ.).

Novikov P.A. *Grajdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2005, 415 p.

Paips R. *Russkaya revolyuciya. Kn. 3. Rossiya pod bolshevikami 1918–1924* [Russian Revolution. Book 3. Russia under the Bolsheviks, 1918–1924]. Moscow, 2005, 704 p.

Pavlyuchenkov S.A., Orlov I.B., Telicin V.L. *Rossiya nepovskaya* [NEP Russia]. Moscow: Nov. hronograf Publ., 2002, 468 p.

"Sovershenno sekretno" – Lubyanka – Stalinu o polojenii v strane – 1922–1934 gg. Sbornik dokumentov. V 10 t. ["Top Secret": Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922–1934). Collection of documents in 10 v.]. Moscow: Inctitut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2001–2017, 656 p.

Berelovicha A., Danilova V. *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenti i materiali. V 4 t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ.; ROSSPEN, 1998–2012, vol. 1, 864 p.; vol. 2, 1164 p.

Danilova V., Manning R., Violi L. *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenti i materiali. V 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials. In 5 vol.]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 1999–2006. (In Russ.).

Trelin I.F. *Ekonomicheskoe sostoyanie gubernii v 1924/1925 g. i perspektivi na 1925/1926* g. [The economic

по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. С. 12–25.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 422 с.

Шишкин В.И. Сибирская Вандея. Документы. В 2 т. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 1. 664 с.; Т. 2. 776 с.

Яровой И.В. Экономика сибирской деревни. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926. 63 с.

Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905-1930. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1983. 457 p.

Conquest R. Agricultural workers in the U.S.S.R. – London, Sydney etc. : Bodley Head, 1968. 139 p.

Lewin M. Russian Peasant and Soviet Power, L. 1968. 539 p.

Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991. London, England; N.Y., USA : Penguin Books, 1992. 473 p.

Radkey O. H. The Sickle under the Hammer: the Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. – L., 1963. 525 s.

Siegelbaum Lewis H. Soviet state and society between revolutions, 1918 1929. Cambridge England.; N.Y., USA : Cambridge University Press, 1992. xiii. 284 p.

Сведения об авторе

Иванов Вячеслав Владимирович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории,
Иркутский государственный аграрный университет им. Ежевского,
п. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Российская Федерация,
e-mail: vyachivan@mail.ru

Критерии авторства

Иванов В.В. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет за статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

state of the province in 1924/1925 and the prospects for 1925/1926]. *Sputnik po gorodu Irkutsku i Irkutskoi gubernii* [The city of Irkutsk and the Irkutsk province guide-book]. Irkutsk, 1926, pp. 12 –25. (In Russ.).

Ficpatrik Sh. Stalinskie krestyane – socialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e godi. Derevnya [Stalin peasants: the social history of Soviet Russia in the 30s. The village]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2001, 422 p. (In Russ.).

Shishkin V. I. *Sibirskaya Vandeya. Dokumenti. V 2 t.* [Siberian Vendée. Documents. In 2 vol.]. Moscow: MF "Demokratiya" Publ., 2000, vol. 1. 664 p.; vol. 2. 776 p.

Yarovoi I.V. *Ekonomika sibirskoi derevni* [Siberian village economy]. Novosibirsk: Sibkraiizdat Publ., 1926. 63 p.

Atkinson D. The end of the Russian land commune, 1905–1930. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1983. 457 p.

Conquest R. Agricultural workers in the U.S.S.R. – London, Sydney etc. : Bodley Head, 1968. 139 p.

Lewin M. Russian Peasant and Soviet Power, L. 1968. 539 p.

Nove A. An economic history of the USSR, 1917–1991. London, England; N.Y., USA : Penguin Books, 1992. 473 p.

Radkey O. H. The Sickle under the Hammer: the Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y. – L., 1963. 525 s.

Siegelbaum Lewis H. Soviet state and society between revolutions, 1918 1929. Cambridge England.; N.Y., USA : Cambridge University Press, 1992. xiii. 284 p.

Information about the author

Vyacheslav V. Ivanov,
Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Sociology and History,
Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Irkutsk distrikt, Irkutsk region, Russian Federation,
e-mail: vyachivan@mail.ru

Attribution criteria

Ivanov V.V. carried out research work, made a synthesis based on the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.3.5.6
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-211-232

Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.)

© А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал», Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию, г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация

Аннотация: Данная статья посвящена освещению актуальной в исторической науке теме. Выявление общественно-политических настроений крестьянства 1920-х гг. осуществляется на материалах одного из сибирских регионов – территории, бывшей до середины этого периода Енисейской губернией, а затем – пяти округов Сибирского края. Важнейшим источником являлись выявленные спецслужбами крестьянские отклики на происходящее, частично известные по ряду документальных публикаций, а более того, обнаруженные автором в архивохранилищах и представленные здесь впервые. Исследование показало, что на большой территории с плохими коммуникациями, изолировавшими населенные пункты, настроения крестьян были зависимы от обстановки в сельской общине. С установлением же советской власти, которая возлагала на деревню особые трудовые обязанности и распространяла новшества жизни и управления, они развивались под воздействием её политики. Как и в других местностях Сибири, жизненное восприятие крестьянством текущего момента было хаотично. Настроения крестьян быстро менялись, палитра их стала более разнообразной: равнодушие при встрече с большевиками сменилось резкой враждебностью, вызванной насилием: ненависть одних сталкивалась с просоветской ориентацией других. В общественном сознании крестьян наблюдалось переплетение традиционных черт с новациями, вызванными политической ситуацией.

Ключевые слова: деревня, коммунисты, крестьянство, налог, настроения, община, повинности, посев, Советская власть, сход, хлеб

Информация о статье: Дата поступления 26 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Шекшеев А.П. Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 211–232. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-211-232.

Socio-political mood of the peasantry of the Yenisei (1920-1929)

© Aleksandr P. Sheksheev

Khakass Republican Organization “The Society of Memorial”, Krasnoyarsk Diocesan Commission on Canonization of Saints and Church Historical Heritage, Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation

Abstract: This article is devoted to such relevant topic in historical science as the identification of socio-political mood of the peasantry of the 1920s based on the materials of one of the Siberian regions – the territory that was until the middle of this period, the Yenisei province, and then became the five districts of the Siberian region. As most important source were the peasant responses to the events revealed by the special services, partially known for a number of documentary publications, and moreover discovered by the author in the archives and presented here for the first time. The study showed that in a large area with poor communications, isolating settlements, the mood of the peasants were dependent on the situation in the rural community. With the establishment of the Soviet Power, which imposed on the village special labor duties and spread the innovations of life and management, they developed under the influence of its policy. As in other areas of Siberia, the life perception of the peasantry was characterized by chaos. The mood of the peasants quickly changed, their palette became more diverse: indifference at the meeting with the Bolsheviks was replaced by sharp hostility caused by their violence, and soon the

hatred of some people coexisted with the Pro-Soviet orientation of others. In the public consciousness of the peasants there was an interweaving of traditional features with innovations caused by the political situation.

Keywords: village, the Communists, the peasants, tax, mood, community, service, culture, the Soviet government, assembly, bread

Article info: Received September 26, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Sheksheev A.P. Socio-political mood of the peasantry of the Yenisei (1920–1929). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 211–232. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-211-232.

Будучи важнейшим показателем состояния общества и свидетельствуя о соответствии политики государства его интересам, общественно-политические настроения основного населения страны – крестьянства во многом определяли перспективы построения советского государства.

Изучение настроений сибирской деревни 1920-х гг., начатое еще в советское время (Хенкин, 1974. С. 38–46; Шишкин, 1982. С. 20–28), на рубеже столетий продолжилось исследованием её социально-психологического облика и политической направленности крестьянских восстаний (Кузнецов, 1992; Третьяков, 1994. С. 90–100; К характеристике..., 1996. С. 5–-62). Оно показало зависимость настроений села от государственной политики, массовость и антикоммунистический характер повстанчества начала 1920-х гг. (Бурдина, 2002[1]; 2006. С. 168–176; 2017. С. 28–33; 2018. С. 32–40). Затем исследование охватило более широкий круг крестьянских настроений всего периода, предшествующего коллективизации (Шуранова, 2003a. С. 24–30; 2003b. С. 91–95; 2004. С. 184–194; 2005. С. 231–241; 2006. С. 95–114; 2007a. С. 61–75; 2007b. С. 70–78). В публикациях утверждалось, что возникшие при вторжении государства в жизнь деревни восстания не были проявлением сформированного общенационального сознания. Имевшие место вспышки протеста сменялись раскаянием крестьян и переходом части их на советские позиции. В то же время сохранялось отчуждение между крестьянством, озабоченным хозяйственными делами, и сельскими коммунистами. Отдельным предметом исследования стало отношение к власти и политике в деревне крестьянской бедноты.

Между тем в указанных публикациях больше рассматривались взаимоотношения крестьян с советской властью или облик деревни. При этом изучение её настроений осуществлялось сугубо в территориальных рамках Западной Сибири и часто носило фрагментарный характер или охватывало только восприятие крестьянами государственной налоговой политики, советов и коммунистов.

Естественно, что такой подход не исчерпывает проблематику заявленной темы и заставляет нас обратиться к рассмотрению её на материалах конкретного сибирского региона на протяжении всех 1920-х гг. Всего убедительнее для изучения данного вопроса являются свидетельства самих участников событий – голоса из прошлого. Выявленные спецслужбами крестьянские отклики на происходившее, частично известные по ряду документальных публикаций, а более того обнаруженные нами в архивохранилищах и представленные здесь впервые, используются в качестве множественных иллюстраций.

Енисейская деревня встретила советскую власть в 1920 г. в основном с равнодушием. «Нам все равно, белые или красные, – говорили крестьяне, – все равно, тем давай и другим давай, а нам ничего»[2]. Лишь ближе к весне возникло их недовольство аннулированием новыми властями «сибирок» – ассигнаций белого правительства, ис-

[1] Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири, 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 23 с. / Burdina E.N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia, 1920–1921.: Thesis of the dissertation … for Candidate of Science (History). Moscow, 2002, 23 p.

[2] Здесь и далее орфография подлинника сохранена.

пользованием в создаваемой милиции «старых» работников и бесконечными фуражными изъятиями для нужд Красной армии (ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об.; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; Д. 82. Л. 17).

Большие территории и плохие коммуникации, изолировавшие населенные пункты, делали государственный контроль на территории Енисейской губернии слабым. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы предприимчивого крестьянства.

Вместе с тем советская власть пришла, возлагая на крестьян трудовые обязанности, распространяя новшества жизни и управления. Сначала крестьянский мир был нарушен приходом Красной армии. В местностях, где проходили или располагались армейские части, их командование требовало предоставления жителями подвод, а кое-где, угрожая арестами, порками и расстрелами, приказывало мобилизовать такое их количество, что это затрудняло выполнение крестьянами других повинностей.

К традиционной власти в лице общины, выражавшей интересы всех слоев крестьянского населения и сохранявшей традиции, ценности и социальные связи, добавились ревкомы, советы и другие организации, действующие соответственно с решениями руководства или в духе того времени. Возникшие в с. Казачинском Енисейского уезда и в селениях Шилинской волости Красноярского уезда комитеты бедноты, оказывая поддержку нуждающимся гражданам, приступили к выявлению запасов продовольствия у кулаков и середняков.

Постепенно отношение крестьян к советской власти стало меняться. Например, население Шилинской волости Красноярского уезда молчанием встретило выгодное предложение губернской почтово-телеграфной конторы участвовать в постановке телеграфных столбов. В тишине заслушали декреты о землепользовании, лесной охране и твердых ценах живущие лесным промыслом крестьяне Покровской волости. Общие собрания жителей ст. Клюквенная и с. Уяр прошли в присутствии незначительного количества сторонников советской власти. «Подозрительным» являлось, по мнению властей, настроение середняков в Сухобузимской волости, «выжидательным» – канского крестьянства. Приезжего в некоторых деревнях встречали словами: «Опять приехал коммунист» (ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об. – 71 об., 85, 88).

В Минусинском уезде лица, посещавшие крестьян, отмечали, что все они «чего-то боятся. Ждут весны». К лету того же года здесь только небольшая часть деревенского населения поддерживала начинания советской власти. Крестьяне были возмущены отправкой военнопленных-колчаковцев работать на каменноугольных копях, а в Никольской и других волостях размещением частей 27-й дивизии, «объедавших» деревни и требовавших подводы силой оружия. Инородцы же были недовольны запретом курения араки и незаконными конфискациями продуктов, совершаемыми красноармейцами (ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 88 об.; Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2144. Л. 107; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 4; Д. 119. Л. 4; Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 7, 11, 37).

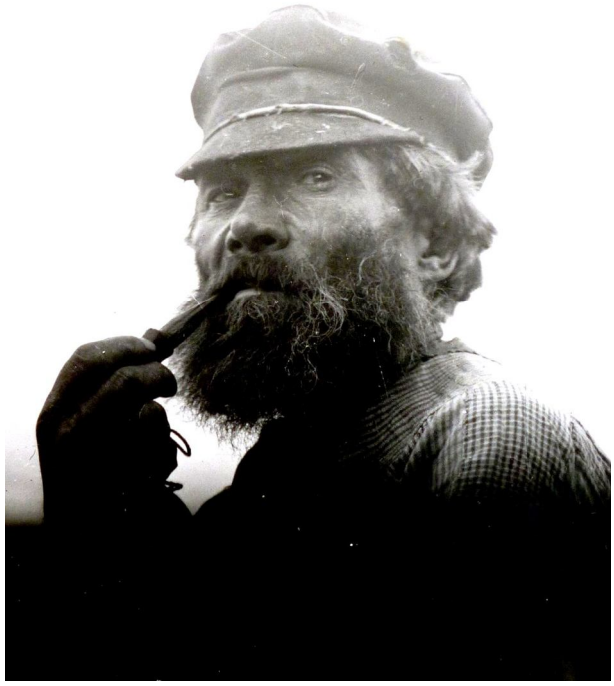

Рис. 1. Крестьянин
Fig. 1. Peasant

Осенью 1920 г. жители Корниловской волости Ачинского уезда выражали возмущение тем, что при износе обуви и лошадиной сбруи власти отказались возвращать им выделанную кожу. Во враждебное переросло отношение крестьян этого уезда к коммунам, организованным на его территории. В результате поджогов сгорела часть их хозяйственных построек (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 47; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 124. Л. 81).

Резкое ухудшение настроений крестьян вызвало начавшееся осенью 1920 г. изъятие продразверстки. Причем, как это констатировалось на заседании президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) от 19 октября 1920 г., острое недовольство населения вызвал сначала приказ губернского продовольственного комитета о снабжении продовольствием советских служащих. Крестьяне насмешками сопровождали «бестолковую» ссыпку хлеба, организованную местными управленцами в Павловской волости Ачинского уезда. В декабре 1920 г. население Минусинского уезда возмущалось изъятием хлеба «дочиста», вплоть до семян (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 61; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 55; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 4).

На митинге, проходившем 8 января 1921 г. в д. Комарково Мало-Минусинской волости, не только крестьяне ругали советскую власть, но даже член сельсовета Н. Чернов заявил: «Что не коммунист, то жид, они правят Россией, новая власть хуже жандармов». Сторонники советской власти в общей массе населения составляли в д. Быстрая – 50 %, с. Малая Минуса – 25, с. Большая Иня – 10, а в д. Городок – всего 5 %. Враждебно были настроены к ней 10 % жителей д. Ново-Троицкой, 25 – с. Малая Минуса, 40 – с. Большая Иня и 50 – д. Городок. Прочее население этих селений Минусинского уезда в оценке деятельности советов колебалось (МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 14).

В феврале того же года из-за полного изъятия продразверстки, отсутствия хлеба и голода бедноты отрицательное отношение к советской власти наблюдалось в Корниловской волости Ачинского уезда, в мае – в Беллыкской волости Минусинского уезда, в июле – в Больше-Муртинской волости Красноярского уезда, а к осени – в Сухобузимской волости того же уезда (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 96; Д. 281 а. Л. 8; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 263; ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 156. Л. 67).

Крестьяне, с одной стороны, чувствовали себя обманутыми продовольственными работниками и вообще коммунистами. С другой, – они имели туманное представление о советской власти. Враждебность к ней у крестьян зачастую не была постоянной, настроение их менялось под воздействием обстоятельств буквально в считанные дни. О такой ситуации, к примеру, рассказывал руководитель губернской партийной организации Ф.А. Березовский, побывавший на Красноярском уездном съезде советов (28 марта – 4 апреля 1921 г.). Пережившее продразверстку крестьянство подошло к нему настроенным враждебно к коммунистам: из 104 избранных на съезд делегатов только 15 были партийцами. Обращаясь в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком, губернский партийный лидер докладывал, что ему с трудом удалось провести в президиум трех своих товарищей, но съезд неожиданно закончился единогласным принятием просоветских резолюций, выбором на губернский съезд коммунистов и приветствием вождям революции и лично Березовскому. «Здесь доля наивной простоты и доля смешного», – так оценил он это событие (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 41).

По сведениям милиции, на октябрь 1921 г. в Минусинском уезде, одном из хлебных районов губернии, кулаки составляли 20 % – 78 тыс. человек, середняки – 65 – 253,5 и бедняки – 15 % – 58,5 тыс. человек. То есть крестьянская беднота здесь не была массовым социальным явлением, как, например, в европейской части России. Местные власти предполагали, что объявленная выплата продналога, расколов деревню, получит поддержку хотя бы у этой части её населения.

Но она началась в обстановке продолжающегося военного положения и сопровождалась недобросовестностью районных продовольственных агентов, служащих кооперативных лавок и народных судей, обманывающих или засуживающих крестьян. Поэтому взыскание налога, носившее принудительный характер, вызвало недоброжела-

тельное и даже враждебное отношение к советской власти даже у беднейшего крестьянства. Ярким примером такого отношения, например, жителей с. Усть-Ерба стал случай, когда находившемуся на пароме вблизи селения отряду красноармейцев вместо затребованных продуктов были предоставлены объеденный мышами хлеб и заплесневелые шаньги (МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 120. Л. 14–15, 17; Д. 145. Л. 4).

Наряду с сильным раздражением от уплаты продналога, крестьяне, например, Красноярского уезда в декабре 1921 г. высказывали недовольство масштабами гужевой повинности, возросшей с перевозом переселенцев по тракту. Кое-где она выполнялась населением с применением властями вооруженной силы. В феврале 1922 г. возмущение минусинцев вызвала нераспорядительность властей: деревни подали для доставки угля 100 подвод, когда же возчики, проделав длинный путь, прибыли на место, то его там не оказалось. В Ачинском уезде озлобление крестьян вызвало нежелание коммунистов выполнять вместе со всеми подводную повинность, а в с. Линево и Парная – использование мужиков на очистке от навоза партокомовских дворов. Из-за незаконных и «покрываемых» коммунистами вооруженных ограблений резко ухудшилось отношение к советской власти у инородцев (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 23. Л. 10; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 137. Л. 38; МКУ **«**АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 46).

Не менее сильными были крестьянские переживания, связанные с последствиями налоговой кампании. В марте 1922 г. с ненавистью относились к коммунистам и враждебно к советской власти крестьяне в селениях Бейской волости Минусинского уезда, на которых за скрытый и обнаруженный активистами посев было наложено дополнительное продовольственное задание. Выполнение его путем изъятия у крестьян семенного зерна, породившее из-за распутицы и дальних расстояний затруднения с обеспечением им посева, а также небольшой объем отпускаемых семян затянули страду и вызвали обострение отношений с властями, например, в Бейской, Таштыпской и Иудинской волостях того же уезда (МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 61, 171; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 156. Л. 119).

Вызванное налоговой кампанией «пассивно-враждебное» отношение крестьян к власти и тяжелое материальное положение бедноты вылились в

Рис. 2. Енисейский губернский исполком (март 1922 г.). Фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Публикуется впервые
Fig. 2. Yenisei provincial Executive Committee (March 1922). Photo from the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum. Published for the first time

бегство населения в тайгу. Оставшиеся в селениях крестьяне с пониманием относились к «бандитизму». Но из-за вынужденного содержания воюющих сторон целые волости решались на поддержку чоновцев. Случившееся при разливе р. Абакан наводнение погубило массу скота и овец, что заставило инородцев питаться мясом павших животных и ухудшило их настроения (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 361. Л. 39; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 189).

К концу весны 1922 г. недостаток продовольственного хлеба, наложение на крестьян дополнительного налога за скрытые посевы, объявление возросшего по сравнению с 1921 г. налога на масло, яйца и в пользу голодающих Поволжья, необеспеченность семенами, рост уголовной преступности, кражи зерна с ссыпных пунктов, наконец, предстоящее изъятие церковных ценностей создали в Минусинском уезде враждебное отношение к советской власти. Судя по сообщениям с мест, работа советов в ряде селений была парализована, коммунисты же в Лугавской волости, опасаясь крестьянского выступления, приступили к эвакуации семей в Минусинск.

В мае – июле 1922 г. нежелание крестьянами выполнять продналог и уменьшение ими площади посева наблюдались в Шилинской, в августе – в Степно-Баджейской, Частоостровской и Шерчульской волостях Красноярского уезда, а в октябре – в селениях Енисейского уезда. Беднота, которая существовала, питаясь хлебом, собранным при взимании продразверстки, теперь высказывалась против введения новой экономической политики, заменившей её продналогом (МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 490. Л. 6; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 141. Л. 208).

Власти разваливали крестьянский двор, как относительно целостную структуру выживания деревенского населения, и в то же время давали ему возможность работать для того, чтобы исправно собирать налоги. Хлеб, собранный в счет уплаты продналога, шел не только в государственные закрома. Местные власти использовали его для поддержки бедноты, переселенцев и членов коммунистических ячеек. Осенью 1922 г. старожильческое население Ачинского и Минусинского уездов считало коммунистов «захватчиками власти и карьеристами», в Канском – проявляло недовольство возложенным на него содержанием школ, а в Красноярском – призывников в Красную армию. Наблюдая неприязнь старожилов к новоселам, которые численностью в 30 тыс. человек еще не были наделены землей, минусинские управленцы с ноября приостановили переселение. Оценивая отношения к себе крестьян, они на одном из уездных съездов советов (ноябрь 1922 г.) записали, что «советская власть не воспринимается с энтузиазмом, а как-то буднично, вяло» (ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 250. Л. 2; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 299. Л. 120, 141; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 162. Л. 31; 4-й уездный съезд..., 1923. С. 11).

Начавшаяся осенью 1922 г., новая продовольственная кампания была встречена, к примеру, в селах Минусинского и Красноярского уездов глухим ропотом жителей, которые были недовольны возросшим объемом налога (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 299. Л. 120; Советская деревня..., 1998. С. 622). В январе следующего года крестьяне Канского уезда проявляли недовольство тем, что власти, наряду с уплатой налога, привлекли их к борьбе со снежными заносами на железной дороге. С окончанием взимания натурального налога деревня было успокоилась, но в апреле крестьяне Балахтинской волости Ачинского уезда и селений Канского уезда стали проявлять недовольство дополнительными повинностями, раздробленностью налогов. На общем собрании в д. Кантат Красноярского уезда некий кулак Толстиков возмущался: «Жидовье взяло верх, а мы им шею подставляем, они командуют над нами». На сельском сходе в с. Троицкое Канского уезда были слышны крики: Советская власть хуже колчаковской, она грабит и замучила крестьян налогами» (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 685. Л. 13; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 1. Л. 339; Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 128; Советская деревня..., 2000. С. 101).

В середине лета 1923 г. крестьянство было недовольно начавшимся выявлением объектов нового налогового обложения. Сокрытию их способствовали, например, в Канском и Красноярском уез-

дах даже сельсоветчики. Только с объявлением государством единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) состояние деревни, как отмечали очевидцы, стало устойчивым, она отошла от политики, заявила о поддержке советской власти и занялась сельскохозяйственными работами (Советская деревня..., 2000. С. 130; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 8). Так, состоявшаяся 16 сентября в с. Усинском лекция налогового инспектора об ЕСХН собрала 300 слушателей и закончилась обращением к властям: «Мы, крестьяне Усинской волости, ... видим, что Советское правительство ... всецело идет нам навстречу, оберегая интересы своих братьев крестьян, а потому шлем сердечную благодарность и желаем скорейшей победы в деле хозяйственного строительства Республики, в котором мы постараемся принять самое активное участие» (Власть труда. 1923. 5 октября).

Со своей стороны местные власти перешли к активной пропаганде идеалов большевизма и советского образа жизни, которая находила, согласно газетной информации, положительный отклик в крестьянской среде. К примеру, в Минусинском уезде трехлетие коммунистической ячейки отмечалось в д. Старая Мигна Кнышинской волости. На состоявшихся следом перевыборах сельсовета в его состав были избраны коммунисты и комсомольцы. 25 сентября на территории Бейской волости начался сбор пожертвований для создания Воздушного флота, в котором участие принимали деревенские беднота и середнячество. 30 сентября в с. Таштып проводился праздник «пролетарской» молодежи, в программу которого входил воскресник по строительству крестьянского клуба. Вспомнив общинную традицию, волостной воскресник, в котором участвовали 80 человек, власти провели в д. Белый Яр Кочергинской волости. В состоявшемся 21 октября партийном «съезде» принимали участие не только 25 коммунистов Идринской волости, но и, проявляя «небывалый» интерес, свыше 100 крестьян и местных интеллигентов.

Во многих селениях общества праздновали 6-летие Октябрьской Революции. При большом скоплении крестьян проходили митинги, шествия-демонстрации с пением «Интернационала», революционных песен и с исполнением похоронных маршей на могилах павших товарищей, а в украшенных зеленью и флагами советских учреждениях, народных домах и клубах – торжественные заседания и спектакли. В с. Тесинском в праздничном мероприятии участвовали 500 человек, а в с. Абаканское оно заняло два дня. Наряду с прочим, здесь власти организовали концерт, состоявший из декламаций, музыкального исполнения и «живой картины» на тему смычки города и деревни с иллюминацией «греческого огня». В с. Каптыревском демонстрация и митинг закончились направлением приветственной телеграммы В.И. Ленину.

Большой интерес вызвало у крестьян проходившее следом за празднованием общее собрание в с. Курагино, обсуждавшее важные вопросы, в частности о местном бюджете, обществе крестьянской взаимопомощи, школе и больнице. Но решение их, как сетовала газета, в результате «нашептывания» «контрреволюционеров» о серьезных расходах было сорвано. При этом смета на содержание церкви, ремонт её ограды и содержание причта оказалась общинниками принятой (Власть труда. 1923. 5, 12, 19 октября, 18, 21, 23, 30 ноября).

Вместе с тем часть минусинского крестьянства, несмотря на приветствия в адрес ЕСХН, осталась недовольной низкими ценами на хлеб и льготами бедноте. Кое-где оно было даже враждебным советской власти. К примеру, таким являлось отношение крестьян Григорьевской волости, у которых хлеб не уродился, а для уплаты налога описывалось и продавалось с торгов имущество. Осенью же 1923 г. крестьяне Красноярского уезда были недовольны тем, что власти составляли для них окладные листы, не учитывая пережитого их хозяйствами стихийного бедствия. К концу года в Ачинском и Минусинском уездах заметным являлось возбуждение крестьян выплатами в волостной бюджет. В Енисейском уезде крестьяне воспринимали отчисления на содержание советских служащих как дополнительный налог. Лишь с понижением цен на фабрично-заводские товары доброжелательным выглядело отношение к советской власти населения только что созданного Хакасского уезда

Рис. 3. Переселенцы и старожил в енисейской деревне
Fig. 3. Immigrants and long-term resident in the Yenisei village

(ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 12; Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 2. Л. 486; Д. 130. Л. 2; ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 699. Л. 396; Д. 828. Л. 37; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 276. Л. 104; ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 76. Л. 15).

Енисейские крестьяне по-разному реагировали на кончину первого руководителя советского государства. Так, узнав об этом, ни одна деревня Пировской волости Енисейского уезда не разделила по данному поводу скорби, а сход крестьян д. Кузнецово вынес резолюцию с заверением: «Мы долго будем помнить Ленина, разорившего наше хозяйство». Состоявшееся 3 февраля 1924 г. по этому поводу заседание президиума Енисейского уездного комитета РКП(б) решило снять с работы местных ответственных лиц, а ГПУ изъять из селения «контрреволюционные элементы» (ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 828. Л. 15, 24).

В Минусинском же уезде власти, вероятно, успели поработать с активом, а где-то крестьяне искренне жалели о кончине В.И. Ленина и проявляли всяческие инициативы. Так, в ряде деревень Мало-Минусинской волости они увеличили посевы, в с. Кавказское Шалаболинской волости решили построить клуб его имени. Некоторые активисты именем «Ленина» называли своих новорожденных детей, а в с. Абаканском – народный дом.

В день похорон вождя состоялись митинги с салютом в с. Ермаковское, Моторское, Кочергино и д. Сыда. В д. Шошино Кочергинской волости крестьяне выражали «великое сожаление» о потере Ленина. В с. Паначевском жители демонстрировали свою скорбь с черными флагами и факелами. Переполненным людьми был клуб в с. Знаменка. На митинге у вынесенного под звуки траурного марша к трибуне портрета усопшего члены комячейки, сельсовета и крестьяне клялись дело, начатое им, довести до конца. До 200 инородцев из соседних улусов собрались для проведения траурного вечера с речами, посвященными памяти вож-

дя на русском и хакасском языках. Жителям д. Березовки Курагинской волости о Ленине рассказывал их земляк, который видел его во время одного из Всероссийских съездов советов. Собравшись на митинг, пайщики Каратузского кооператива были настолько подавлены горем, что не смогли исполнить похоронный марш. На следующий день здесь состоялось собрание с участием 300 крестьян. Массовостью участия отличались женщины: в с. Большая Иня на митинг собрались 150, а на конференцию в с. Имисс – 60 активисток.

Кончина В.И. Ленина вызвала у населения не только скорбь, но и желание непосредственно участвовать в строительстве новой жизни. К примеру, в д. Листвягово семеро жителей подали заявления в РКП(б), крестьяне с. Средне-Шушенского по инициативе сельсовета пожертвовали некоторую часть зерновых запасов для строительства памятника Ленину. На его сооружение работники Баландинской мельницы, устроив торжественные похороны, отчислили двухнедельный заработок.

Но были случаи равнодушного и нераспорядительного отношения к этому событию даже со стороны советских служащих. Так, получив телеграмму Знаменского волисполкома о смерти Ленина, секретарь Сухо-Тесинского сельсовета Баранов не известил об этой трагедии учреждения села и население. Он был немедленно отстранен от должности, расследованием его поведения занялась милиция. Или начальник Усть-Ербинского почтово-телеграфного отделения в день похорон венчался в церкви с дочерью местного священника, за что был подвергнут общественному осуждению (Власть труда. 1924. 3, 8, 10, 20 февраля).

Очередная пропагандистская кампания властей состоялась для минусинского крестьянства в связи с празднованием 1 Мая (1924 г.). Прибыв накануне в Минусинск, деревенские делегаты прошли с оркестром от уездного исполкома в театр, где имело место торжественное заседание с просмотром кинофильма. На следующий день они вместе с уездным руководством принимали парад, смотрели выступления физкультурников, а затем обедали в торжественной обстановке. В с. Восточенское по этому же случаю состоялись торжественное заседание и митинг, в котором участвовало до 400 жителей. На торжественное заседание в с. Усинском собрались 300 человек. Первомайский митинг с шествием к могилам «борцов» прошел в Таштыпе, а праздничный спектакль в с. Знаменском. В с. Паначево почти 50 человек вступили в ряды МОПРа и ячейку Воздухофлота.

Прививая новый образ жизни, власти с. Сагайского в канун 1 Мая хоронили женщину по «революционному» обычаю. Было организовано шествие населения под траурными знаменами и с исполнением похоронного марша. Сам праздник отмечался торжественным заседанием, демонстрацией с флагами и пением, митингом на кладбище с участием 200 человек.

Необычные для трудящейся деревни празднества продолжались. С культурной и агитационной целью в отдаленные от Минусинска селения были направлены бригады уездных культработников. К примеру, 1, 5 и 8 июня 1924 г. в д. Григорьевка при скоплении крестьян прошли спектакли по пьесам «Низверженный деспот», «Сон мужика» и «Заветы умирающего красноармейца». Во время сценки похорон погибшего бойца слышались всхлипывания зрителей. 14, 15 и 22 июня состоялись спектакли по пьесам «Революция», «Огненный конь» и «Церковная обедня» в с. Усинском.

Эстафету приняла кооперация, день которой в начале июля решили отметить в с. Ермаковском и Кужебаре. Здесь прошли торжественное заседание, митинг и спектакль. Кооператоры пожертвовали для клуба и организации пчеловодческой артели денежные средства.

За летние месяцы в д. Биджа Хакасского уезда, куда переехал райисполком, состоялись семь спектаклей. Взбудораженная молодежь, собравшись 2 августа в количестве 70 человек, организовала культпросвет и комсомольскую организацию. 24 августа крестины по-новому имели место в семье жителей с. Кортуз Абаканского района. После заслушивания докладов о международном и внутреннем положении страны и значении Воздухофлота в СССР восприемниками новорожденной стали местные ячейки РКП(б) и РЛКСМ. Борьбу с распущенностью и сквернословием молодежи путем

Рис. 4. Заимка на берегу р. Енисей
Fig. 4. Log cabin on the bank of the Yenisei River

наложения административных взысканий объявил сход жителей д. Ново-Полтавки Ермаковского района (Власть труда. 1924. 7, 9, 23, 25 мая; 19, 22, 30 июля, 21 августа, 3 сентября).

Перелом в настроениях деревенского населения в пользу советской власти наблюдался и в других территориях региона. В апреле 1924 г. была засвидетельствована «тяга» крестьян в коммунистическую партию, например, в Ачинском уезде, а в мае – июне 50–100 заявлений о приеме в неё, поступивших от бедноты и демобилизованных красноармейцев, рассматривались райкомами РКП(б) в Канском уезде. Но, при большинстве в регионе крестьянского населения, губернская партийная организация на сентябрь 1924 г. лишь на 38,3 % состояла из представителей деревни (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 31; Д. 105. Л. 2; Д. 151. Л. 70–71).

Советской власти пока не удавалось противопоставить бедноту зажиточной части сельского общества и нарушить крестьянскую солидарность. Бедняк оставался, прежде всего, крестьянином, у которого на первом месте всегда были интересы выживания семьи и своего хозяйства.

Поэтому, несмотря на проявления поддержки крестьянами советской власти в одних местностях, в других – ситуация не была уж столь благостной. «Грабителями» считало коммунистов в апреле – мае 1924 г. коренное население Хакасского уезда. С августа крестьяне здесь проявляли недовольство снижением цен на сельскохозяйственную продукцию и, напротив, повышением стоимости фабричных товаров, слабостью мер по борьбе с уголовщиной, закрытием из-за высоких ставок налога кустарного производства и отсутствием работы на приисках и рудниках. Негодование крестьян было сильным в связи с увеличением численности лиц, занимавшихся выявлением объектов налогового обложения, их грубым отношением к налогоплательщикам в Красноярском уезде. Местные кулаки грозились сократить посев до прожиточного минимума, а беднота оказалась недовольна взиманием даже пени по ЕСХН, которые она своевременно не уплатила. Враждебно относилось к налоговому обложению, который оказался больше, чем

ранее, зажиточное население Хакасского уезда. Испытывая враждебное отношение к коммунистам, население девяти волостей Ачинского уезда избегало общения с «антихристами». Минусинское крестьянство было недовольно взиманием недоимок 1922/23 г., которые в 2–3 раза были больше самого налога (ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 7, 47, 57, 79; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2.с. Д. 130. Л. 89, 92, 147, 211; Д. 143. Л. 21).

К осени 1924 г. под влиянием решений XIII съезда РКП(б) настроения крестьянской бедноты изменились еще больше. В Ачинском уезде прошли, еще обособленные от коммунистов, первые собрания, обсуждавшие создание простейших форм кооперации и комитетов взаимопомощи. В Минусинском уезде, где беднота, ранее боявшаяся выступать на сходах против кулаков, теперь на выборах в органы кооперации впервые голосовала за списки кандидатов от коммунистической фракции. В то же время, например, в с. Белоярском Абаканского района, где население группировалось вокруг зажиточных и лиц, исключенных из партии, предложения коммунистов в защиту бедноты провалились. Население, озлобленное выполнением ими административных функций, консолидировалось и в количестве 4 тыс. человек провело митинг, на котором бичевало советскую власть (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 384; Д. 8. Л. 5; Д. 181. Л. 238; Д. 523. Л. 150).

Сильным фактором, изменившим крестьянские настроения в пользу советской власти, стало принятие коммунистами осенью 1924 г. нового курса – «лицом к деревне». Случившийся неурожай в европейских губерниях страны, поступавшие сигналы о крестьянском недовольстве заставили коммунистов провести ряд кампаний по демократизации политической жизни, «оживлению» советов, укреплению позиций коммунистов, восстановлению законности, правопорядка и единоличного накопления. Они были с удовлетворением приняты енисейскими крестьянами, которые перестали спорить о стойкости коммунистического режима. В годовщину смерти В.И. Ленина большинство прибывших в губернию красноармейцев-отпускников, а вместе с ними 12 крестьян написали заявления о приеме в РКП(б). В с. Таштып Хакасского уезда около 50 человек изъявили желание стать коммунистами и комсомольцами. Соблюдая траур, жители улуса Усть-Чуль Аскизского района просили райком партии прислать им докладчика. Чебаковский съезд советов преподнес знамя райкому партии и благодарил его за культурно-просветительную работу (ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 173; Д. 7. Л. 7).

С января 1925 г. при пассивности бедноты и хозяйственной занятости кулачества на советскую работу стали больше выдвигаться середняки. В некоторых селениях, к примеру, в с. Сухая Тесь Минусинского уезда, жители перестали реагировать на указания коммунистов. Оценивая данное положение, крестьяне, например, в с. Сабинка Бейского района заявляли растерявшимся членам местной ячейки: «Довольно, поуправляли. Теперь сами без вас будем управлять». На апрельском сходе в с. Абаканском, проходившем по случаю приезда Сибирской комиссии, крестьяне жаловались, что «ячейка для нас ничего хорошего сделать не может, она не знает крестьянской жизни, в ней все больше учителя и другие, а крестьян нет».

Более того, в Канском уезде среди крестьян пошли и такие разговоры: «Настало время, когда коммунисты сдают нам власть, через некоторое время мы будем сворачивать им головы». В д. Семеновка Уярского района зажиточные крестьяне на собрании угрожали: «Если Советская власть нас будет обманывать, то мы тоже покажем, что и Колчаку показали». Согласно заявлению кулака Амосова из с. Городок Минусинского уезда, лозунг «Лицом к деревне» лишь прикрывал боязнь советской власти ухудшения отношений с капиталистическими государствами (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 506; Д. 752. Л. 91, 259; Д. 752. Л. 89; ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 89; Д. 18. Л. 175; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 10; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 16).

Проявляя недовольство повышением лимитов на хлеб, которые коммунисты обещали не изменять, крестьянство, например, Минусинского уезда выполнило основное налоговое задание 1925 г. досрочно (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 258, 268–

269). Вопреки заявлению кулака И. Зырянова из с. Базаиха Красноярского уезда о том, что «советская власть дала для крестьян один налог и больше ничего, ... с нас последнюю шкуру сдирают», деревенские массы высказывали удовлетворение её фискальной политикой (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 91; Д. 446. Л. 74).

Объявленный и сниженный новый налог не вызвал недовольства крестьян. Лишь в Ачинском уезде они возмущались системой выявления объектов обложения, а в Минусинском – налоговыми свободами для бедноты. Несмотря на жалобы населения по поводу хулиганства, краж, неудовлетворительной работы милиции, судов и взяточничества лесников, оно в основном, как констатировала I Минусинская окружная партийная конференция (11 ноября 1925 г.), стало выступать за советскую власть (ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1828. Л. 21; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 46; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 28. Л. 39; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 12).

Однако коммунисты и при новом курсе политики по-прежнему не решали экономических проблем деревни и порой не интересовали крестьян своей деятельностью. Так, в связи с полевыми работами на Больше-Муртинский районный съезд советов явилось лишь менее половины делегатов. Сняв по данной причине с повестки дня семь вопросов, руководство съезда завершило его в тот же день.

Вскоре настроения селян изменились и приобрели враждебную окраску. К примеру, на собрании в д. Каргино Красноярского уезда бывший партизан и бедняк Бабкин, заслушав доклад приехавшего члена районного исполкома о необходимости уплаты налога в срок, заявил: «Куда вы нас ведете, Советская власть с нас последние кальсоны снимает, ведь это не жизнь, а каторга... Это не Советская власть, а обман». Когда же ему пригрозили наказанием, то все собравшиеся стали кричать: «Устами Бабкина мы все говорим, мы также воевали против Колчака, как Бабкин, думали завоевать себе равенство, а теперь получается так: одни жируют, а мы, крестьяне, ходим босыми и голыми». Некоторые из них высказывали недовольство возведением памятника В.И. Ленину в Красноярске. Так, на сходе в д. Суханово некий Толстихин, возмущаясь, кричал, что «власть берет с нас налоги и строит каким-то Лениным памятники». К концу 1925 г. существовали целые деревни, население которых целиком высказывалось против политики советской власти. Такой, к примеру, была известная в торговом миру Минусинска и Красноярска д. Сидорово Курагинского района (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 19; МКУ «АГМ». Ф. 119. Оп. 1. Д. 319. Л. 268).

Объявленная свобода хозяйствования вела не только к достатку в жизни отдельных крестьян, но кое-где и к притеснению старожилами новоселов. В подтаежных деревнях последние жили без земли и бездействовали, а советские органы не только не спешили с землеустройством, но и взимали с них местные сборы. Случалось, что эксплуатируемая кулаками беднота оказывалась в «обиде» на советскую власть (МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 28. Л. 120; Д. 104. Л. 15).

Отрицательного мнения о ней, судя по июльским 1926 г. доносам, были представители и других слоев деревенского населения. Так, в д. Знаменка Хакасского округа член ревизионной комиссии общества потребителей Е. Батуев говорил: «Это не власть, а грабиловка, которая грабит открыто. Она хороша только для лодырей, а для трудящихся совсем не годится». Там же кулак А. Брагин в сообществе крестьян угрожал: «Мы с этих грабителей коммунистов с живых ремни из спины вырезать будем». Беседуя с жителем той же деревни, чарковский избач Интутов сетовал: «При царе жилось плохо только тем, кто не хотел работать, как вот теперешние коммунисты не работают и живут хорошо». Бывший приказчик потребительской лавки С. Соколов с легкостью, очевидно, лгал хакасам из улуса Секта: «У нас идет агитация против Советской власти и мы всех гадов перебьем потому, что имеем связь с белыми генералами. Скоро или поздно, а коммунистам будет крышка» (ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 2. Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, сентябрь 1926 г. Л. 76, 78).

Побаиваясь кулацкого мщения и теряясь от насмешек середняков по случаю создания фондов кредитования, озлобленные «лодыри» и «пьяницы» из бедноты, например, в Назаровском, Итат-

ском и Ужурском районах стихийно переходили с целью разрешении экономических вопросов к самоорганизации. Отсутствие веры в свои силы в одних местностях, в других – сменялось активностью бедняков. Например, к ноябрю 1926 г. изъявляли желание создать коммунистическую ячейку крестьяне подтаежной д. Манзалык Ермаковского района, а их сообщество на ст. Сон для борьбы с хулиганством организовало дружину, присвоившую себе функции милиции. Хакасская беднота «симпатизировала» советской власти за проведение оросительной канавы, поливы из которой увеличили заготовку сена, и возможность приобретения сельскохозяйственной техники (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 1786. Л. 254, 259; Д. 6. Л. 124; Д. 1204. Л. 149; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 39).

Деревенская беднота переходила на позиции советской власти под воздействием материальной поддержки. В Ачинском округе, к примеру, свободными от налога в 1924/25 г. являлись 47 % всей бедноты, в 1925/26 г. – 14 и в 1926/27 г. – 22,8 %; в Минусинском – в 1925/26 г. – 25 и в 1926/27 г. – 35 %. Для организации бедняцких подразделений в Хакасском округе потребительская кооперация создала специальные фонды кредитования, а сельский кредитный союз выделил денежные средства и товары. Бедняки получили льготы государственного страхования и были частично освобождены от уплаты налога (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 1799. Л. 34; Д. 2094. Л. 29; Д. 2123. Л. 6, 8, 61).

Во время перевыборов сельсоветов и органов кооперации в Канском округе беднота, в отличие от прежних лет, выдвигала свои кандидатуры в каждом селении. Усилилась работа среди бедняцких масс коммунистов, которая в основном проводилась путем организации специальных собраний. С октября 1926 г. и до середины января 1927 г. в Минусинском округе были проведены 324 таких собрания с участием 18 тыс. крестьян, или 85 % всей бедноты и 24 % имевшихся батраков. В течение 1927 г. собрания бедноты с оформлением её в группы состоялись повсеместно (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 20; Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 277. Л. 27; Д. 293. Л. 33).

Зависимая от баев и кулаков, беднота в Хакасском округе, посещая собрания, больше молчала, но, когда они стали проводиться на хакасском языке, её охватило радостное настроение. Превратившись в кооперативные или общегражданские, собрания стали ареной ожесточенных отношений на классовом уровне (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2123. Л. 4).

Поддерживая коммунистов, при власти которых стало легче жить и приобретать машины с инвентарем, беднота быстро «привыкла к сказке», порой используя свое положение для мошенничества и пьянства. Она не всегда стремилась в середняки и даже ругала советскую власть. «Все-таки плохо живется при Советской власти, – ворчал весной 1927 г. один из минусинских бедняков, – налог берут большой, а льгот же почти никаких не оказывают». Белоярский бедняк из Курагинского района Попов делился своими размышлениями: «При царе жилось гораздо лучше, я вот катанки катал и ничего не платил, а теперь приходится платить. Чуть что заведешь, так сразу же считают кулаком, а лучше ходи в старом зипуне – лучше будет. А вот война скоро будет, не устоять Советской власти, потому что все против неё, бедноте обещают, обещают, а между прочим ничего не дают, так и она против пойдет». Со своей стороны кулаки из д. Большая Иня Минусинского района обещали: «... Гады жмут налогами. Пусть, будет наше время, поотобьем мы рога этим коммунистам – все равно наша возьмет» (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2112. Л. 51; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 72, 75).

Начиная с весны 1927 г., енисейская деревня по-разному реагировала на осложнение международного положения. Так, кулаки, надеясь в случае войны на смену политического режима, угрожали коммунистам расправой. Зажиточный крестьянин из с. Тигрицкого В. Карлов говорил беднякам: «Это вам не 20-й год, только бы вот война, а там дело наше будет». Такой же житель д. Шошино Минусинского района П. Зорин закончил свою антисоветскую речь эмоциональным обещанием: «... Ох, я бы на одну пулю семь коммунистов насадил». В некоторых местностях Минусинского округа в связи со слухами о войне наблюдались опустошение

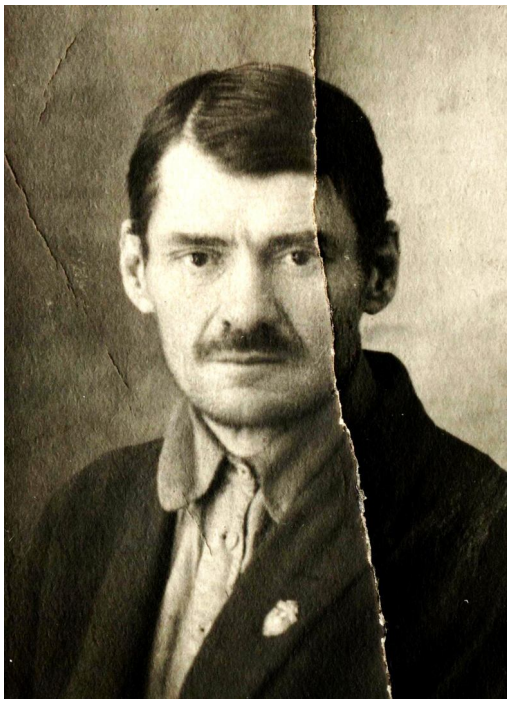

Рис. 5. Кратюк Н.С. – бывший коммунист, поддерживал протестное движение крестьян. Фото из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Публикуется впервые
Fig. 5. Kratyuk N.S. – former Communist, supported the protest movement of peasants. Photo from the funds of the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N. M. Martyanov. Published for the first time

кооперативов и агитация за восстание против советской власти. «Как только начнется война, – говорили крестьяне, – то обязательно будет переворот и опять власть перейдет в руки казаков». Кулацкая часть деревни буквально стонала: «Скорее бы война, пойдем тогда бить коммунистов».

Подобные настроения были характерны для населения и других округов. Один из кулаков Красноярского округа заявил, что «если будет война, то прежде, чем идти на фронт, нужно перебить здесь, в тылу, всех коммунистов». 25 июля 1927 г. в д. Боровая Березовского района Ачинского округа середняки беседовали о предстоящей войне: «Война должна быть обязательно. Нам надо сперва побить своих гадов, которые сидят на нашей шее ... и отбирают последнего поросенка в налог». В августе крестьянин Амонашевского района Канского округа заявил, что такие, как он, в ближайшем будущем будут давить коммунистов. Зажиточный житель д. Копейка Нижне-Ингашского района Н. Шерносек предупреждал местного активиста: «Скоро война, коммунистов перевешаем».

В такой обстановке коммунисты требовали от властей оружия и готовились к бегству из деревни, а середняки и бедняки считали, что вооруженное столкновение с капиталистическими странами принесет разруху и его желательно избежать (МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 75, 100; ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 680. Л. 107; Д. 2106. Л. 214; Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 59. Л. 149; Советская деревня..., 2000. С. 560; Трагедия советской деревни..., 1999. С. 85).

Размеры налога, объявленного к осени 1927 г., не вызвали нареканий со стороны бедноты и середнячества, что вылилось в массовое и досрочное его поступление. Однако население подтаежных деревень осталось недовольным одинаковыми ставками налога по сравнению с жителями степных районов. Деревенские предприниматели возмущались учетом у них неземледельческих доходов. Зажиточные крестьяне выступали против создания беднотой выселков и выделения ей лучших земель. По этому поводу середняк Даурского района, оценивая ситуацию, заявил: «Если еще раз [активисты] перемерят пашню, то крестьяне вперед Англии объявят войну советскому правительству, будут восставать» (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2107. Л. 192; Д. 2050. Л. 5; ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 499. Л. 218, 335).

Деревня, расколотая политикой советской власти, была готова к физическому столкновению. Свидетельствуя об этом, в августе 1927 г. в с. Галактионово Идринского района состоялось районное собрание крестьян, обсудившее международные события и сокрытие объектов налогового обложения. На нем была создана группа из 12 крестьян, которые решили при первой возможности убить председателя и секретаря сельсовета. В свою очередь, в октябре того же года председатель Моторского сельсовета (Каратузский район) созвал совещание бывших партизан и предложил, устроив в селе «Варфоломеевскую ночь», «выбить» «лишенцев» и лиц, политически неблагонадежных.

Осенью 1927 г. крестьянство целых районов, «задушенное» налогами «на зарплату» коммуни-

стам, поголовно было настроено против советской власти. Считая войну неизбежной и предрекая властвованию коммунистов последние дни, канские и минусинские кулаки уже говорили о победе над СССР технически оснащенной Англии. Середняк д. Михайловки Рыбинского района, у которого погиб урожай хлеба, больше не хотел терпеть иждивенчества со стороны властей и заявил о будущем посеве только для собственных нужд (ГАНО. Ф.Р.-47. Оп. 5. Д. 58. Л. 19; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 680. Л. 140, 375).

Ноябрьско-декабрьские сходы целого ряда селений Канского, Красноярского и Минусинского округов, прошедшие по случаю выхода Манифеста ЦИК СССР к 10-й годовщине Октября, показали, что крестьяне недовольны делением на середняков, кулаков и бедняков, «скидкой» налога на бедноту и амнистией уголовников. Например, состоявшийся 16 ноября в д. Елово Тайшетского района сход принял резолюцию о том, что Манифест «не вполне удовлетворяет середняцкую часть населения, а лишь только бедняцкую, из коих большая часть лодыри и лентяи» (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2050. Л. 439, 561; Д. 680. Л. 269; Д. 277. Л. 119).

Напротив, к примеру, общее собрание в д. Конторка Канского округа, заявив о том, что Манифест представляет беднякам «возможность освободиться от ЕСХН и землеустройства», объявило его «правильным». В демонстрациях по случаю 10-летия Октября в Хакасском округе участвовало до 50–75 % населения. Наблюдался подъем людских настроений, оживление. В некоторых селениях жители белили избы, проводили общественные обеды с выпивкой и митинги с салютами. К ноябрю в с. Боград открылся памятник большевику, в честь которого было переименовано село. По этому поводу состоялась манифестация, открылась школа крестьянской молодежи и был устроен карнавал с антирелигиозными выступлениями. В окружном центре прошел митинг, в котором участвовали 2 тыс. человек, или половина его населения. Митинговали в с. Чебаки 200, демонстрировали 500 человек. До 200 знаменских крестьян участвовали в митинге, организованном с прибытием трактора. Переполненным был клуб в с. Соленоозерном, а 7 ноября здесь митинговали 500 жителей. Многолюдным оказалось празднование в с. Аскиз и п. Шира. На митинг в Черногорских Копях из соседней деревни пригнали трактор, крестьяне преподнесли рабочим в подарок пшеничные снопы, вызвав сильнейший подъем настроений у митингующих. «Мы, крестьяне, всегда готовы пойти навстречу рабочему классу и делиться своим производством, т. е. продуктами сельского хозяйства», – выступали участники. На торжественное заседание в с. Усть-Абаканское пригласили хакасов из улуса Мохов, чем они были довольны. В клубе для них и рабочих организовали обед.

Мнение крестьян о советской власти разделилось. Оценивая значение её политики для бедноты и свои возможности, к примеру, один из её представителей П. Казаков из д. Имек высказался так: «Теперь стало действительно заметно, что Советская власть заботится о бедняках, снижает для нас налог, уплачивает за земельную регистрацию... Нам только и остается работать, не ленясь, и помогать Соввласти». Проживавшие в улусе Боргояков Аскизского района, хакасы говорили: «В случае войны мы, бедняки, будем помогать всеми силами Советской власти и выступим на защиту её».

Такие заявления тут же оспаривались кулаками. Так, хакас Г. Парышев из с. Верхний Имек Таштыпского района уверял своих слушателей: «В недолгом будущем будет война и нам будет легче, получим освобождение, а то Советская власть задавила крестьян налогами». Вспоминая о продразверстке, середняк А. Соседкин из д. Абакано-Перевоз заметил, что замена её продовольственным налогом спасла советскую власть от «озверевшего» народа, но и налог «не хуже разверстки греет, спина трещит и не под силу платить». Кулак-старообрядец В. Чепсаров из д. Верхняя Кандырла угрожал: «Если будет война, то мы в первую очередь выбьем всех лиц, стоящих на платформе Советской власти». Осуществляя агитацию, бельтырский кулак П. Асочаков вопрошал соседей: «Вот скоро побьем коммунистов, куда денетесь в связи с опасностями войны?». Или заверяя общество в неизбежной гибели советской власти и будущей расправе над коммунистами, зажиточный крестья-

нин Байкалов из д. Большие Копены мечтал, что при обретении им оружия он «расправится с коммунистами как следует». Кулак того же селения Хруль, проезжая поселок Житов Луг и увидев возводимую к 10-летию Октября арку, высказался: «Вы что строите, вот скоро будет переворот ... и вас на этих воротах повесят» (ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 277. Л. 119; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 50–51, 54, 71–72, 75–76, 79).

В 1927 г. во взаимоотношениях в просоветском лагере просматривалась еще одна тенденция, которая оказывала существенное влияние на крестьянские настроения. Некоторые коммунистические ячейки, лицемерно объясняя свое поведение боязнью расколоть крестьянство, были вынуждены вести работу в ущерб местной бедноте, выступая, например, против наделения её лучшей землей вблизи селения или снабжения техникой. Но и крестьяне, например, Амонашевского района Канского округа определяли свое отношение к коммунистической партии и местным партийцам так: «Мы, крестьяне, не против партии... Мы против наших коммунистов. – И добавляли, вспоминая недавнее прошлое, – они – хулиганы, всю деревню в страхе держали. Выводили [крестьян] голыми расстреливать на снег...» (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 497. Л. 12; ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 58).

Другим явлением в настроениях деревни была неприязнь к городу, население которого, по мнению селян, якобы материально жило лучше их, зачастую выражавшаяся в стремлении к созданию крестьянских союзов. «Ревность к городу» наблюдалась и ранее, например, в начале 1925 г. в Рождественской волости Канского уезда. В январе – феврале 1928 г. она была замечена среди минусинских и ачинских крестьян-середняков. Так, в Ачинском округе крестьяне жаловались друг другу: «Деревня без товара сидит, а в городе от товаров склады трещат (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 882. Л. 33; Ф. 60. Оп. 1. Д. 612. Л. 37; ГАНО. Р.-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 77).

В это время некоторые крестьяне, высказывая удовлетворение применяемым к кулакам репрессиям, активно помогали специальным лицам в выявлении и конфискации спрятанного у них хлеба. К примеру, в Балахтинском и Сухобузимском районах Красноярского округа середняки говорили: «Хорошо советская власть начинает избавлять нас от таких помещиков, будет им нас обдувать». В Даурском районе середняки просили уполномоченных по хлебозаготовкам приехать к ним и «встряхнуть кулаков». Возчики-крестьяне во время отгрузки конфискованного у кулаков хлеба говорили между собой: «Ишь, гады, заготовили сколько, весной драли бы с нас втридорога, забыли кулаки, что живут в Советской республике». Один из бедняков с. Скрипачи Березовского района Ачинского округа, получив поручение снарядить подводу на вывозку изъятого у кулаков зерна, бросил пить чай и сказал: «А, хлеб отбирать, сейчас, быстро, одену шубу, у кирика (кулака) нагреюсь в амбаре».

Понимая, что «няньчиться» с ними советская власть больше не будет, кулаки зачастую отдавали хлеб «по-хорошему». Так, в Балахтинском районе Красноярского округа после ареста саботажников по ст. 107 УК РСФСР отмечался усиленный наплыв в кооперацию кулаков – сдатчиков хлеба. «Опоздали, голубчики, – заявил лицам, пришедшим его арестовывать, кулак-мельник из с. Семеновка Уярского района, – я вчера 1000 пудов сдал, да позавчера – 1000 пудов» (Советская деревня..., 2000. С. 689–694).

Другие зажиточные крестьяне возмущались действиями властей. В Канском округе один из них говорил: «Наконец-то мы при Советской власти дошли до такого момента, что не имеем права распорядиться своим хлебом, все эти кампании направлены еще в больший ущерб крестьянскому хозяйству». В с. Новоселово Больше-Улуйского района зажиточный Сидоров горевал: «Советская власть нисколько крестьянам жить не дает, грабят, да и только». С широким обобщением и призывами на крестьянском сходе в д. Строганово Минусинского района выступила некая жительница: «Наше государство не умеет управлять, нас обобрали, ограбили, все взяли у нас. Долой Ленина, долой Советскую власть, долой Красную армию…». На собрании по случаю самообложения крестьянин д. Быстрая бросил реплику: «Советская власть давит крестьян, нужно идти опять войной, иначе нас

Рис. 6. Зырянов А.Д. – крестьянин с. Шушенского Минусинского уезда. Снимок 1920-х годов. Из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Публикуется впервые
Fig. 6. Zyryanov A.D. – peasant of village Shushenskoe, Minusinsk County. The 1920-s. From the funds of the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N. M. Martyanov. Published for the first time

задавят» (ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 63; Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 698. Л. 55; Оп. 5. Д. 19. Л. 12).

Майско-июньские 1928 г. крестьянские сходы и даже бедняцкие собрания ряда селений Минусинского округа проваливали принятие населением самообложения, подписку на заем индустриализации, голосовали против продовольственных изъятий и за обеспечение хлебом, прежде всего, собственного населения. Так, в д. Николо-Петрово в обстановке молчаливого согласия бедноты и советского актива крестьяне не стали принимать подписку на заем. Вследствие необеспеченности хлебом и семенами, беднота решила урожай, собранный в с. Галактионово, не вывозить, а поместить его в общий амбар. «Даем хлеб, – объясняли свое поведение участники этой акции, – а есть нечего». В Курагинском районе из-за боязни остаться без него против заготовок выступало все население. Прибывший в д. Кривую уполномоченный пытался для решения хлебозаготовительного вопроса собрать бедноту четыре раза. Явившиеся 35 человек обсуждали его семь часов, но, не достигнув единого мнения, разошлись. Не состоялось по этому поводу и бедняцкое собрание в с. Лугавском. В одном из селений Канского района и округа сход крестьян по инициативе председателя сельсовета постановил хлебозаготовки прекратить (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 612. Л. 151, 157, 164; Советская деревня..., 2000. С. 915).

Кроме этой сельсоветчицы, были коммунисты, вроде председателя Камалинского общества потребителей Тарапенко, который, не желая разорять людей, отказался принимать хлеб, отобранный у кулаков. Некий Ляпунов из Рождественского района назвал хлебозаготовительный нажим на крестьян «невероятным». Некоторые заготовители были поражены демобилизационными настроениями, в результате чего население отдельных округов прекратило поставку продовольствия.

К лету 1928 г. енисейская деревня быстро продвигалась к окончательному размежеванию и высказывала самые разные настроения. Зажиточные крестьяне агитировали за восстание против советской власти. «Если у нас получится недород, – выступал такой мужик перед жителями д. Куваршино Красноярского округа, – то придется идти войной на Советскую власть – голодным ничего не страшно». Еще один кулак в группе крестьян Ачинского округа вещал: «Скоро будет переворот, тогда мы в первую очередь будем казнить председателя сельсовета, а затем всех, выгребавших хлеб».

Середнячество Минусинского округа под влиянием слухов о неминуемом голоде также выражало недовольство возобновившимся налоговым нажимом: «Власть такими порядками хочет оставить крестьян на пайке, а случись голод – будем голодать, как голодали крестьяне в Самарской губернии». Озабоченной своим положением являлась и беднота. Например, в д. Барабанова Красноярского округа она выражала такие настроения: «Эти собрания нас губят, кулаки нас бойкотируют и грозят не продавать хлеба, а кооперация нас не снабжает. Кулаки над нами смеются: «Идите за хлебом к своим, а мы вам ни фунта не дадим». Нам

только пообещали дать семена и хлеба, а на деле ничего не делается. Нам есть нечего, неужели мы пойдем помогать отбирать последний хлеб» (Советская деревня..., 2000. С. 684–686, 751–754).

Объем нового налога, объявленного летом 1928 г., вырос по сравнению с 1927 г. в два раза. Разоренное и недовольное властью, крестьянство Хакасского округа, не успев «очухаться» от самообложения, прошлогоднего налога и добавлений к нему, стало высказываться за сокращение посевов. «Жить при Советской власти невозможно, только успеешь заплатить один налог, смотришь, тебя уже тянут за второй, – высказал общее мнение один из местных крестьян. – Хлеб не успел еще созреть, кто его знает, что еще будет, а у тебя уже усчитывают сколько ты должен снять». В то же время местные крестьяне в силу своей наивности, случалось, поддерживали репрессии советской власти против других категорий населения. К примеру, о приговоре участникам Шахтинского процесса они рассуждали так: «Что с ними церемониться, ... надо было просто таких сволочей убить без суда, ... ведь подумать ... сколько они вреда наделали» (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 5. Л. 126).

Экономически зависимые, бедняки где-то, ссылаясь на то, что их мнение не учитывается, отказывались выявлять кулаков, в других же местах, напротив, требовали от советской власти не только снабжения продуктами, угрожая разбить хлебные амбары, но и усиления карательных действий по отношению к зажиточным соседям. Состоявшиеся в конце 1928 г. перевыборы сельсоветов, например, в Хакасском округе показали возросшую активность бедноты. Кандидатами выдвигались сугубо бедняки (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 3. Л. 82, 86, 93).

Несмотря на то, что среди крестьянства звучали призывы не сдавать хлеб в счёт выполнения налогового задания, не покупать облигации государственного займа и тем самым способствовать падению советской власти, она, опираясь на бедняцкие по составу советы, применяя к кулакам пятикратное обложение, а к саботажникам 61 ст. УК РСФСР, сломала его сопротивление. Целые деревни, откуда в Москву шли телеграммы об отсутствии у жителей хлеба, объявлялись «кулацко-зажиточными» с использованием там возможностей ОГПУ (ГАНО. Ф. Р.-288. Оп. 1. Д. 502. Л. 251; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-4).

Но с апреля 1929 г. вновь начались протесты бедноты против вывоза заготовленного хлеба. В Таштыпском и Аскизском районах Хакасского округа состоялись бедняцкие собрания, на которых присутствующие требовали от властей немедленного отпуска им хлеба или намечали ходоков в более высокие властные инстанции. Беднячка из с. Усть-Уйбат Чарковского района Середкина, возвратившись из общества потребителей без хлеба, сорвала со стены портрет Ленина и, разорвав его, кричала: «Заморил ты нас, черт, с голоду, из-за тебя отправляют наш хлеб за границу, а эти черти (коммунисты) говорят, что кулака надо жать. Да если бы не кулаки мы бы сдохли сейчас с голоду» (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1. Л. 110, 137).

Ситуация накалилась до того, что в мае – июне некий зажиточный крестьянин делился в кругу жителей одного из селений Канского округа такими переживаниями: «Если нынче не будет войны с другими странами, то крестьяне сами поднимут восстание против коммунистов. [Как] бы нашелся ... человек, который сумел ... организовать крестьян, [мы бы] давно разрядили сердце от злобы». Даже бедняк из с. Чебаки Хакасского округа Ефимов заявил, что, при отсутствии хлеба еще два дня, он соберет отряд и под черным знаменем пойдет бить коммунистов. «Мне все равно умереть с голоду, – добавил мужик, – или погибнуть от рук коммунистов, которые заготовляют хлеб только для себя, а о нас, бедняках, не заботятся». Там же голодавший середняк В. Тартачаков заверял: «Если вспыхнет ... война, то все крестьянство пойдет против Советской власти». Призывы к войне, которая, как надеялись люди, изменит хлебозаготовительную политику коммунистов, были слышны среди населения Таштыпского района.

Уставшее от насилия, крестьянство встретило начавшееся летом 1929 г. выявление властями объектов нового налогового обложения показным равнодушием. Но кое-где, например, в хакасских селениях Чебаковского района Хакасского округа

зажиточные жители снова утаивали от учета овец, передавая их на время бедняцкой родне. Местная беднота, отказываясь от реализации третьего займа индустриализации, все больше прислушивалась к распространявшимся слухам о предстоящей войне (Советская деревня..., 2000. С. 919; ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1. Л. 88, 90).

К концу 1929 г. в Минусинском округе наблюдалось резкое недовольство хлебозаготовками со стороны середняков. Многие из них сочли, что советская власть вскоре расправится и с ними. По этому поводу середняк И. Щербин из с. Ново-Михайловского Бейского района говорил: «Коммунисты управлять страной не умеют, а мы за их глупости отдувайся. Я знаю, что нам ожидать хорошего нечего, жизнь не улучшится, кулаков всех распродали, теперь за нас взялись» (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1019. Л. 127). Некоторые бедняки, стремясь прожить незавидное имущество или не желая видеть мучения своего животного в коллективном табуне, стали отказываться от сиюминутного вступления в колхоз, другие – от утверждения кулацких списков (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 856. Л. 1; ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 5 а. Д. 54. Л. 14).

Государство ответило крестьянству невиданным ужесточением своей политики...

Следовательно, настроения енисейского крестьянства в 1920-е гг. существовали и развивались в русле внутриобщинных переживаний и под воздействием политики советской власти. С переходом государства к жесткому продовольственному прессингу крестьяне встречали его представителей с ненавистью. Столкнувшись с репрессивной мощью государственной машины и осознав бесполезность вооруженных выступлений, они глухо роптали и продолжали саботировать решения местных органов власти. Но часть деревенского социума в лице бедноты, оказавшись под влиянием коммунистической идеологии и получив материальную поддержку государства, перешла на сторону советской власти и выражала новые для неё лозунги.

В целом жизненному восприятию местного крестьянства, как и повсеместно, был присущ хаос. Настроения крестьян могли быстро меняться. В их общественном сознании наблюдалось переплетение традиционных черт с новациями, вызванными политическими реалиями. Постоянные налогово-продовольственные кризисы, перепады в настроениях деревенского населения, показавшие советской власти его ненадежность в качестве союзника, обрекали крестьянскую Атлантиду на гибель.

Библиографический список

Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири (январь – июнь 1920 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.). Ишим, 2006. С. 168–176.

Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири в восстании 1921 г. // Известия Алтайского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2017. № 5 (97). С. 28–33.

Бурдина Е.Н. Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти // Известия Алтайского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 32–40.

Власть труда. Минусинск. 1923. 5 октября.

References

Burdina E.N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia (January – June 1920). *Krest'yanstvo vostochnykh regionov Rossii i Kazakhstana v revolyutsiyakh i grazhdanskoi voine (1905–1921 gg.).* [Peasantry of the Eastern regions of Russia and Kazakhstan during the Revolutions and Civil War (1905–1921)]. Ishim, 2006, pp. 168–176. (In Russ.).

Burdina E. N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia in the uprising of 1921). *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of the Altai State University. Historical Sciences and Archaeology], 2017, no. 5 (97), pp. 28–33. (In Russ.).

Burdina E.N. Political mood and social behavior of the poor peasantry of Western Siberia in the first years of Soviet Power. *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of the Altai state University. Historical Sciences and archaeology], 2018, no. 2 (100), pp. 32-40. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor]. Minusinsk, 1923, October 5. (In Russ.).

Власть труда. 1923. 12 октября.

Власть труда. 1923. 19 октября.

Власть труда. 1923. 18 ноября.

Власть труда. 1923. 21 ноября.

Власть труда. 1923. 23 ноября.

Власть труда. 1923. 30 ноября.

Власть труда. 1924. 3 февраля.

Власть труда. 1924. 8 февраля.

Власть труда. 1924. 10 февраля.

Власть труда. 1924. 20 февраля.

Власть труда. 1924. 4 мая.

Власть труда. 1924. 7 мая.

Власть труда. 1924. 9 мая.

Власть труда. 1924. 23 мая.

Власть труда. 1924. 25 мая.

Власть труда. 1924. 19 июля.

Власть труда. 1924. 22 июля.

Власть труда. 1924. 30 июля.

Власть труда 1924. 21 августа.

Власть труда. 1924. 3 сентября.

Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета, 1992. 94 с.

К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников западно-сибирского мятежа 1921 г.: [публ. документов] / подгот. и авт. вступ. ст. В.И. Шишкина // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–62.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4-х т.. М., 1998. Т. 1. 1918–1922.

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, October 12. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, October 19. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, November 18. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, November 21. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, November 23. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1923, November 30. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, February 3. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, February 8. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, February 10. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, February 20. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, May 4. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, May 7. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, May 9. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, May 23. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, May 25. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, July 19. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, July 22. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, July 30. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, August 21. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor], 1924, September 3. (In Russ.).

Kuznetsov I.S. *Sotsial'naya psikhologiya sibirskogo krest'yanstva v 1920-e gody.* [Social psychology of the Siberian peasantry in the 1920s]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1992, 94 p.

To the characteristic of social and political moods and views of participants of the West Siberian Revolt of 1921. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Otechestvennaya istoriya* [Humanities in Siberia. Ser. Edema. History], 1996, no. 2, pp. 55–62. (In Russ.).

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet countryside by the eyes of VCHK-OGPU-NKVD staff. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Moscow, 1998, vol. 1. 1918–1922. (In Russ.).

Советская деревня глазами ОГПУ. 1923–1929 гг. М., 2000. Т. 2.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929.

Третьяков Н.Г. Общественно-политические воззрения участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 90–100.

Хенкин Е.М. Продналог 1921–1922 гг. и политические настроения сибирского крестьянства // Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни: материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 38–46.

4-й уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Минусинского уезда (с 17 ноября по 21 ноября 1922 г.). Минусинск, 1923.

Шишкин В.И. Политические настроения сибирского крестьянства весной – летом 1921 г. // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Бахрушинские чтения 1982 г. Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1982. С. 20–28.

Шуранова Е.Н. Налоговая политика в восприятии сибирских крестьян (по материалам Западной Сибири первой половины 20-х гг. [XX в.] // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2003a. Вып. 1. Ч. 2. С. 24–30.

Шуранова Е.Н. Настроения крестьян в первой продналоговой кампании 1921–1922 годов в Кузбассе // Кемеровской области 60 лет: материалы Всерос. науч. конф. (Кемерово, 15 мая 2003 г.). Кемерово, 2003b. С. 91–95.

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к коммунистам в 1921–1923 годах // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007a. Вып. 5. С. 61–75.

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к налогу в период расцвета НЭПа (1923–1925 гг.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. (Барнаул, 30 июня – 1 июля 2006 г.). Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 95–114.

Sovetskaya derevnya glazami OGPU. 1923–1929 gg. [The Soviet village by the eyes of the OGPU staff. 1923–1929]. Moscow, 2000, vol. 2. (In Russ.).

Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials. In 5 vol. 1927–1939. Moscow, 1999, vol. 1. May 1927 – November. 1929. (In Russ.).

Tretyakov N.G. Socio-political views of the participants of the West Siberian peasant uprising of 1921. *Iz proshlogo Sibiri: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [From the past of Siberia. Intercollegiate. Sb. nauch. tr.]. Novosibirsk, 1994, vol. 1, part 1, pp. 90–100. (In Russ.).

Henkin E.M. Prodnalog 1921–1922 and political mood of the Siberian peasantry. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' sovetskoi sibirskoi derevni. Materialy II simpoziuma po istorii rabochego klassa, krest'yanstva i intelligentsii Sibiri* [Social and political life of the Soviet Siberian village: proceedings of the II Symposium on the history of the working class, the peasantry and the intelligentsia of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974, pp. 38–46. (In Russ.).

4-i uezdnyi s"ezd Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Minusinskogo uezda (s 17 noyabrya po 21 noyabrya 1922 g.) [4th district Congress of Soviets of workers, peasants and red army deputies of Minusinsk district. From November 17 to November 21, 1922]. Minusinsk, 1923. (In Russ.).

Shishkin V.I. Political mood of the Siberian peasantry in the spring-summer of 1921. *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Sibiri XIX–XX vv. Bakhrushinskie chteniya 1982 g. Sb. nauch. tr.* [Socio–political development of Siberia XIX-XX centuries. Bakhrushin readings 1982. Sb. nauch. tr.]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1982, pp. 20–28. (In Russ.).

Shuranova E.N. Tax policy applying to the Siberian peasants (based on the materials of Western Siberia in the first half of the 1920s. [XX century.]. *Ural'skie Biryukovskie chteniya* [Ural Biryukov readings]. Chelyabinsk, 2003a, vol. 1, pt. 2, pp. 24–30. (In Russ.).

Shuranova E.N. The mood of the peasants in the first prodialogue campaign of 1921–1922 in the Kuzbass. *Kemerovskoi oblasti 60 let* [The Kemerovo region, 60 year. Materials of vseros. scientific. Conf. (Kemerovo, 15 May 2003)]. Kemerovo, 2003b, pp. 91–95. (In Russ.).

Shuranova E.N. The attitude of Siberian peasants to Communists in 1921–1923. *Sibir': XX vek.* [Siberia: XX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007a, vol. 5, pp. 61–75. (In Russ.).

Shuranova E.N. The ratio of Siberian peasants to the tax during the heyday of the NEP (1923–1925). *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka* [Economic history of Siberia of the XX century. Materials of the All-Russian. Scientific. Conf. (Barnaul, 30 June – 1 July 2006)]. Barnaul, 2006, pt. 2, pp. 95–114. (In Russ.).

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к советской власти в 1921–1927 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007b . Вып. 6. С. 70–78.

Шуранова Е.Н. Советы в нэповской деревне: восприятие [сибирскими] крестьянами// Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. материалов Регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 184–194.

Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920–1921 гг. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2005. Вып. 1. С. 231–241.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович,
кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию,
г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация,
e-mail: Turan47@yandex.ru

Критерии авторства

Шекшеев А.П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Shuranova E.N. The attitude of Siberian peasants to Soviet power in 1921–1927. *Sibir': XX vek* [Siberia: XX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007b, vol. 6, pp. 70–78. (In Russ.).

Shuranova E.N. The tips in the NEP village: the perception of [the Siberian] peasants. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vekov* [The Local self-government in the history of Siberia of XIX–XX centuries: Coll. of the materials of the Region. Scientific. Conf.]. Novosibirsk, 2004, pp. 184–194. (In Russ.).

Shuranova E.N. Soviet power as a variant of the social ideal of the Siberian peasantry in 1920–1921. *Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'* [Siberian subethnos: culture, traditions, mentality]. Krasnoyarsk, 2005, vol. 1, pp. 231–241. (In Russ.).

Information about the author

Aleksandr P. Sheksheev,
Cand. Sci. (History), member of the Board of the Khakass Republican Organization “Society Memorial”, Krasnoyarsk Diocesan Commission on Canonization of Saints and Church Historical Heritage,
Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation,
e-mail: Turan47@yandex.ru

Attribution criteria

Sheksheev A.P. performed research work on the basis of the obtained results was carried generalization, drafted the manuscript and illustrations for publication the article, has a copyright and is solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930.85
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-233-245

«Моя вредительская работа…» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.)

© Я.Ю. Лисицина[a], В.Г. Лисицин[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
[b] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются биографические данные и творческие пути двух иркутских интеллигентов, живших и творивших в один исторический период – в начале XX века. Речь идет о художнике Александре Ивановиче Вологдине и архитекторе Казимире Войцеховиче Митале. Эти люди не были связаны между собой, но их судьбы схожи и перекликаются в трагическом финале: оба они успешно адаптировались к существующим реалиям, были представителями провинциального авангарда, занимали значимые посты в своих профессиональных направлениях, стояли у истоков творческих организаций, образованных после 1932 года, были репрессированы в 1937 году, погибли, посмертно реабилитированы. Впервые публикуются неизвестные до настоящего времени биографические сведения о А.И. Вологдине, например, о его мобилизации в армию Колчака, участии в декабрьских событиях 1919 г. Приводятся свидетельства коллег и товарищей, что делает возможным более полно раскрыть личность Александра Ивановича, первого председателя правления Восточно-Сибирского Краевого союза советских художников (ВСКРАССХ). Эту должность он занимал вплоть до ареста органами НКВД в 1937 г. В публикации даны характеристики архитектурного творчества К.В. Миталя, работавшего в стиле конструктивизм. Эти строения до сих пор существуют в ткани иркутской застройки и являются яркими образцами провинциального архитектурного авангарда. Так же приведены сведения о допросах Вологдина и Миталя органами НКВД, ранее не публиковавшиеся данные из уголовных дел.

Ключевые слова: Иркутск, первая треть XX века, архитектура, изобразительное искусство, конструктивизм, Восточно-Сибирский краевой союз советских художников, союз советских архитекторов, Александр Вологдин, Казимир Миталь, репрессии

Информация о статье: Дата поступления 25 октября 2018 г.; дата принятия к печати 26 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. «Моя вредительская работа…» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 233–245. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-233-245.

“My sabotaging work…” (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s)

© Yana Y. Lisitsina[a], Vasily G. Lisitsin[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
[b] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: In article biographic data and careers of two Irkutsk intellectuals living and creating during one historical period, the beginning of the XX century, are considered. They are the artist Alexander Ivanovich Vologdin and the architect Kazimir Voytsekhovich Mittal’. These people did not relate to each other, but their destinies are similar and have something in common in the tragic final: both of them successfully adapted to the existing realities, were representatives of provincial vanguard, held significant posts in the professional directions, stood at the origins of the creative organizations formed after 1932, both were repressed in 1937, died, are posthumously rehabilitated. Unknown so far the biographic information about A.I. Vologdin, for example, about his mobilization in Kolchak's Army, participation in December events of 1919 are for the first time published. Given testimonies of colleagues and companions get possible better reveal the identity of Alexander Ivanovich, the first chair-

man of the board of the East Siberian Regional Union of the Soviet Artists (ESRUSA). He held this position up to arrest by staff of People's Commissariat for Internal Affairs in 1937. The article gives characteristics of architectural creativity of K.V. Mital', who worked in Constructivism style. His buildings still exist in the context of the Irkutsk site development and are bright examples of provincial architectural vanguard. The data on Vologdin and Mital's interrogations by staff of People's Commissariat for Internal Affairs from their criminal cases which were not published earlier are also provided.

Keywords: Irkutsk, the first third of the twentieth century, architecture, visual arts, Constructivism, the East-Siberian Regional Union of Soviet Artists, the Union of Soviet Architects, Alexander Vologdin, Kazimir Mital', repression

Article info: Received October 25, 2018; accepted for publication November 26, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Lisitsina Ya.Y., Lisitsin V.G. "My sabotaging work…" (the fate of provincial creative intelligentsia (1930s). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 233–245. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-233-245.

Первая треть XX века – сложное и насыщенное время российской истории, о котором уже много сказано и которое не до конца изучено. Интерес представляет историко-культурное наследие российской провинции, которое вмещает и биографии, и творческую деятельность представителей интеллигенции, чьи судьбы совпали со временем смены политико-экономических формаций в стране. В означенный период в г. Иркутске жили и работали художник Александр Иванович Вологдин (рис. 1) и архитектор Казимир Войцехович Миталь (рис. 2), активно принимавшие участие в развитии изобразительного искусства и архитектуры Восточной Сибири.

Казалось бы – что между ними общего, они не были связаны между собой, даже сам факт знакомства не очевиден. Известно, что они оба были знакомы с художником Владимиром Мигаевым, который состоял с Вологдиным в одной организации – ВСКРАССХе (Восточно-Сибирский краевой союз советских художников), а с Миталем работал над созданием памятника М.В. Загоскина. Также, судя по сохранившимся документам, Миталь принимал участие в обсуждении одной из выставок художников. Скорее всего, они знали друг о друге как люди, занимавшие серьезные административные посты: Миталь был главным архитектором Иркутска в 1930-х гг., а Вологдин в этот же период – председателем правления ВСКРАССХ. Архитектор и художник могли встречаться на заседаниях различных комиссий, в том числе по оформлению города к праздникам, а так же во время педагогической работы в иркутском художественно-педагогическом техникуме. Но контакты между ними не представляется нам доминирующей темой для исследования, намного интереснее выявить схожие алгоритмы жизни этих достаточно разных людей, которые не только входили в культурную иркутскую нишу, но и собственноручно ее формировали.

Оба они родились в Иркутске, Миталь – в семье польских политических ссыльных в 1877 г., Вологдин – в 1889 г. в семье мещанина, служившего на приисках в Бодайбо. Александр Иванович окончил 6 классов иркутской мужской гимназии, учился в 1910–1912 гг. на иркутских художественных курсах у И.Л. Копылова. Казимир Войцехович после окончания механико-технического 9-классного училища сумел поступить в 1900 г. в Институт гражданских инженеров им. Императора Николая I в Санкт-Петербурге и вернулся в Иркутск в 1908 гг. И на Вологдина, и на Миталя годы учебы оказали несомненное влияние, сформировали их творческие личности, понимание и видение изобразительного искусства и архитектуры.

В период политической нестабильности и становления советской власти и Вологдин, и Миталь не являлись сторонниками нового режима, скорее, они находились «по ту сторону баррикад». Казимир Миталь был эсером, избирался на заседании городской думы 2/19 октября 1919 г. в члены городской управы от фракции социал-революционеров вместе с В.В. Сикорским (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 506. Л. 183). По его словам: «с 1917 года по январь мес. 1920 года я

Рис. 1. А.И. Вологдин, 1929 г., Архив ИОХМ
Fig. 1. A.I. Vologdin, 1929, IOCM Archive of the Irkutsk Regional Art Museum

Рис. 2. К.В. Миталь, 1910-е гг. Фото из семейного архива Е.Б. Криворучко
Fig. 2. K.V. Mital, the 1910s Photos from the family archive of E. B. Krivoruchko

действительно состоял в партии с-революционеров. Это моя единственная политическая ошибка, за которую я уже понес должное моральное и физическое наказание, будучи дважды арестован при Сов. власти: органами ЧК в 1920 г., ОГПУ в 1924 г.» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 10).

Александр Вологдин ни в каких партиях не состоял, а был мобилизован в армию Колчака согласно призыву по возрасту. Он так описывает этот эпизод своей жизни: «был мобилизован Колчаком и направлен в школу унтер-офицеров. Через 2 месяца переведен в школу егерей на ул. Амурской и в 1920 г., не кончив, вся школа разошлась с приходом Красной армии» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 12). Также он говорит об учебе в «иркутской военной школе НОКСА, в которой пробыл до свержения Колчака в качестве юнкера» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 9).

«Иркутская учебно-инструкторская школа включала 3 стрелковых роты юнкеров и учебную пулеметную команду. Начальником являлся полковник Пархомов. Школа размещалась в здании военного училища и позднее стала частью его» (Волков, 2003. С. 80). Примечательно, что в наше время в этом строении сейчас располагается Иркутский художественный музей им. В.П. Сукачева (ул. Ленина, 5), в собрании которого находится всего одна сохранившаяся работа художника А.И. Вологдина – этюд «Вечер» (рис. 3).

Александр Вологдин принимал участие в декабрьских боях 1919 г. в Иркутске. «Только около 16.00 27 декабря 2 роты особого назначения под началом капитана Ф.С. Решетина, прибывшие из Знаменского предместья, заняли Тихвинскую пло-

Рис. 3. А.И. Вологдин. «Вечер». Бумага, акварель, тушь, 18х24, находится в Иркутском художественном музее им. В.П. Сукачева
Fig. 3. A.I. Vologdin. "Evening". Paper, watercolor, ink, 18x24, is located in the V.P. Sukachev Irkutsk Art Museum

щадь, Казанский собор и Сукачевский сквер. К ним присоединилась 4-я рота 2-го батальона Учебно-инструкторской школы» (Новиков, 2005, С. 180). «Против повстанцев вышел 1 батальон инструкторской школы с егерским батальоном 14 дивизии, вытеснил повстанцев и заставил их отступить за Ушаковку» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Д. 507 «а». Л. 198). Возможно, А. Вологдин находился в составе этого батальона. Во время этих событий он был два дня вместе со школой на Ушаковке, на Шелашниковской улице, но ушел домой, потому что «симпатизировал восставшим» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 12). Он утверждал: во время переворота «старался удаляться от начальства, чтобы не получать поручений, но раза два стоял на карауле в б. Интендантском саду с поручением уведомлять об опасности юнкеров. Других поручений мне не давалось. При атаке кадетского корпуса я не был» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 25). Он подчеркивал, что им «не было выпущено ни одного выстрела в сторону красных. Роль моя была пассивная, юнкером я был месяца четыре и в момент переворота наша школа считалась неблагонадежной. В тот момент, когда наша школа сражалась за кадетский корпус, я находился дома» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 24). В материалах уголовного дела 1931 г. имеется свидетельство очевидца, характеризующее А. Вологдина: «…было полное впечатление, что Вологдин призван в общем порядке. Был он всегда гуманистом и «пацифистом», лично увлечение военным делом иметь, мне кажется, не мог. Мне лично он рассказал о последнем дне событий, когда он был брошен по видимому, как и все, на бои <…> сам ушел домой, что позже оружие сдал. Белую власть клял последним словами в связи с этим случаем.

При рассказе о самих событиях он ужасался обстановке боя, подробностей его, количеству жертв, о том как раненные замерзали во льду, стонали и т. д. Его ужас был основан я думаю на его постоянном мышлении «гуманиста» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 18, 19).

Несмотря на то, что Вологдин не поддерживал колчаковскую власть, а Миталь вышел из партии эсеров и позднее даже пытался вступить в ряды большевиков, ярлык неблагонадёжных по отношению к советской власти остался на этих людях, что, впрочем, не мешало им занимать достаточно высокие административные посты.

Помимо непосредственной профессиональной деятельности, которая не всегда давала необходимые средства для существования (например, в 1920-х гг. Миталь практически ничего не проектировал и не строил) и К.В. Миталь, и А.И. Вологдин были напрямую связаны с педагогикой. Основная преподавательская работа Вологдина лежала в рамках изобразительного искусства: с 1930 по 1937 гг. он являлся преподавателем специальных дисциплин в иркутском художественно-педагогическом техникуме. К.В. Миталь тоже работал в этом учебном заведении в 1928 по 1931 гг., вел занятия по основам архитектуры. Также Казимир Войцехович работал в ряде школ города, в Иркутском политехническом институте и в Восточно-Сибирском политехникуме.

Но, разумеется, основная сфера деятельности наших фигурантов лежала именно в профессиональной плоскости. Вершиной карьеры К.В. Миталя стало назначение его на должность городского архитектора. Согласно данным «Иркутской летописи», он выполнял эти обязанности с 30 декабря 1930 г. по 5 января 1938 г. (Иркутская летопись, 1661–1940 гг. 2004. С. 641). Необходимо отметить противоречивые сведения о датах замещения этой должности. В уголовном деле указано, что Миталь до ареста работал архитектором горкомхоза Иркутского горсовета в г. Иркутске (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 5). Так же существует запись его допроса в НКВД (1938 г.), где он обвиняется во вредительстве именно во время исполнения обязанностей главного архитектора. К. Миталь дает следующие показания: «Моя вредительская работа в роли главного архитектора города заключается в организации срыва работ над составлением генплана, планировки и реконструкции города...», что указывает на то, что все же он занимал этот пост (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 29).

Казимир Войцехович отличался от своих коллег по цеху того периода тем, что был одним из первых архитекторов Иркутска, кто проникся функциональным методом формообразования и стал строить здания в стиле конструктивизма. Как известно, новое каменное строительство в Иркутске, выполненное в этом стиле, датируется 1930-м годом, и автором большинства этих построек являлся именно Миталь. Принимая эстетику авангарда, он старался реализовать новый взгляд на архитектонику постройки, активно применяя новые конструктивистские приемы формообразования: разновеликие объемы и фланкирующие высоты выступающих элементов, прорезанные плоскости стен сплошными вертикальными или горизонтальными линиями остекления, задающими определенный ритм и композиционный контраст. По характеру визуальных стилевых и композиционных характеристик объемно-пространственных решений, иркутские постройки К.В. Миталя имеют визуальное сходство с объектами стиля конструктивизма, построенными ведущими архитекторами Москвы, Ленинграда, Свердловска. Однако, в силу определенных экономических обстоятельств, основные элементы зданий, возведение которых должно было осуществляться из остродефицитных, новых материалов, заменялись на местные, традиционные, не свойственные чисто конструктивистским постройкам. В период с 1930 по 1934 гг., по проектам К.В. Миталя или непосредственно под его руководством, в Иркутске были построены: гостиница «Центральная» («Сибирь») (рис. 4); жилые дома: партактива (рис. 5), сотрудников НКВД (рис. 6), специалистов; трехэтажное строение по ул. Байкальской; здание школы марксизма-ленинизма; хирургическая клиника. Также им спроектированы: жилой поселок, техникум, школа ФЗУ (г. Усолье-

Рис. 4. Гостиница «Сибирь» (бывш. «Центральная»), 1934 г. (г. Иркутск, ул. Ленина, 18). Архив ИОЦСИКН
Fig. 4. Hotel "Siberia" (formerly "Central"), 1934 (18 Lenin Str., Irkutsk). Archive of Irkutsk Regional Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage

Рис. 5. Дом работников партактива, 1933 г. (г. Иркутск, ул. Свердлова, 22,). Фото В.Г. Лисицина, 2012 г.
Fig. 5. House of Partaktiv workers, 1933 (22 Sverdlov Str., Irkutsk). Photo by V.G. Lisitsin, 2012

Рис. 6. Дом работников НКВД, 1934 г. (г. Иркутск, пер. Пионерский, 10). Фото В.Г. Лисицина, 2012 г.
Fig. 6. House of NKVD workers, 1934 (10 Pionersky lane, Irkutsk). Photo by V.G. Lisitsin, 2012

Сибирское); соцгородок (п. Первомайское), больничный городок и водопровод (г. Черемхово).

Итак, Казимир Миталь – ведущий архитектор города, и, казалось бы, его положение прочно. Он один из организаторов местного отделения союза советских архитекторов, образованного в г. Иркутске 21 февраля 1935 г., спустя три года после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Этот документ официально утверждал позицию партии и правительства, в сущности, запрещавшую самостоятельную деятельность любым творческим группировкам, в том числе и архитектурным, и художественным.

Первая конференция архитекторов Восточно-Сибирского края состоялась 15 апреля 1935 г., где К. Миталь выступил с докладом «О задачах советских архитекторов» и был выбран в краевое правление Союза архитекторов вместе с М. Лондоном, И. Ефимовым, Б. Кербелем, С. Заславским и В. Коляновским. Также К. Миталь, наряду с Лондоном, Ефимовым и Коляновским, был избран делегатом на первый Всесоюзный съезд архитекторов.

Следует отметить, что А.И. Вологдин также был в системе организации новых творческих союзов после выхода вышеупомянутого постановления «О перестройке...»: он являлся основателем, а также первым лицом краевого союза советских художников. Прежде чем была создана эта организация, иркутские художники, в мае – июне 1932 г. организовали свое отделение и оргбюро для создания общего союза края. На собрании 4 марта 1933 г. Вологдин был выбран в ревизионную комиссию. Он составляет ряд актов, фиксируя состояние дел организации. На общем собрании художников 21 марта 1933 г. выбирается оргбюро для подготовки 1-й Краевой конференции союза художников Восточно-Сибирского края, куда входят Андреев, Жибинов, Дубинский, секретарем же назначают Вологдина. По поручению правления А.И. Вологдин готовит и зачитывает доклад «О кадрах: во второй пятилетке по Восточно-Сибирскому краю» на вечернем заседании конференции, которое состоялось 11 апреля (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.). На Пленуме ВСКРАССХа, состо-

явшемся 14 апреля 1933 г., он был выбран председателем краевого правления Восточно-Сибирского краевого союза советских художников. По каким причинам утвердили именно его кандидатуру на столь ответственный пост – неизвестно. Возможно, какую-то роль сыграло то, что он в какой-то период служил чертежником, топографом, был способен к бумажной кропотливой работе, к методичному выполнению необходимого делопроизводства в новообразованной организации. И действительно, письма, написанные его характерным острым, не всегда разборчивым почерком, регулярно уходили в Красноярск, Читу, Улан-Удэ и другие города обширного Восточно-Сибирского Края, уведомляли, призывали, поддерживали художников. Возможно, и в его характере было что-то, располагающее к административной работе. «Его знают почти все художники Иркутска, но сказать трудно знает ли кто его в личной жизни, т. к. Вологдин индивидуалист» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 14). Достаточно закрытый, но дружелюбный, не давящий ни на кого, Вологдин, терпеливо выполняющий многочисленные обязанности, связанные с постом председателя ВСКРАССХ, устраивал многих. Он не разит гневно на собрании художников, не критикует жестко на публичных обсуждениях работ. Он терпеливо выполняет свою работу, фактически один с 1933 по 1937 гг. тащит эту ношу: «Все художники знают, что я всегда ныл о делах союза, прежнее правление организованное конференцией фактически распалось и мне приходится работать одному за все правление» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 6).

Можно констатировать активное участие К. Миталя и А. Вологдина в образовании и регламентации деятельности в новых структурах, объединивших иркутских архитекторов или художников, очевиден их профессиональный и личностный авторитет среди коллег и благожелательное отношение к ним со стороны властей. Первые тревожные звонки для К. Миталя прозвучали в мае 1937 г. в виде двух статей в газете «Восточно-Сибирская правда»: критического материала Григорьева, в котором фигурирует Горсовет: «Враги орудовали в парторганизации Горсовета» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 110) и статьи «С собрания актива работников коммунального хозяйства» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 121), в которой острой критике подвергается заведующий облкомхоза М. Лондон. В этих публикациях фигурируют люди, с которыми Миталь был тесно связан по профессиональной деятельности. Среди них упоминается и А. Казакова, впоследствии фигурирующая в уголовном деле К. Миталя как человек, по поручению которого он занимался вредительством.

Явным маркером опалы К.В. Миталя выступил вопрос делегирования на Всесоюзный съезд советских архитекторов. Несмотря на то, что в 1935 г. он уже был выбран в число делегатов, в мае 1937 г. ситуация в корне меняется. В заметке газеты «Восточно-Сибирской правда» № 105 от 8 мая говорится, что «в Иркутске на общегородском собрании состоялись выборы делегатов на съезд. Путем тайного голосования избраны тт. Лондон М.Е. – заведующий облкомхозом, Кербель Б.М. – инженер-архитектор (руководитель бригады по разработке технического проекта Дома Советов в Иркутске) и Калиновский В.О. – архитектор. Делегаты готовят к съезду диаграммы и макеты крупных архитектурных сооружений в Иркутске».

К.В. Миталь был арестован 29 апреля 1938 г. Он изобличался в том, что «является агентом разведорганов одного иностранного государства». (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 2). В конечном счете, обвинялся в том, «что являлся участником антисоветской подпольной эсеровской организации, существовавшей в Иркутске, которая возглавлялась Гольдбергом Исааком Григорьевичем», был «участником протроцкисткой организации, в которую был завербован в 1931 г. Казаковой А.И. и по заданию которой занимался вредительством, а также агентом польской и германской разведок» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 65). Казимиру Войцеховичу на допросе так же предъявили обвинения, которые затрагивали его деятельность именно на руководящих постах и частично перекликались с установочной речью К.С. Алабяна на 1 Всесоюзном съезде архитекторов в 1937 г.:

«Троцкистко-фашисткие вредители всячески старались разместить жилые дома для рабочих в непосредственной близости от вредных в санитарно-гигиеничном отношении производств» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 142). К. Миталь дал следующие показания: «Моя вредительская работа в роли главного архитектора заключалась в организации срыва работ над составлением генплана». Также он говорил о том, что не были спроектированы подъездные пути для построенной макаронной фабрики, а в районе Мелькомбината построено вредное производство – мылзавод (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 29).

К.С. Алабян подчеркивал, что «культ чистой формы всегда возникает на почве идейного оскудения. Именно тогда архитектор прибегает к «оригинальничанию», нагромождая формальные трюки. Формализм чужд советской архитектуре, ибо наша архитектура имеет большие идейные задачи» (Восточно-Сибирская правда, 1937, № 142). Миталь вынужден каяться в формализме: «… проектируемые под моим руководством здание финансового института, 3-х этажного здания НКВД по ул. Литвинова, составлены именно в духе коробчатой упрощенческой архитектуры, в духе конструктивизма… В таком же «стиле» составлен под моим руководством при участии инж. Рейхбаума проект Иркутской гостиницы – этого безобразнейшего здания» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 10311. Л. 27, 28, 32). Примечательно то, что за проект финансового института авторства арх. Ефимова оправдывается не сам автор, а именно К. Миталь как должностное лицо, отвечающее, по-видимому, в том числе, и за стилевые особенности проекта.

Но основное обвинение лежало в плоскости вопроса о работе в иностранных разведках: «Вы являлись шпионом иностранных разведок. Подтверждаете это?» Судя по тексту допроса, К. Миталь соглашается и с этим: «Да, подтверждаю, я действительно являюсь агентом двух – германской и польской разведок». Многостраничный текст аккуратно отпечатан на машинке и подписан Казимиром Войцеховичем. В конце материала строка о том, что допрос прекращен. Больше никаких следственных мероприятий не происходило, следствие не было завершено: К.В. Миталь умер в тюремной больнице по неизвестной причине. Дата смерти зафиксирована на обложке дела как 19 ноября 1938 года. Следует отметить, что в переписке по проверке оперативного учета 1959 года по делу Миталя начальник отделения 1 Спецотдела УМВД Иркутской области указал, что «Нет даты о смерти». Акта или справки о смерти из больницы иркутской тюрьмы нами не обнаружено. Постановлением зам. Военного Прокурора ЗАБВО дело по обвинению Миталя прекращено 20 ноября 1959 г. в связи с отсутствием состава преступления, постановление НКВД от 9 декабря 1938 отменено, а арест признан незаконным.

Казимира Войцеховича Миталя мы вспоминаем, когда видим его здания, сохранившиеся в Иркутске, живы его потомки, жива память о нем. Судьба Вологдина так же трагична, но сведения об этом человеке очень скудны, хранить память о нем было некому: известно, что жил он с престарелой матерью Татьяной Петровной Вологдиной, а из родственников был у него двоюродный брат «гармонный мастер» Иннокентий Петрович, который уехал из Иркутска в 1930 году (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 10). Художник не оставил творческого наследия, фактически ничего после него не сохранилось, кроме упомянутого нами этюда, поэтому совершенно невозможно провести какой-либо анализ его работ. Говоря о Вологдине как личности и мастере изобразительного искусства, можно опираться только на свидетельства современников и архивные документы.

Первоначально деятельность А.И. Вологдина в качестве художника лежала в театральной сфере. Как он сам упоминает, в 1920 гг. «был направлен в городской театр для организации работы губернской декоративной мастерской» в качестве художника-декоратора. По его словам, «в 1921 нами организован молодой театр до 1924» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 9). Вологдин (творческий псевдоним Эхна) оставил яркий след в иркутской сценографии. Известно об его работе над авангардной постановкой пьесы

В.В. Маяковского «Мистерия-буфф» режиссера Н.П. Охлопкова, показ которой состоялся в Иркутске 1–2 мая 1922 г. «Вещественное оформление составляли лежавшая на правой стороне сцены несколько деформированная полусфера и затем ярко раскрашенные площадки; так, слева помещалась площадка «ада», справа – площадка «рая»; каждая из них выключалась из действия посредством света. В третьем действии («Ад») на сцене были расклеены театральные афиши «инфернального» репертуара: «Чорт», «Дьявол», «Мефистофель», «Демон». <....> Художником спектакля был Эхна (А. Вологдин)...» (Февральский, 1940. С. 247, 248). После службы в театре Вологдин в 1924 г. был художником Маратовского рабочего дворца. С 1925 по 1927 г. работал «по оборудованию и постройке различных рабочих клубов города» (Лыхин, 2002. С. 256).

Художник В.Ф. Мигаев характеризует Александра Ивановича как человека большой эрудиции: «Еще до революции ему довелось побывать в Париже. Он знал и понимал искусство. <...> Из плеяды его учеников многие стали хорошими, вдумчивыми художниками: И. Юшков, С. Развозжаев. Своих работ учащимся А.И. не показывал, да и показывать особенно было нечего. А.И. временами писал этюды, которые свидетельствовали о его хорошем видении и живописной культуре, тогда как учебные программы требовали ориентировки учащихся на сюжет и, конечно, высокую идейность. <...> Большой приверженец импрессионизма, он был вынужден не показывать своих отношений к, так называемому в то время, формалистическому искусству. Вместо этого он поднимал на щит передвижников и делал это удачно. Неслучайно его ученики были приверженцами не только творчества Репина и Сурикова, но и Перова» (Архив ИОХМ им. В. П. Сукачева. Дело В.Ф. Мигаева).

На обсуждении работ к выставке, посвященной 15-й годовщине Красной Армии, произошедшем на общем собрании художников совместно с представителями общественности г. Иркутска 5 марта 1933 г., несколько художников дали оценку творчеству Вологдина. Художник Дубинский отметил, что «Пейзажи выполнены мастерски» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). Художник Тимошенко отмечает, что: «Как Андреев, так и Вологдин наши сибирские львы. Но В-н лев европейского масштаба, частью заимствовано у Монэ и Манэ. По воздушной перспективе это единственные работы. Это базис культуры среди того хаоса, который мы имеем на выставке. Говорить о В-не – это значит повторять всю культуру импрессионизма» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 28).

Сам же Вологдин характеризовал себя так: «Я слишком разбросанный человек, слишком много знаю и вкусил, но сил мало. Заела трагедия анализа, поэтому не могу сделать большой работы, – не понравится, не удовлетворит, поэтому просто рву. Выставленные этюды до известной степени поворотные пункты. Старался разрешить колорит лирически, дать гармоническое соотношение» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 6. Л. 28).

Наиболее яркий период жизни художника, когда он проявляет себя как общественно значимая личность – руководит ВСКРАССХ, проходит во время между двумя его арестами – с 1931 по 1937 гг. Первый арест состоялся 17 февраля 1931 г. (мы не берем во внимание краткое задержание Вологдина органами ЧК в 1921 г.) В постановлении от 3 марта 1931 г. указывается, что он арестован за «преступление, предусмотренном ст. 58-10 УК РСФСР, Вологдин будучи юнкером при Колчаке принимал активное участие (*в борьбе – прим. авт.*) с большевизмом в г. Иркутске. В настоящее время, являясь врагом советской власти, ведет контрреволюционную агитацию среди населения, направленную на срыв политических и хозяйственных мероприятий» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 22). Но к советской власти, как утверждал на допросах сам Вологдин, он был лоялен, и, по его словам: «Контрреволюционных разговоров с душком я не выношу и контр-революционных знакомств не имел» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 10). Из материалов дела следует: «Вологдина

арестовали и, понимаете, в то время когда он начал увлекаться советской властью» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 14). Свидетели отмечали, что у Вологдина был некий сдвиг, поворот в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «в сторону понимания нашей действительности». Этому было даже дано определение: «период романтического увлечения» сов. властью и ее мероприятиями» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 18). Известно, что когда появились слухи о приезде Сталина на краевую конференцию, Вологдин предложил поместить лозунг в зале заседания: «Соцсоревнование из труда подневольного». После допросов самого Вологдина и опросов свидетелей, Александр Иванович был освобожден, т. к. обвинение не подтвердилось (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078. Л. 29).

Если в 1931 г., пробыв всю весну в Иркутской тюрьме, Вологдин был все же выпущен после многочисленных допросов, то в его уголовном деле 1937 года фигурируют материалы всего двух допросов, за которыми следует расстрел с конфискацией имущества.

Вологдин был арестован сразу после общего собрания членов союза советских художников г. Иркутска. Оно состоялось 8 октября 1937 г. и практически ничем не отличалось от предыдущих. Но это было последнее мероприятие председателя правления, который выступил с докладом об организации выставки, контрактации художников, готовности картин. Ордер № 2001 на его арест и обыск был уже выписан. Возможно, Вологдина арестовали ночью дома. В «Анкете арестованного» стоит запись: «Арестован УНКВД по Иркутской области 9 октября 1937 г. (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 138).

Вологдин обвинялся в том, что являлся участником в шпионско-повстанческой, белогвардейской контрреволюционной организации. В связи с этим было решено, «мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать арест и содержание под стражей в Иркутской тюрьме НКВД СССР за № 00447» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 134). Согласно протоколу обыска, который произошел 9 октября 1937 г., были изъяты: чековые книжки Союза художников, «печать союза художников», печать иркутского филиала ССХ и т. п. Личные вещи Александра Ивановича в протоколе не указаны.

Из членов союза советских художников Вологдин был исключен 14 октября 1937 г. на «объединенном собрании членов Союза советских художников г. Иркутска и членов товарищества «Художник» с участием: зав. отделом искусств Областного Исполкома Восточно-Сибирской Области т. Борисова и инспектора отдела искусств т. Востоковой. Собрание состоялось в помещении отдела искусств» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об.) Председателем собрания была К.Т. Востокова, которая вскоре будет принята в члены организации и станет председателем правления организации несмотря на то, что никакого отношения она к изобразительному искусству не имела, художником не была. Борисов сообщил художникам, «что бывший председатель правления Союза Советских художников Восточно-Сибирской области Вологдин А.И. 8-го октября организацией НКВД арестован как враг народа» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об., 28). В протоколе от 15 ноября 1937 г. общего собрания членов Союза советских художников области зафиксирована реакция на арест Вологдина. Художники Жибинов и Адлер в своих выступлениях «проходятся» по бывшему председателю, но вяло. Адлер: «Вологдин один подменял правление. Его политика – тихой сапы в работе. Вологдин ссорил художников между собой, сеял антагонизм между художниками» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 36). Жибинов: «Искренности у нас нет, а Вологдин старался спровоцировать ссоры одних художников с другими, натравить их друг на друга, создать склоку. В этом и выражалась вредительская линия Вологдина» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1. Л. 37). Художники явно не понимали, за что был арестован председатель, не видели объективных причин для этого, но вследст-

вие того, что выступать и клеймить врага народа все-таки было нужно, искали хоть какую-нибудь зацепку для обвинения.

В это время Вологдин находился в Иркутской тюрьме. На допрос его вызвали 1 ноября. Он опроверг обвинение в том, что является участником шпионско-повстанческой белогвардейской организации. Но на втором допросе от 8 февраля 1938 г. он признает себя виновным. В машинописном тексте протокола зафиксировано складное, возможно, заранее подготовленное следователем повествование о работе Вологдина в белогвардейской организации. Через три дня после допроса Александру Ивановичу был вынесен приговор. Согласно протоколу № 6 от 11 февраля 1938 г. заседания Тройки УНКВД по Иркутской области Вологдин обвинялся «в том, что являлся активным участником к/р белогвардейской террористической шпионской организации. <…> Виновным себя признал». Тройка постановила: «Вологдина Александра Ивановича расстрелять с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества» (Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541. Л. 217). Согласно выписке из акта, это постановление приведено в исполнение 15 февраля 1938 г. Реабилитирован Александр Иванович практически через двадцать лет после ареста – 8 сентября 1957 г. После смерти А.И. Вологдина остались только плохого качества фотокарточка, где он запечатлен в клетчатой кепке и очках, один живописный этюд и немного документов, хранящиеся в архивах. В союзе художников, кроме первого председателя, были репрессированы еще два художника: А.Н. Андреев и А.Н. Агафонов. Остальные художники продолжали трудиться, осваивая метод социалистического реализма и неуклонно избавляясь от формализма. Где похоронены Вологдин и Миталь – неизвестно. Вероятным местом захоронения К.В. Миталя является Радищевское кладбище, где в то время, возможно, производили захоронения из тюрьмы.

Перед нами две разные, но в чем-то схожие судьбы ярких представителей иркутской творческой интеллигенции, переживших революцию, гражданскую войну, принявших советскую власть и служивших ей, но, в конечном счете, попавших под молох репрессий. Миталь и Вологдин стояли у истоков профессиональных организаций, которые существуют и плодотворно трудятся и в наше время – иркутского отделения Союза архитекторов России и Иркутского отделения Союза художников России соответственно. Почему именно они были репрессированы, когда другие иркутские художники и архитекторы продолжали свою профессиональную деятельность? Возможно, К. Миталь и А. Вологдин были подвергнуты репрессиям не из-за творческой деятельности, а на общей волне смены кадров, как люди, которые уже были в поле внимания НКВД (ВЧК). Они, как и все их коллеги, отвергали формализм (несмотря на то, что в свое время принимали и конструктивизм, и импрессионизм), приветствовали изменения стилевого вектора, более того, непосредственно участвовали в создании чисто советского продукта – союзов советских художников/архитекторов. Их сознание, творчество прошло все ступени принудительной трансформации, которые проходили советские творцы, исходя из самых разных причин: от искреннего восприятия идеологии до элементарного желания выжить в новых условиях, потому что государство подчинило все секторы творческой практической деятельности.

Библиографический список

Волков Е. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, ЮрГУ, 2003. 336 с.

Восточно-Сибирская правда. 1937. № 105.

Восточно-Сибирская правда. 1937. № 110.

Восточно-Сибирская правда. 1937. № 121.

References

Volkov E. *Kolchakovskie ofitsery: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Kolchak officers: the experience of historical research]. Chelyabinsk: YurGU Publ., 2003, 336 p.

Vostochno-Sibirskaya Pravda [East-Siberian Truth], 1937, no. 105. (In Russ.).

Vostochno-Sibirskaya Pravda [East-Siberian Truth], 1937, no. 110. (In Russ.).

Vostochno-Sibirskaya Pravda [East-Siberian Truth], 1937, no. 121. (In Russ.).

Восточно-Сибирская правда. 1937. № 142.

Дело В.Ф. Мигаева. [В.Ф. Мигаев. Воспоминания о художниках: на правах рукописи] // Арх. ИОХМ им. В.П. Сукачева.

Иркутская летопись, 1661–1940 гг. / сост. Ю. Колмаков. Иркутск: Земля Иркутская : Оттиск, 2004. 848 с.

Лыхин Ю. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. 336 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.

Февральский А. Мистерия-буфф. Опыт литературной и сценической истории пьесы // Маяковский. Материалы и исследования. Академия наук СССР. Институт мировой литературы имени А. М. Горького. М. : Гослитиздат, 1940. 476 с.

Vostochno-Sibirskaya Pravda [East-Siberian Truth], 1937, no. 142. (In Russ.).

Migaev V.F. *Delo V.F. Migaeva. (Vospominaniya o khudozhnikakh: na pravakh rukopisi)* [Case of V.F. Migayev. [Memories of artists: as a manuscript]. *Arkh. IOKhM im. V.P. Sukacheva* [Archive of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore].

Kolmakov Yu. *Irkutskaya letopis', 1661–1940 gg.* [The Irkutsk Chronicle, 1661–1940] Irkutsk: Zemlya Irkutskaya : Ottisk Publ., 2004, 848 p.

Lykhin Yu. *Khudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka)* [The artistic life of Irkutsk (first quarter of the XX century)]. Irkutsk, 2002, 336 p.

Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow : Tsentrpoligraf Publ., 2005, 415 p.

Fevral'skii A. *Misteriya-buff. Opyt literaturnoi i stsenicheskoi istorii p'esy* [Mystery Buff. Experience the literary and scenic history of the play]. *Mayakovskii. Materialy i issledovaniya. Akademiya nauk SSSR. Institut mirovoi literatury imeni A.M. Gor'kogo* [Mayakovsky. Materials and research. Academy of Sciences of the USSR. Institute of World Literature named after A.M. Gorky]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1940, 476 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Лисицина Яна Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра журналистики и медиаменеджмента, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vaslis@mail.ru

Лисицин Василий Геннадьевич,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра архитектурного проектирования,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vasl@mail.ru

Information about the authors

Yana Yu. Lisitsina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Journalism and Media Management, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vaslis@mail.ru

Vasily G. Lisitsin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Architectural Design,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vasl@mail.ru

Критерии авторства

Лисицина Я.Ю., Лисицин В.Г. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Lisitsina Ya.Yu., Lisitsin V.G. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 93/94
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-246-255

Тенденции развития артиллерии Красной армии и способов ее применения накануне и в годы Великой Отечественной войны

© В.С. Мильбах, В.А. Чернухин

Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлен анализ тенденций развития артиллерии Красной армии и способов ее применения в период с 1930-х годов до окончания Великой Отечественной войны. Эти годы характеризовались неуклонным возрастанием роли артиллерии в решении задач огневого поражения на поле боя. Её развитие, как отмечается в статье, было связано с дальнейшим повышением роли и значения артиллерийской науки по проблемам тактики и стрельбы артиллерии, с реорганизацией системы управления артиллерией, её количественным ростом и качественным совершенствованием, поисками наиболее эффективных организационных форм, боевой подготовкой, обучением и воспитанием командных и технических кадров. В экстремальных условиях военных лет ярко проявилась тенденция расширения командных и снижения инспекторских функций в деятельности артиллерийских начальников. Раскрыта роль штаба артиллерии Красной армии как центрального органа управления, в деятельности которого важнейшей тенденцией стало поддержание тесного взаимодействия с соответствующими штабами других родов войск, авиацией, а при действиях на приморских направлениях и со штабом ВМФ. Имели важное значение и другие тенденции, связанные с совершенствованием тактико-технических характеристик материальной части, развитием тактики и стрельбы артиллерии.

Ключевые слова: тенденции развития, локальные вооруженные конфликты, Великая Отечественная война (1941–1945), инспекторы (начальники, командующие) артиллерий, система управления, система вооружения, организационные формы, боевая подготовка, огневое поражение

Информация о статье: Дата поступления 18 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Мильбах В.С., Чернухин В.А. Тенденции развития артиллерии Красной армии и способов ее применения накануне и в годы Великой Отечественной войны. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 246–255. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-246-255.

Tendency of development of artillery of the Red Army and methods of its applications on the eve and in the years of the Great Patriotic War

© Vladimir S. Milbach, Viktor A. Chernukhin

Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract: The article presents an analysis of trends in the development of artillery of the Red Army and ways of its application in the period from the 1930s to the end of the Great Patriotic War. These years were characterized by a steady increase in the role of artillery in solving the problems of fire damage on the battlefield. Its development, as noted in the article was associated with the further increase of the role and importance of artillery science on the problems of tactics and artillery firing, with the reorganization of the artillery control system, its quantitative growth and qualitative improvement. Authors searched for the most effective organizational forms, combat training, training and education of command and technical personnel. In the extreme conditions of the war years vividly demonstrated the trend of increased team and reduction of inspection functions in

the activities of the artillery chiefs. The role of the artillery headquarters of the Red Army as a Central control body, in the activities of which the most important trend was to maintain close cooperation with the relevant headquarters of other branches of the armed forces, aviation, and in actions on the coastal areas and with the headquarters of the Navy. Was important other trends related to improvement of tactical and technical characteristics of the material, the development of tactics and firing artillery.

Keywords: development tendencies, local armed conflicts, the Great Patriotic War (194–1945), inspectors (commanders, commanders) artillery, command and control system, weapons system, organizational forms, combat training, fire defeat

Article info: Received September 18, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Milbach V.S., Chernukhin V.A. Tendency of development of artillery of the Red Army and methods of its applications on the eve and in the years of the Great Patriotic War. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 246–255. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-246-255.

Важнейшей задачей военно-исторического исследования является выявление тенденций и закономерностей развития видов Вооруженных Сил и родов войск, позволяющих видеть их историческую и современную перспективу, избегать принятия ошибочных решений государственными и военными органами управления при последующих преобразованиях и реформировании Вооруженных Сил. Весомое влияние на тенденции развития артиллерии в предвоенный период оказывали: совершенствование и создание новых средств вооруженной борьбы; принятие на вооружение сухопутных войск современной для своего времени боевой техники; накопленный командирами и штабами опыт по управлению артиллерией в годы предшествовавших войн и вооруженных конфликтов. С другой стороны, влияние исходило и из оценки противостоящего Красной армии противника (армий милитаристской Японии, маннергеймовской Финляндии, нацистского вермахта и его многочисленных европейских союзников). Учитывалось и состояние военно-теоретических взглядов по проблемам ведения вооруженной борьбы. Локальные военные конфликты на дальневосточных и северо-западных границах СССР убедительно свидетельствовали, что артиллерия являлась главным средством огневого поражения, на ее долю приходилось до 60–70 % объёма огневых задач во фронтовых (армейских) операциях (Тридцать седьмой Научно-исследовательский институт министерства обороны, 1997. С. 65)[1]. Возведение её в сознании наших соотечественников в образ «бога войны» прочно связано не столько с событиями советско-финляндской войны (1939–1940), сколько с ожесточенными боями и сражениями Великой Отечественной войны, небывалыми в мировой истории ожесточённости и бескомпромиссности (ЦАМО РФ. Ф. 36. Оп. 12559. Ф. 224. Л. 18).

Военное строительство в СССР характеризовалось поступательным ростом роли и значения артиллерии. По воспоминаниям Н.Н. Воронова в годы, предшествующие Великой Отечественной войне в СССР: «…развернулась деятельная работа по созданию нового вооружения и боевой техники. На пленумах артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления обсуждались теоретические вопросы, рассматривались тактико-технические характеристики будущих образцов артиллерийского вооружения. В этих обсуждениях принимали участие строевые командиры, виднейшие ученые, известные конструкторы, представители министерств, производящих артиллерийское вооружение…» (Воронов Н.Н., 1963. С. 113–114).

Можно констатировать, что развитие артиллерии Красной армии в комплексе отражало неуклонное развитие советского общества, военного дела, а также истории человеческой цивилизации.

[1] Тридцать седьмой Научно-исследовательский институт министерства обороны. Исторический очерк. СПб.: Комплект, 1997. 288 с. / Thirty-seventh Research Institute of the Ministry of Defense. Historical essay. SPb .: Komplect, 1997. 288 p.

Совершенствование артиллерии в огневом отношении, как свидетельствуют военные конфликты 1930-х годов и Великой Отечественной войны, явилось объективно существующей закономерностью развития Красной армии (Советское военное искусство…, 1962. С. 164).

Комплексный анализ преобразований, осуществленных органами государственного и военного управления в интересах развития артиллерии Красной армии, позволил выявить ряд тенденций и существенно дополнить ранее уже сформулированные положения (Чернухин В.А., 2012; 2013; 2014). Важнейшие из тенденций касались систем управления и службы штабов; решения задач технического перевооружения артиллерии, поиска организационных форм, подготовки кадров, боевой учебы, дальнейшего развития артиллерийской науки.

Важнейшая роль в системе управления артиллерией отводилась органам управления (инспекторам, начальникам, штабам, средствам разведки; связи и т. д.). Однако непосредственно накануне Великой Отечественной войны она была нарушена. Необоснованно были упразднены должность начальника артиллерии РККА и Управление при нем. Первые месяцы военных действий показали, что отсутствие высшего органа управления артиллерией РККА в общей структуре Наркомата обороны значительно снижало качество и эффективность управления артиллерией на фронтах огромной протяженности и в условиях отсутствия необходимых разведывательных данных. В срочном порядке была восстановлена должность начальника артиллерии Красной армии с одновременным формированием при нем Главного управления в составе: Штаба, Инспекции, ряда управлений и отделов (Чернухин В.А., 2012. С. 18).

В экстремальных условиях войны ярко проявляется тенденция расширения командных и снижение инспекторских функций в управленческой деятельности, был осуществлён переход от института инспекторов артиллерии к институту начальников (командующих) артиллерией. Это было предопределено количественным ростом артиллерии, ее качественным совершенствованием, появлением новых видов артиллерии, ростом ее огневых возможностей.

Параллельно проявилась и другая тенденция – возрастание правового положения артиллерийских начальников. Так, в период октябрьских боев в битве за Москву начальники артиллерии фронтов, армий, корпусов, дивизий и бригад были назначены заместителями соответствующих командующих (командиров). Накануне наступления советских фронтов под Сталинградом последовал приказ наркома обороны о том, чтобы впредь начальников артиллерии Красной армии, фронта, армии, корпуса именовать «командующий артиллерией РККА, фронта, армии, корпуса». В начале 1944 г. командующие артиллерией фронтов, армий и военных округов были введены в состав Военных советов фронтов, армий, военных округов (Макар И.П., 2007. С. 163–164).

Таким образом, они были проставлены в ранг командующих артиллерией – заместителей общевойсковых (танковых) командиров по вопросам огневого поражения. Командующий артиллерией Красной армии не только возглавлял свой род войск, он также являлся заместителем Верховного Главнокомандующего, представителем Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), выполнял важнейшие поручения ВГК по оказанию помощи командующим и штабам по боевому применению артиллерии в различных операциях, но и в решении проблем общевойскового плана. Со знанием обстановки в войсках действующей армии он докладывал объективную информацию о положении дел на фронтах, о путях и направлениях устранения недостатков в работе командующих и штабов. Во многих случаях его деятельность по координации фронтов при подготовке и проведении стратегических операций носила полководческий характер (Уткин Б.П., 2009. С. 241).

Особое место в системе органов управления артиллерией занимали штабы. Штаб артиллерии в качестве центрального органа управления создавался в артиллерии Красной армии впервые и приоритетной тенденцией в его деятельности стали организация и поддержание взаимодействия со штабами других родов войск, авиации, а при дей-

ствиях Сухопутных войск на приморских направлениях – со штабом ВМФ. Эта деятельность штаба артиллерии способствовала повышению его статуса в управлении артиллерией. С 1943 г., он стал называться Штабом артиллерии Красной армии (Чернухин В.А., 2014. № 2. С. 18). Сотрудники оперативного и разведывательного отделов, входившие в его состав, приобрели богатейший опыт в управлении крупными массами артиллерии на всех театрах военных действий.

Кардинально перестраивать не пришлось созданную в предвоенные годы систему вооружения Красной армии. Благодаря совместной работе наркоматов оборонных отраслей были теоретически разработаны и практически заложены проектные и технические основы производства орудий войсковой артиллерии и ряда образцов для артиллерии Резерва Верховного Главного командования (РВГК). Положительную роль в решении проблем развития артиллерии сыграла тенденция к возрождению артиллерийских научных школ и укреплению их тесного сотрудничества с представителями артиллерийской промышленности. При этом особо важным и перспективным становится стремление к использованию при производстве артиллерийского вооружения и боеприпасов отечественного сырья с минимальными затратами дефицитных материалов (Артиллерийское снабжение…, 1977. Т. 1. С. 149).

Весьма значительными были и другие тенденции, которые были связанны с совершенствованием тактико-технических характеристик образцов артиллерийского вооружения. Прежде всего, это увеличение (повышение): их дальнобойности; могущества действия снарядов у цели; навесности огня путём увеличения выпуска гаубичных систем; калибра боеприпасов; скорострельности орудий посредством введения прицелов с независимыми линиями прицеливания; углов горизонтального обстрела путем применения раздвижных станин и верхних станков в лафетах; углов вертикального обстрела за счет совершенствования механизмов вертикальной наводки и замены уравновешивающих механизмов пружинного типа – пневматическими; повышение подвижности и проходимости артиллерии за счет внедрения подрессоривания, механической тяги, снижение массы систем и т. д. (История Главного артиллерийского управления (ГРАУ) …,.1997. С. 48).

Достаточно зримо проявилась такая тенденция, как повышение возможностей артиллерии в борьбе с танками противника. Она связана с поступлением на вооружение немецкой армии образцов с усиленной броневой защитой. К ее решению потребовалось привлечь не только противотанковую артиллерию, но и другие виды артиллерии. Бронепробиваемость за годы войны возросла: до 100 % (пушка 1941 г.), до 215 % (батальонная пушка), до 143 % (полковая пушка), до 185 % (дивизионная пушка) (Чернухин В.А., 2013).

Оценивая совершенствование организационных форм артиллерии, следует выделить отдельно тенденции, характерные для войсковой артиллерии и артиллерии РВГК. В войсковой артиллерии проявились тенденции к увеличению самостоятельности боевых действий соединений и объединений в бою и операциях, к расширению возможностей общевойсковых начальников, к влиянию на ход боевых действий огнём штатной артиллерии, к созданию благоприятных условий для организации тесного и непрерывного взаимодействия артиллерии с пехотой и танками, к возрастанию возможностей противотанковой обороны (ПТО) и совершенствованию контрбатарейной борьбы. В качестве тенденции в развитии организационных форм артиллерии РВГК можно выделить переход от отдельных дивизионов и полков к крупным артиллерийским соединениям. Необходимо отметить, что 70 % материальной части артиллерии РВГК к исходу войны находились в артиллерийских бригадах, дивизиях и корпусах прорыва РВГК (Артиллерия в оборонительных операциях…, 1961. С. 492–493).

Появление новых видов артиллерийского вооружения, совершенствование организационных форм артиллерии, развертывание новых формирований предопределили появление ряда тенденций, связанных с системой подготовки артиллерийских кадров. Он принимал характер все большей приспособленности к условиям военного времени, связанных с сокращением продолжительно-

сти обучения в училищах и академии, внедрения в практику обучения программ военного времени, которые предусматривали увеличение времени на изучение тактики артиллерии, и специальных дисциплин (до 70–80 % от времени согласно довоенных программ) (Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 58 р. Оп. 1. Д. 5. Л. 26) и т. д. Достаточно ярко проявляется тенденция к узкой специализации артиллерийских училищ по их профессиональной направленности: противотанковой артиллерии, дивизионной и корпусной артиллерии, артиллерии большой и особой мощности. В учебно-воспитательном процессе получили развитие такие тенденции, как усиление героико-патриотического воспитания, уважение к историческому прошлому русских артиллеристов, обучение слушателей и курсантов на опыте войны, на внедрении в учебный процесс всего того нового, что выдвигалось требованием боевой практики войск.

Осуществлялось техническое перевооружение артиллерии. Однако созданную в предвоенные годы систему вооружения РККА кардинально перестраивать не пришлось. Благодаря совместной работе наркоматов оборонных отраслей промышленности и Академии наук СССР были теоретически разработаны и практически заложены проектные и технические основы производства орудий и реактивных систем.

Необходимо подчеркнуть, что в 1930-е годы заметно проявилась тенденция к наращиванию средств поражении (орудий, минометов) при отставании в средствах управления (средства связи) и средствах артиллерийской разведки (звукометрические станции и оптические приборы, корректировочная авиация), а также в механических средствах тяги. Важнейшими направленными развития материальной части артиллерии в годы третьей пятилетки (1938–1942 гг.) намечалось увеличение:

– максимальной дальности стрельбы и калибра орудий;

– скорострельности орудий и могущества артиллерийских боеприпасов;

– углов горизонтального и вертикального обстрела орудий;

– маневренных возможностей артиллерийских систем.

Таким образом, основную озабоченность военно-политического руководства вызывала материальная часть артиллерии и уже в 1930-е годы в артиллерии РККА проявилась тенденция отстаивания в развитии средств разведки и управления. Подобные обстоятельства имели негативное влияние на снижение огневых возможностей артиллерии. К сожалению, в ходе Великой Отечественной войны ликвидировать дисбаланс в средствах огневого поражения и в средствах артиллерийской разведки и управления не удалось (История артиллерии..., 1954. Вып. 2. С. 120).

В годы войны, как отмечалось раннее, усилиями конструкторов, были созданы новые виды артиллерии: реактивная, самоходная, новые образцы артиллерийских систем, приборов, боеприпасов, и средств тяги. При этом непременно учитывались требования, предъявляемые к ним характером и меняющимися условиями вооруженной борьбы. Так, в развитии минометов наметились тенденции увеличения дальности стрельбы и повышения могущества, как показатель эффективности действия боеприпасов у цели, улучшение кучности стрельбы, повышение маневренных качеств. В истребительно-противотанковой артиллерии, игравшей исключительно важную роль в борьбе с бронетехникой вермахта, проявились такие тенденции как увеличение бронепробиваемости орудий при сохранении высших маневренных качеств, увеличение дальности прямого выстрела. Известно, в каком трудном положении в минувшую войну оказались батареи 57- и 76-мм пушек, когда на вооружении танков и самоходных артиллерийских установок (САУ) немецко-фашисткой армии для более успешной борьбы с нашими танками появились 88-мм пушки с дальностью прямого выстрела до 2-х км, значительно превосходившие дальность прямого выстрела советских орудий (800 м). Вследствие этого подразделения противотанковой артиллерии вынуждены были в ходе боев прибегать к особым тактическим приемам («Огневые мешки», засады, «заигрывающие» орудия и т. д.), чтобы создавать выгодные условия для уничтоже-

ния танков противника. Боевая практика показала технические трудности решения этих проблем. Высказывалось мнение, что противотанковая пушка должна превосходить своего главного «противника» (танк) в дальности прямого выстрела на такую величину, которая позволяла бы ей производить 1–2 выстрела по атакующему танку еще до того, как он приблизиться к ней на дальность прямого выстрела своего орудия (Архив Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле. Фонд «Отчет о боевых действиях 22-й танковой бригады 5-го танкового корпуса на белгородском направлении с 5.07 по 15.07.1943 г.» Л. 2–3).

Тенденции массового применения бронетанковой техники в боях и операциях Великой Отечественной войны предопределяли проявление новой тенденции в артиллерии – сделать все орудия полевой артиллерии, способными вести борьбу с бронеобъектами противника. Это достигалось в той или иной мере введением в их боекомплекты подкалиберных или кумулятивных снарядов (в 1942 кумулятивный снаряд был принят на вооружение для орудий 76-мм и 122-мм калибра; в 1943 на вооружение был принят подкалиберный снаряд для орудий 45-мм и 76-мм калибра).

Устойчивыми тенденциями в развитии реактивной артиллерии стали: увеличение пакета стволов (направляющих); уменьшение габаритов и массы пусковых устройств; увеличение маневренности подразделений; повышение кучности и точности стрельбы реактивными снарядами. С последней тенденцией напрямую было связано резкое увеличение плотности огня. Применение в 1944 г. 132-мм снарядов улучшенной кучности обеспечивало увеличения плотности огня в 3–6 раз по сравнению с плотностью огня снарядов более ранних образцов (Полевая реактивная артиллерия…, 1955. С. 184). Тенденции в развитии реактивной артиллерии, проявившиеся в военные годы, были напрямую связаны с рядом ее конструктивных преимуществ, обеспечивавших массирование огня, высокую оперативно-тактическую подвижность артиллерийских подразделений.

Следует отметить, что дальность стрельбы реактивной артиллерии оставалась недостаточной (7–8 км). Все еще значительным оставалось рассеивание снарядов (снаряды при залпе одной БМ покрывали площадь 7–11 га, при этом не обеспечивалась требуемая плотность огня). Боевые машины были уязвимы от огня противника из-за своих относительно больших размеров и крайне низкой защищенности (Передельский Г.Е.,. 1980. С. 48).

В развитии самоходной артиллерии наметились следующие тенденции: увеличение огневой мощи вооружения, повышение прицельной скорострельности, максимально возможное увеличение возимого боекомплекта, сокращение времени на подготовку к стрельбе, повышение маневренности на поле боя, наращивание бронезащиты. Нельзя не обратить внимание на то, что самоходки периода Великой Отечественной войны применялись главным образом в качестве орудий сопровождения пехоты и танков. Большую часть поставленных перед ними боевых задач они выполняли ведением огня прямой наводкой. Ограниченные возможности маневра траекториями, низкая огневая производительность, сравнительно небольшой возимый боекомплект и ряд других конструктивных недостатков САУ не позволили широко применять их для стрельбы с закрытых огневых позиций, даже когда в этом была острая необходимость (Самоходная артиллерия…, 1956. С. 144).

Важно обратить внимание и на тенденции, общие для всех видов и калибров артиллерии, такие как своевременный выбор и поддержание оптимальной военно-технической политики, выработанной военным руководством в отношении артиллерийского вооружения; внедрение в военной промышленности метода унификации, способствовавшего удешевлению производства и упрощению эксплуатации вооружения в войсках; налаживание массового выпуска орудий, миномётов и реактивных установок.

Совершенствовалась боевая подготовка артиллерии. Анализируя ход и качество боевой подготовки артиллерийских частей, ее влияние на профессиональную подготовку личного состава,

командиров и органов управления, можно выделить такие тенденции:

– приближение занятий (учений) к реальной боевой обстановке путем использования в имитации боевой обстановки трофейной техники, подготовки занятий на местности, схожей с той на которой предстояло вести бой и т. д.

– выбор и определение тем для занятий с командирами артиллерийских подразделений и частей с учетом характера предстоящих боевых действий и условий местности;

– стремление обобщить передовой опыт и распространить его в войсках, военно-учебных заведениях, учебных лагерях, где готовились кадры и резервы для фронта, и т.д .

Немало поучительного, неутратившего своего значения в современных условиях показал анализ проблем огневого поражения. Проведение артиллерийской подготовки атаки (АПГА), рост плотности артиллерии и массировании ее огня оказывало прямое влияние на сокращение продолжительности огневого воздействия по противнику. Это привело к постепенному отказу от длительных периодов подавления и разрушения целей (кроме случаев прорыва особо сильно укрепленных полос и штурма городов-крепостей). Все большее место в построении артиллерийской подготовки отводилось огневым налётам, когда массированный огонь артиллерии в период их проведения оказывал большой боевой и моральной эффект на противника. Тем самым обеспечивалось повышение эффективности в проведении АПГА, быстрое развитие наступления и взлом всей полосы обороны противника (Отечественная артиллерия..., 1986. С. 308).

Эти тенденции напрямую связывались с увеличением глубины одновременного подавления противника до позиций дивизионных (корпусных) резервов, широким использованием реактивных установок, увеличением калибров привлекаемой артиллерии и могущества применяемых ими боеприпасов, повышением скорострельности орудий и точности ведения огня. Развитие способов артиллерийского наступления было связано и с такими тенденциями, как недопущение шаблона в проведении артиллерийской подготовки атак и осуществление незаметного для противника перехода к артиллерийской поддержке атаки.

При проведении артиллерийской поддержки атаки наиболее значимой тенденцией стало увеличение глубины одновременного подавления противника, что позволяло лишить его возможности воздействовать на атакующие пехоту и танки своими дальнобойными противотанковыми средствами.

С развитием наступления в глубине проявились такие тенденции как широкое использование возможностей артиллерии по ведению массированного (сосредоточенного) и заградительного огня; своевременный маневр артиллерийскими частями (подразделениями) и их огнём; усиление роли и значения огня отдельными батареями, взводами и орудиями, выделенными для стрельбы прямой наводкой. Опыт войн со всей очевидностью подтвердил необходимость обеспечивать действия танков и общевойсковых соединений, объединений массированным огнём артиллерии на всю глубину выполняемых боевых задач, осуществлять тесное взаимодействие артиллерии с пехотой, танками и авиацией (Хорошилов Г.Т., Токмаков А.И., 1974. С. 183).

В обороне доминирующей тенденцией становится стремление общевойсковых командующих и штабов к созданию в условиях массированного применения противником бронетанковой техники непреодолимой для него системы противотанковой обороны, в которой главная роль отводится артиллерии. Система ПТО непрерывно развивалась и совершенствовалась в соответствии с требованиями боевой практики.

При подготовке оборонительных операций характерной тенденцией в деятельности командующих и штабов стало создание более благоприятных условий для отражения наступления противника. С этой целью по противнику, изготовившемуся для наступления или завершавшему к нему подготовку, проводится контрподготовка. Её целями могут быть: срыв подготавливаемого наступления или ослабление ударной группировки противника.

Опыт Центрального и Воронежского фронтов подтвердил, что артиллерийская контрподготовка являлась одним из важнейших оборонительных мероприятий. Впервые за годы Великой Отечественной войны артиллерийская подготовка, проведенная накануне наступления противника, принесла реальный результат: ударная сила противника была ослаблена, на некоторое время дезорганизовано управление его войсками. Результативность контрподготовки в армиях была снижена тем, что противник переместил свою артиллерию ближе к переднему краю (Великая Отечественная война…, 2012. Т. 3. С. 536).

В стрельбе и управлении огнем артиллерии проявилась тенденция к сокращению времени на подготовку огня. Массированный огонь артиллерии позволял в короткие сроки нанести решительное поражение важнейшим объекта противника, обеспечить успешное выполнение войсками задач в ходе операции.

Таким образом, исторический опыт деятельности органов государственного и военного управления по развитию артиллерии Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о наличие устойчивых повторяющихся связей, отношений и зависимостей. Выявленные в виде тенденций, они оказались неразрывно связаны с вопросами преобразования органов управления артиллерией, ее техническим перевооружением, совершенствованием организационных форм артиллерии, развитием артиллерийских наук.

Библиографический список

Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). В 2 т. Москва-Тула: ГАУ, 1977. Т. 1. С. 149.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, М.: Воениздат, 1961. Кн. 2. 506 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. 437 с.

История артиллерии. В 3-х вып. Вып. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции в России до Великой Отечественной войны / под общ. ред. И.Н. Харука. М.: Военная артиллерийская инженерная академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1954. 218 с.

История Главного артиллерийского управления (ГРАУ). Краткий исторический очерк. 1862–1997. М.: Изд-во ГРАУ, 1997. С. 48.

Макар И.П. Стратегическое руководство в СССР при подготовке и в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: ВАГШ ВС РФ, 2007. 401 с.

Отечественная артиллерия. 600 лет / под ред. Г.Е. Передельского. М.: Воениздат, 1986. Т. 1. 365 с.

References

Artilleriiskoe snabzhenie v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.) [Artillery supply in the Great Patriotic War (1941–1945). In 2 vol.]. Moscow-Tula: GAU Publ., 1977, vol. 1, pp. 149.

Artilleriya v oboronitel'nykh operatsiyakh Velikoi Otechestvennoi voiny[Artillery in the defensive operations of the Great Patriotic War] , Moscow: Voenizdat Publ., 1961, book 2, 506 p.

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 3. Bitvy i srazheniya, izmenivshie khod voiny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vol. Vol. 3. Battles and battles that changed the course of the War]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012, 864 p.

Voronov N.N. *Na sluzhbe voennoi* [In the service of the military]. Moscow: Voenizdat Publ., 1963, 437 p.

Kharuka I.N. *Istoriya artillerii. V 3-kh vyp. Vyp. 2. Ot Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii v Rossii do Velikoi Otechestvennoi voiny* [History of artillery. In 3 iss. Iss. 2. From the Great October Socialist Revolution in Russia to the Great Patriotic War]. Moscow: Military Artillery Engineering Academy Publ., 1954, 218 p.

Istoriya Glavnogo artilleriiskogo upravleniya (GRAU). Kratkii istoricheskii ocherk. 1862–1997. [The history of the Main Artillery Directorate (GRAU). A brief historical sketch. 1862–1997]. Moscow: GRAU Publ., 1997, p. 48.

Makar I.P. *Strategicheskoe rukovodstvo v SSSR pri podgotovke i v khode Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Strategic management in the USSR in the preparation and during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: VAGSH armed forces Publ., 2007, 401 p.

Peredel'skii G.E. *Otechestvennaya artilleriya. 600 let* [Domestic artillery. 600 years]. Moscow: Voenizdat Publ., 1986, vol. 1. 365 p.

Передельский Г.Е. Артиллерия в бою и операции. М.: Воениздат, 1980. 240 с.

Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 1. 520 с.

Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1955. 650 с.

Самоходная артиллерия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1956. 408 с.

Уткин Б.П. Полководцы в годы войны и мира. Кн. 1. М., 2009. 340 с.

Хорошилов Г.Т., Токмаков А.И. Действия артиллерии объединений и соединений по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. Г.Е. Передельского. М.: Воениздат, 1974. 192 с.

Чернухин В.А. Участие командующего артиллерией Красной армии Н.Н. Воронова в работе института представителей ставка ВГК по опыту Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Журнал «Михайловец». № 19. СПб.: МВАА, 2012. С. 10–18.

Чернухин В.А. «Штаб артиллерии к работе приступил!..» Штаб артиллерии Красной армии в экстремальных условиях военного времени // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–21.

Чернухин В.А. Деятельность органов государственного и военного управления по развитию артиллерии Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны (середина 1930-х годов – май 1945 г.). Монография. СПб.: МВАА, ВИМАИВ и ВС и ВС, 2013. 400 с.

Peredel'skii G.E. *Artilleriya v boyu i operatsii* [Artillery in combat and operations] Moscow: Voenizdat Publ., 1980, 240 p.

Sovetskoe voennoe iskusstvo v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. [Soviet military art in the Great Patriotic war of 1941–1945]. Moscow, 1962, vol. 1, 520 p.

Polevaya reaktivnaya artilleriya v Velikoi Otechestvennoi voine [Field rocket artillery in the Great Patriotic War]. Moscow: Voenizdat Publ., 1955, 650 p.

Samokhodnaya artilleriya v Velikoi Otechestvennoi voine [Self-propelled artillery in the Great Patriotic War]. Moscow: Voenizdat Publ., 1956. 408 p.

Utkin B.P. *Polkovodtsy v gody voiny i mira. Kn. 1.* [Generals during the War and Peace. Book 1]. Moscow, 2009, 340 p.

Khoroshilov G.T., Tokmakov A.I. *Deistviya artillerii ob"edinenii i soedinenii po opytu Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Artillery Action of associations and connections in the experience of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Voenizdat Publ., 1974, 192 p.

Chernukhin V.A. Role of the Commander of the Artillery of the Red Army N.N. Voronov in the work of the Institute of the representatives of the Stavka on the experience of the Great Patriotic War (1941–1945). *Zhurnal «Mikhailovets»* [Journal “Mihajlovac”]. St. Petersburg: MWAA Publ., 2012, no. 19, pp. 10–18. (In Russ.).

Chernukhin V.A. “The Staff of the Artillery began to work!..” The Staff of the Artillery of the Red Army in the extreme conditions of military tim. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-Historical Magazine], 2014, no. 2, pp. 16–21. (In Russ.).

Chernukhin V.A. *Deyatel'nost' organov gosudarstvennogo i voennogo upravleniya po razvitiyu artillerii Krasnoi armii nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (seredina 1930-kh godov – mai 1945 g.). Monografiya* [Activities of the state and military administration for the development of artillery of the Red Army on the eve and during the Great Patriotic War (mid-1930s – may 1945). Monograph]. St. Petersburg: MWAA, VYMAIL and sun and sun Publ, 2013, 400 p.

Сведения об авторах

Мильбах Владимир Спартакович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: mramor1023@yandex.ru

Чернухин Виктор Андреевич,
кандидат исторических наук, профессор, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Михайловская военная артиллерийская академия Ми-

Information about the authors

Vladimir S. Milbach,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: mramor1023@yandex.ru

Viktor A. Chernukhin,
Cand. Sci. (History), Professor, Teacher of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation,

нистерства обороны Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: Chernyhin.V.A.@mail.ru

Критерии авторства

Мильбах В.С. и Чернухин В.А. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: Chernyhin.V.A.@mail.ru

Attribution criteria

Milbach V.S. and Chernukhin V.A. carried out research work, based on the results obtained, carried out a generalization, prepared the manuscript, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The authors state that there is no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 339.96
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-256-266

Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики (к историографии вопроса)

© Чжан Цзя Цзюнь

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Проблемы российско-китайского сотрудничества по вопросам энергетики находятся в сфере стабильного научного интереса исследователей двух стран. В статье освещены различные аспекты взаимодействия России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, за несколько десятилетий и их отражение в серии диссертационных работ. В них анализируются: развитие внешней торговли, функционирование энергетического сектора в целом, экспорт энергоносителей в Китай, перспективы развития двусторонних отношений. Эти же вопросы периодически обсуждаются на научных конференциях, где подводятся итоги реализации государственных планов России и Китая на этом направлении. Авторами представляется анализ проблем и пути их решения, а также новые направления сотрудничества. Позитивным является развитие трансграничных контактов. Тесные политические и экономические связи двух стран создают определённые преференции для китайской стороны на совершенно новых направлениях сотрудничества. Ряд авторов исследует освоение Арктики Россией и участие в этих проектах Китая. Сотрудничество на северном направлении развивается в области строительства ледокольного флота, сжижения природного газа и в сфере экологии. Это нашло отражение в ряде работ 2000-х годов. Несмотря на довольно большое количество работ указанного характера, всё ещё существуют незаполненные лакуны исторического полотна, которые автор намеревается сократить.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, вопросы энергетики, историография, топливно-энергетический комплекс, трансграничное сотрудничество, страны АТР, вопросы экологии и охраны окружающей среды, Арктика, Ковыкта, страны ШОС, углеводородное сырье

Информация о статье: Дата поступления 20 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Чжан Цзя Цзюнь. Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики (к историографии вопроса). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 256–266. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-256-266.

Russian-Chinese energy cooperation (on the historiography of the issue)

© Zhang Jia Jun

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: Questions of Russian-Chinese cooperation in energy issues are in the sphere of stable scientific interest of researchers of the both countries. The article highlights various aspects of interaction between Russia and countries of the Asia-Pacific Region, including China, over several decades and their reflection in a series of dissertations. They analyze: the development of foreign trade, the functioning of the energy sector as a whole, the export of energy carriers to China, and the prospects for the development of bilateral relations. The same issues are periodically discussed at scientific conferences where the results of the implementation of state plans of Russia and China in this direction are summarized. The authors present an analysis of the problems and their solutions, as well as new areas of cooperation. As the positive result is the development of cross-border contacts. Close political and economic ties between the two countries create certain preferences for the Chinese side in completely new areas of cooperation. A number of authors are exploring the development of the Arctic by Russia and participation in these projects by China. Cooperation in the north is developing in the construction of an icebreaking fleet, the liquefaction of

natural gas and in the field of ecology. This is reflected in a number of works in 2000s. Despite the fairly large number of works of this nature, there are still unfilled lacunae of historical paintings, which the author intends to reduce.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, energy issues, historiography, fuel and energy complex, transboundary cooperation, Asia-Pacific countries, environmental issues and environmental protection, the Arctic, Kovykta, SCO countries, hydrocarbon raw materials

Article info: Received January 20, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Zhang Jia Jun. Russian-Chinese energy cooperation (on the historiography of the issue). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 256–266. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-256-266.

Китай является крупнейшим в мире производителем промышленной продукции, электроники, автомобилей и текстиля. В 2000–2014 гг. экономика страны росла на 10 % в год и более. Высокие темпы роста диктовали большой объем потребления энергоресурсов: нефти и газа, угля, электроэнергии. В то же время своих энергоисточников Китаю было недостаточно и он импортировал энергоносители из соседних стран. Постепенно сложились и оформились определённые отношения в этой сфере. Россия занимает весомое место на рынке энергоносителей, так как на ее территории находятся крупнейшие месторождения нефти и газа. Территориально многие месторождения находится в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, то есть в пределах разумной транспортировки в сопредельные страны. Имея общую границу, Россия и Китай обречены на выгодное сотрудничество в энергетической сфере.

В любом государстве топливно-энергетический комплекс (ТЭК) играет огромную роль, поэтому вопросы его функционирования и влияния на политическую, экономическую, социальную сферу тщательно изучаются учёными. В России (в её советский период) активно осваивалась Сибирь, изобилующая энергоресурсами. В 1960–1980 годы восточные районы СССР активно осваивались: строились фабрики, заводы, ГЭС и ТЭС, открывались угольные разрезы, активно проводилась геологоразведка. Именно в эти годы была заложена основа энергоизбыточности, которая в перестроечные годы и в новом, XXI веке, позволила экспортировать энергоресурсы в те страны, где был энергодефицит.

Исследователи разных стран внимательно и скрупулезно изучают различные аспекты взаимодействия России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере энергетики. Широкий круг вопросов по развитию ТЭК был поднят в технической, экономической, исторической литературе, в том числе в диссертационных исследованиях.

Очень плодотворным был для советских учёных период 1960–1980-х годов, когда историки из Новосибирска, Иркутска, Улан-Удэ изучали различные аспекты проблемы. Так, крупный вклад в разработку истории электрификации Сибири внёс доктор исторических наук В.В. Алексеев, который рассмотрел развитие базы электрификации и ее социально-экономические последствия, экологические последствия и кадровую политику (Алексеев В.В., 1975). Доктор исторических наук А.Н. Зыков в своей монографии «Плюс электрификация» (Зыков А.Н., 1976) показал роль КПСС в расширении энергетического строительства и углублении научно-технического прогресса. Доктор исторических наук Г.А. Цыкунов провёл историко-экономическое исследование системы Ангаро-Енисейского ТПК, в которой ведущую роль играли предприятия энергетики (Цыкунов Г.А., 1991). Эту тему развил в своей кандидатской диссертации В.С. Никифоров (Никифоров В.С., 2011)[1].

[1] Никифоров В.С. Развитие Топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири в 1950–1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Братск, 2011. 171 с. / Nikiforov V.S. Development of the Fuel and Energy Complex of Eastern Siberia in the 1950s – 1980s: Dis. ... Cand. of Science (History). Bratsk, 2011. 171 p.

Вопросы энергетики неизменно затрагивались рядом авторов, которые описывали создание и развитие индустриальной базы Сибири: З.И. Рабецкой, В.Н. Полкановым, В.В. Черных, М.Н. Балдано, И.И. Комогорцевым (Рабецкая З.И., 1981; Комогорцев И.И., 1968; Балдано М.Н., 2000) и другими. В 1996 году Т.Е. Санжиева защитила докторскую диссертацию «Топливно-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие (1960–1985 гг.)» (Санжиева Т.Е., 1996)[2], в которой подробно проанализировала развитие угольной, газовой и электро-энергетики в национальных республиках – Бурятии, Якутии, Туве, Хакассии, отметив особенности развития ТЭК на этих территориях.

Таким образом, в результате многолетней научной работы сибиряков сложилась подробная картина возникновения, развития и функционирования энергетики Сибири. Однако в указанный период не наблюдалось широких экономических связей с соседними государствами, что и нашло отражение в литературе: она попросту отсутствует.

Период перестройки принёс новые явления в евразийские экономические и межгосударственные отношения: стали быстро развиваться трансграничные связи, формироваться устойчивое сотрудничество в различных сферах, произошли позитивные сдвиги в политической и экономической областях, в том числе в энергетическом секторе. Это сразу же привлекло исследователей. Ян Ли в работе «Развитие внешней торговли Китая с Россией» (Ян Ли, 1998)[3] проанализировал внешнеэкономические связи стран во второй половине XX века и отметил динамичный рост товарооборота. Он исследовал формы внешнеэкономического сотрудничества двух стран и дал оценку его эффективности, описал влияние различных факторов. Были выявлены прогрессивные тенденции во внешнеэкономической деятельности, дана оценка Сибири как партнеру Китая во внешней торговле. Было отмечено, что рост товарооборота в основном шёл не за счёт энергоносителей, а за счёт легкой промышленности. Хонг Ван Сук в своей диссертации выделил основные тенденции внешней политики России в Азии после распада СССР, обратив внимание на ее растущую прагматичность (Хонг Ван Сук, 1998)[4].

Бурное экономическое развитие Китая в XXI веке способствовало развитию науки, культуры и образования в стране. Это усилило интерес к межгосударственным связям Китая и России. В этот тренд укладываются две диссертационные работы, одна из которых как бы продолжает другую (Ван Цзинбо, 2005)[5]. В 2005 году Ван Цзинбо защитила кандидатскую диссертацию об эволюции взаимоотношений России, Китая и Японии (Япония часто фигурирует в исследованиях, потому что история этих трёх стран очень тесно переплелась в послевоенное время). Автор анализирует отношения трёх стран в 1990-е годы как бы попарно: Россия – Китай, Россия – Япония, Китай – Япония. Она отмечает движущие силы и особенности российско-китайских отношений; факторы, оказывающие влияние на отношения двух стран, и пишет о проблемах и перспективах развития отношений. Работу отличает в ряду других серьезный историографический обзор, хорошая источниковая база. Автор

[2] Санжиева Т.Е. Топливно-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие (1960–1985 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1996. 46 с. / Sanzhieva T.E. The fuel and energy complex of the republics of Siberia and its influence on their socio-economic development (1960–1985): thesis of the dis. ... Cand. of Science (History). Irkutsk, 1996. 46 p.

[3] Ян Ли. Развитие внешней торговли Китая с Россией: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 1998. 157 с. / Yang Li. The development of foreign trade of China with Russia: dis. ... ... Cand. of Science (Economy). Novosibirsk, 1998. 157 p.

[4] Хонг Ван Сук. Изменение стратегической ситуации и эволюция внешней политики России в Северо-Восточной Азии после распада СССР: дис. ... канд. ист. наук. М.,1998. 214 с. / Hong Van Suk. Changing the strategic situation and the evolution of Russian foreign policy in Northeast Asia after the collapse of the USSR: dis. ... Cand. of Science (History). M., 1998. 214 p.

[5] Ван Цзинбо. Эволюция взаимоотношений России, Китая и Японии: 1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 219 с. / Wang Jingbo The evolution of relations between Russia, China and Japan: the 1990s.: Dis. ... Cand. of Science (History). Irkutsk, 2005. 219 p.

приводит в подтверждение своих тезисов и выводов большое количество фактического материала и статистических данных. В работе можно найти материалы и об энергетическом секторе. В качестве главного вывода диссертант говорит о выстраивании отношений доверительного партнерства. В диссертации 2010 года Чжоу Цзяньина (Чжоу Цзяньин, 2010)[6] анализируются отношения между Китаем и Россией в 2001–2006 годах. Диссертант описывает правовые основы взаимоотношений между странами и разработку основ стратегического партнёрства между КНР и РФ. Он рассматривает вопросы политического, военного и гуманитарного сотрудничества, а также развитие экономических связей. Работу отличает объемный, комплексный анализ всех направлений сотрудничества. В историографическом обзоре диссертант отмечает, что в российском сегменте исследований представлены две противоположные точки зрения на сотрудничество России и Китая: позитивно-деловая и скептическая. Много внимания сотрудничеству двух стран уделяют в Китае. В КНР созданы специальные научно-исследовательские учреждения, которые занимаются изучением комплекса вопросов, связанных с эволюцией отношений двух стран (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии в Пекине и Институт России в Харбине). Несмотря на сотни публикаций по теме российско-китайских отношений, автор замечает, что не заполнены целые лакуны, поэтому требуется серьезная научная проработка вопросов двухсторонних отношений. Среди особенностей «доверительного партнёрства» он отмечает высокую степень политического сотрудничества и сравнительно низкую – экономического (со своей стороны мы можем предположить, что это вызвано низкой емкостью российского рынка). Эти две диссертации показывают возросший уровень научных исследований по тематике российско-китайских отношений.

Если конкретизировать рассмотрение двусторонних экономических отношений, мы увидим, что пути и направления функционирования ТЭК России в большей степени исследовали экономисты (Морозов А.И., 2008)[7]. В диссертации А.И. Морозова рассматриваются возможности и перспективы экспорта российских энергоносителей в Китай. Автор затрагивает следующие проблемы: роль России в обеспечении региональной и глобальной энергетической безопасности; формы двустороннего сотрудничества в сфере энергетики; нефтяной рынок Китая и прогнозы его развития; потенциал и специфику ТЭК Дальнего Востока и варианты экспортных поставок в Китай. Сотрудничество двух стран рассматривается также в формате интеграционных группировок – «Шанхайской пятёрки», а затем ШОС. А.И. Морозов даёт оценку итогов, возможностей и перспектив развития сотрудничества России и Китая в области нефтеэкспорта; пытается выявить закономерности, направления и условия повышения эффективности механизма сотрудничества в энергетической сфере. Несмотря на то, что он анализирует межрегиональное и приграничное сотрудничество, работа может быть интересна и полезна для конкретизации текущих процессов. В своей работе Ф.Ф. Бутаев анализирует развитие экспорта российского природного газа в страны АТР (Бутаев Ф.Ф., 2009)[8]. Интересным в ней является оценка влияния процессов глобализации на развитие рынков АТР; оценка потребности Китая в импорте газа; характеристика ресурсной экспортной базы России. Автор предлагает прогнозные сцена-

[6] Чжоу Цзяньин. Эволюция взаимоотношений между Китаем и Россией 2001–2006 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 188 с. / Zhou Jianying. The evolution of relations between China and Russia 2001–2006: Dis. ... Cand. of Science (History). Vladivostok, 2010. 188 p.

[7] Морозов А.И. Возможности и перспективы экспорта российских энергоносителей (нефти) в Китай.: дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 153 с. / Morozov A.I. Opportunities and prospects for the export of Russian energy resources (oil) to China .: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2008. 153 p.

[8] Бутаев Ф.Ф. Развитие экспорта российского природного газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона: геоэкономический аспект: на примере Китая и Японии: дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 205 с. / Butaev F.F. The development of exports of Russian natural gas to the countries of the Asia-Pacific region: geo-economic aspect: the example of China and Japan: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2009. 205 p.

рии развития российско-китайского сотрудничества.

В новой России крупными экономическими игроками стали частные или частно-государственные компании (на Западе они действовали и раньше). Поэтому понятен интерес исследователей не только к государствам как к акторам внешней политики, но и к крупным корпорациям. Диссертация Е.С. Ефименко (Ефименко Е.С., 2009)[9] как раз и анализирует деятельность Газпрома, BP, Shell, Cedigas, China. В этой работе есть чёткий экономический уклон, но иногда знание конкретики даёт более глубокое понимание общих процессов. Автор провела сравнительный анализ рынков природного газа Китая, Кореи и Японии; предложила схемы организации экспорта российского природного газа и СПГ из Восточной Сибири и Якутии в страны Азии; рассчитала коммерческую и бюджетную эффективность предложенных схем; определила сильные и слабые стороны российских нефтегазовых компаний. Основные предложения могут быть использованы при формировании энергетической и внешнеэкономической стратегии России, что безусловно повышает практическую значимость работы.

При формировании двусторонних отношений каждое государство должно осознавать свои национальные интересы и вырабатывать взаимоприемлемые решения. Пониманию этого нередко служат научные исследования. Так, М.В. Потапенко в своей диссертации рассматривает тему экономических интересов России в системе внешнеторговых отношений с Китаем (Потапенко М.В., 2013)[10]. В системе отношений России с Китаем она акцентирует внимание на специфике торговых отношений; показывает роль приграничной торговли; анализирует факторы динамики взаимной торговли; предлагает сценарии развития внешнеторговых отношений с учетом экономических интересов России.

В 2007 году А.В. Яныгиным была защищена диссертация на тему «Россия – Китай: взаимодействие в отраслях топливно-энергетического комплекса» (Яныгин А.В., 2007)[11]. В ней автор выделяет основные предпосылки взаимодействия в этой сфере, анализирует правовую базу сотрудничества, приводит фактический материал по работе с основными поставщиками сырья, указывает перспективы развития отношений. Автор приходит к выводу о том, что дальнейшее развитие экспорта энергетических ресурсов является одним из приоритетов долгосрочного сотрудничества между Россией и Китаем.

Определенные изменения за последнее десятилетие произошли не только в России, но и в Китае. И это находит отражение в том, что билингвальные исследователи имеют определенные преимущества при изучении двусторонних отношений. Китайские диссертанты смело и свежо смотрят на двустороннние отношения. В работе Го Цзяньцзюнь рассматриваются вопросы модернизации нефтегазового комплекса Китая на современном этапе (Го Цзянцзюнь, 2003)[12]. В Китае развитие нефтегазовой отрасли получило новое развитие в контексте экономических реформ. Рассматриваются вопросы становления корпоративной структуры и направления совершенствования управления. При этом учитывается опыт реструктуризации нефтегазового комплекса России. Автор осветил специфику развития нефтегазового ком-

[9] Ефименко Е.С. Стратегия российских нефтегазовых компаний на рынке природного газа стран СВА: Китая, Республики Корея, Японии: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2009. 219 с. / Yefimenko E.S. The strategy of Russian oil and gas companies in the natural gas market of the countries of Northeast Asia: China, Republic of Korea, Japan: dis. ... Cand. of Science (Economy). SPb., 2009. 219 p.

[10] Потапенко М.В. Экономические интересы России в системе внешнеторговых отношений с Китаем: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 198 с. / Potapenko M.V. Russia's economic interests in the system of foreign trade relations with China: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2013. 198 p.

[11] Яныгин А.В. Россия – Китай: взаимодействие в отраслях ТЭК: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 158 с. / Yanygin A.V. Russia – China: interaction in the fuel and energy sector: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2007. 158 p.

[12] Го Цзянцзюнь. Модернизация управления нефтегазовым комплексом Китая: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 190 с. / Guo Jiangjun. Modernization of management of China's oil and gas complex: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2003. 190 p.

плекса в Китае, которая выражается в противоречии между растущими объемами добычи нефти и газа и растущей импортной зависимостью экономики Китая от поставок из-за рубежа. Диссертант обратил внимание на главенствующую роль государства в деятельности крупнейших вертикально интегрированных компаний, принадлежащих государству. Особое внимание он уделил экономическим стимулам в повышении эффективности работы. Работа вполне отражает современное понимание стратегии и тактики развития нефтегазовой отрасли.

В работе Ли Цзиньжу рассматривается стратегия энергетической безопасности Китая в первой половине XXI века (Ли Цзиньжу, 2006)[13]. Автор хорошо представляет мировой рынок энергоресурсов, а также тенденции и перспективы его развития. Он видит также различия в стратегии главных игроков энергетического рынка: США, ЕС, России, ОПЕК. Диссертант показывает основные направления формирования энергетической стратегии Китая, выявляя плюсы сотрудничества между Россией и Китаем. Своими особенностями обладают и отношения Китая со странами Центральной Азии. Затрагиваются отношения в области энергетики в рамках ШОС.

Китай взаимодействует в энергетической сфере не только с Россией. Он занимает такое географическое положение, которое позволяет ему налаживать плотные контакты с другими государствами. И это также стало предметом исследования. В 1985 году К. Павлик защитил диссертацию на тему «Китайский фактор в международных отношениях в Южной Азии (1965–1982)». В ней описаны только намечавшиеся новые тенденции развития международных отношений Китая с Индией, Бангладеш, Бутаном и Шри Ланкой. В известной мере эта работа проложила дорогу другой диссертации, в которой конкретизированы вопросы энергетического сотрудничества с Юго-Восточной Азией – работе Д.В. Хрисанфовой (Хрисанфова Д.В., 2012)[14]. В первой главе автор рассматривает энергетическую политику в контексте развития КНР. Во второй главе анализируется сотрудничество Китая со странами Южной и Юго-Восточной Азией в контексте осуществления стратегии «нитка жемчуга» (сюда входят такие страны, как Пакистан, Шри-Ланка, Мьянма, Бангладеш). Китай сотрудничает не только с крупными державами, вроде России, но и малыми и проблемными государствами региона Индийского океана, для обеспечения безопасных энергокоридоров в условиях растущей зависимости от импорта углеводородов. Здесь Китай использует традиционную «мягкую силу» и местный менталитет.

На быстро развивающийся китайский энергетический рынок стремятся выйти разные игроки. Однако для устойчивого развития очень важны безопасность и стабильность энергопоставок. Китай взаимодействует с другими странами не только в рамках двустороннего сотрудничества, но и в рамках ШОС. Шанхайская организация сотрудничества в момент её становления в 2001 году включала в себя Россию, Китай, Казахстан, Киргизию, Узбекистан и Таджикистан. Именно этот формат организации рассмотрен в диссертации Лю Цянь (Лю Цянь, 2009)[15]. Интересы Китая и стран-членов ШОС в энергетической сфере во многом совпадают. Это выражается в создании и ведении межгосударственных проектов: строительстве нефте- и газопроводов, строительстве мощностей по переработке углеводородов, совместной добыче сырья. Автор подчеркивает важность топливно-энергетического комплекса (ТЭК) для развития Китая: в 2008 году

[13] Ли Цзиньжу. Стратегия энергетической безопасности Китая в первой половине XXI века: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 164 с. / Li Jinzhu. The strategy of energy security of China in the first half of the 21st century: dis. ... Cand. of Science (Economy). M., 2006. 164 p.

[14] Хрисанфова Д.В. Политика Китая в Южной и Юго-Восточной Азии: проблема безопасности энергокоридоров: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 218 с. /Khrisanfova D.V. Chinese policy in South and Southeast Asia: the problem of energy corridors security: dis. ... Cand. of Science (History). Tomsk, 2012. 218 p.

[15] Лю Цянь. Страны Шанхайской Организации сотрудничества в энергетической стратегии Китая: автореф. дис ... канд. экон. наук. М., 2009. 28 с. / Liu Qian. Shanghai Cooperation Organization Countries in China's Energy Strategy: author. dis ... Cand. of Science (Economy). M., 2009. 28 p.

предприятия ТЭК обеспечили более 40 % налоговых поступлений в бюджет КНР. В работе отмечено, что бурный рост экономики страны в начале XXI века привел к формированию дисбалансов и проблем. Острой остается высокая зависимость от импорта нефти, причем более половины его приходится на небезопасные танкерные перевозки из Саудовской Аравии, Анголы, Омана и других стран. Высокая доля угля – 70 % – в структуре энергобаланса, в основном добываемого внутри страны, вызывает большую нагрузку на транспорт и загрязнение окружающей среды. Проблемой является и низкая эффективность использования энергоносителей. Единая энергетическая система страны пока не сформирована.

Лю Цянь отмечает, что российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики расширяется. Основу взаимовыгодных отношений составляют межгосударственные соглашения. Естественное соседство с Россией ведет к увеличению товарооборота, в том числе, к увеличению экспорта нефти Китаем. «Роснефть», «Лукойл», «Газпромнефть» активно сотрудничают с китайскими партнерами. Важным является строительство нефтепровода «Сковородино-Мохэ» как ответвления ВСТО («Восточная Сибирь – Тихий океан»), создание совместных предприятий в Удмуртии и Иркутской области. При этом подчеркивается важность для Китая альтернативных проектов с Казахстаном, Узбекистаном, Туркменией. По мнению автора, ШОС способствует улучшению обстановки и усилению сотрудничества сопредельных государств, а Россия является наиболее перспективным партнером.

Последнее утверждение находит своё развитие и подтверждение в диссертации И.Н. Артемьева (Артемьев И.Н., 2010)[16]. Ковыктинское газоконденсатное месторождение (КГКМ) находится в Иркутской области и является чрезвычайно перспективным. Его запасы составляют 2,71 трлн. кбм. газа и 90,6 млн тонн газового конденсата. Еще в 1999 году в Москве было подписано Генеральное соглашение по разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) строительства трубопровода с Ковыкты в Китай. Однако на этом пути были серьезные проблемы. Автор, имевший возможность анализировать внутренние документы компании «РУСИА-Петролеум», владевшей правом разработки КГКМ, показывает значительные изменения в государственной политике России, касающейся реализации столь масштабных проектов. Фактически в течение десяти лет государство, осознавшее важность стратегических отраслей промышленности, преодолевало юридические, политические и экономические последствия развала 1990-х годов. «Эффективный» иностранный собственник за десятилетие ни на шаг не приблизился к реализации проекта освоения Ковыкты. Только с момента перехода КГКМ под контроль «Газпрома» началось реальное освоение сибирских углеводородов. По мнению автора, межгосударственные отношения в лице национальных корпораций дают большие гарантии реализации масштабных проектов. Сегодня предусматривается строительство 514 эксплуатационных скважин, в том числе – 289 за первые 25 лет промышленной разработки. Ввод КГКМ в промышленную эксплуатацию намечен на 2022 год, а выход на проектную мощность – в 2033 году. Поставки газа с Ковыктинского месторождения и Чаяндинского месторождения в Якутии станут ресурсной базой магистрального газопровода «Сила Сибири», запускаемого уже в 2019 году.

Вообще вопросы трансграничного сотрудничества давно привлекают исследователей. Так, в работе В.Б. Базарова (Базаров В.Б., 2008. С. 131–136) рассматривалось формирование устойчивых связей и тесное взаимодействие в Восточной Азии, а В.А. Кокшаров делал акцент на анализе сотрудничества сопредельных государств Центральной Азии (Кокшаров В.А., 2013. С. 96–101). В последнее время Китай уделяет большое внимание развитию своих западных районов и выстраиванию международных отношений на этом направлении. В статье Ван Ч. и Е.В. Савкович (Ван Ч., Савкович Е.В., 2018. С. 38–42) формулируют концепцию сотруд-

[16] Артемьев И.Н. Международное сотрудничество в освоении Ковыктинского газоконденсатного месторождения: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 234 с. / Artemyev I.N. International cooperation in the development of the Kovykta gas condensate field: dis. ... Cand. of Science (History). Irkutsk, 2010. 234 p.

ничества двух стран и указывают основные направления и средства решения задач по углублению международных, в том числе экономических отношений. В связи с постепенной проработкой китайской стратегии «Один пояс – один путь» исследователи также осваивают новое научное поле. И.Д. Чубарова и Д.Г. Калашникова (Чубаров И.Г., Калашников Д.Б., 2018. С. 25–63) отмечают настойчивость Китая в желании переформатировать мировую экономику под себя, а О.В. Марченко с соавторами (Марченко О.В., Подковальников С.В., Савельев В.А., Соломин С.В., Чудинова Л.Ю., 2018. С. 18–29) считают, что и Россия должна себя найти в евразийском энергетическом суперобъединении.

Сегодня вопросы российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики активно и многосторонне осваиваются исследователями двух стран. Так, рассматриваются проблемы и перспективы взаимодействия в области энергетики, особенности российско-китайского энергетического диалога. Общим как для российских, так и для китайских исследователей является понимание того, что даже на двусторонние отношения влияет множество факторов. С одной стороны, это общая направленность экономической политики России и Китая, отношения между государствами и корпорациями внутри стран. С другой стороны, это факторы, не зависящие от каждой из двух стран: политика «мирового гегемона» – США; международные конфликты в нефтедобывающих странах – экспортерах нефти в Китай; «сланцевая революция»; опасность морских путей доставки углеводородов в Китай; «цветные революции» в развивающихся странах и другое. В-третьих, конкуренция между Россией и странами Средней Азии за поставки углеводородного сырья в страны Юго-Восточной Азии и Китай. Авторы стараются разобраться в хитросплетениях мировой экономической политики и дать определенные оценки и рекомендации. Главными направлениями экономической стратегии Китая, в том числе, энергобезопасности, они видят следующее: диверсификацию источников поставки углеводородов; освоение собственных энергоресурсов; ускорение развития альтернативных углеводородному сырью ресурсов; внедрение достижений научно-технического прогресса, включая энергосбережение; создание стратегических запасов нефти; совершенствование системы реагирования на чрезвычайные ситуации; совершенствование механизмов управления и формирования энергетического рынка; расширение международного сотрудничества; охрану окружающей среды (Демина О.В., Огнев А.Ю., 2015. С. 141–147).

В настоящее время очень актуальными становятся вопросы экологии и охраны окружающей среды, поэтому выводы и рекомендации ученых находят выражение в многочисленных публикациях. В ряде работ А.М. Мастепанова, в частности, в статье «Китай на пути к малоуглеродной энергетике» (Мастепанов А.М., 2018. С. 21–26) рассмотрены условия и пути решения сложной проблемы снижения антропогенной нагрузки на природу, в частности, уменьшение выбросов парниковых газов. Китай предпринимает серьёзные усилия по диверсификации структуры энергоносителей с тем, чтобы избежать нанесения серьёзного вреда природе. И.П. Глазырина отмечает, что в китайских официальных документах нашли отражение современные научные подходы к экологии и стремление обеспечить экологический баланс (Глазырина И.П., 2018. С. 34–42).

Тесные политические и экономические связи России и Китая создают преференции для китайской стороны на совершенно новых направлениях сотрудничества. Освоение Арктики Россией вызывает интерес у многих стран, в том числе у Китая. Сюй Г. (Сюй Г., 2016. С. 52–62) рассматривает интересы и политику Китая в этом вопросе в контексте истории и современности. А.В. Загорский отмечает, что у каждой стороны могут быть как сходные позиции, так и разногласия в решении общих вопросов (Загорский А.В., 2016. С. 63–71). Некоторые российские (Миськова Е.В., 2016. С. 83–107) и европейские (Вигет Э., Балалаева О.Э., 2014. С. 38–72) авторы довольно пессимистично смотрят на вторжение цивилизации в хрупкие регионы Арктики и Субарктики, говорят о противоречиях между жаждой ресурсов и экологией природы и традиционных обществ Севера. Совместные проекты России и Китая по извлечению и транспортировке углеводо-

родов в промышленно развитые регионы не должны наносить вред симбиозу коренных народов с природой.

Очень часто вопросы энергетического сотрудничества обсуждаются на научных конференциях в приграничных городах России и Китая, например, в Благовещенске, Хэйхе, Владивостоке и др. Так, например, Цзя Юаньпэй (Цзя Ю., 2018. С. 29–34) отметил, что одна треть документов об экономическом сотрудничестве двух стран касается сферы энергетики. По его мнению, приоритетами взаимной дипломатии, в том числе России, являются:

– осуществление надёжных поставок энергоресурсов;

– укрепление позиций России на мировом рынке энергоресурсов как влиятельного игрока;

– отстаивание взаимных национальных интересов;

– повышение энергоэффективности всех отраслей национальной экономики;

– инновационное развитие энергетики;

– освоение ресурсов Арктики и формирование новых энергетических коридоров;

– повышение транспортной доступности на евразийском континенте.

Как исследователи, так и реальные политики видят в укреплении тесных экономических связей России и Китая большой потенциал.

Таким образом, мы видим, что вопросы в сфере энергетики являются не только экономической практикой Китая и России, но они постоянно подвергаются научному анализу и осмыслению. Дальнейшее развитие сотрудничества между странами, безусловно, требует дальнейших исследований. Сегодняшнее переформатирование отношений между крупными мировыми игроками, а также формирование нового технологического уклада потянет за собой и изменение в энергетической сфере. Это будет требовать и новых исследований.

Библиографический список

Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование: в 2 ч. Ч. 2 (1951–1970 гг.). Новосибирск, 1975. 272 с.

Базаров В.Б. Трансграничье Восточно-Азиатских регионов в евразийском взаимодействии // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 131–136.

Балдано М.Н. Промышленное развитие республики Бурятия в 1960–1985: итоги и проблемы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 160 с.

Ван Ч., Савкович Е.В. Формирование пояса развития в Синцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 94–99.

Вигет Э., Балалаева О.Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования (Национальный исследовательский Томский университет). 2014. № 4. С. 38–72.

Глазырина И.П. Экономический пояс Шёлкового пути: экологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 34–42.

Демина О.В., Огнев А.Ю. Развитие энергетического сотрудничества России и Китая: декларации и практика. // Энергетика России в XXI веке. Инновационное разви-

References

Alekseev V.V. *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. In 2 Pt. Pt. 2 (1951–1970 gg.). Novosibirsk, 1975, 272 p.

Bazarov V.B. Transboundary borders of the East Asian regions in the Eurasian interaction. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical messenger], 2008, no. 2 (19), pp. 131–136. (In Russ.).

Baldano M.N. *Promyshlennoe razvitie respubliki Buryatiya v 1960–1985: itogi i problem* [Industrial development of the Republic of Buryatia in 1960–1985: results and problems.]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2000, 160 p.

Van Ch., Savkovich E.V. Formation of the development belt in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC in the early 2010s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 55, pp. 94–99. (In Russ.).

Viget E., Balalaeva O.E. Oil, marginalization and eastern Khanty. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya (Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii universitet)* [Siberian Historical Research (National Research Tomsk University)], 2014, no. 4. pp. 38–72. (In Russ.).

Glazyrina I.P. Silk Road Economic Belt: Environmental Aspects. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, vol. 62, no. 1, pp. 34–42. (In Russ.).

Demina O.V., Ognev A.Yu. *Razvitie energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya: deklaratsii i praktika* [Development of energy cooperation between Russia and China:

тие и управление. Иркутск: изд-во ФГБУН Институт энергетики им. А.А. Мелентьева СО РАН, 2015. С. 141–147.

Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.

Зыков А.Н. Плюс электрификация. Партийное руководство электрификацией страны в условиях развитого социализма (1959–1975). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1976. 320 с.

Иманалиев М.С., Джоробекова А.Э. Концептуальные основы взаимоотношений Киргизстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «Экономического пояса Шёлкового пути» // Вестник Томского государственного университета: История. 2018. № 52. С. 38–42.

Кокшаров В.А. Трансграничное сотрудничество в Центральной Азии: постсоветский синдром // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 96–101.

Марченко О.В., Подковальников С.В., Савельев В.А., Соломин С.В., Чудинова Л.Ю. Россия в евразийской электроэнергетической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 18–29.

Мастепанов А.М. Китай на пути к малоуглеродной энергетике // Экологический вестник России. 2018. № 9. С. 21–26.

Миськова Е.В. Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 83–107.

Рабецкая З.И. КПСС – организатор борьбы за ускорение темпов научно-технического прогресса в промышленности Восточной Сибири в период развитого социализма (1959–1970). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. 236 с.

Комогорцев И.И. Сибирь индустриальная. Новосибирск: Наука, 1968. 230 с.

Сюй Г. Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 52–62.

Цзя Ю. Текущее состояние и перспективы российско-китайского сотрудничества в сфере энергетики // История, политология, социология, философия: теоре-

declarations and practice]. *Energetika Rossii v XXI veke. Innovatsionnoe razvitie i upravlenie* [Energy of Russia in the XXI century. Innovative development and management]. Irkutsk: FGBUN Institut energetiki im. A.A. Melent'eva SO RAN Publ., 2015, pp. 141–147. (In Russ.).

Zagorskii A.V. Russia and China in the Arctic: real or perceived differences. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2016, vol. 60, no. 2, pp. 63–71. (In Russ.).

Zykov A.N. *Plyus elektrifikatsiya. Partiinoe rukovodstvo elektrifikatsiei strany v usloviyakh razvitogo sotsializma (1959–1975)* [Plus electrification. Party leadership in the electrification of the country under developed Socialism (1959–1975)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 320 p.

Imanaliev M.S., Dzhorobekova A.E. Conceptual Principles of Relations between Kyrgyzstan and China in the Light of Xi Jinping's Initiative on the Joint Construction of the Silk Road Economic Belt. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Bulletin: History], 2018, no. 52, pp. 38–42. (In Russ.).

Koksharov V.A. Transboundary Cooperation in Central Asia: Post-Soviet Syndrome. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2013, no. 2 (39), pp. 96–101. (In Russ.).

Marchenko O.V., Podkoval'nikov S.V., Savel'ev V.A., Solomin S.V., Chudinova L.Yu. Russia in Eurasian Electric Power Integration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, vol. 62, no. 6, pp. 18–29. (In Russ.).

Mastepanov A.M. China on the road to low-carbon energy. *Ekologicheskii vestnik Rossii* [Ecological Bulletin of Russia], 2018, no. 9, pp. 21–26. (In Russ.).

Mis'kova E.V. Leviathan: discursive dependence on oil. From resource to metonymy and back. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2016, no. 4, pp. 83–107. (In Russ.).

Rabetskaya Z.I. *KPSS – organizator bor'by za uskorenie tempov nauchno-tekhnicheskogo progressa v promyshlennosti Vostochnoi Sibiri v period razvitogo sotsializma (1959–1970)* [CPSU – the organizer of the struggle for accelerating the pace of scientific and technological progress in the industry of Eastern Siberia in the period of developed Socialism (1959-1970)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe Publ., 1981, 236 p.

Komogortsev I.I. *Sibir' industrial'naya* [Industrial Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1968, 230 p.

Syui G. China's interests and policies in the Arctic: history, legal framework and implementation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2016, vol. 60, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.).

Tszya Yu. *Tekushchee sostoyanie i perspektivy rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva v sfere energetiki* [The current state and prospects of Russian-Chinese cooperation

тические и практические аспекты. Сб. ст. по материалам IX Международно-практической конференции. Новосибирск, 2018. С. 29–34.

Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект, 70–80-е годы). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1991. 176 с.

Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь» глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–63.

Сведения об авторе

Чжан Цзя Цзюнь,
аспирант кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: 314372557@g.g.com

Критерии авторства

Чжан Цзя Цзюнь выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

in the field of energy]. *Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Sb. st. po materialam IX Mezhdunarodno-prakticheskoi konferentsii* [History, political science, sociology, philosophy: theoretical and practical aspects. Proceedings of the IX International Practical Conference]. Novosibirsk, 2018, pp. 29–34. (In Russ.).

Tsykunov G.A. *Angaro-Eniseiskie TPK: problemy i opyt (istoricheskii aspekt, 70–80-e gody)* [Angara-Yenisei Territorial Industrial Complex: Problems and Experience (Historical Aspect, 70–80s)]. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1991, 176 p.

Chubarov I.G., Kalashnikov D.B. "One belt is one way" globalization in Chinese *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, vol. 62, no. 1, pp. 25–63. (In Russ.).

Information about the author

Zhang Jia Jun,
post-graduate student of the Department of World History and International Relations,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: 314372557@g.g.com

Attribution criteria

Zhang Jia Jun carried out research work, made a synthesis based on the results obtained, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 141.82
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-267-277

Исторические перспективы идеи коммунизма

© И.Д. Третьяков, А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Рассматривается исторический контекст идеи коммунизма с точки зрения ее возможной связи с развитием общества. Анализируется теоретическое содержание идеи коммунизма и ее направленность как ценностной системы. Показывается, что в содержательном отношении идея коммунизма преимущественно отрицательна, выступает как критика и отказ от определенных социальных условий и ценностей. Отрицательность идеи коммунизма оказывается тесно связана с утопичностью, но при этом подчеркивается, что утопичность коммунизма задается не *содержанием* его как идеи, а требованием полного *воплощения* этого содержания в определенной исторической действительности. Поэтому предлагается вопрос об утопичности идеи коммунизма заменить на вопрос о степени ее осмысленности. Выделяются исторические стадии утопичности идеи коммунизма, где под стадией утопичности понимается то базовое условие, без которого воплощение идеи коммунизма представлялось в ту или иную эпоху невозможным. Историческая перспектива идеи коммунизма связанна с положительными моментами, которые она утверждает. Особая значимость придается рассмотрению роли трудовой деятельности, осуществляемой свободно и открывающей человеку сферу возможного. Затрагивается вопрос исторической оценки такой важной составляющей коммунизма как марксизм, связи марксизма с идеологией и неоднозначности ответа о будущем коммунизма как учения. В качестве вывода даются два варианта дальнейшего существования идеи коммунизма: 1) «зеркального», только отражающего, но не создающего образ социального устройства; и 2) самостоятельного, когда коммунизм, развивая немногие положительные моменты, содержащиеся в его учении, сможет создать те образы будущего, которые привлекут к себе внимание общества и станут определяющими.

Ключевые слова: коммунизм, идея, идеал, утопия, стадии утопичности, труд, марксизм, идеология, совершенный человек

Информация о статье: Дата поступления 12 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 10 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Третьяков И.Д., Шафоростов А.И. Исторические перспективы идеи коммунизма. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 267–277. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-267-277.

Historical perspective of the ideas of Communism

© Ivan D. Tretyakov, Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The historical context of the idea of communism from the point of view of its possible connection with the development of society is considered. The theoretical content of the idea of communism and its orientation as a value system are analyzed. It is shown that the idea of Communism is predominantly negative in its content, it acts as a criticism and rejection of certain social conditions and values. The negativity of the idea of communism is closely connected with Utopianism, but it is emphasized that the Utopianism is not defined by its content as an idea, but by the requirement of the full implementation of this content in a certain historical reality. Therefore, it is proposed to replace the utopianism of the idea of Communism with the question of the degree of its meaningfulness. The authors identify the historical stages of Utopianism of the idea of Communism, where the stage of Utopianism is understood as the basic condition, without which the embodiment of the idea of Communism seemed impossible in an every particular era. The historical perspective of the idea of Communism is connected

with the positive aspects that it claims. Special importance is given to the consideration of the role of the labor activities freely doing and opening for the people the realm of the possible. The authors touch the question of historical evaluation of such an important component of Communism as Marxism, the connection of Marxism with ideology and ambiguity of the answer about the future of Communism as a doctrine. As a conclusion, two variants of the further existence of the idea of Communism are given: 1) "mirror" only reflecting, but not creating a social device, and 2) independent developing, when Communism rising the few positive aspects contained in its teaching, can create those images of the future that will attract the attention of society and become decisive.

Keywords: Communism, ideal, idea, utopia, stages of Utopianism, labor, Marxism, ideology, perfect man

Article info: Received November 12, 2018; accepted for publication December 10, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Tretyakov I.D., Shaforostov A.I.Historical perspective of the ideas of Communism. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 267–277. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-267-277.

Есть ли у идеи коммунизма будущее, т. е. каковы ее исторические перспективы? Это главный вопрос, задающий цель нашей работы. Ответ на этот вопрос предполагает рассмотрение двух моментов: 1) что выражает идея коммунизма; 2) на что она направлена.

Тема исторической перспективы идеи (идеалов) коммунизма достаточно актуальна в современной литературе, в первую очередь, публицистической, но и исследователи не оставляют ее без внимания (Мареева, Мареев, Гнилозуб, 2016). Причины этого вполне очевидны – жизнь современного общества полна проблем социального, политического и экономического рода, возникают кризисы мирового масштаба (кризис 2008 г.). Проблематичность и даже кризисность современного общества, основанного на капитализме, заставляет многих авторов вновь и вновь бросать взгляды в сторону возможных альтернатив капитализма – и одной из таких альтернатив по традиции выступает коммунизм. Однако серьезного исследования идеи коммунизма именно как теории нет, хотя отдельные аспекты коммунистического учения (в первую очередь, Маркса) привлекают внимание исследователей (Рокмор, 2016). Будет интересно задаться вопросом – почему сложилась такая ситуация, когда коммунизм не привлекает исследователей в качестве предмета теоретического рассмотрения? И это также является составной частью цели нашей статьи.

Для достижения названной цели необходимо решить следующие основные задачи: 1) проанализировать направленность идеи коммунизма, к чему она стремится и от чего отказывается; 2) выявить ее социальные основания; 3) определить потенциал коммунизма как идеи.

Начать хотелось бы с главного, что вообще понимается под идеей и насколько правомерно говорить об идее в отношении коммунизма? Так как понятие идеи восходит к Платону, то видится уместным использовать понимание идеи в том контексте, который задан в платоновских текстах: идея – это некая мысль, образец, способная порождать бесконечное количество других, производных мыслей. И вряд ли случайно, что модное сегодня слово «концепт» (буквально, с латинского – «схватывание») практически не применяется к учению коммунизма. Коммунизм изначально провозглашен как некий идеал, освещающий далеко идущий путь, а вот схватить его, конкретизировать, привязать к нашему практическому, существующему «здесь-и-сейчас» – чрезвычайно трудно. Поэтому в принципе коммунизм близок, одно-два поколения – и все сбудется! Именно так были определены временные рамки В.И. Лениным (Ленин, 1969. С. 317).

Идеал коммунизма, определяющий его идейное содержание – это социальное равенство. В определенном смысле этот идеал вечен – он возникает в сознании людей и притягивает их с тех времен, когда возникло то, что питает идею коммунизма – социальное неравенство. Поэтому уже сейчас на вопрос о том, есть ли у идеи коммунизма

будущее, можно ответить вполне утвердительно – да, есть, пока есть социальное неравенство.

Проблема в том, что при таком подходе на первый план выступает *несамостоятельность*, или отрицательная зависимость идеала коммунизма от того, против чего он направлен, – то есть социальное неравенство. Хотя зачастую внешне коммунистическое учение выглядит вполне утвердительно. Так, Маркс пишет: «…коммунизм есть *положительное* выражение упразднения частной собственности», т. е. «на первых порах он выступает как *всеобщая* частная собственность» (Маркс, 1974. С. 114), но за положительной формой скрывается все то же отрицание. Отрицание не только в упразднении, но и в растворении частного во всеобщем. Для Маркса большой проблемой было преодоление в теории коммунизма таких неизбежных следствий в экономике как отчуждение и уравнительность (Самарская, 2004. С. 80). Как здесь ни вспомнить известное – «все и ничто – одно и то же»!

Новая философская энциклопедия (НФЭ), изданная в 2010 г., говорит следующее: «Коммунистических по своей природе идей придерживались первые христиане, которые защищали и практиковали общинную собственность, рассматривая частный интерес как противоречащий духу своего учения» (Новая философская энциклопедия, 2010. С. 279). Да, отрицательность (отказ от частной собственности) дополняется положительностью – призыв к общинной собственности. Интересно, что в НФЭ коммунизм определяется как социально-философская *модель,* а не учение, хотя и говорится о коммунистических идеях. Вообще в НФЭ определяющей чертой античного и средневекового коммунизма является собственность. Но коммунизм не сводится к идее собственности. А. Зиновьев справедливо замечает: «…возьмем вопрос о собственности. Действительно, при коммунизме нет частной собственности на средства производства. Но сказать это, значит, ровным счетом ничего не сказать о том, что же есть в этом обществе на самом деле» (Зиновьев, 1994. С. 46).

Далее в НФЭ признается, что коммунизм у классиков – Маркса и др. – не теория, а *критика*. Однако создание бесклассового общества – это тоже отрицательность (отказ от классов). То же и в отношении свободы – отрицательное понимание свободы как свободы от произвола, эксплуатации и т. п. Ко всему перечисленному добавляется и такой важный пункт как отказ от государства. Но все-таки есть и положительное – утверждение единства индивида с родом (Новая философская энциклопедия, 2010. С. 280–281).

Поэтому признание, что вечность идеала коммунизма задается воплощаемым в нем стремлением к отказу от социального неравенства мало что дает для осмысления идейного содержания коммунизма. Между идеалом и идеей всегда есть значимые различия: идеал призван задать направление, образно показать к чему следует идти, идея же должна иметь содержание, понятийное осмысляемое и выразимое (Рачков, 1995. С. 23).

Здесь возникает необходимость рассмотрения идеи коммунизма с точки зрения его связи с утопией. Идея коммунизма привлекала и привлекает внимание человека и общества тем, что влияет на то, как человек видит и выражает сферу потенциального, возможного бытия. Главная роль идеалов в том, что они в достаточно понятной для каждого человека образной форме выражают то, что человек может и должен делать, то есть идеалы представляют собой своеобразные «узловые метки» сферы возможного, открывающейся человеку. Проблема утопизма же заключается в том, что принципиальная недостижимость идеала как предельного совершенства изначально ставит вопрос о целесообразности обращения к ним в рамках практической деятельности. Эта предельность задана уже на уровне определения «идеала» как слова – «мысленный образец совершенства чего-либо…; образец-мечта» (Даль, 1989. С. 8).

Существенной характеристикой идеала как понятия является тесная связь идеала с идеей и целью. Для Гегеля при рассмотрении связи идеала и идеи на первое место выступал принцип разумной действительности: «Идеал – это идея, рассматриваемая со стороны ее *существования*, соответствующего понятию. Идеалом является, следовательно, всякая действительность в своей наивыс-

шей истине» (Гегель, 1973. С. 143). Что же касается связи идеала с целью, то в этом проявляется ценность идеала как выражения атрибутов *должного* в различных сферах общественной жизни.

Далеко не каждый идеал оказывается утопическим. Утопичность привносится в том случае, если происходит слияние идеала и цели. Однако между этими понятиями существует серьезное различие. Понятие «цель» содержит следующие смысловые аспекты: 1) цель как предвосхищаемый *результат;* 2) значимость этого результата, т. е. *ценность;* 3) *смысл*, связывающий достижение конкретной цели со всей деятельностью человека. Понятие идеала по своему содержанию частично совпадает с понятием цели, но включает в себя лишь две последние характеристики. В утопии идеал представляет собой конечную цель или точку развития общества (Черткова, 1996. С. 175).

Таким образом, в применении к рассматриваемой нами идеи коммунизма утопичность задается не *содержанием* идеи, а требованием полного *воплощения* этого содержания в определенной исторической действительности. Поэтому вопрос об утопичности идеи коммунизма должен быть заменен на вопрос о степени ее осмысленности.

Отсюда можно вывести два важных пункта в понимании идеала коммунизма. Идея коммунизма несводима только к идеальности как некой запредельности, мечтательности. Во-первых, несколько перефразируя Гегеля, можно сказать, что идеал – это «максимализация» действительности, т. е. каждый идеал хоть как-то, но связан с действительностью. Во-вторых, идея (идеал) коммунизма несет в себе возможность конкретизации в форме цели.

Возвращаясь к исходному вопросу об исторических перспективах идеи коммунизма, попробуем несколько скорректировать его, выделив аспект направленности идеи на действительность «перевернув» вопрос: насколько идея коммунизма утопична?

Обращение к рассмотрению идеи коммунизма с точки зрения ее утопичности представляется вполне логичным, так как утопичность была присуща коммунизму изначально. Хотя значение слова «утопичность» в общем смысле можно определить как «мечтательность и несбыточность», сама «несбыточность» включает как минимум два плана. Говоря о несбыточности каких-то идей, можно выделить следующее: 1) где они не могут сбыться; 2) где, при каких условиях это все-таки возможно. Так как идея коммунизма имеет длительную историю, то и «несбыточность коммунизма» имеет разную наполненность в зависимости от исторической эпохи.

Вообще же в понимании идеи коммунизма можно выделить следующие исторические стадии утопичности, если понимать под стадией утопичности то базовое условие, без которого воплощение идеи коммунизма представлялось невозможным. Первая – *религиозная*: это ранние христианские общины, где коммунизм представал как «внутреннее духовное единение и гармоническое настроение первых христиан», выражающееся «соответственным образом и во внешнем устроении жизни – в общении благ, в самоотверженной помощи людям бедным, нуждающимся» (Поснов, 1909. С. 739). Примечательно, что в цитируемой статье связь христианства и коммунизма принимается как вполне очевидная, предметом рассмотрения становится то, насколько принудительный характер носил отказ от своего имущества вступающими в общину.

Вторая стадия – *географическая*: остров Утопия Т. Мора. Причем автор «Утопии» прямо ссылается на христианские обычаи, усвоенные жителями острова Утопия (Мор, 1978. С. 91). Стоит отметить, что для XVI века (сочинение Мора «Золотая книга…» вышла в свет в 1516 г.) географическая отдаленность имела примерно тот же смысл, что для нас сегодня имеет космос, другие миры, инопланетные цивилизации и т. п. Вполне возможно, что обсуждение полета человека на Марс затронет вопросы о том, будут ли на Марсе деньги, частная собственность и т. д., и эти вопросы не будут представляться нам утопическими именно в силу своей «космичности».

Третья стадия – *социальная*: коммунизм достижим только новым человеком в новом обществе (социализм XIX в.). Принципиальным моментом здесь выступает обращенность к сознанию: безгра-

ничное развитие личности выдвигается как главнейшая ценность: «Всестороннее развитие личности становится важнейшим законов социалистического общества и одновременно его высшей целью» (Личность в XX в… С. 245). Собственно утопичность этой стадии в том, что новое общество должно быть построено новым человеком, а новый человек возможен только в новом обществе. И Маркс, стремясь разорвать этот замкнутый круг, в «Манифесте» выделяет пролетариат как основную движущую силу построения нового общества как раз в силу того, что пролетариат в минимальной степени связан со старым обществом (это тоже своего рода отрицательность), а не потому, что обладает свойствами нового человека (свободного созидателя): «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» (Маркс, 1948. С. 19).

И четвертая – *экономическая* стадия: коммунизм достижим только на основе нового вида собственности (XX в.). Признается, что полный отказ от собственности невозможен, какая-то собственность должна быть (национальная, общенародная, коллективная, государственная и т. п.). Завершение советского периода истории не означает завершения указанной стадии, сегодня она продолжается в Китае. Вполне допустимо, что в дальнейшем будет предложена новая стадия утопичности (условия достижения) коммунизма.

Что же касается содержания идеи коммунизма, то принципиальным моментом, возвышающим идею коммунизма над фантазией и бесплодными мечтаниями и тем самым придающим идеалу коммунизма реалистичность, является, на наш взгляд, утверждение значимости труда. Для коммунизма важно превращение труда в *деятельность*, «в которой совпадают целеполагание и целереализация» (Философский энциклопедический словарь , 1983. С. 269). Важнейшим моментом выступает именно целеполагание, без чего нельзя говорить о труде как осмысленной деятельности. Еще в Средние века встал вопрос о том, как различить труд подневольный, рабский и труд, достойный свободного человека. Это различие потребовалось для соблюдения заповеди христианской церкви о запрете рабского труда по воскресеньям и во время других религиозных праздников. Было предложено определение: «рабскими работами стали те, которые по существу выполнялись телом и предполагали физическое усилие, в то время как свободные работы выполнялись душой (мы сказали бы – разумом)» (Агацци, 2012. С. 7).

Здесь затрагивается одни из важных пунктов теории коммунизма, который и требует нового осмысления и в то же время несет в себе перспективу теоретического развития коммунизма. Коммунизм середины XIX века в работах К. Маркса и Ф. Энгельса исходил преимущественно из понимания труда как физического. Практика наших дней показывает, что умственный труд также может быть и подневольным и обессмысливающим. Разум в приведенной цитате скорее следует понимать не инструментально, как использование рационального сознания, а в более широком смысле – как осознанность.

Труд признается одним из важнейших условий развития человека не только в коммунизме. М. Фуко оценивал труд как необходимое условие преобразования человека в субъекта духовности, в того, кому открывается истина. И хотя Фуко говорит о труде над собой, называя его аскезой (Фуко, 2007. С. 28), эту мысль можно продолжить в том плане, что любой подлинный (свободный) труд направлен не только на преобразование внешнего мира, но и на преобразование субъекта труда.

Стоит подчеркнуть, что трудовая деятельность связана с продуктивным воображением, которое не только описывает *бытие*, но и создает *образы небытия*, то есть того, что: 1) либо еще не существует, но **должно** быть создано в ходе предметной деятельности человека; 2) либо **может** быть создано в каком-то отдаленном будущем и не тем, кто данный предмет вообразил. Тем самым связка «труд–воображение–небытие» оказывается важным элементом процесса развития человека как духовного существа, открывая и утверждая в его бытии сферу возможного.

Говоря о коммунизме как теории, нельзя не затронуть попытку его практического воплощения в марксизме.

«Марксизм умер» – один из самых расхожих тезисов противников марксизма. Теория Маркса оказалась ошибочной, не прошла проверку практикой, проигрыш «холодной войны» первым государством, провозгласившим своей целью построение коммунизма, распад этого государства – главные аргументы, призванные подтвердить этот тезис. Окончательные похороны, видимо, состоятся тогда, когда и другие государства, избравшие марксизм, как руководство к действию, постигнет та же участь.

Выдавать желаемое за действительность или возможное за действительность – грубейшее нарушение правил элементарной логики. Это, во-первых. Во-вторых, объявление умершим марксизм, изменивший ход мировой истории со второй половины XIX века вплоть до наших дней, не просто наивность, это невежество отвергающее саму историю. Сама история убедительно доказывает, что предпринимаемые попытки и призывы забыть ее или переписать заново обречены на провал. В-третьих, влияние марксизма на общественное сознание оказалось таким мощным, что его идеи составляют основу современных социальных и политических теорий, они буквально или в несколько трансформированном виде присутствуют практически во всех влиятельных направлениях современной философии. «Рукописи не горят», идеи не умирают, даже самые абсурдные находят своих приверженцев, может быть, к сожалению, но это так. И, наконец, в-четвертых, практика действительно является универсальным критерием истины, но в самом марксизме и не только в нем, в науке в целом, говорится и о том, что никакая практика не может с абсолютной точностью доказать или опровергнуть любую идею, не говоря уже о теории. Тем более, когда идет речь об общественной практике. Совершенная «ошибка» в ней – это не ошибка в школьной тетради, которую можно исправить, на практике она непоправима. Дальнейшая теория и практика строятся с учетом этой «ошибки». Возможно, это лишь один из этапов практической проверки. Возможно, ее время еще не пришло.

Другим аспектом «умершего марксизма» является утверждения, что теории марксизма нет вообще, это даже не учение, это религия, это модель, это бесплодная попытка практического переустройства общества, построения коммунистического общества в ходе полного отрицания капиталистического общества. Маркс не сформулировал основные положения своей теории, не представил научного обоснования гибели капитализма и т. д. При этом ссылаются на самого Маркса, на широко известное его заявление о том, что до него философы занимались лишь объяснением мира, а дело заключается в том, чтобы изменить его. Несостоятельность такого рода утверждений хорошо продемонстрирована Г.В. Плехановым, которого называют «отцом русского марксизма», в его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», написанной в 1894 году. Защищая марксизм в ходе критики взглядов своего главного оппонента Н.К. Михайловского, он совершенно справедливо подчеркивает: если даже, допустить, что Маркс не дал формулировок основных положений теории марксизма, мы сами могли бы их сформулировать, изучая его главный труд «Капитал» (Плеханов, 1949. С. 224–225). У марксизма есть все составляющие дедуктивно-аксиоматической теории, и именно такие теории признаются в науке как самые стройные и строгие теории.

Часто, отдавая должное Марксу, его именуют экономистом, политиком, но нельзя забывать о Марксе как о профессиональном философе, он защитил диссертацию по философии Древней Греции, он великолепно знал работы великих титанов мысли, на плечах которых, по его же словам, он стоял. На материалистическом понимании истории Марксом, его подходе к анализу общественных явлений явно сказалось влияние О. Конта, с его системным подходом к обществу, с его анализом динамических и статических общественных закономерностей и с его своеобразной призмой, сквозь которую надо смотреть на все общественные явления и процессы, такой призмой, по мнению основателя социологии как науки, являлась категория

труда. Все это есть в анализе капитализма у Маркса, но в качестве первичной клеточки он взял категорию товара, сквозь призму которой просвечиваются все явления свойственные капитализму.

Общие теоретические положения не могли присутствовать при написании вместе с Энгельсом, например, знаменитого «Манифеста Коммунистической партии», но то, что они были сформулированы, не вызывает никакого сомнения. Здесь надо отметить тот факт, что многие положения теории Маркса чрезвычайно трудны для понимания. Гегель справедливо отмечал, что сложность выражений философа – это не его прихоть, она диктуется сложностью бытия. Это замечание является актуальным для характеристики современной науки. Естественного языка для философии и науки явно недостаточно, он дополняется искусственным языком, языком знаков и символов, логики и математики, языком общения с электронными вычислительными машинами и т. д. Сложный профессиональный язык современной науки позволяет глубже и точнее отразить реальность. У Маркса свой язык и свой стиль мышления, их сложность для понимания зачастую часто усугублялась неточностями перевода с языка оригинала.

Попытки упростить марксизм, сделать его доступнее широким массам, чем занимались популяризаторы во многих странах, неизбежно искажали его. Именно такие искажения, которые были при жизни Маркса, явились поводом сказать ему: «Одно я знаю точно, что я не марксист». В настоящей статье нет необходимости говорить об искажении марксизма после смерти его основателя. Поверхностный подход к марксизму, которым страдали и выдающиеся ученые, сыграли свою роль, привели к противной самой сути марксизма, догматической трактовке его положений. Слова Ленина: «Марксизм не догма, а руководство к действию» остались лишь лозунгом, штампом и вступали в явное противоречие с действительностью.

В отдельном анализе (за рамками настоящей статьи) нуждается понятие «научный коммунизм». Если понятие «научный социализм» связывается в России с именем Плеханова, то рождение понятия «научный коммунизм» относится к шестидесятым годам прошлого века, когда на XXII съезде, в 1961 году, была принята третья программа Коммунистической партии СССР. Следует согласиться с мнением декана философского факультета МГУ В.В. Миронова, высказанным им относительно одной из трех частей, составляющих теорию марксизма – философии марксизма или марксистско-ленинской философии (термин введен Н. Бухариным): время признания научной только этой философии и отстаивание такой позиции неизбежно вело ее к слиянию с идеологией и превращению ее в догму. И далее констатирует, что понятие науки применительно к философии не работает, научность или ненаучность в философии – это всего лишь позиция автора и форма подачи материала (Интервью с … Мироновым В.В., 2014. С. 14). Вместе с тем нельзя давать только негативную оценку философии эпохи социализма. Нельзя забывать о том, что нигде и никогда философская литература не выходила такими тиражами, действительно половина населения Земли училась на учебниках марксизма-ленинизма, и положительное влияние и положительные результаты марксизма в целом и марксистско-ленинской философии в частности еще найдут должное обоснование.

Сказанное в полной мере можно применить и к дисциплине «Научный коммунизм». В 1962 году было открыто отделение научного коммунизма на философском факультете МГУ, его представляли четыре кафедры: кафедра мирового коммунистического движения, кафедра теории коммунистического воспитания, кафедра социологии и кафедра истории социалистических учений. В 1963 году появились кафедры научного коммунизма в вузах страны, которые в девяностые годы были преобразованы в кафедры политологии, что позволило сохранить педагогические кадры.

Еще одна позиция марксизма, которая подвергалась яростным атакам всегда и принявшая чудовищные масштабы сегодня, – это идеология марксизма. Особенно достается самому понятию «идеология». Это понятие приобрело ругательский оттенок. Делается все, чтобы выбросить за борт то, без чего общество не может существовать. Идеология определяется как система экономических, по-

литических, правовых, этических, религиозных, философских, эстетических взглядов, связанных с жизнедеятельностью людей и ее оценкой. Носителями идеологии выступают различные объединения людей, малые или большие группы, политические партии, фронты и движения. В марксизме идеологии придается классовый характер, носителями идеологии являются классы, между враждебными идеологиями буржуазии и пролетариата не может быть никаких компромиссов, в ходе классовой борьбы пролетариат уничтожает буржуазию и самого себя как класс. Будущий коммунизм – бесклассовое общество. Пролетариату нечего терять кроме своих цепей, приобретет же он весь мир. Как говорится, из песни слов не выкинешь. Согласно Марксу, так и только так можно идти к будущему общественному устройству.

Пожалуй, сама идеология и идеологическая борьба являются ареной самых яростных дискуссий, столкновением противоположных мнений и оценок. Где сейчас пролетариат? Если нет носителя идеологии, значит, нет и самой идеологии. Где классы? Если нет классов, значит, и нет классовой борьбы. Так рассуждать нельзя. По такой схеме можно утверждать все, что угодно, например, если нет веры в Бога, то нет и самого Бога. В марксизме самым главным моментом, характеризующим классы и различия между классами, является различное их отношение к собственности на средства производства. Из него проистекают другие различия, связанные с местом и ролью классов в обществе, их доходами и т. д. Если есть собственники средств производства и те, кто их не имеет, то будут и противоположные идеологии, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как это и прописано в марксизме.

Негативное восприятие понятия «идеология» в современной России, возможно, объясняется неверным истолкованием текста Конституции, который касается идеологии. В первой главе и в первом разделе этой главы, в статье 13 написано следующее: 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (Конституция РФ, 2009. С. 8). Из этих положений Конституции ясно, что идеология есть. Идеологическая мотивация явно присутствует в тех или иных практических действиях и решениях на государственном уровне касающихся самых различных сфер общественной жизни. Но говорить об этом почему-то не принято. Большинство россиян просто не знает, куда идет Россия, образ будущего не сформирован, ссылки на крайне высокую неопределенность будущего не состоятельны. У ведущих политических партий, включая правящую, нет удовлетворительной идеологии. А для политических партий наличие устава и программы, содержащий раздел, какой идеологией они руководствуются в своей деятельности, являются обязательным требованием. Правящая партия то заявляет устами представителей своего руководства, что ее идеология «центризм» и «консерватизм», то «правоцентризм» и «либеральный консерватизм», ничего кроме отрицательных эмоций эти, набившие оскомину клише, не вызывают. А главная оппозиционная партия своей идеологией больше тянет в прошлое, чем зовет в будущее. Возможно, чтобы не связывать себя с какой-то партийной идеологией, нынешний глава государства и пошел на президентские выборы как самовыдвиженец.

Вывод из всего изложенного связан с вопросом – «Есть ли будущее у марксизма?», поставленного в очередной раз в связи с 200-летием К. Маркса. Варианты ответов: – «Нет», характерны для тех, кто объявляет о его смерти и похоронах, и «Да», к сторонникам такого ответа примыкают и авторы настоящей статьи, предпринявшие попытку обосновать такую позицию. Есть еще один вариант ответа, сторонники которого ссылаются на один из законов диалектики – закон двойного отрицания или отрицание отрицания. Аргументация их такова: если взять капитализм как тезис, а отрицающий его социализм как антитезис, то должен быть и синтез, то есть, новое общественное устройство, которое возникнет на базе капитализма и социализма. В этом случае, как примеры, берется новая экономическая политика (НЭП), связанная с именем Ленина, реформы, проводимы в Китае и в других странах, процесс формирования «среднего класса»

взамен пролетариату, закономерности так называемого глобализма и др. Авторы такого подхода не знают, или делают вид, что не знают, что это лишь промежуточный этап на пути к коммунистическому обществу.

Итак, ответ на главный исходный вопрос – что выражает идея коммунизма? – достаточно прост: создание условий для появления «человека совершенного». Совершенным он становится: 1) потому что освобождается от сковывающих его условий социальной, экономической, политической несвободы; 2) своим трудом (своей деятельностью) достигает те цели, которые сам же и ставит. При ответе на второй исходный вопрос – на что направлена идея коммунизма? – обнаруживается проблема. Заключается она в том, что создание условий не может быть последней целью. Условия подчинены тому, для чего они создаются. Создание коммунистического общества – это создание условий. Для чего – остается без ясного ответа. В коммунистических учениях основной упор делается на процессе, в основном отрицательном по своему содержанию. Значит ли это, что коммунизм ведет в никуда и у него нет исторических перспектив?

Однозначно ответить на этот вопрос – то же самое, что предложить, например, однозначный ответ на вопрос о смысле жизни вообще. Стоит ли упрекать человека, что он учится, работает, создает семью и т. д. в том, что, создавая условия, он не имеет ясной цели своей жизни? Идея коммунизма важна тем, что заостряет внимание на сковывающих развитие человека условиях его жизни. И здесь видятся два варианта ответа на вопрос о будущем коммунизма как теоретического учения. Первый: коммунизм, реализуя свою критическую функцию, будет и дальше существовать, но не как самостоятельная сила, влияющая на жизнь общества, а как своеобразное зеркало, только отражающее, но не создающее образ. Второй: коммунизм, развивая те немногие положительные моменты, которые содержатся в его учении, сможет создать те образы будущего, которые привлекут к себе внимание общества и станут определяющими.

Библиографический список

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.

Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. 420 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. 868 с.

Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 500 с.

Интервью с деканом философского факультета МГУ Мироновым В.В. // Вопросы философии. 2014, № 1. С. 3–19.

Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юридическая литература, 2009. 64 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1969. Т. 41. С. 298–318.

Личность в XX в.: анализ буржуазных теорий / отв.

References

Agacci EH. Idea of a society based on knowledge. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2012, no. 10, pp. 3–19. (In Russ.).

Gegel' G. *Raboty raznyh let: v 2 t*. [Works of different years: in 2 volumes]. Moscow: Mysl' Publ., 1973, vol. 2, 420 p.

Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1989, vol. 2, 868 p.

Zinov'ev A.A. *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a reality]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 1994, 500 p.

Interv'yu s dekanom filosofskogo fakul'teta MGU Mironovym V.V. [Interview with the Dean of the Faculty of Philosophy of the Moscow State University Mironov V.V.]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2014, no. 1, pp. 3–19. (In Russ.).

Konstituciya Rossijskoj Federacii. Oficial'noe izdanie [The Constitution of the Russian Federation. Official publication]. Moscow: YUrid. lit. Publ., 2009, 64 p. (In Russ.).

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t.* [Complete Collection of Works: in 55 volumes]. *In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS.* [Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1969, vol. 41, pp. 298–318.

Mitin M.B. *Lichnost' v XX v.: analiz burzhuaznyh teorij*

ред. Митин М.Б. М.: Мысль, 1979. 260 с.

Мареева Е.В., Мареев С.Н., Гнилозуб Н.С. От Маркса к Гегелю и назад в будущее (обзор международной конференции) // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 209–218.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года, часть «Коммунизм» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 604 с.

Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 640 с.

Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 417 с.

Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. 336 с.

Поснов М.Э. Первая христианская община и коммунизм // Христианское чтение. 1909. № 5. С. 737–751.

Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского университета. Сер. Философия. 1995. № 2. С. 19–36.

Рокмор Т. Пикетти, марксистская политическая экономия и закон тенденции нормы прибыли к понижению // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 29–37.

Самарская Е.А. Маркс, Гегель и коммунизм // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 70–81.

Черткова Е.А. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / под ред. М.В. Розова. М.: Наука, 1996. С. 160–180.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.

Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

[Personality in the 20th century: analysis of bourgeois theories]. Moscow: Mysl' Publ., 1979, 260 p.

Mareeva E.V., Mareev S.N., Gnilozub N.S. From Marx to Hegel and back to the future (review of the international conference). *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2016, no. 10, p. 209–218. (In Russ.).

Marks K. EHkonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda, chast' "Kommunizm" [Economic-philosophical manuscripts of 1844, part "Communism"]. *K. Marks i F. EHngel's. Sochineniya* [K. Marks i F. Engels. Writings]. Moscow: Politizdat Publ., 1974, vol. 42, 604 p.

Novaya filosofskaya ehnciklopediya [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 640 p.

Mor T. *Utopiya* [Utopia]. *Moscow:* Nauka Publ., 1978, 417 p.

Plekhanov G.V. *K voprosu o razvitii monisticheskogo vzglyada na istoriyu* [On the development of a monistic view of history]. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoj literatury Publ., 1949, 336 p.

Posnov M.EH. *Pervaya hristianskaya obshchina i kommunizm* [First Christian Community and Communism]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading], 1909, no. 5, pp. 737–751. (In Russ.).

Rachkov P.A. A word about the social ideal, its concept and values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. Philosophy], 1995, no. 2, pp. 19–36. (In Russ.).

Rokmor T. Piketty, Marxist political economy and the law of the tendency of the rate of profit to fall. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2016, no. 6, pp. 29–37. (In Russ.).

Samarskaya E.A. Marx, Hegel and Communism. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 2004, no. 8, pp. 70–81. (In Russ.).

CHertkova E.A. *Specifika utopicheskogo soznaniya i problema ideala* [The specifics of utopian consciousness and the problem of the ideal]. *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, Utopia and Critical Reflection]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 160–180.

Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. EHnciklopediya, 1983, 840 p. (In Russ.).

Fuko M. *Germenevtika sub"ekta: Kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Franse 1981–1982 uchebnom godu* [Subject Hermeneutics: Course of lectures delivered at the Collège de France in the 1981–1982 school year]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, 677 p.

Сведения об авторах

Третьяков Иван Дмитриевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,

Information about the authors

Ivan D. Tretyakov,
Cand. Sci. (Philosophy), associate-professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: trid0109@list.ru

e-mail: trid0109@list.ru
Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: ashafor@yandex.ru

Критерии авторства

Третьяков И.Д. и Шафоростов А.И. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Alexander I. Shaforostov,
Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: ashafor@yandex.ru

Attribution criteria

Tretyakov I.D., Shaforostov A.I. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94:338.24.021.8
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-278-282

Сибирские историки-правдоискатели:
рецензия на книгу В.Г. Дацышена и В.В. Овчарова «Сережское восстание 1920 года. История в документах»*

© Го Сяоли

Хэбэйский педагогический университет, КНР

Аннотация: Представленная статья является рецензией на книгу В.Г. Дацышена и В.В. Овчарова «Сережское восстание 1920 года. История в документах». В ней дается краткая характеристика и оценка содержания, отмечена актуальность и научная новизна рецензируемого издания. Впервые введенные в научный оборот документы об осенних событиях 1920 г. в с. Сереж Ачинского уезда Енисейской губернии позволяют в полной мере реконструировать важный и показательный эпизод крестьянского протеста.

Ключевые слова: восстание, крестьяне, Восточная Сибирь, Енисейская губерния, военный коммунизм, стороннее наблюдение, взгляд из Китая

Благодарности: Данная рецензия является частью государственного проекта Го Сяоли (18BGJ055).

Информация о статье: Дата поступления 1 января 2019 г.; дата принятия к печати 28 января 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Го Сяоли. Сибирские историки-правдоискатели: рецензия на книгу В.Г. Дацышена и В.В. Овчарова «Сережское восстание 1920 года. История в документах». Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 278–282. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-278-282.

Siberian historians-truth-seekers:
book review by V.G. Datsyshen and V.V. Ovcharov “Serezhskoe Uprising of 1920. History in documents”*

© Goh Xiaoli

Hebei Pedagogical University, China

Abstract: The presented article is a review of the book by V.G. Datsyshen and V.V. Ovcharov “Serezhskoye Uprising of 1920. History in the documents”. It gives a brief description and assessment of the content, notes the relevance and scientific novelty of the publication under review. For the first time introduced into a scientific circulation documents about the autumn events of 1920 in village Sergezh of Achinsk Uyezd of the Yenisei Province allows for the full reconstruction of an important and significant episode of the peasant protest.

Keywords: uprising, peasants, Eastern Siberia, Yenisei province, military communism, third-party observation, a view from China

---

* Дацышен В.Г., Овчаров В.В. Сережское восстание 1920 г. История в документах. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 188 с.

* Datsyshen V.G., Ovcharov V.V. Serezhsky Uprising of 1920. History in the documents. Krasnoyarsk: Sib. feder. Univ., 2018. 188 p.

Acknowledgements: This review is part of the state project Guo Xiaoli (18BGJ055).

Article info: Received January 1, 2019; accepted for publication January 28, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Goh Xiaoli. Siberian historians-truth-seekers: book review by V.G. Datsyshen and V.V. Ovcharov “Serezhskoe Uprising of 1920. History in documents”. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 278–282. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-278-282.

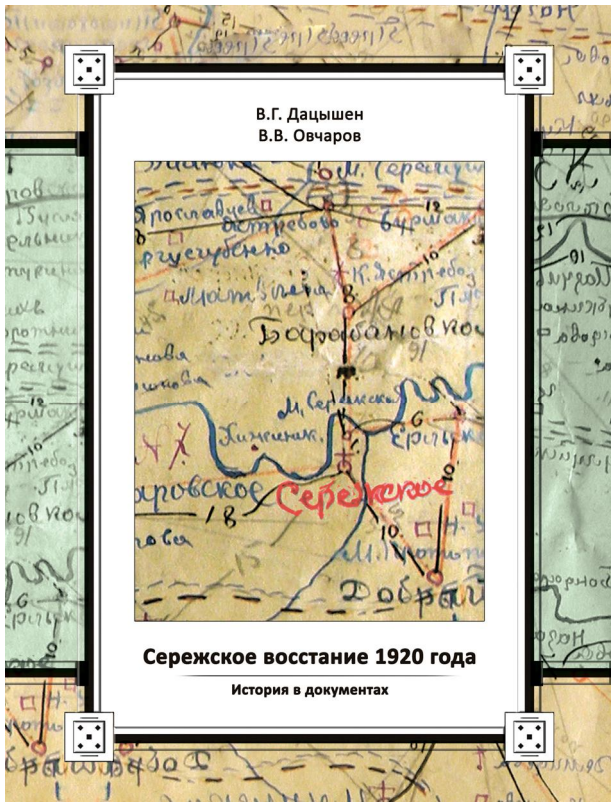
Монография «Сережское восстание 1920 года» известного в Китае российского профессора В.Г. Дацышена и его коллеги В.В. Овчарова вышла в свет в 2018 году. Книга, основанная на многочисленных архивных документах, не только знакомит широкий круг читателей с вышеуказанным историческим событием, но и отображает широкую панораму политической и социальной жизни Сибири в первые годы после Октябрьской революции.

В русском языке есть слово «правдоискатель», состоящее из двух корней. В китайском языке понятие «правдоискатель» выражается словосочетанием: «тот, кто ищет правду и истину». В русском языке для обозначения данного понятия есть целостное, неделимое слово. В этом смысле В.Г. Дацышен – истинный правдоискатель, так как все время ищет правду, восстанавливая историческую достоверность на основании архивных материалов. У него много единомышленников, среди которых и автор нескольких исторических работ В.В. Овчаров.

Обращение к выбранной теме актуально. Общеизвестно, что в силу идеологической пропаганды и «партийности» науки в советский период многочисленные антисоветские выступления в Сибири (в том числе и Сережское восстание) либо редко упоминались, либо освещались искаженно.

После распада СССР в российской историографии, особенно в работах исследователей Сибири, оценка и трактовка крестьянских восстаний меняется. Ученые Сибири и других регионов России все чаще обращаются к изучению этих исторических событий.

Но к настоящему моменту имеющиеся исследования либо недостаточно полно раскрывают тему, либо содержат ряд неточностей. В работе В.Г. Дацышена и В.В. Овчарова впервые последовательно и всесторонне рассмотрена история Сережского восстания. Авторы опираются на обширный

документальный материал, хранящийся в Государственном архиве Красноярского края, Архиве УФСБ России по Красноярскому краю, архивах городов Ачинска и Минусинска, в Ачинском краеведческом музее, Муниципальном бюджетном учреждении культуры и др.

Монография «Сережское восстание 1920 года» состоит из 5 глав. В первых четырех главах анализируются причины и ход восстания, его последствия.

Последняя глава монографии посвящена судьбам людей, которые принимали участие или были свидетелями данного трагического события. Мы видим, как бессильна личность, попавшая под колеса поезда истории. Личность, которая как капля воды в море течет туда, куда ее несет волна,

волна ее же и поглощает. Судьбу капли воды определяет волна и море, для них она ничтожна и беспомощна. Судьбы этих людей заставляют читателей задуматься над вопросами: почему люди так ненавидели друг друга? Почему произошло такое зверское братоубийство? Что надо делать, чтобы в будущем не было подобной трагедии?

На основании архивных материалов В.Г. Дацышен и В.В. Овчаров сформулировали три причины, спровоцировавшие данное восстание:

Во-первых, состояние экономики. С момента внедрения военного коммунизма и продразверстки крестьяне утратили энтузиазм и желание трудиться, поскольку весь собранный урожай у них все равно отбирали. По всей России свободная торговля продовольственными товарами была полностью запрещена, к уклонявшимся от продразверстки крестьянам было разрешено применять крайние меры.

Во-вторых, стихийные и искусственно созданные бедствия. Засуха в Центральных районах Советской России и прогноз плохого урожая побудили правительство к изданию постановления «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», ведь Сибирь считалась неисчерпаемым источником продовольствия для страны, хотя два года подряд была охвачена кровопролитной Гражданской войной. Кроме того, на деревню налагался еще и комплекс повинностей: поддержание в хорошем состоянии транспортной инфраструктуры, гужевая повинность, использование крестьянских лошадей и др. Новая мобилизация в Красную Армию, призыв и сбор бывших унтер-офицеров, убийство политрука Горского дезертирами, – все это спровоцировало вооруженный конфликт, в котором приняло участие более 150 восставших.

В-третьих, необходимость вести классовую борьбу. Почти во всех официальных документах восставших именовали «контрреволюционерами», «бандами», «эсерами», «кулаками», «белогвардейцами», не указывая настоящую причину восстания (экономическую). В одном из документов было написано, что в селе Сереже имеются контрреволюционные элементы, мешающие выполнению продразверстки. И следственная комиссия так охарактеризовала причину восстания: «Кулаки-богатеи начинают шептаться... Им жалко было дать кусок хлеба голодающему рабочему и красноармейцу. Их шепот разрастался, увлек за собой многих крестьян и особенно тех, кому дороги были шкурнические интересы»[1]. Усугубило ситуацию и непристойное поведение некоторых коммунистов.

Сложная экономическая ситуация в стране и жесткая политика привели к тому, что по всей территории Енисейской губернии сельское население различными способами, в том числе и с помощью оружия, боролось против произвола властей. Эта череда крестьянских восстаний заставила руководство Советского государства искать пути выхода из политики военного коммунизма и перехода к новой экономической политике, которая действительно потом вывела новую власть из опасной ситуации.

Следует отметить, что, когда историки-правдоискатели ищут истину событий в документах, они иногда могут ошибаться. Авторы монографии справедливо отметили, что до сих пор мы видим только рассекреченные официальные документы, на которых лежит печать идеологической и субъективной оценки, а о чем думали бунтовщики, никто не хотел прислушиваться к их мнению, и до сих пор мы не знаем всей истины. Кроме того, в официальных документах также отражаются разные версии, и какая из них является правдивой? Тут необходим объективный анализ, и авторам монографии, по нашему мнению, удалось его сделать, хотя это было и нелегко.

Изучая русскую культуру и историю, будучи сторонним наблюдателем (хотя со стороны не всегда бывает виднее…), отмечаем необычные явления. Так, в истории России часто видим резкий поворот от одной идеологической оценки к другой. Например, до развала царской империи Николай II был «гуманным отцом-царем», а после Октябрьской революции стал «жестоким самодержцем», а

[1]Дацышен В.Г., Овчаров В.В. Сережское восстание 1920 г. История в документах. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 75. / Datsyshen V.G., Ovcharov V.V. Serezhsky Uprising of 1920. History in the documents. Krasnoyarsk: Sib. feder. Univ., 2018. 188 p.

сегодня – это «святой мученик». До распада СССР страна чуть ли не была «спасителем всего мира», а после – бывший Советский Союз чуть ли не стал «адом для своего народа» и все его бывшие вожди не просто были лишены статуса «богов», а просто-напросто превратились в демонов и бесов. В свою очередь, бывшие враги советского строя и диссиденты практически стали единственно добрыми и правильными. Достаточно назвать несколько имен: А. Солженицын, М. Булгаков, И. Бродский, А. Платонов, Е. Замятин…

Китайская пословица гласит: «Тот, кто победит, станет царем; тот, кто потерпит поражение, станет жуликом». Поэтому китайские ученые не спешат оценивать недавнюю историю. Многовековая история Китая доказала правильность данной пословицы. Автор данной статьи считает, что любая власть может поступать очень жестоко при случае, когда ей грозит смертельная опасность. Политик – не писатель. Если Ф. Достоевский всегда мучительно размышлял над вопросом: имеет ли человек право жертвовать жизнью других для достижения великой благородной цели, то политик, как правило, об этом не думает, он готов ради «светлого будущего» превратить человека в «винтик огромной машины». Поэтому иногда оценивать политические мотивы с позиции этики или научной цели не так уж и уместно. А если все-таки их оценивать, то можно стать и на противоположную точку зрения. Например, почему во время Гражданской войны новая власть использовала политику военного коммунизма и продразверстку? Потому что ей, как новой и неустоявшейся власти, грозила смертельная опасность, так как по причине экономического кризиса обострилась политическая борьба. Власть была вынуждена выбирать между смертью и жизнью, приняв такие крайние (кстати, свойственные русскому менталитету) нелицеприятные, хотя и временные меры: централизацию управления экономикой, национализацию промышленности, государственную монополию на продукты сельского хозяйства, продразвёрстку, запрет частной торговли, свёртывание товарно-денежных отношений, уравнивание в распределении материальных благ, милитаризацию труда. Такая политика не только основывалась на коммунистической идеологии, но она была или казалась?) в то время единственным выходом из безвыходного положения. Поэтому исполнительные власти со всей жестокостью принялись претворять ее в жизнь, что также свойственно русскому менталитету, хотя, как утверждал один из тех руководителей, кто осуществлял эту политику, «бунт мог бы быть предотвращен»[2], если бы эти меры осуществлялись более гуманно. Очевидно, советская власть осознала сложность ситуации в стране, когда народ стал сопротивляться новому режиму. Поэтому этот этап борьбы был назван «Гражданская война», а не просто «война против белых банд». Чтобы выйти из этой ужасной войны, нужно было смягчить социальное напряжение в стране. Жестокий опыт был учтен руководством молодой советской республики и послужил одним из поводов внедрения НЭПа.

В заключение хотелось бы добавить, что перемена власти всегда сопровождается жестокой борьбой. В Китае широко известно такое утверждение: лучше по ошибке уничтожить тысячу невинных людей, чем пропустить одного подозреваемого. Поэтому правдивая оценка трагических событий должна основываться на установлении исторических фактов. Неслучайно, монография имеет подзаголовок «история в документах». Уважаемые историки Владимир Григорьевич Дацышен и Валентин Владимирович Овчаров в своей работе не просто попытались восстановить объективную картину событий, но и ввели в научный оборот много новых документов, позволяющих читателям сделать собственные оценки событий тех лет и должные выводы.

[2]Дацышен В.Г., Овчаров В.В. Сережское восстание 1920 г. История в документах. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 117. / Datsyshen V.G., Ovcharov V.V. Serezhsky Uprising of 1920. History in the documents. Krasnoyarsk: Sib. feder. Univ., 2018. 188 p.

Сведения об авторе

Го Сяоли,
доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков,
Хэбэйский педагогический университет,
Китайская народная республика,
e-mail: gxl3699@163.com

Критерии авторства

Го Сяоли провела научное рецензирование, обобщила полученные оценки и подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Goh Xiaoli,
Dr. Sci. (Philology), Professor of the College of Foreign Sdudies,
Hebei Pedagogical University,
China,
e-mail: gxl3699@163.com

Attribution criteria

Goh Xiaoli had got a scientific review, summarized the evaluations and wrote the manuscript, has copyrights for the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(571.53)
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-283-285

Золотой запас адмирала:
рецензия на книгу «Из истории золотого запаса адмирала Колчака»*

© Н.Ф. Васильева, А.А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация: Судьба золотого запаса Российской империи, вывезенного из Омска А.В. Колчаком, вот уже без малого 100 лет привлекает внимание историков и краеведов. Подтверждением тому служит и новая книга, составленная из документов Государственного архива Иркутской области и изданная в 2018 г. в Иркутске. Достоинство сборника – в подборе ранее не публиковавшегося архивного материала, из анализа которого следует, что золотой запас активно использовался адмиралом для приобретения иностранного оружия и лишь незначительная часть (13 ящиков) была потеряна на ст. Тыреть. Основное же количество золота поступило в Иркутск, было передано властям, пересчитано, размещено в новые вагоны, отправлено обратно в Казань, а после благополучно доставлено в Москву.

Ключевые слова: Колчак, золотой запас, документы, возвращение золота в Москву

Информация о статье: Дата поступления 18 января 2019 г.; дата принятия к печати 11 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Васильева Н.Ф., Иванов А.А. Золотой запас адмирала: рецензия на книгу «Из истории золотого запаса адмирала Колчака» (сборник документов из фондов Государственного архива Иркутской области) / рук. проекта Е.В. Ильина. Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 283–285. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-283-285**.**

Gold reserves of the Admiral:
review on the book “From the history of the gold reserves of Admiral Kolchak”*

© Natalya F. Vasilyeva, Alexander A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: The fate of the gold reserves of the Russian Empire which are taken out from Omsk by A.V. Kolchak draws already almost 100 years attention of historians and local historians. As confirmation to that serves also the new book made of documents of the State Archive of the Irkutsk Region and published in 2018 in Irkutsk. Collection advantage – in selection of earlier not published archive material which of analysis follows that the gold reserves were actively used by the Admiral for acquisition of foreign weapon and only an insignificant part (13 boxes) was lost on the station Tyret. The main amount of gold came to Irkutsk, was transferred to the authorities, counted, placed in new cars, sent back to Kazan, and after is safely brought to Moscow.

Keywords: Kolchak, gold reserves, documents, return of gold to Moscow

---

* Из истории золотого запаса адмирала Колчака: Сборник документов из фондов Государственного архива Иркутской области / отв. за выпуск Е. В. Ильина. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 156 с.

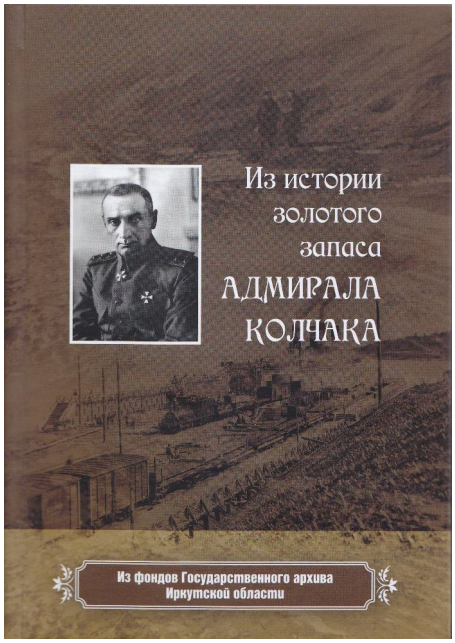
* From the history of the gold reserves of Admiral Kolchak” (collection of documents from the funds of the State Archive of the Irkutsk Region) / Leader of project E.V. Ilyina. Irkutsk: Ottisk Publ., 2017. 156 p.

Article info: Received January 18, 2019; accepted for publication February 11, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Vasilyeva N.F., Ivanov A.A. Gold reserves of the Admiral: Review on the book "From the history of the gold reserves of Admiral Kolchak" (collection of documents from the funds of the State Archive of the Irkutsk Region) / Leader of project E.V. Ilyina. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 283–285. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-283-285.

В современной исторической литературе вокруг имени А.В. Колчака не утихают споры. Кем же был на самом деле Верховный правитель России – «палачом-вешателем», «английским и японским шпионом», «освободителем страны от большевизма», «выдающимся географом и ученым»?

В этой колчаковской теме есть свои составляющие. Одна из них – адмирал и золото – сегодня особенно популярна и подвержена как здоровому интересу, так и всякого рода спекуляциям, связанным с поисками золотого запаса, вывезенного Верховным из Омска, в самых неожиданных местах – в Туруханской тайге, на дне Байкала, в туннелях Кругобайкальской дороги, в Харбине и прочее. Новая книга документов из фондов ГАИО как раз и призвана развеять многочисленные мифы вокруг этого предмета.

Следует подчеркнуть, что настоящая книга составлена работниками Государственного архива Иркутской области из документов периода января – мая 1920 г., ранее не введенных в научный оборот. Достоинство сборника в подборе материала, который свидетельствует о том, что основная часть вывезенного золотого запаса была доставлена в Иркутск, прошла проверку и была отправлена обратно в Казань, а далее в Москву.

Под № 61, 62, 63, 64 представлены главные доказательства этого суждения: акты разных комиссий с подробным описанием использованных вагонов, ящиков и мешков, в которые был помещен золотой запас. В документах указано и общее количество мешков с золотом: 1678 шт. и количество ящиков – 5143 шт. Авторы скрупулезно подобрали документы и материалы, характеризующие стоимость запаса: 645 410 096 руб. 79 коп., что составляло 32 563 пуда золота. В марте – сентябре 1919 г. золото на сумму 190 899 652 руб. 50 коп. (9 244 пуда) по приказу адмирала было продано или депонировано по разным операциям в качестве гарантии Франции, Англии, Японии на приобретение оружия из Америки. В октябре 1919 г. это золото было отправлено во Владивосток, однако 2 000 пудов были задержаны в Чите атаманом Семеновым.

Часть документов ГАИО содержит материалы об обстоятельствах возвращения золота в Москву (№ 83, 84). Вес и сумма отправленного новой властью золотого запаса в Казань и Москву в марте 1920 г. составила 19 000 пудов в монетах и слитках на сумму 409 626 103 р. 23 к. Поезд с золотом был доставлен в Казань 3 мая 1920 г., а 4 июня в полной сохранности прибыл в Москву.

Не менее информативны и протоколы опросов солдат конвойной команды, сопровождавшей вагон с золотом из Омска через Нижнеудинск до Иркутска, докладные записки о пропаже 13 ящиков со слитками на станции Тыреть, приказы по особому отряду охраны государственных ценностей, акты о перегрузке золота в вагоны американского типа. Здесь же публикуются обращения различных

органов новой власти, воспоминания участников событий 1919–1920 гг. об аресте и сопровождении в тюремный замок Колчака и Пепеляева. Помимо интересных документов, книга проиллюстрирована редкими фотографиями и будет полезна всем интересующимся историей Сибири и России начала XX в.

Сведения об авторах

Васильева Наталья Федоровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vasil.nf@mail.ru

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Критерии авторства

Иванов А.А., Васильева Н.Ф. провели научное рецензирование, обобщили результаты и подготовили рукопись к печати, имеют на нее авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Natalya F. Vasilyeva,
Cand. Sci (History), associate professor of political science, history and regional studies,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vasil.nf@mail.ru

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), professor of department of political science, history and regional studies,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: ottisk@irmail.ru

Attribution criteria

Ivanov A.A., Vasilyeva N.F. carried out scientific reviewing, generalized results and prepared the manuscript for printing, have on it copyright and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

Authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-286-291

Забайкальский медиевист: 70 лет Евгению Викторовичу Ковычеву

© А.Ю. Литвинцев

Нерчинский краеведческий музей, г. Нерчинск, Забайкальский край, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена 70-летнему юбилею известного забайкальского историка и археолога Евгения Викторовича Ковычева. Приводится краткая информация о его биографии, основных направлениях научной деятельности. Е.В. Ковычев внёс значительный вклад в изучение средневековых археологических памятников Восточного Забайкалья, организовал работу Верхнеамурской археологической экспедиции, обосновал выделение дарасунской, дуройской и зоргольской археологических культур, занимался изучением фортификационных сооружений киданьского государства Ляо, русского поселения Засопошное и Иргенского острога. Евгений Викторович проводил раскопки многочисленных памятников бурхотуйской культуры и синхронных ей городищ в бассейне р. Шилка, которые связал с племенами шивэй, могильников, усадьб и городищ монгольского времени. Результаты его многолетних исследований представлены в более чем 100 научных работах, опубликованных в российских и зарубежных изданиях.

Ключевые слова: Забайкалье, археология, средневековье, научная деятельность Читинского государственного педагогического института, Верхнеамурская археологическая экспедиция, дарасунская археологическая культура, дуройская археологическая культура, зоргольская археологическая культура

Информация о статье: Дата поступления 29 января 2019 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Литвинцев А.Ю. Забайкальский медиевист (70 лет Евгению Викторовичу Ковычеву). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 286–291. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-286-291.

Transbaikal medievist: 70 years to Evgeny Viktorovich Kovychev

© Aleksander Yu. Litvintsev

Nerchinsky Museum of Local History, Nerchinsk, Trans-Baikal Region, Russian Federation

Abstract: The article is dedicated to the 70th anniversary of the famous Transbaikalian historian and archaeologist Yevgeny Viktorovich Kovychev. A brief information about his biograph and the main directions of scientific activity are given. E.V. Kovychev made a significant contribution to the study of medieval archaeological sites of Eastern Transbaikalia, organized the work of the Upper Amur archaeological expedition, justified the identification of Darasun, Duroi and Zorgolsky archaeological cultures, studied the fortifications of the Khitan state of Liao, the Russian settlement Zasoposhnoe and fortress Irgensky. Yevgeny Viktorovich conducted excavations of numerous burial sites, estates and fortifications of the Mongolian time as well as sites of Burkhotui culture and ancient settlements in the basin of the River Shilka, which he connected with the Shivei tribes. The results of his many years of research are presented in more than 100 scientific papers published in Russian and foreign publications.

Keywords: Transbaikalia, archeology, medieval, scientific activity, Chita State Pedagogical Institute, Verkhneamurskaya archeological expedition, Darasunskaya archeological culture, Duroi archeological culture, Zorgolsky archeological culture

Article info: Received January 29, 2019; accepted for publication February 25, 2019; available online March 28, 2019.

For citation: Litvintsev A.Yu. Transbaikal medievist (70 years to Evgeny Viktorovich Kovychev). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory,* 2019, vol. 15, no. 1, pp. 286–291. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-286-291.

15 января исполнилось 70 лет со дня рождения Евгения Викторовича Ковычева, археолога, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и заведующего Лабораторией археологии и этнографии Забайкальского государственного университета, руководителя Верхнеамурской археологической экспедиции.

Он родился в 1949 году на станции Оловянная Читинской области. Рано потеряв мать, воспитывался в семье тёти. Год 1964-й стал судьбоносным для юного Жени, поистине определившим его дальнейшую профессию. В это время при оловяннинской школе существовал клуб краеведов, руководил которым учитель истории Р.Н. Ступников. Посещавшие его ребята получали не только «сухие» теоретические знания в дополнение к школьным урокам, но и участвовали в полноценных археологических экспедициях, выезжая в летнее время на богатые древностями берега реки Онон. Результаты этих исследований публиковались не только в школьных стенгазетах, но и в солидных сборниках. Увлекла эта полевая научная романтика и нашего, в ту пору пятнадцатилетнего героя. Евгений Викторович до сих пор с теплом вспоминает и о своём первом учителе, и о первых экспедиционных опытах.

По окончании школы в 1966 г. Е.В. Ковычев в течение года работал фрезеровщиком на Забайкальском заводе подъемно-транспортного оборудования, а затем поступил на историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского (рис. 1). Здесь, уже под руководством Игоря Ивановича Кириллова, он продолжил серьёзно заниматься археологией, специализируясь на изучении памятников эпохи средневековья. Неудивительно, что после окончания института, работая в 1971–1972 гг. учителем истории и обществоведения средней школы с. Ононск Оловяннинского района, он параллельно стал соруководителем Читинской археологической экспедиции.

После службы в армии Евгений Викторович стал преподавателем родного вуза и по сию пору читает студентам лекции по различным предме-

Рис. 1. Студент Евгений Ковычев. Санный мыс. 1968 г.
Fig. 1. Student Yevgeny Kovychev. Sannyi Mys. 1968

там, главный для него из которых – история средних веков. Вместе с И.И. Кирилловым, А.П. Окладниковым, И.В. Асеевым, а в дальнейшем и самостоятельно Е.В. Ковычев проводит изучение средневековых памятников Забайкалья (рис. 2; 3). В 1977 году под руководством А.П. Деревянко он окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск) по теме «Восточное Забайкалье в I тысячелетии новой эры (по материалам могильников)». Изданное на её основе в 1984 году в Иркутске учебное пособие «История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.)», почти сразу же ставшее библиографической редкостью, до сих пор не потеряло свою научную ценность.

В 1982 году совместно с И.И. Кирилловым, Е.В. Ковычев организовал Верхнеамурскую археологическую экспедицию (ВАЭ), в сферу деятельно-

Рис. 2. С И.В. Асеевым. 1973 г.
Fig. 2. With I.V. Aseev. 1973

Рис. 3. На раскопе. 1970-е гг.
Fig. 3. At the excavation site. 1970s

сти которой вошли восточные и юго-восточные районы Читинской области (Забайкальского края). За эти годы участниками экспедиции, в состав которой входят не только студенты-историки, но и школьники из разных муниципальных районов региона, были исследованы сотни памятников в историческом диапазоне от палеолита до позднего средневековья (рис. 4, 5).

К числу наиболее важных открытий ВАЭ, в которых довелось принять участие Евгению Викторовичу, можно отнести выделение раннесредневековых – дарасунской, дуройской и зоргольской ар-

Рис. 4. Отдых после работы. Ишахан. 1983 г.
Fig. 4. Rest after work. Ishahan. 1983

Рис. 5. Мастер-класс от наставника. Кангил. 1996 г.
Fig. 5. Master class from a mentor. Kangil. 1996

хеологических культур, изучение ранее малоизвестных фортификационных сооружений киданьского государства Ляо, обнаружение местонахождений русского поселения Засопошное и Иргенского острога. Е.В. Ковычев, вслед за академиком А.П. Окладниковым, внёс большой вклад в дальнейшее изучение и введение в научный оборот многочисленных памятников бурхотуйской культуры и одновременных ей городищ в бассейне р. Шилка (рис. 6), которые связал с племенами шивэй.

В последние годы Евгений Викторович работает в Забайкалье совместно с Н.Н. Крадиным, А.В. Харинским и С.В. Саранцевой, изучая монгольские памятники в Борзинском и Краснокаменском районах (Хирхиринское городище, усадьба Алестуй, Кондуйский городок, могильник Окошки и др.), а также принимает участие в археологических исследованиях на территории Монгольской народной республики.

Он – автор более 100 научных публикаций на русском и иностранных языках, в том числе: 5 монографий, 3 учебных пособия; автор статей многотомного проекта «Энциклопедия Забайкалья».

Много сделал Евгений Викторович и для нашего Нерчинского краеведческого музея. В 1980-е был автором раздела «Археология» зала дорево-

Рис. 6. Разъяснение методики. Проезжая. 2007 г.
Fig. 6. Clarification of the methodology. Proeszhaya. 2007

люционной истории, консультантом при создании большой выставки по археологии, действовавшей в музее в 2000-е гг., и планирующейся сейчас основной экспозиции по древнейшей истории. На территории Нерчинского района им открыто несколько десятков археологических памятников, из которых подробно исследованы разновременные стоянки и могильники близ с. Левые Кумаки, в падях Кангил и Первый Буерак. При его непосредственном участии значительно пополнилась археологическая коллекция нашего музея.

Несмотря на присущую ему строгость (в поле весь экспедиционный быт был на нём!), коллеги, повзрослевшие ученики и нынешние студенты порой называют Евгения Викторовича «последним романтиком экспедиции». Причина тому – увлечение с юношеских лет написанием стихотворений, многие из которых высоко оценены солидными литературными критиками. Тематика поэтического творчества Е.В. Ковычева разнообразна – это и юношеская любовная лирика, в чём-то созвучная мотивам Есенина, и целые поэмы, в том числе посвящения своим учителям и коллегам, и произведения с историческими сюжетами, и шуточные шаржи-зарисовки экспедиционных будней. Часть стихотворений студентами была положена на музыку, и эти песни теперь можно услышать не только у экспедиционных ночных костров в Забайкалье, но и в других регионах Сибири и Дальнего Востока.

Евгений Викторович – отличный семьянин, воспитавший сына и двух дочерей, а теперь уже радующийся подрастающим внукам. Он гостеприимен, отзывчив на помощь, добрый советчик и наставник.

Мы, благодарные ученики, участники Верхнеамурской археологической экспедиции, а также сотрудники Нерчинского краеведческого музея, поздравляем Е.В. Ковычева с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, удачных полевых сезонов и новых открытий на благо забайкальской археологии!

Сведения об авторе

Литвинцев Александр Юрьевич,
заместитель директора Нерчинского краеведческого музея по научно-методической работе,
Нерчинский краеведческий музей,
г. Нерчинск, Забайкальский край, Российская Федерация,
e-mail: nerchinec1976@yandex.ru

Критерии авторства

Литвинцев А.Ю. подготовил рукопись к печати и несёт полную ответственность за её оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksander Yu. Litvintsev,
Deputy Director of the Nerchinsky Museum of Local History,
Nerchinsky Museum of Local History,
Nerchinsk, Trans-Baikal Region, Russian Federation,
e-mail: nerchinec1976@yandex.ru

Attribution criteria

Litvintsev A.Yu. prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Journal of Ancient Technology Laboratory" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.

2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;

2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.

2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.

2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (30) 2019

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 28.03.19. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 37,5.
Тираж 500 экз. Заказ 107. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83